

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ВОПРОСЫ
ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРХЕОЛОГИИ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1978

В сборник включены статьи, посвященные археологии и истории Восточной Европы в раннем железном веке и средневековье. В научный оборот вводятся материалы, полученные археологами в раскопках последних лет. Рассматриваются вопросы этнической истории населения степных, лесостепных и северных районов Восточной Европы, Поволжья.

Круг вопросов, затронутых в сборнике, широкий территориальный и хронологический диапазон памятников, несомненно, представляют научный интерес.

Ответственные редакторы

В. И. КОЗЕНКОВА, Ю. А. КРАСНОВ

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

В $\frac{10602-372}{042(02)-78}$ — 121 — 79

© Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит работы, отражающие широкий круг проблем древней и средневековой археологии Восточной Европы.

Читатель найдет в сборнике статьи, содержащие важные исторические обобщения, сделанные на основе анализа археологического материала или синтеза данных археологии и письменных источников. Значительное место среди них занимают отдельные аспекты этнической истории древних племен и народов Восточной Европы — скифов, сарматов, алан, гуннов, носителей зарубинецкой и Черняховской культур, финно-угорских племен Поволжья, Прикамья, европейского Севера, волжских болгар и др.

Часть статей представляет собой публикации материалов отдельных памятников, имеющих большое значение для воссоздания истории той или иной территории в определенный хронологический период. Ценность таких работ в том, что они вводят в научный оборот новый, не известный ранее археологический материал, происходящий как из раскопок последних лет, так и из более ранних раскопок, по тем или иным причинам оставшихся вне поля зрения широкого круга исследователей.

Значительное место в сборнике занимают статьи, в которых дается тщательный источниковедческий анализ различных категорий археологического материала и отдельных уникальных находок. Эти работы важны прежде всего в плане уточнения хронологии и периодизации археологических памятников, а также для разрешения ряда еще неясных вопросов этногенеза, культурных и торговых связей, хозяйства, быта, идеологических представлений древних племен и народов Восточной Европы.

Отдельные статьи сборника содержат и дискуссионные положения. Широкое освещение в печати различных точек зрения, несомненно, будет способствовать успешному разрешению спорных вопросов древней и средневековой истории Восточной Европы.

Тематика сборника определяется широтой научного кругозора и научных интересов выдающегося советского археолога и историка Алек-

сея Петровича Смирнова. Авторы сборника — товарищи А. П. Смирнова по совместной научной работе и его ученики—этой книгой выражают глубокую признательность А. П.Смирнову, живо интересовавшемуся археологией Волжской Болгарии и античного мира, древностями лесной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа, скифо-сарматской археологией и историей племен полей погребений юго-запада нашей страны. Он внес большой вклад в разработку как этих, так и ряда других разделов советской археологической науки.

Редакционная коллегия

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕРТЫ ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ДОРИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. Д. Блаватский

Доряне, известные примерно с XIV в. до н. э., были воинственными пастухами и земледельцами. Около этого времени дорийское общество в результате процесса внутреннего развития приобрело черты военной демократии, с чем были связаны неоднократные переселения¹ и походы дорийских дружин². Происходившие при этом частые военные столкновения постепенно превращали общинников в умелых воинов, сделавших войну доходным промыслом. Усилению этого процесса способствовали завоевания в Пелопоннесе, куда они вторглись около 1200—1190 гг. до н. э.³

Доряне очень долго не могли обосноваться в Лакедемонe. Это могло быть вызвано сопротивлением ахеян, наличием двух столкнувшихся волн завоевателей, переселением части дорян из Лакедемона⁴, длительными восстаниями⁵. Завоеватели поначалу, видимо, жили в передвигающихся лагерях⁶, а в последние десятилетия XI в. до н. э. обосновались в Спарте⁷, которая и в V в. до н. э. состояла из отдельных деревень⁸.

Племенной союз дорян находился на уровне развития военной демократии и был гораздо менее прочным объединением, чем ранний полис. Об этом свидетельствует уход части дорян из Лакедемона задолго до его полного завоевания спартанцами.

Общинные институты дорян во многом сохранялись в ходе формирования Спартанского государства, видимо, сложившегося не позднее последнего десятилетия IX в. до н. э.⁹, с возникновением государства связана

¹ Herod., I, 56; VIII, 31, 43 et 56; Tyrta., fr. 2.

² Dom., II, II, 600—658; XI, 688—691; Thuc., I, 9, 12 et 12, 26.

³ Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean age. Princeton, New Jersey, 1966, p. 219.

⁴ В это время часть дорян ушла из Лакедемона в Мелос (Thuc. V, 84 et 112), Феру (Herod., IV, 147, 148; Paus., III, 15, 4, et VIII, 2, 1—2) и Книд (Herod., I, 174; Diod., V, 61).

⁵ Thuc., I, 18, 1. Менее ясно об этом: Herod., I, 65.

⁶ Возможно, к этому или более раннему времени относится свидетельство об установлении Эгма, которых в древности держались спартанцы (Pind. JPyth., I, 62—65).

⁷ Древнейшие святилища Спарты возникли ранее X в. до н. э. (Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972, p. 273).

⁸ Thuc., I, 10, 2.

* Такую дату дает Фукидид (Thuc., I, 18, 1). К. М. Т. Чраймс отнес это событие к 809 г. до н. э. (Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. Manchester, 1952, p. 346—347). Ранняя дата, отвергаемая многими геоперкритиками, недавно была поддержана Н. Г. Л. Хаммондом (Hammond N. G. L. Studies in Greek History. Oxford, 1973,

ρητά, или законы Ликурга¹⁰. Исследователи, слишком критически относящиеся к источникам¹¹, иногда пытаются датировать законы Ликурга более поздним временем, даже серединой VI в. до н. э., ссылаясь на тенденциозность исторической литературы IV—III вв. н. э. Но Геродот и Фукидид писали много раньше, а генеалогии спартанских династий обеспечивали своего рода хронологию счетом времени по поколениям.

Плутарх¹² сохранил текст ретры, проливающий свет на политический строй Спарты конца IX в. до н. э.: «Διὸς Σελλανίου καὶ Ἀθανᾶς Σελλανίας ἱερὸν ἰδρυσάμενο(ν), φυλάς, φυλάζαντα καὶ ὥρας ὄβαεαντριάκοντα γερούσιαν τὸν ἀρχαγέταις καταστήσαντα, ὥρα(ν) ἐξ ὥρα(ν) ἀπελλάζειν μεταζί) Βαβυκαν τε καὶ Κνακίωνος οὔτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι |δι|αμῶδδν <κυ>ρίαν ἡμεν [καὶ κράτος]» «Устроить святилище Зевса Селлания и Афины Селлании, филам и обам быть (по-прежнему) учредить тридцать геронтов вместе с архагетами, время от времени собирать апеллу между Бабиной (мостом)? и (рекой?) Кнакионом; предлагать и расходиться.

Народу принадлежит владычество (и сила)»¹³.

Текст ретры напоминает постановление «совета и народа» греческих полисов более поздних времен: сначала излагаются дела, связанные с культом, потом вопросы политики.

Термин ἀρχαγέτας-ἀρχηγέτης в основном означает «зачинщик, предводитель (переселенцев), основатель, главный вождь», употребляется и в смысле «царь». Слово ἀρχαγέτας сопоставимо с ἀγέτας — названием жреца на празднике Καρνεῖα¹⁴. Оба наименования «агет» и «архагет» (т. е. «главный агет») восходят к временам военной демократии. Архагетом называли вождя, руководившего движением объединенных дружин или переселением союзов племен; в случаях столкновений с врагами он был военачальником.

Узаконенные ретрою институты раннего государства Спарты — совет старейшин, вожди и народное собрание, обладавшие верховной властью — нужно думать, были у всех дорийских племен еще до вторжения в Дориду. Это означает, что законы Ликурга были не нововведением, а кодификацией тех общественных норм, которые существовали у дорян до похода на Пелопоннес.

В раннем полисе Спарты большое внимание уделялось борьбе против роскоши: установлены очень скромные одежда, пища и жилье¹⁵ для

р. 85, 88). В истории Геродота (*Herod.*, I, 65) получила отражение датировка этого события примерно 880 г. до н. э. (*Chrim.es K. M. T. Ancient Sparta*, p. 329).

^D *Plut., Lycurg.*, 6. Литературу о дате ретры см.: *Bengston H. Griechische Geschichte*. München, 1960, S. 100, 101.

^{II} Например: *Finly M. I. Sparta. — Problemes de la guerre en Grece ancienne*. Paris., 1968, p. 143 s., p. 154 s.

² По: *Chrim.es K. M. T. Ancient Sparta*, p. 488; *Plut., Lycurg.*, 6.

^B Подлинный текст ретры Ликурга прошел через посредство многих переписчиков и в него закрались некоторые описки и искажения, не меняющие, однако, основного смысла документа. Вопрос об эпитетах Зевса и Афины не рассматривается нами, как не имеющий отношения к поставленной задаче.

^{II} *Athen., Deipn.*, IV, 19 e, i. (141), по Деметрию Скепсийскому.

¹⁵ *Thuc.*, I 6, 4; *Xenoph.*, resp. *Laced.*, II, 5; IV, 7; V, 2—7; VI, 4; X, 1; *Arist. Polit.*, IV, 7, 5; *Plut., Lycurg.* 13.

спартиатов; введены общественное воспитание молодежи¹⁶ и сисситии¹⁷; всему государству придан характер военного лагеря¹⁸. Установление обязательных для всех дисциплины, норм поведения граждан и их быта показывают, что корни этих институтов уходят в примитивное общество.

Возникновение Спартанского полиса ранее конца IX в. до н. э., засвидетельствованное древними авторами, подтверждают и данные археологии. Видимо, в конце IX в. до н. э. в Спарте был построен храм Артемиды Орфии¹⁹. В отличие от раннегреческих святилищ типа мегарона внутри храма Орфии нет очага; вместо него перед храмом стоит большой алтарь. Храм Орфии явился эллинским святилищем нового типа²⁰, служившим для потребностей публичного культа, в котором могла участвовать вся гражданская община.

Ахейская военная демократия достигла значительной социально-экономической дифференциации. Дорийская военная демократия осталась на более ранней фазе развития. Во вновь возникшем полисе все спартиаты именуется равными «οἱ ὅμοιοι» и пользуются одинаковыми политическими и экономическими правами. Военный строй дорян — дорийская фаланга, вероятно, сложилась еще до завоеваний в Пелопоннесе²¹ и вполне отвечала равному социальному положению бойцов. Во главе этой общины с начала ее существования стояли вожди-военачальники, власть которых рано стала наследственной.

Установившийся спартанский полис в дальнейшем постепенно изменялся, что привело к утрате им прежних черт военной демократии.

Тиртей упомянул три спартанские филы: Παμφυλοὶ τε καὶ «Γλλεῖς ἠδ' ἔτι Δομᾶνες»²². Такие же названия фил обычны в дорийских полисах²¹. Эта особенность, видимо, связана с тем, что расселение дорян по южной части Балканского полуострова и островам Эгейского моря происходило в дополисное время, когда у дорян, вероятно, были некоторые институты, близкие применявшимся у древних италиков и галлов²⁴.

У италиков, в частности самнитов, писценов, гирпинян, существовал обычай, называвшийся священная весна — *Ver sacrum*²⁶. При больших бедствиях они посвящали богам всех детей и домашних животных, которые рождаются в течение года с ближайшей весны. Животных приносили в жертву, а девушки и юноши, по достижении совершеннолетия, должны

¹⁶ *Xenoph., resp., Laced., I, 4; II, 2 et 10—11; III, 1—5; IV, 3—6; Arist., Polit., IV, 5* (1924); VIII, 1, 3 (1337); *Plut., Lycurg., 14 et 16—18.*

¹⁷ *Xenoph., resp. Laced., V, 2-8; VI, 2; Arist., Polit., II, 6, 31* (1271); IV, 7, 5 (1924); *Plut., Lycurg., 10 et 12.*

¹⁸ *Xenoph., resp. Laced., VIII, 3—5; IX, 1—6; XI—XII, Arist., Polit., II, 2, 10* (1264) et II, 6, 22 (1271); *Plut., Lycurg., 24.*

¹⁹ *Dawkins R. M. The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. London, 1929, p. 12—14, 49.*

²⁰ *В. Д. Блаватский. О развития эллинского храма. — В кн.: Гаврил Кадаров. I. София, 1950, с. 71.*

²¹ *Блаватский В. Д. Дорийская фаланга и ее происхождение. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 228, 229.*

²² *Tyrt., fr. I, v. 51.*

²³ *Латышев В. В. Очерк греческих древностей, ч. 1. Вильна, 1880, с. 50.*

²⁴ *Justin., XXIV, 4, 1.*

²⁵ *Daremberg et Saglio. Dictionnaire des Antiquites, s. v. Devotio (A. Bouche-Leclercq), Fasc. XII, 1892, p. 115.*

были покинуть страну²⁶. Уходившая молодежь обычно вынуждена была завоевать новое место для поселения. По свидетельству Дионисия Галикарнасского²⁷, юноши уходили вооруженными (ὄπλοις κη'ήν/ν—ς).

Об институте *Ver sacrum* грамматик Фест²⁸ говорит следующее: «*Ver sacrum* vovendi mos fuit Italis. Magnis enim periculis adducti vovebant quaecumque proximo vere nata essent apud se animalia immolatueros. Sed cum crudele videretur pueros ac puellas innocentes interficere perductos in adultam aetatem velabant atque ita extra fines suos exigebant».

«Священная весна была италийским вотивным обычаем. Ибо принужденные большой опасностью, они посвящали все, что бы у них ни родилось ближайшей весной; животных приносили в жертву. Но так как они считали жестоким убивать неповинных мальчиков и девочек, то последних по достижении взрослых лет посвящали божеству (*velare*) и таким образом изгоняли из своих пределов».

Страбон²⁹ сообщил о посвящении сабинянами Арею (Марсу³⁰) всех мальчиков, родившихся в течение года; ставши юношами, они ушли и завоевали землю, вытеснив опиков. Говоря о подобном обычае посвящения, Страбон замечает, что он существует и у некоторых греков. Обязательные выселения подобного рода у дорян в раннее время, видимо, были причиной существования одноименных фил в различных дорийских полисах.

Таким образом, дорийская военная демократия сложилась, вероятно, не позднее конца XVI в. до н. э. и существовала около половины тысячелетия. Спарта в первые века существования во многом сохраняла черты военной демократии.

²⁸ Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der Griechischeu und Romischen Mythologie. Leipzig, 1894—1897, s. v. Mars, S. 2411.

²⁷ Dionys. Halicarn., ant. Rom., I, 16, 1—2. Ниргилий также упоминает о «*Sacrae acies*» (*Virg. Aen.*, VII, 796).

²⁸ Fests., de verb., sign., XIX, 379, s. v. *Ver sacrum*.

²⁹ Strab., V, 4, 12 (250).

³⁰ Патроном италиков, покидавших родину, согласно институту *Ver sacrum*, был Марс — бог весны и переселений. Аналогичный аспект был в культе Аполлона Архегета (*Roscher W. H. Ausführliches Lexikon. . .*, S. 440). Эллины в случаях обязательного выселения всех уходящих посвящали Аполлону (например: *Strab.*, VI, 1, 6 (257)).

ЗОЛОТАЯ БЛЯШКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОРЛИНОГОЛОВЫХ ГРИФОНОВ ИЗ КУРГАНА „ОРЕЛ“

Н. А. Онайко

При исследовании Н. И. Веселовским ограбленного кургана «Орел» в районе Большой Белозерки было найдено несколько бляшек и пуговиц¹. Бляшки представлены фигурными изображениями летящего орла (четыре), пальметки (одна), круглых розеток (три) и треугольничка с псевдозернью. Здесь же была найдена круглая бляшка. До сих пор

¹ ОАК за 1909—1910 гг., с. 136, рис. 204, 206, 207.

считалось, что на ней изображена «львиная морда» или «широко раскрытая пасть льва»². Однако на самом деле бляшка украшена геральдическим изображением стоящих орлиноголовых грифонов (рис. 1) — сюжетом, популярным в боспорской торевтике.

Наиболее ранние изображения двух симметрично противопоставленных животных в северопричерноморской торевтике имеются на различных

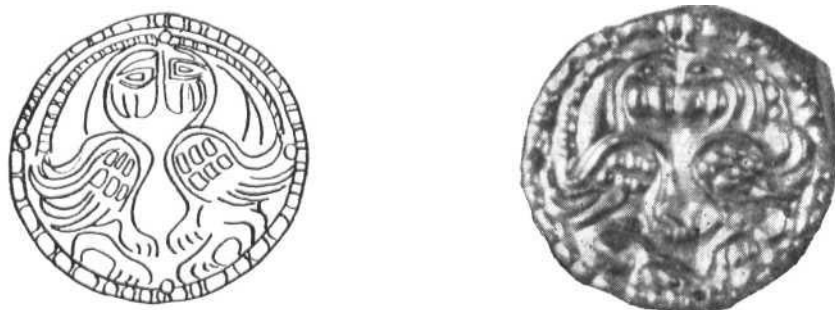

Рис. 1. Золотая бляшка из кургана «Орел» с изображением орлиноголовых грифонов

предметах погребального культа, обнаруженных в Прикубанье³ и в Приднепровье⁴. В VI—V вв. до н. э. боспорские мастера украшали такими изображениями обивку ножен мечей для варварской знати⁵. В V—IV вв. до н. э. геральдическая схема продолжала пользоваться у них успехом, однако в рельефах представлены не полные фигуры животных, а только их головы. Предпочтение отдавалось исключительно орлиным головкам, расположенным по обе стороны опущенной в них пальметки⁶, напоминающей древо жизни в древнейших ассирийских композициях. В V—IV вв. до н. э. в боспорской торевтике впервые появляются и отдельные бляшки-пластины, украшенные геральдическим изображением животных⁷. Особенно популярна была эта схема в IV в. до н. э. Она сохраняется на обивках ножен мечей, появляется на обивках рукояток мечей, на обивках горитов, на конских налобниках, на сосудах и на лентах головных уборов⁸. В золотых браслетах и гривнах сходящиеся концы со

² Там же, с. 136, рис. 205; *Онайко И. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — САИ, Д1—27, 1970, с. 50, табл. XLI, 505а.

³ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966, с. 15, рис. 14; табл. 61, 10, 11, 18, 19, 29.

* Там же, табл. I.

* *Онайко И. А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. — КАМ (М.), 1966, с. 159 и ел.

⁶ *Артамонов М. И.* Сокровища. . . , табл. 324, 325, 329. Аналогичное украшение имеет золотая обивка ручки деревянного сосуда из Семибратнего кургана (см. там же, с. 32, рис. 56).

⁷ Там же, табл. 96.

⁸ Там же, с. 60, рис. 116, табл. 145, 151, 185—187, 208; *Онайко И. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье, табл. XXXV, XXXVII.

скульптурными изображениями сфинксов и львов также образуют композиции противопоставления животных⁹. Широкая популяризация этой схемы сопровождалась появлением в ней новых образов, например петуха (Толстая могила)¹⁰. Для золотых рельефов, украшавших доспехи воина и принадлежности конской узда, особенно характерны геральдические изображения стоящих и возлежащих грифонов, переданных в различной художественной манере. В IV в. до н. э. геральдические изображения стоящих грифонов появляются и на золотых бляшках, главным образом четырехугольной формы. Как правило, эту схему составляют львиноголовые грифоны¹¹. Круглая бляшка из кургана «Орел», как по форме, так и по типу грифонов (орлиноголовых), представляет пока единственный в своем роде экземпляр.

На орловской бляшке грифоны стоят, илотно прижавшись друг к другу лбами и соприкасаясь передними и задними лапами. Подчеркнуты большие клыки, раскрытые и опущенные вниз. Над треугольными очертаниями глаз животных расположены длинные острые уши. Вдоль шеи грифонов намечены гребни, крылья имеют серповидную форму, что характерно для архаических изображений. Их лапы, особенно задние, кажутся сильными, когтистыми, хотя в самих фигурах не чувствуется мощной природы львиного тела. Основное внимание художника в трактовке этих строго профильных фигур было направлено на изображение головы, шеи, крыльев и лап животных. Поэтому грифоны получились приземистыми. Другой отличительной их чертой является схематизм в моделировке фигур. Вместе с тем, как и всякому геральдическому изображению, им присуща застывшая торжественность. Правда, из-за небольшого размера бляшек эта особенность теряется и создается впечатление сплошного декоративного рисунка, что помешало в свое время правильному определению сюжета.

Наиболее близкое по форме и стилю геральдическое изображение орлиноголовых грифонов имеется в ажурных золотых пластинах из Александропольского кургана¹². В такой же позе стоят львиноголовые грифоны, украсившие боковые обивки горитов типа мелитопольского¹³. И здесь крылья имеют серповидную форму, они эффектно вписались в стоящие на двух лапах фигуры фантастических животных. Серповидные крылья орловских и александропольских грифонов представляют центральные элементы круглой и полукруглой композиции рисунка. Высоко поднятые серповидные крылья львиноголовых грифонов на обивках горитов прикрывают плечо и шею, как бы уравнивая несколько тяжеловесную фигуру животного.

На золотых лентах головного убора типа чертомлыцкой¹⁴ имеется

⁹ Артамонов М. И. Сокровища. . . , табл. 200—202, 205.

¹⁰ Мозолевский Б. Н. Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине. — СА, 1972, № 3, с. 285, рис. 13.

¹¹ Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье, табл. XL, рис. 496з.

¹² Артамонов М. И. Сокровища. . . , с. 70, рис. 133.

¹³ Там же, с. 60, рис. 116.

¹⁴ Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье, табл. XXXV, и. Такая же лента найдена в кургане Толстая могила (Мозолевский Б. Н. Курган. . . , с. 268, рис. 35).

геральдическое изображение приготовившихся к прыжку орлиноголовых грифонов. На фигурной золотой бляшке из кургана у с. Будки Роменского района изображены выходящие из растительных побегов головы орлиноголовых грифонов в геральдической схеме¹⁵. Серебряная пластинка из кургана Красный Кут украшена гравированным изображением головок орлиноголовых грифонов, обращенных в разные стороны¹⁶.

Интересно отметить, что для меото-скифского звериного стиля, как и для минусинских и ордосских бронз, а также сибирского золота, не характерны геральдические изображения целых фигур грифонов. В боспорской же торевтике, производившейся на сбыт варварским племенам, эта восточная в основе схема занимала видное место. Большое влияние Востока сказалось и в использовании в этих схемах львиноголовых грифонов, изображения которых в золотых украшениях, как и в эмблемах монет Боспора, появляются только в IV в. до н. э.

Изображения грифонов в боспорской торевтике относятся к тому времени, когда в греко-варварском искусстве Северного Причерноморья господствовала выработанная в классической Греции иконография этого образа. Анализ образа грифона в искусстве Северного Причерноморья в свое время была посвящена диссертация Н. Н. Погребовой. Среди основных типов грифона, встречающихся в искусстве этой области, Н. Н. Погребова выделила и греческий. Наиболее ранним и типичным образцом орлиноголового грифона в северопричерноморской торевтике является грифон, изображенный на келермесском зеркале. Стилистически он близок грифонам на родосско-ионийских вазах¹⁷. Подобные грифоны украшают также золотую диадему и бронзовое навершье из того же кургана¹⁸. Касаясь значения изображений грифона на этих культовых предметах, Н. Н. Погребова справедливо отметила, что они служили магическими апотропеями.

Близкое значение образ грифона имел, по-видимому, и в более позднее время, хотя и передавался уже в новых художественных формах. Так, животные, в ранний период тесно связанные с великой богиней, стали все чаще изображаться без божества¹⁹. Это относится и к образу грифона, который к тому же, почитался и в связи с поклонением солнцу. С геральдическими композициями в виде стоящих грифонов на обивках мечей боспорского производства помещались розетки — солярные символы²⁰. Устрашающее значение грифонов усиливалось и самой схемой противопоставления двух животных в борьбе.

¹⁵ Ханенко Б. Н. и В. Н. Древности Приднепровья, вып. II, 1899, табл. XXIV, рис. 407.

¹⁶ Артамонов М. И. Сокровища. . ., с. 67, рис. 129.

¹⁷ Погребова Н. А. Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации. Канд. дис. — Архив ИА АН СССР, Р—2, 364, с. 57; Боровка Г. И. Бронзовый олень из Ульского кургана. — ИРАИМК, II, с. 201 и сл.

¹⁸ Артамонов М. И. Сокровища. . ., табл. 4, 26.

¹⁹ Любопытным исключением в этом отношении является бляха из Александропольского кургана (Артамонов М. И. Сокровища. . ., с. 67, рис. 130).

²⁰ Артамонов М. И. Сокровища. . ., табл. 2 и 145.

ОБЛОМОК ЛЕПНОГО СОСУДА С ГРЕЧЕСКИМ ГРАФФИТИ ИЗ ГОРГИППИИ

Г. А. Цветаева

В 1969 г. в Анапе (античная Горгшшия) в одном из помещений II—III вв. (раскоп «Город», помещение № 25) был найден обломок стенки лепного сосуда, с буквами греческого алфавита, выдавленными на нем (рис. 1). Сосуд-миска на плоском поддоне, вылепленная от руки из плохо промешанной черной глины с примесями раковины и соломы. Диаметр сосуда 16 см, стенка слегка выпуклая, по верхнему краю плоско срезана, без венчика. На ее наружной стороне налепы конусообразной формы, прикрепленные после начертания **букв**, нанесенных до обжига по сырой глине каким-то инструментом или **палочкой** диаметром 3—5 мм. Высота букв 2,5—3 см.

Объяснение граффити может иметь несколько вариантов. Во-первых, можно предполагать здесь изображение слогов.

Наиболее отчетливо видны буквы в средней части надписи, расположенные между двумя налечами: «хи» и «альфа», составляющие слог ХА или АХ. «Хи» поставлено с большим наклоном влево. «Альфа» изображена перевернутой, имеет сильно раздвинутые книзу и слегка вогнутые боковые гасты, поперечная черта поставлена с небольшим наклоном вправо, к основанию буквы. Такое начертание этой буквы характерно для лапидарных текстов II—III вв.¹ Изображение «альфы» в перевернутом виде на сосуде встречается, например, на этрусской силлабической надписи^а и на херсонесском надгробии III в., в латинской надписи, посвященной воину римского гарнизона, стоявшего в Херсонесе^б.

Справа от слога ХА на рассматриваемом обломке, правее налепа, отчетливо видна буква «пи», а перед ней — часть другой буквы, возможно «альфы», но без средней черточкой. Начертание «пи» напоминает курсивную форму: левая вертикальная гаста изогнута и в нижней части слегка загнута в наружную сторону, горизонтальная гаста имеет округлую форму. Буквы могут составить слог АП. В левой части черепка, слева от слога ХА, едва прослеживается буква, по-видимому, также «альфа» в том же написании, т. е. в перевернутом виде и левее — перевернутая «лямбда». Буквы обозначают слог АЛ. Таким образом, в надписи имеются примеры сочетаний «альфы» с согласными. Изображения слогов, так называемые силлабарии, часто — школьные упражнения для изучения чтения и письма, неоднократно встречаются на греческих сосудах. Известна целая серия силлабических надписей, найденных на острове Кипре⁴,

¹ S. Reinach-Traite d'Epigraphie greque. Paris, 1885, p. 210; Болтунова А. И., Кнунович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. — НЭ, 1962, III, с. 11, табл. IV.

² Corpus Inscr., Graec., III, № 6183.

³ I. P. E., I², 557.

⁴ Olivier Masson. Les inscription chipriotes syllabique. Paris, 1961, p. 57; Jacqueline V. Karageorghis. Some inscribed. Age. Vases from Cyprus. — A J A, 1956, vol. 60, № 4, p. 355.

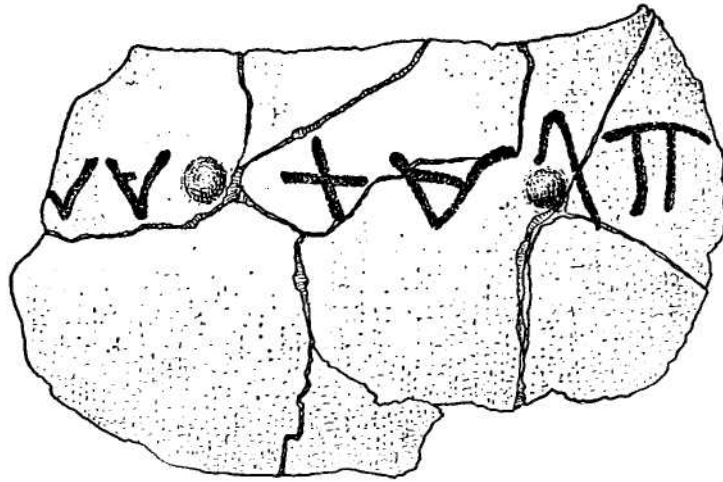

Рис. 1. Обломок сосуда с греческим граффити из Горгиппии

на вазе из Церы⁵. На лекифе, хранящемся в Ватикане, прочерчены сочетания буквы «пси» с гласными⁶. На территории СССР пример подобного силлабария (сочетания согласной «пси» с «альфой») имеется на одном из лощеных сосудов III—IV вв. из поселения Лепесовка Хмельницкой области УССР⁷. В Феодосии был найден чернолаковый сосуд, на донце которого по кругу процарапан греческий алфавит⁸.

Рассматриваемый сосуд был изготовлен, вероятно, не профессиональным мастером керамической мастерской, а сделан домашним способом для домашнего же употребления. Дата его изготовления, судя по начертанию букв. II—III вв. н. э., соответствует дате помещения, в котором он был найден⁹. Налепы-шишечки на сосуде могут свидетельствовать о гетофракийском¹⁰ или меотском¹¹ влиянии. В том же помещении най-

⁵ Mommsen T. H. *Unteritalische Dialecte* Leipzig, 1850., S. 8.

⁶ Lepsius R. Sur un vaso do fabrication etrusque avec deux alphabets grecs et sur une inscription de la ville pelasgique d'Agilla. — *AJA*, 1836, VIII, p. 186, Tabl. VI.

⁷ Тихонова М. А. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. — *СА*, 1963, № 2, с. 189, рис. 8, 2, 3.

⁸ Штерн Э. Р. Граффити на античных южно-русских сосудах. — *ЗООА*, XX, 1897, с. 185, № 63; табл. II, № 62.

⁹ Кругликова И. Т. Отчет о раскопках Горгиппии в 1969 г. — Архив ИА, РІ, № 4058, с. 10 и ел.

¹⁰ Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра. — В кн.: *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. М., 1969, с. 120 и сл.; Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. — *ИАК*, 1911, вып. 40, с. 1—42.

¹¹ Анфимов И. В. Меотосарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. — *МИА*, 1951, № 23, с. 160, 164, рис. 3, 1; Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. — В кн.: *Античные древности Подонья—Приазовья*. М., 1969, с. 179 (налепы у горшков типа XXIX).

дены крупные амфоры с реберчатыми стенками, несколько лепных сосудов, железные наконечники от двух копий, обломки бронзового сосуда и бронзового умбона от щита, одна бронзовая монета Савромата I и две — Савромата II. Помещение принадлежало, очевидно, небогатой семье горгиппийских граждан, знавших грамоту. Обучение грамоте было в Греции длительным процессом. Платон в своем проекте республики отводит три года на обучение чтению и письму. Обломок лепного сосуда со слогами может свидетельствовать о распространении греческой грамотности среди тех рядовых жителей Горгиппии, значительная часть которых могла происходить из негреческого населения этого города.

Не исключены, однако, и два других варианта объяснения граффити: так как чтение его не имеет смыслового значения, возможно, оно имело магический характер или, что менее вероятно, орнаментальный. Находка рассмотренного обломка представляет несомненный интерес, так как греческие граффити на лепных сосудах довольно редки.

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РИМА, БОСПОРА И ХЕРСОНЕСА В НАЧАЛЕ II В. Н. Э.

Н. А. Фролова

Из письменных источников по истории античных городов Северного Причерноморья первой четверти II в. н. э. примечательно сообщение вольноотпущенника императора Адриана Флегонта Траллийского о том, что Котис II был утвержден на престоле Адрианом и что в числе городов, отданных императором боспорскому царю, был Херсонес¹.

Сведения, содержащиеся в этом источнике, чрезвычайно интересны для истории Боспорского царства и Херсонеса, они помогают воссоздать картину взаимоотношений Рима, Боспора и Херсонеса и укрепляют нашу уверенность в том, что Рим долго оставался руководящей и направляющей силой в Северном Причерноморье. Дошедшие до нас слова Флегонта Траллийского особенно интересны в этом отношении. Они ставят перед нами ряд сложных вопросов, касающихся политического положения Херсонеса после смерти Нотиса II. Одним из них является вопрос о том, окончилась ли зависимость Херсонеса от Боспора со смертью Нотиса II, как полагают некоторые ученые², или она продолжалась до тех пор, пока долгожданная элевферия не была дарована этому городу Антониной Пием (138—161 гг. н. э.). В тесной связи с этим стоит и вопрос о том,

¹ *Const. Porph. De them.*, II, 12; *Латышев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 114, примеч. 4.

² *Карышковский Л. О.* Об эре Херсонеса Таврического. — Краткие сообщения ОГУ и ОГАМ (Одесса), 1961, с. 114; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. — НЭ, IV. М., 1964, с. 22, 29, 31, 33.

как отразилась политическая зависимость Херсонеса от Боспорского царства на его праве чеканить свою золотую монету и может ли в свою очередь эта чеканка свидетельствовать о зависимости города от Боспора или, наоборот, говорит о полной его независимости.

Проблемы, связанные с золотой чеканкой Херсонеса (47—134 гг. н. э.), уже затрагивались исследователями³. А. Л. Бертье-Делагард рассматривал золотую чеканку Херсонеса как проявление совершеннейшей свободы города, как результат его независимости от Рима и Боспора⁴. С этими выводами был согласен и В. В. Латышев⁵, А. П. Зограф сомневался в правильности взглядов А. Л. Бертье-Делагарда. Он считал, что на золотую чеканку Херсонеса нельзя смотреть как на симптом освобождения города от Рима или от Боспора, полагая, что она тесно связана с золотой чеканкой Боспорского государства, прекращается вместе с ней и свидетельствует о зависимости Херсонеса от Боспора⁶. В. А. Анохин согласился, что золотая чеканка Херсонеса зависела от воли Рима и отметил, что Херсонес получал право чеканки золота именно в те периоды, когда не находился в зависимости от Боспора⁷. Автор утверждает, что если Херсонес получал от Рима право чеканить золото в те годы, когда он находился в зависимости от Боспора, то для Херсонеса складывается в таком случае система двойной зависимости. Это, по его мнению, весьма сомнительно⁸.

Считая бесспорным положение А. Н. Зографа, что роль регулятора золотой чеканки принадлежит Риму, мы позволим себе не согласиться с одним из основных положений В. А. Анохина по тому вопросу, что «золотая чеканка Херсонеса невозможна в период его подчинения Боспору».

Прежде всего нам известно, что последний дошедший до нас золотой статер Херсонеса был чеканен в 134 г. н. э, всего за несколько лет до получения им элевферии. Попутно отметим, что под словом элевферия (IXsoft-epa) всеми подразумевается свобода под властью Рима, иначе говоря, факт освобождения Херсонеса из-под власти Боспора⁹. Эта свобода была дарована Херсонесу римским императором Антонием Пием где-то в 40-х годах II в. н. э.¹⁰ Следовательно, зависимость Херсонеса от Боспора, в ко-

³ Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса. — ЗООИД (Одесса), 1893, т. XVI, с. 60—70; Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, с. 155; Анохин В. А. Монетное дело. . ., с. 18, 19.

⁴ Бертье-Делагард А. Л. Надпись. . ., с. 67—70.

⁵ Латышев В. В. Надписи Херсонеса Таврического. — МАР (СПб.), 1895, № 17, с. 5, 6; Он же. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса. — ЗКМНП, 1884, июнь, с. 40.

⁶ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 155, 156.

⁷ Анохин В. А. Монетное дело. . ., с. 18, 19, 33.

⁸ Там же.

⁹ Юргевич В. Н. Древнегреческая надпись, найденная в Херсонесе в 1881 г. — ЗООИД, 1883, т. XIII, с. 1—7; Латышев В. В. Надписи Херсонеса Таврического. . . с. 6; Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость, ЖМНП, 1900, с. 11, прим. 1; Он же. Цезарь и Херсонес. — ИАК (СПб.), 1917, вып. 63, с. 21; Анохин В. А. Монетное дело. . ., с. 19, 23.

¹⁰ Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892—1894 гг. — МАР 1895, № 17, с. 6; IOSPE, P, 423.

тору он был поставлен Адрианом при Котисе II, не была ликвидирована со смертью боспорского царя, так как смена правителя на Боспорском престоле не могла освободить город от этой зависимости. Доказательством этого может служить херсонесская надпись в честь Аристона, сына Аттина¹¹. Из нее мы узнаем о посольстве Аристона к римскому императору с ходатайством о «свободе», продолжавшемся 6 лет и окончившимся смертью Аристона¹². Следовательно, из-за смерти самого Аристона цель посольства не была достигнута¹³. Он дважды был послом к царю Реметалку¹⁴ с целью заключения с ним военного союза для борьбы с варварами. В этом не было бы необходимости, если бы Херсонес уже находился под защитой римских войск. Только с помощью Гераклеи Понтийской, метрополии Херсонеса, город получил долгожданную элевферию от императора Антонина Пия¹⁵. Содержание надписи дает нам возможность заключить, что в первые роды правления Реметалка Херсонес все еще оставался под властью Боспора. Следует обратить внимание на тот факт, что Херсонес, находясь в зависимости от Боспора, посылал к нему послов не только с целью заключения с ним военного союза, о чем повествует нам текст в пятом венке надписи Аттина, но, по мнению В. В. Латышева, с какой-то другой целью, достижение которой поставлено в заслугу Аттину (текст в восьмом венке надписи)¹⁶. Наконец, бесспорно, что золотой статер Херсонеса 134 г. н. э. и группа ассариев 132—138 гг. н. э.¹⁷, чеканка которых, как полагает В. А. Анохин, стала возможной только после освобождения Херсонеса от власти боспорского царя, были выпущены в тот момент, когда Херсонес находился в зависимости от Рима и Боспора. При этом и образуется та система двойной зависимости города, в существовании которой сомневался В. А. Анохин. Именно такое положение дел в Херсонесе имел в виду М. И. Ростовцев, когда писал, что с конца I в. до н. э. Херсонес был и надолго остался подневольным *συναίλος* Боспорского царства, т. е. составною частью Боспора, был; включен в орбиту его политики, причем сам Боспор временами находился в зависимости от Рима, поставлял уже в то время солдат для римской армии¹⁸. Примером двойной политической зависимости может служить положение Армении, которая в результате многолетней войны между Римом и Парфией со времени Нерона фактически принадлежала парфянам, однако с сохранением номинальной власти более могущественной западной Империи¹⁹.

¹¹ JOSPE, I², 423.

¹² Латышев В. В. ПОНТИКА, с. 319.

¹³ Латышев В. В. Надписи Херсонеса Таврического. . . , с. 6, примеч. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ JOSPE, P, 362, 363.

¹⁶ Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса. . . , с. 40.

¹⁷ Анохин В. А. Монетное дело. . . , с. 31, табл. VI, рис. 4—8.

¹⁸ Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес. . . , с. 20.

¹⁹ Моммзен, Г. История Рима, т. V. М.—Л., 1949, с. 355—362; Манандян А. Я. Краткий обзор истории древней Армении. М.—Л., 1913, с. 17; Jones A. H. M. The cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937, p. 225; Magie D. Roman in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. I. Princenton, 1950, p. 561.

Итак, если Херсонес чеканил свое золото (статер 134 г. н. э.) в тот период, когда он зависел от Боспорского государства (до 40-х годов II в. н. э.) и если статеры 47, 49, 80, 85 и 107 гг. н. э. были выпущены, как доказывает В. А. Анохин, в период полной независимости города от Боспора²⁰, то может ли золотая чеканка Херсонеса свидетельствовать о зависимости его от Боспора?²¹ Ясно, что факт выпуска Херсонесом золотых монет не может служить ни доказательством его зависимости от Боспора, ни доказательством полной свободы города от власти боспорских царей.

Золотая чеканка Херсонеса была возможна в любой из названных периодов, так как она возникала и прекращалась только по воле Рима. Отсутствие золотых эмиссий Херсонеса во 2-й половине II в. н. э. и временная приостановка чеканки монет на Боспоре с приходом к власти Антонина Пия лишний раз говорят о том, что в I—II вв. н. э. выпуск золота на Боспоре и в Херсонесе находился под контролем империи и изменялся с изменением задач ее восточной политики.

²⁰ Анохин В. А. Монетное дело. . ., с. 19—21,

²¹ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 155.

СТЕКЛЯННЫЙ БОКАЛ С ИМЕНЕМ ИФИГЕНИИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Н. П. Сорокина

За последние годы увеличивается число исследований стеклянных изделий античных городов и периферийных районов Северного Причерноморья. Однако со времени выхода статьи М. И. Ростовцева¹ в них почти совсем не представлены стеклянные сосуды первых веков н. э., расписанные красками, что объясняется не отсутствием интереса к расписному стеклу, а довольно ограниченным распространением его в Северном Причерноморье, да и в античном мире вообще. Мы ставим своей задачей пополнить небольшую группу известных науке сосудов из стекла с росписью еще одним экземпляром, который, на наш взгляд, заслуживает внимания не только в этом аспекте.

Публикуемый сосуд хранится в собрании Одесского государственного музея (инв. № А.56354), происходит из Пантикапея (рис. 1). Обстоятельства его находки неизвестны. Сосуд реставрирован, представляет собой цилиндрический бокал высотой 16,2 см, диаметром 4,2 см с закругленным дном и ножкой в виде широкого, сильно уплощенного конуса диаметром 4,6 см, соединенного с туловом немного приплюснутым шариком. Края тулова и ножки оплавлены. Под отогнутым краем проходит рельеф-

¹ Ростовцев М. И. Стеклянные расписные вазы позднеэллинистического времени и истории докوراتиппой живописи. — ИАК (СПб.), 1914, вып. 54, с. 1—26, 119, 120

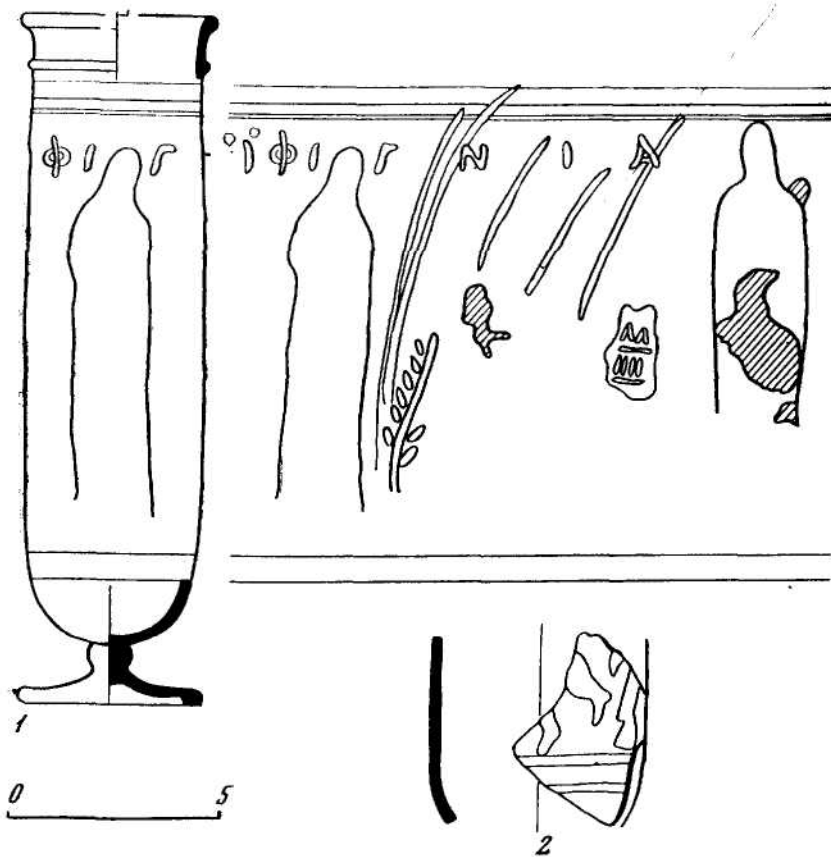

Рис. 1. Стекланные бокалы с росписью конца II — первой половины III в. н. э. с Боспора
 1 — бокал из Пантикапея; 2 — обломок бокала из Танаиса

ная полоска. Сосуд сделан из прозрачного бесцветного стекла с чуть зеленоватым оттенком. Толщина стенок около 2 мм. Поверхность покрыта иризацией молочно-белого цвета.

Тулово бокала было расписано. Роспись сохранилась только местами. Можно проследить силуэты двух фигур, между которыми угадываются остатки линий, представлявших когда-то либо деревья, либо стебли растений. Около левой фигуры на стебле обозначены листья, сохранившиеся только с одной стороны, около правой — какой-то предмет, не поддающийся интерпретации. Изображения ограничены полосами: сверху — широкой и узкой, снизу — одной широкой. Между двумя фигурами под верхней полосой расположена надпись $\text{I}\Phi\Gamma\text{N}\text{I}\text{A}$. В ней утрачены две буквы, и в целом она должна была читаться $\text{I}\Phi\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota\alpha$. Надпись свидетельствует, что сюжет росписи был мифологическим, повествующим об одном из эпизодов трагической судьбы дочери царя Агамемнона.

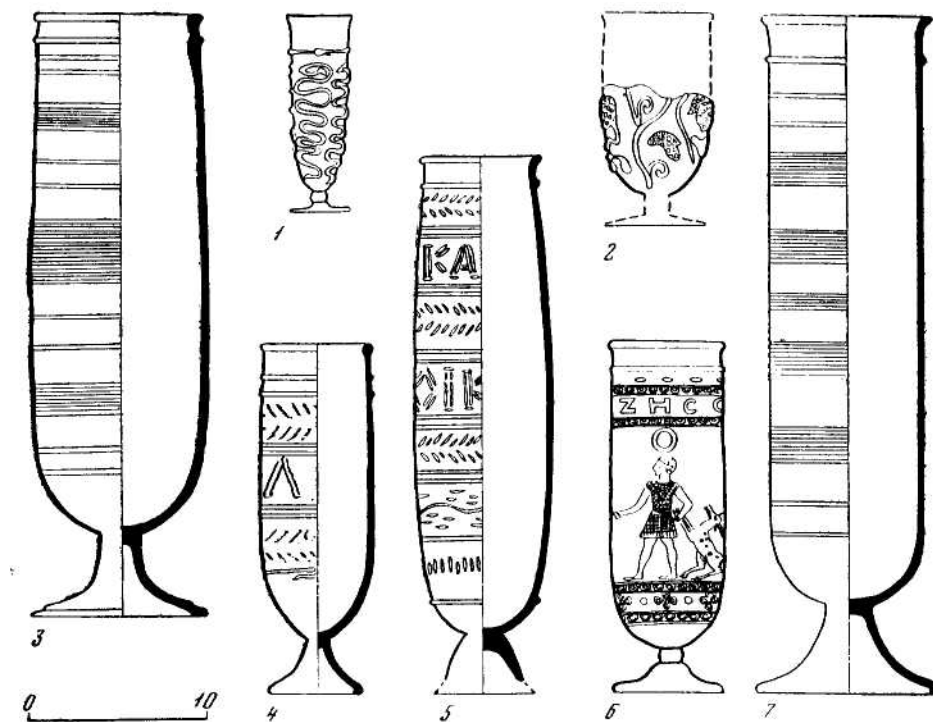

Рис. 2. Стекланные бокалы II—IV вв. н. э. восточных и западных областей Римской империи
 1 — бокал II—III вв. из Кельна (по О. Doppelfeld, fig. 122); 2 — бокал конца III в. из Паннонии
 (по L. Barkoczi, fig. 33, в); 3, 7 — бокалы второй половины III в. из Седейнги (по J. Leclant, fig. 4,
 № 2); 4 — бокал IV в. из Египта или Судана (по D. B. Harden, fig. 2, J* 4); 5 — бокал позднего III —
 раннего IV в. из Нижней Нубии (по D. B. Harden, fig. 4, J* 6); 6 — бокал с росписью из Седейнги
 (по J. Leclant, fig. 12—15, J* 5)

Судить о колорите росписи в целом трудно из-за ее плохой сохранности. На сосуде осталась только черная краска, служившая, без сомнения, основой для верхнего цветного слоя и позолоты. Последняя еще хорошо видна на правой фигуре и около растения с листьями.

Среди стекла Северного Причерноморья нам не известно ни одного целого сосуда, подобного публикуемому. Но они, видимо, имелись, о чем можно предполагать по некоторым обломкам. За пределами Понта такие сосуды представлены довольно хорошо. Данные о них суммированы в статьях Д. Б. Хардена и Ж. Лекланта. Харден² бокалы интересующей нас формы использовал в своих исследованиях трижды. Ж. Леклантом³

¹ *Harden D. B.* Karanis. Ann Arbor, 1936, p. 138, 141; *Harden D. B.* The Highdown Hill glass goblet with Greek inscription. Sussex Archaeological Collections, 97, 1959, p. 3—20; *Harden D. B.* Late Roman Wheel-Inscribed Glasses with Double-line Letters. [^] *Kölnener Jahrbuch für vor- und Frühgeschichte*. Bd. 9, 1967/1968, p. 43, ff.

² *Leclant J.* Glass from the Meroitic necropolis of Sedemga (Sudanese Nubia). — *JGS*, vol. XV, 1973, p. 52—68.

опубликовано пять бокалов из раскопок 1969—1970 гг. могильника Седейнги в Суданской Нубии. Благодаря этим работам мы располагаем сведениями не менее чем о 13 сосудах преимущественно с территории восточно-римских провинций. В эту группу бокалов, на наш взгляд, следует включить также сосуды близкой формы с орнаментами серпаптинного стиля Кельнских мастерских⁴ (рис. 2, 1) и бокалы из Паннонии⁵ (рис. 2, 2), которые вполне правомочно не рассматривались обоими исследователями как не входящие в круг поднятых ими тем⁶.

Бокалы, близкие пантикапейскому, отличаются стабильностью общего типа с небольшими вариациями очертания тулова, имеющего строго цилиндрическую или припухлую (рис. 2, 6, 7) форму (рис. 2, 3, 5). Под оплавленным рельефным венчиком у них, как правило, расположена рельефная полоска. Ножка у сосудов бывает либо в виде высокого конуса, присоединенного непосредственно к округлому дну тулова (рис. 2, 3—5, 7), либо в виде полого конуса с промежуточным между ним и дном кусочком стекла, имеющего вид невысокого цилиндрика или приплюснутого шарика (рис. 2, 1, 6). Цилиндрические бокалы изредка делались и без ножки. Высота сосудов не менее 20 см, в отдельных случаях — 39 см (бокалы из Седейнги).

Все бокалы орнаментированы. Для этого использовалась гравировка, которой наносились сложные геометрические или сюжетные изображения, но чаще всего ряды полосок, образующие фризы, накладные полихромные и монохромные нити и роспись. Последний способ украшения бокалов крайне редок.

Перечисленные основные черты бокалов позволяют считать, что пантикапейский сосуд тесно примыкает к этой группе. В деталях он должен быть сближен прежде всего с теми, которые имеют тулово с прямыми стенками и ножкой, членящейся на пологий конус со сплюснутым шариком, соединяющим его с дном сосуда. По способу украшения росписью круг аналогий ему еще более ограничен. Он замыкается двумя расписными бокалами из Седейнги (рис. 2, 6). В свете этих новейших северо-нубийских находок публикация пантикапойского бокала приобретает особую актуальность, поскольку он является третьим экземпляром бокалов с росписью, сохранившихся в целом виде, но до сих пор остающихся неизвестным для изучающих историю античного стеклоделия.

Бокалы, найденные на Востоке, включая и паннонские, которые считаются сирийскими, датируются III—IV вв. н. э.; кельнские относятся ко II—III вв. Таким образом, хронологические рамки бокалов, аналогичных пантикапейскому, ограничиваются II—IV вв. н. э. Сосуды,

⁴ Kisa A. Das Glas im Altertum. Leipzig, 1908, Bd. III. Formentafel, E, 310, 276; Doppelfeld O. Romisches und frankisches Glas in Koln. Koln, 1966, Abb. 122, 123; Morin-Jean. La verrerie en Gaule. Paris, 1913, fig. 292.

⁵ Barkoczi L. Mit Blumen und Vögeln verzierte Gläser aus Pannonien. — MAI, 3 Budapest, (1972), p. 95—101.

⁶ Епропойские бокалы, впрочем, упоминает Д. Б. Харден (*Harden D. B. Karanis*, p. 138, note 2), но в плане их отличия от восточных. Им выбраны для этого соответствующие сосуды. Те бокалы, на которые мы ссылаемся, позволяют оспорить мнение этого исследователя.

исследованные Д. Б. Харденом, имеют ножку, отличающуюся от ножки пантикапейского экземпляра. По наблюдениям К. Айсингс⁷, форма поддона аналогичная пантикапейскому, появляется с конца II в. н. э. Такие поддоны имеют бокалы с серпантинными украшениями II—III вв. У восточной группы бокалов пожки близкой формы отмечаются только у двух расписных бокалов из Седейнги второй половины III в. н. э., которые являются ближайшей аналогией публикуемому сосуду. Следовательно, период возможного изготовления бокала из Пантикапея может быть сужен до времени от конца II—III вв. н. э. Для окончательной датировки нашего бокала нельзя не учитывать исторической ситуации, сложившейся на Боспоре во второй половине III в. н. э. Этот вопрос тесно переплетается с вопросом о локализации мастерской, в которой он мог быть изготовлен.

Форма сосуда, способ его украшения росписью находят полную аналогию, как уже отмечалось, с бокалами, которые Д. Б. Харденом⁸ и Ж. Леклантом⁹ считаются вышедшими или из мастерских Египта, или мастерских находящихся под их сильным влиянием. Это позволяет предполагать что бокал из Пантикапея был сделан и расписан мастерами крупного стеклоделательного центра Египта, каким являлась Александрия. Надо думать, что александрийский бокал оказался в Пантикапее не случайно а в результате регулярных завозов средиземноморских товаров, поскольку на Боспоре он не единственный экземпляр привозного расписного стекла этого времени. Напомним обломок стенки сосуда из Танаиса (рис 1 2), форма которого нам была не вполне ясна. Теперь мы склонны видеть в нем расписной бокал, подобный бокалу из Пантикапея. Танаисский обломок был найден в слое пожарища, характеризующего гибель города в 240-х годах н. э.¹¹ Очевидно, сосуд мог попасть в Танаис только до этой катастрофы. Следует упомянуть кувшин Дафны из Пантикапея и обломок кувшина с росписью из Танаиса¹², вышедших из мастерских Антиохии¹³. Все они образуют уже целую группу расписного стекла, найденную на Боспоре, которая вряд ли могла появиться там после нарушения торговых связей, вызванного вторжением готов на боспорские земли. Поэтому пантикапейский бокал может быть датирован концом II—первой половиной III в. н. э.

Роспись на бокале из Пантикапея, составляющая его особенность и придающая ему особую значимость, вводит в круг вопросов, связанных

⁷ Isings C. Roman Glass from dated Finds. Dyaarta, 1957, form 86, p. 103.

⁸ Harden D. B. Late-Roman wheel-inscribed Glasses with double-eme letters, p. 52.

⁹ Leclant J. Glass from. . . , p. 66 ff.

¹⁰ Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из Танаиса. — МИА, 1965, № 127, рис. 4, о, с. 232

¹¹ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей ары. М., 1972, с. 299 и ел.

¹² Сорокина Н. П. Антиохийский расписной кувшин из Танаиса. — КСИА, 1977, вып. 148.

¹³ Харден Д. Б. (Harden D. B. Ancient Glass, II: Roman. — The Archaeological Journal vol CXXVI, 1970, p. 59) оспаривает мнение Р. Смита об антиохнском происхождении кувшина Дафны из Паитикапел (Glass from Ancient world. The R. W. Smith Collection New York, 1957, № 342, p. 165), приписывая его Александрийским мастерам только на основании сходства надписей на расписных и гравированных сосудах из Александрии. На наш взгляд, сходство надписей, содержащих имена мифологических героев и богов, не может служить веским основанием в пользу мнения Д. С. Хирдена.

с применением красок в стеклоделии. Сосудов из стекла с последующей росписью по сравнению с другими способами орнаментации их поверхности имеется не такое уж большое количество, и в этом надо видеть вполне закономерное явление. Стекло обладает качеством, не свойственным никакому другому материалу, — прозрачность. Именно за свою прозрачность и бесцветность оно особенно ценилось, во всяком случае, в I в. н. э. Это хорошо иллюстрируют слова Плиния¹⁴, который, сравнивая прозрачность стекла с прозрачностью кристалла, говорит, что благодаря этому оно вытеснило золото и серебро при изготовлении питьевых сосудов. Древние стеклоделы сумели извлечь из стекла все возможности его превращения. Они создали абсолютно оригинальные техники, не свойственные ни металлу, ни глине. Это техники миллефиоре, мраморной, ленточной и пестрой поверхности, построенные на эффекте сочетания стеклянной массы различных цветов, оттенков и прозрачности; серпантинный стиль украшений с применением полихромных стеклянных нитей. Кроме того, стеклоделы не без успеха использовали приемы, заимствованные ими из ремесел, специализированных на выпуске продукции из других материалов. Выдувание в форме, гравировка были подсказаны им торежкой и ювелирным делом; резьба по двухцветному стеклу стимулирована искусством изготовления камней, роспись — монументальной стеной живописью. Выдувание сосудов в форме органически вошло в технику стеклоделия. Оно позволяло создать изделия любого цвета и формы с разнообразными рельефными изображениями от геометрических орнаментов до сложных сюжетных сцен. При этом, как и в случае гравировки, сохранялась особенность материала, заключающаяся в его прозрачности. Живопись же по стеклу плотными красками этому не способствовала, но тем не менее она применялась. Но нельзя не отметить, что большинство, расписных сосудов относится не к поре появления выдувного стекла, а ко II—III вв. н. э., т. е. к тому времени, когда за два столетия к прозрачному стеклу привыкли, и сосуды, сделанные из него, приобрели характер обычного товара широкого потребления. Однако и тогда роспись по стеклу была не столь частым приемом. В этом плане очень показательны находки в Седейнге, где в некрополе было найдено свыше 3 тыс. обломков стекла, из которых удалось восстановить более 30 сосудов. Из них только два были расписными.

Родиной расписного стекла считается Александрия¹⁵. Поэтому не случайно роспись стеклянных сосудов, сделанных в технике дутья, уже в начале I в. н. э. тесно связана с изобразительными элементами росписей египетских гробниц. Это прекрасно прослежено М. И. Ростовцевым. Во II—III вв. н. э. Александрия не потеряла своего значения, но сосуды стали расписываться и в ряде других центров Средиземноморья, среди которых выделялась Антиохия, а также в западных провинциях

¹⁴ *Plin. Hist., Nat.*, 36, 26 (67).

¹⁵ *Glass from the ancient World. The Smith R. W. collection New York, 1957, p. 48; Harden D. B. Glass and Glazes. A History of Technology, vol. II. Oxford, 1956, p. 341.* Автором упоминается один очень редкий сосуд Тутмоса III (1500 г. до н. э.) с росписью.

Римской империи с мастерскими, концентрирующимися в рейнской долине¹⁶.

Во II—III вв. н. э. расписывались сосуды разных форм. Сюжетами их росписей служили бытовые сцены, сцены охоты, цирковых представлений и эпизоды из мифологии: суд Париса, сказание о Дафне, Фетиде и др. К кругу росписей с мифологической тематикой принадлежит бокал Ифигении из Пантикапея. Аналогичные ему по форме два бокала из Седейнги существенно отличаются по содержанию росписей. На них представлены сцены жертвоприношения, выполненные в стиле египетского искусства, чем они также отличаются от росписей сосудов антиохийских и александрийских мастерских, трактованных в свободной манере греко-римской живописи того времени. Колорит росписей двух седейнгских бокалов построен на голубовато-зеленоватых, зеленых, синих, пурпурно-красных и черных красках с применением обильной позолоты. Но хорошо сохранившиеся краски на северо-нубийских сосудах вряд ли можно использовать для восстановления утраченной полихромии пантикапейского бокала. Их подбор выглядит локальным по сравнению с более мягким колоритом росписей сосудов, вышедших из мастерских Сирии (Антиохия) и Александрии.

Сколь мало можно сказать о примененных красках в росписи бокала из Пантикапея, столь скудны данные о самом изображении. Можно только отметить, что основная сцена, над которой расположено имя Ифигении, находится между двумя фланкирующими фигурами, от которых сохранились лишь силуэты как будто закутанных с головою в покрывала людей (рис. 1, 1). Этим композиция напоминает прославленную картину Тиманфа «Жертвоприношение Ифигении», повторенную в росписи дома трагического актера в Помпеях¹⁷. Однако вряд ли роспись бокала Ифигении из Пантикапея воспроизводила произведение этого художника. В отличие от последнего, действие основной утраченной почти целиком сцены на стеклянном сосуде происходило на фоне растений. Возможно, в этом проявилась особенность александрийской школы живописи с ее пристрастием к изображению пейзажа¹⁸. В этой детали можно видеть еще одно свидетельство в пользу изготовления пантикапейского сосуда в мастерских Александрии.

Нельзя сказать, чтобы сюжет росписи, выбранный мастером для росписи бокала из Пантикапея, был редким. Судьба Ифигении вдохновляла многих греческих художников своим драматизмом; созданные ими прославленные картины воспроизводились позднее в монументальной стенной живописи римскими копиистами. Миф об Ифигении волновал греческих драматургов и писателей. Еврипидом были написаны две трагедии об ее пребывании в Авлиде и Таврике. Не чужда тема Ифигении была и александрийской поэтической школе¹⁸ эллинистического времени

¹⁶ Glass from the Ancient World, p. 109; *Harden D. B.* Ancient Glass, II, Roman, p. 59; *Ekhlom G.* Westeuropäische Gläser in Skandinavien während der Spätkeiser und frühen Merowingerzeit. — *Acta Archaeologica*, 1958, vol. XXIX, S. 43.

¹⁷ Чубова А. П. Древнеримская живопись. Альбом. М.—Л., б. г., рис. 5.

¹⁸ Чубова А. П., Иванова А. П. Античная живопись. М., 1966. с. 79.

¹⁹ Толстой И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 121.

и, главное, она не была забыта позднее, о чем можно судить по сюжету росписи пантикапейского сосуда. Встает невольно вопрос, можно ли видеть случайность в изображении мифа об Ифигении на сосуде, сделанном александрийским стеклоделом и найденном в Пантикапее. Не являлось ли это специальным заказом, или же изготовлением сосуда, рассчитанного на его сбыт в Северном Причерноморье? Нам кажется, что такое предположение может иметь место, особенно в связи со значением мифа об Ифигении для Северного Причерноморья, на землях которого, согласно сказанию, ее судьба тесно переплелась с богиней Артемидой и Ахиллом²⁰. Сведения, изложенные в мифе об Артемиде, богине, почитаемой в Таврике и, в частности на Боспоре, подтверждаются целым рядом надписей спартакидовского времени²¹, а каких-либо памятников материальной культуры или искусства, связанных с Ифигенией, перенесенной Артемидой на берега Понта и сделавшей ее своей жрицей, почти совсем не известно. Поэтому бокал с именем Ифигении из Пантикапея приобретает большой научный интерес. Кроме того, он является самым поздним памятником с упоминанием имени главного персонажа одного из мифов об Артемиде, и важно отметить, что этот миф, следовательно, был знаком боспорцам в позднеантичное время, когда в их сильно сарматизированной среде все больше утрачивались черты античной культуры²².

Вопрос о назначении бокалов, подобных пантикапейскому, не поднимался. Его коснулся только Ж. Леклант²³, который видит в них ритуальные сосуды. Седейнгские пять бокалов были найдены среди прочих разбитых сосудов, число обломков которых достигало нескольких тысяч. Малопрактичная форма узких сосудов, достигающих в высоту 39 см., а главное надписи на них ΠΙΕ ΖΗCΕΝ (т. е. «пей и будешь жить») в сочетании со сценами жертвоприношения, изображенными росписью, — все эти данные позволяют считать его мнение вполне вероятным. Нельзя не отметить, что некоторые бокалы и другой формы сосуды, опубликованные Д. Б. Харденом, имеют очень близкие по формуле надписи²⁴. Подобные надписи с призывом вкушать напитка получают особенно широкое распространение в III — IV вв. н. э. и не только на стеклянных сосудах, но и на керамике. Надписи на последних связываются с заупокойным культом первых веков н. э. и ролью в нем воды²⁵. В том же аспекте могут быть истолкованы формулы надписей на стекле и в том числе на бокалах Суданской Нубии, что тоже может подтверждать их оценку Ж. Леклантом как ритуальных.

²⁰ Толстой И. Остров Пелмй и Таьрика на Евксинском Понте, с. 1 и ел.

²¹ КБН, № 6^а 11, 12, 1014, 1040, 1315; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 198, 201, 217, 226.

²² Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 126 и ел.; Кругликова И. Т. Боспор и позднеантичное время. М., 1966.

²³ Leclant J. Glass from..., p. 65 ff.

²⁴ Harden D. B. Late-Roman., p. 43, 48, 50, 51; N 1, 15, 16.

²⁵ Лурье С. Я. Древнегреческие паспорта для входа в рай. — Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, с. 23 и ел.; Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в Северопонтийских городах позднеантичного периода. — ВДИ, 1973, № 1, с. 55 и ел.

Имел ли такое же назначение пантикапейский бокал Ифигении, сказать трудно. На нем нет надписи с пожеланием испить напитка, а сюжет росписи просто мифологический.

Итак, сосуд с именем Ифигении представляет большой интерес для истории, культуры и экономических связей Боспора позднеантичного времени, а также для стеклоделия античного мира в целом.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА НА БЛЯШКАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ БЕЛЬБЕКСКОЙ ДОЛИНЫ КРЫМА

И. И. Гущина

Среди инвентаря погребений могильника Бельбек IV, расположенного на северо-восточной окраине Севастополя, на правом берегу реки Бельбек¹, найдено несколько бронзовых бляшек с изображением женского божества. Одна плохо сохранившаяся бляшка из детского погр. 29 (диаметр 3 см) имеет рельефное изображение Афродиты и Эроса (рис. 1, 3). Изображение Афродиты погрудное, правая рука на груди, у правого плеча — изображение Эроса, слева — предмет в виде копья (?). Вокруг изображения тонкий рубчатый ободок. Бляшка найдена в подбойной могиле с большим количеством инвентаря, из которого отметим красноглиняные кувшин и чашечку (рис. 1, 1—2), бронзовые ведеркообразные сдвоенные подвески-амулеты, колокольчик (рис. 1, 9—10), крупнопроволочные браслеты с заостренными концами и с концами, оформленными в виде схематически изображенных змеиных голов, а также с тремя рядами округлых выступов (рис. 1, 4—7), несколько круглопроволочных перстней со стеклянными вставками, два круглопроволочных бронзовых височных кольца, мозаичные стеклянные, гешировые и сердоликовые бусы, подвески из египетского фаянса в виде скарабеев и львов. Набор вещей позволяет отнести погребение к концу I в. н. э.

Рассмотренная бляшка вместе с ведеркообразными подвесками, обломками бронзового флакона и колокольчиком найдена в области груди. Она штампованная, как и множество золотых и серебряных бляшек такого же типа эллинистического и римского времени, найденных в городах Северного Причерноморья (Керчь, Ольвия, Танаис, Херсонес). Наша бляшка бронзовая, никаких следов позолоты или тонкого листового золота на ней не обнаружено.

В погр. 81 могильника, возможно, также детском, найдена еще одна интересная бляха — фибула с изображением женского божества

¹ *Гущина И. И.* О результатах исследования нового могильника I—II вв. н. э. в юго-западном Крыму. — КСИИ, вып. 133, 1973, с. 80 и т. д.

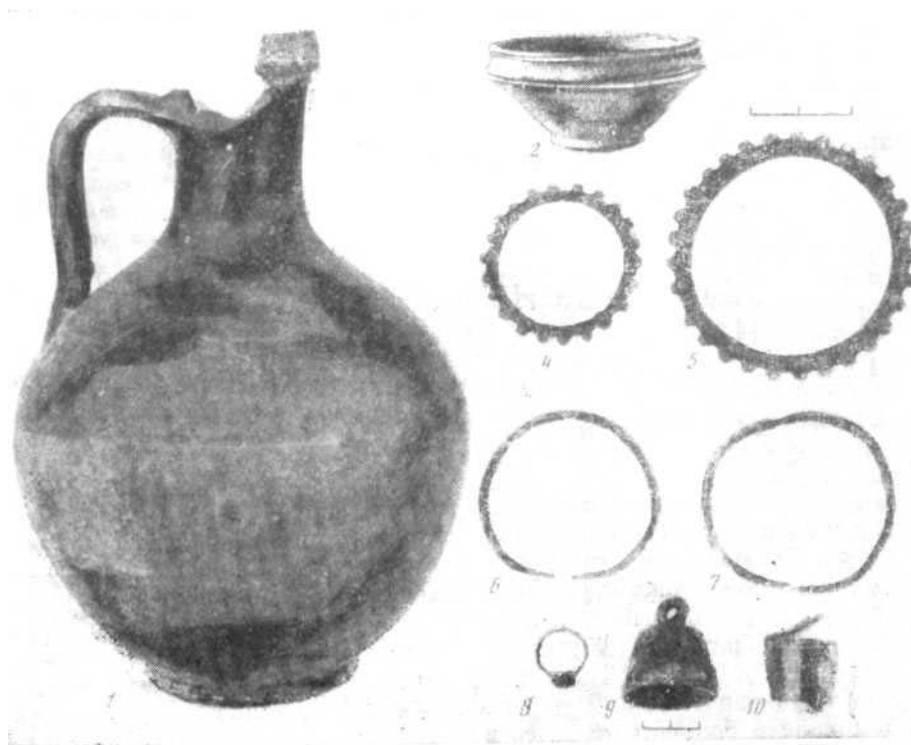

Рис. 1. Вещи из погребения 29 могильника Бельбек IV
1—2 глина; 3—10 — бронза

(рис. 2, 5). Техника изготовления ее следующая: на тонкую бронзовую круглую пластину диаметром 5,5 см, на обратной стороне которой была игла, нанесено рельефное изображение женской фигуры, сделанное из сероватой пасты или мастики. На голове фигуры — следы ленты или головного убора, с головы спадают короткие волосы. Покрывало закрывает верхнюю часть туловища и левую руку, прижатую к груди. В правой руке — листообразный предмет. Такой же предмет, но меньших размеров изображен над левым плечом. Вокруг женской фигуры — орнамент из четырех гирлянд, имеющих вид двух соединенных листьев, по краю бляхи — рельефный рубчатый ободок. Рельеф был, очевидно, покрыт серебряной пластиной, от которой сохранились только небольшие кусочки на краях бляшки, загнутых за пластину. Такая техника изготовления блях известна с V—IV вв. до н. э. и в первые века нашей эры. Бляха найдена в подбойном погребении, в области груди погребенного. Вместе с ней найдены: в ногах — стеклянный бальзамарий (рис. 2, 22),

¹ Манцевич А. П. До питання про «Сибирську» колекцію Петра I. - Археологія (Київ), т. 8, 1973, с. 9 і сл.

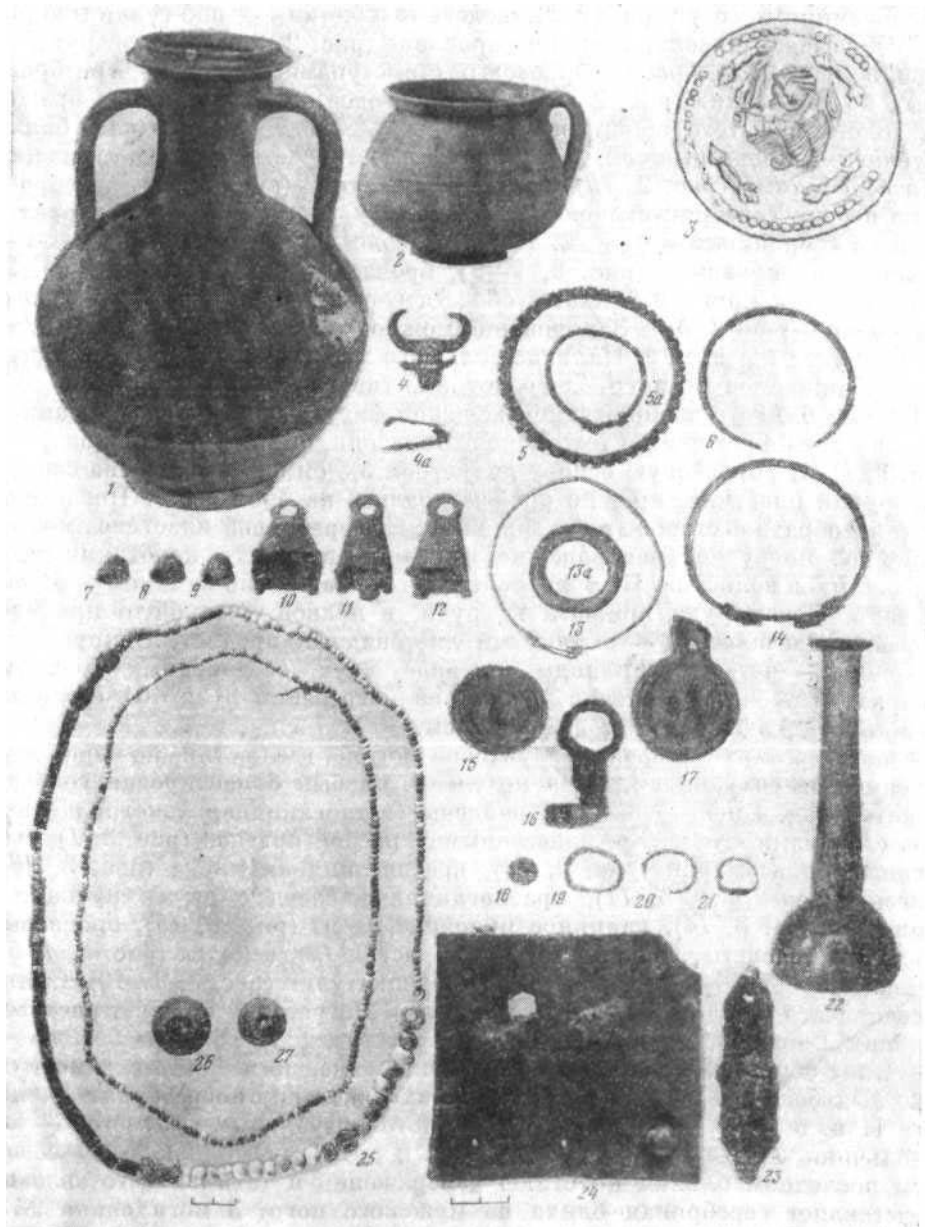

Рис. 2. Вещи из погребения 81 могильника Бельбек IV
 1, 2— глина; 4—15, 17—21 — бронза; 16, 23, 24—железо; 22 — стекло; 25— гешир,
 глина, стекло

красноглиняный сосуд (рис. 2, 2), железные пластины от шкатулки (рис. 2, 23, 24), розовая краска, глиняное пряслице (рис. 2, 26); у левой руки — кувшин (рис. 2, 1), браслет бронзовый с выступами (рис. 2, 5), три бронзовых колокольчика (рис. 2, 10—12), бронзовое скульптурное изображение головы рогатого животного (рис. 2, 4), бронзовая гладкая бляха с рубчатыми краями (рис. 2, 15); у правой руки — четыре браслета, из них один серебряный (рис. 2, 13), глиняное пряслице (рис. 2, 27), два бронзовые и один серебряный перстень (рис. 2, 19—21); на груди — зеркало-подвеска с орнаментом (рис. 2, 17), бусы (рис. 2, 25), три бронзовых маленьких колокольчика (рис. 2, 7—9), бронзовая игла, фибула (рис. 2, 4а), бронзовая круглая бляха; в области черепа — два бронзовых височных кольца (рис. 2, 5а). Захоронение можно датировать концом I—второй половиной II в. н. э. Наличие большого количества ритуальных предметов сближает его с погр. 29, о котором говорилось выше.

Вторая бляха с изображением женской фигуры, близкая к описанной по деталям изображения и технике изготовления, была найдена в погр. 101 (рис. 3, 7). На бронзовую основу диаметром 5,5 см была наложена сверху серебряная пластина, края которой загибались на бронзовую. Последняя имела на обратной стороне иглу-застежку. На серебряной пластине имелось рельефное погрудное изображение женской фигуры, с короткими развевающимися волосами. На туловище видны складки, по-видимому, от покрывала. Левая рука прижата к груди, в правой — какой-то предмет. У левого плеча сзади — вытянутый листовидный предмет. Вокруг изображения — четыре гирлянды в виде двух соединенных листьев, по краю — рубчатые насечки. Бляхи из погребений 81 и 101 сделаны, по-видимому, одним и тем же штампом.

Еще одна бляха найдена в грунтовой могиле, где костяк, по-видимому, женский, не сохранился. Судя по тлену, он был ориентирован головой на юго-запад. Вместе с бляхой найдены светлоглиняная узкогорлая амфора с буквами «N» и «X», нанесенными красной краской (рис. 3, 1), стеклянный бальзамарий (рис. 3, 13), красноглиняная миска (рис. 3, 16), железный нож (рис. 3, 11), красноглиняный сосуд с двумя ручками и крышкой (рис. 3, 14), глиняное пряслице, бусы (рис. 3, 15), бронзовые перстни и браслеты, зеркало-подвеска (рис. 3, 12), фибулы (рис. 3, 4, 5), височные кольца, железные пластинки от шкатулки (рис. 3, 9—10). Бляха находилась, по-видимому, в области груди. Погребение может относиться к концу I—первой половине II в. н. э.

Таким образом, бляшки с изображением женских божеств в могильнике Бельбек IV найдены в двух детских и женском погребениях I—начала II в. н. э. В этих погребениях много ритуальных предметов — колокольчики, амулеты, зеркала-подвески и др. Самую близкую аналогию двум последним бляхам по стилю изображения и технике изготовления представляет серебряная бляха из мужского погр. 3 могильника № 4 у станции Усть-Лабинской, датированного Н. В. Анфимовым I в. н. э.³

³ Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, 1952, вып. 46, с. 83, рис. 22, 4.

Рис. 3. Вещи из погребения 101 могильника Бельбек IV
1, 14, 16 — глина; 2—6, 8, 12 — бронза; 9—11 — железо; 13 — стекло; 15 — гешир, глина, стекло

Кто изображен на рассматриваемых бляшках — сказать трудно. По первому впечатлению хочется связать изображение с Афродитой, как это и делает П. В. Анфимов. Ни это указывает их общее композиционное решение. Но предмет в виде листа, который держит фигура на наших бляшках, изображение в виде крыла у левого плеча, орнамент вокруг фигурок не позволяет с полной уверенностью говорить об образе Афродиты. Очевидно лишь, что здесь изображена богиня. Может быть, это местный вариант изображения великой богини-матери, которую, как и Афродиту, почитало население Бельбекской долины.

РАЗРУШЕНИЯ ГУННОВ В ФАНАГОРИИ

М. М. Кобылина

Раскопками в юго-восточной части городища Фанагории в 1953 и 1964—1965 гг. на площади около 1300 кв. м были исследованы гончарные печи и квартал ремесленников IV в. н. э. Остатки построек оказались сильно разрушенными в древности¹. Никаких строительных остатков более позднего времени здесь не было, обнаружены только средневековые могилы. Самая ранняя из них открыта в развале стенки одной из печей IV в. Здесь лежал костяк с глиняным сосудиком V в. н. э.² Следует предполагать, что эти разрушения связаны с нашествием гуннов.

Значительная часть античного города, разрушенная в IV в., была обнаружена и на юго-западной окраине городища. В 1962 г. здесь в верхнем слое был открыт развал глинобитного дома IV в. н. э. Средневековых сооружений над ним не было³. К западу от него обнаружена огромная городская свалка IV в. н. э., слой которой имел толщину до 4 м⁴. Она была связана, очевидно, с очисткой города после гуннского разгрома. Свалка хорошо датируется обломками стеклянных сосудов с голубыми глазками, краснолаковых блюд, аналогичных найденным в могиле 50 на холме С⁶, и фрагментами амфор IV в. н. э. Здесь было обнаружено много плиток облицовочного мрамора, белого и цветного.

В 1973 г. в том же юго-западном районе городища, на расстоянии 120 м к востоку-северо-востоку от раскопа 1962 г., были произведены охранные

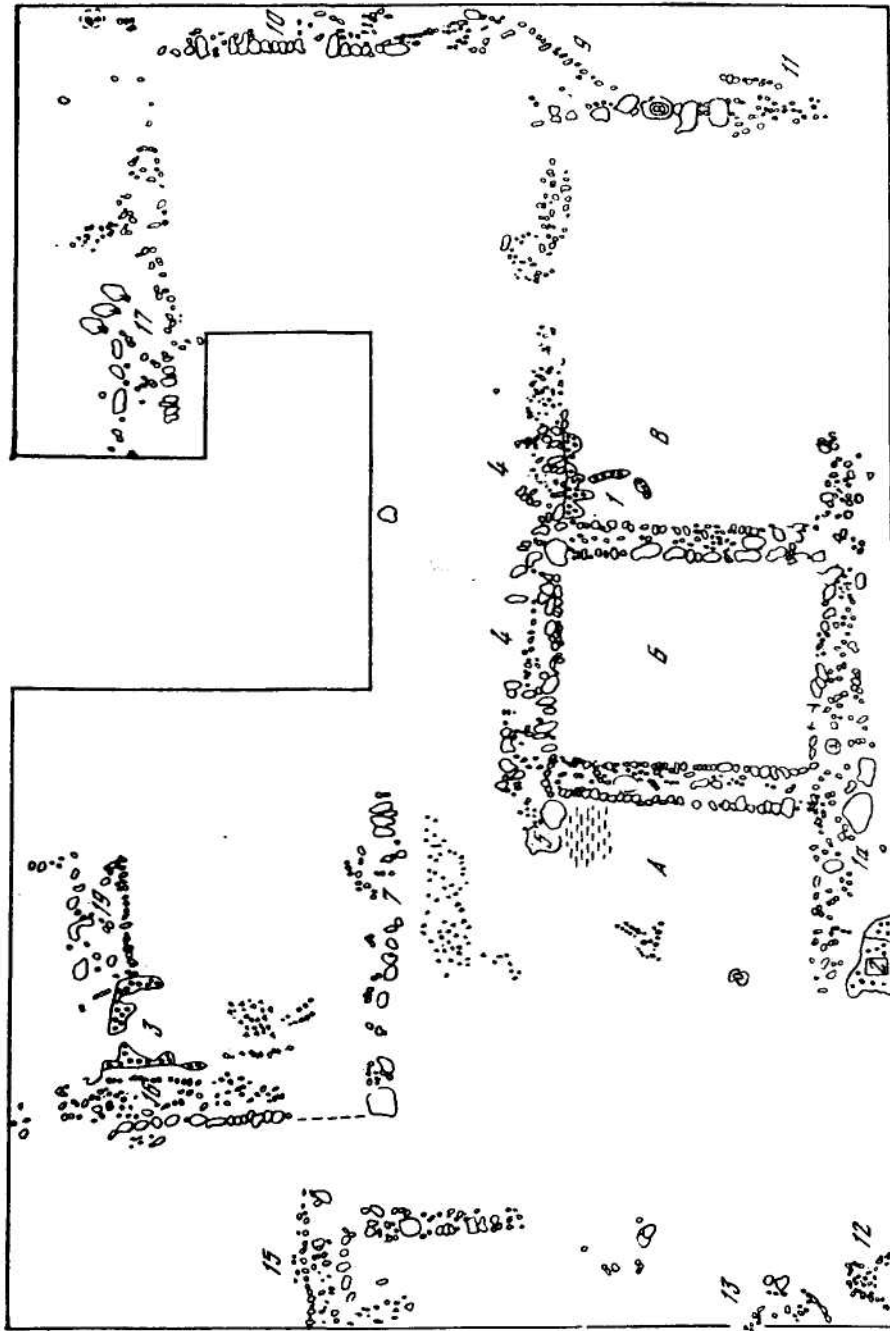
¹ Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, 1956, № 57, с. 93.

² Кобылина М. М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. — КСИА, вып. 109, 1967, с. 127; Она же. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории. — КСИА, 1970, вып. 124, с. 69.

³ Кобылина М. М. Исследования Фанагории в 1959—1960 гг. и в 1962 г. — ГА, 1963, №4, с. 131, 132.

⁴ Там же, с. 131.

⁵ Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Фанагории в 1936 — 1937 гг. — Труды ГИМ, 1941, вып. 16, с. 44—47, рис. 25.

Р и с. 1. Генеральный план раскопа 1973 г. в юго-западной части городища Фанагория

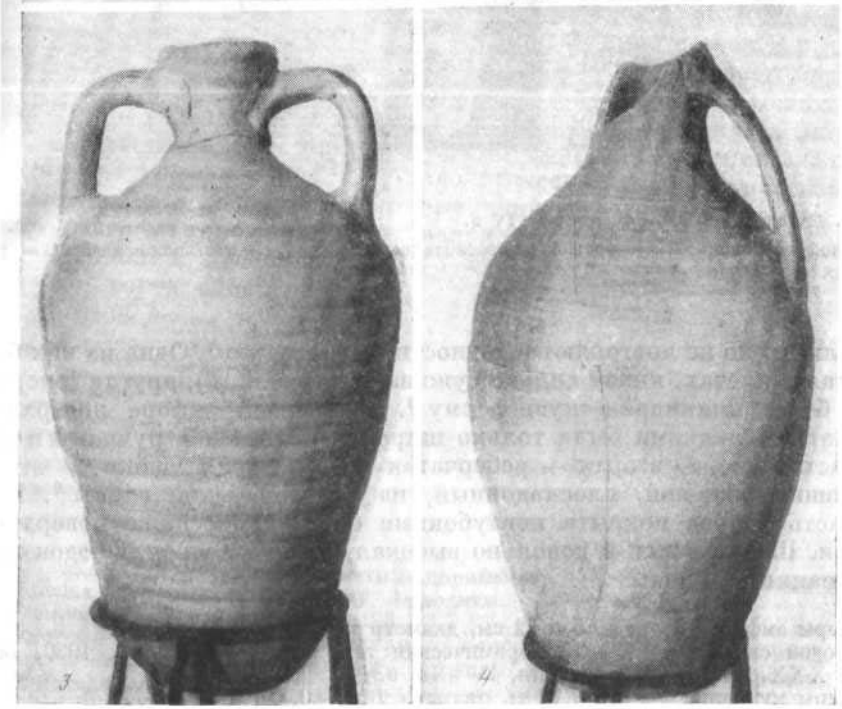
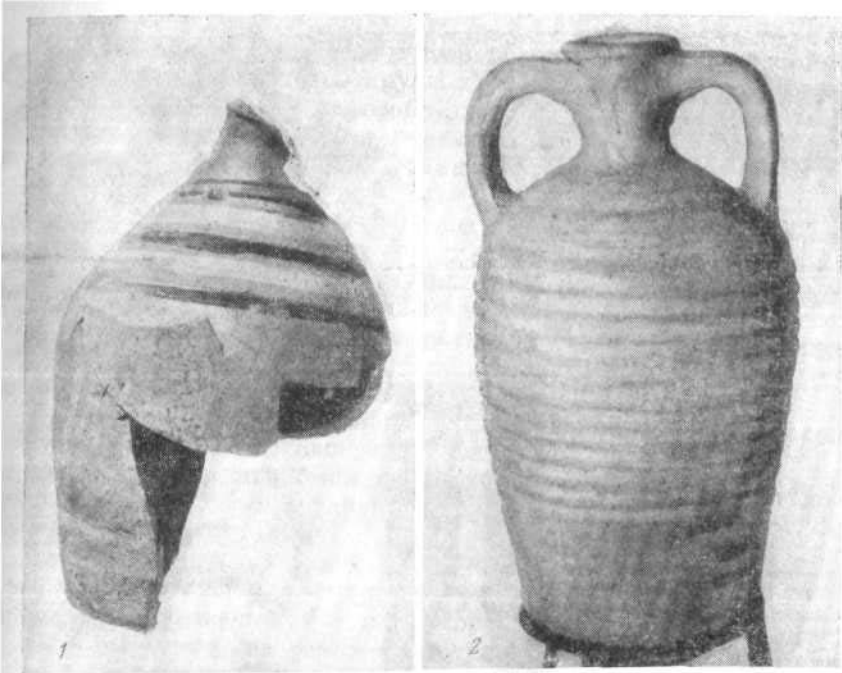
раскопки на месте обнаруженных при вспашке скоплений камней^б. На значительной площади (250 кв. м) был раскрыт комплекс жилых построек (рис. 1). Большинство камешных кладок было сильно разрушено, вымостки из камня и черепицы, а также полы сохранились частично и только местами. Керамика, за исключением нескольких целых сосудов, была в обломках. Все это лежало в слое пожарища — рыхлом грунте серо-коричневого цвета с включениями золы, сажи, кусков обгорелой глины. Судя по сохранившимся остаткам, постройки имели каменное основание, глинобитные стены и черепичную кровлю. Основания домов состояли из одного ряда кладки с двумя панцирями. Один панцирь был сложен из более или менее крупных камней известняка, уложенных горизонтально, другой состоял из мелких камней, поставленных наклонно. Лучше сохранились три смежных помещения (А, Б и В), имевших выходы на север. Помещение А сохранилось частично, ясно выявлен вход и порожек (рис. 1, 5) в виде большой плиты; около порожка сохранилась часть глиняного пола размером 1,30x1 м и толщиной 1—2 см, лежавшего на слое черепицы и камней. Последний прослежен на площади 1,7 X X2 м. Помещение Б сохранилось полностью, его размеры 3,60x3,20 м. Северная кладка (рис. 1, 4) совсем развалилась. В одном из углов между кладками (рис. 1, 1, 2) найдена разбитая посуда и крупные обломки кувшинов и амфор. Среди них — оригинальный одноручный сосуд с плоским дном и плоской ручкой, от которой сохранилось основание, расписанный в верхней части чередующимися белыми и красными поясками (рис. 2, 1). Помещение В имело значительно большие размеры, но сохранность кладок здесь очень плохая. Вход находился в кладке 4 (рис. 1). Здесь были найдены большие плоские рыболовные грузила.

К западу от этих помещений обнаружен угол дома — две кладки, идущие под прямым углом (рис. 1, 7, 16). Он был укреплен большим квадратом известняка. В углу сохранилась небольшая часть пола из черепицы и камня (рис. 1, 21).

Юго-западнее раскопан угол еще одного дома, кладка которого (рис. 1, 14—15) сохранилась плохо. Видимо, дома были разделены перегородками, но установить размеры их было невозможно из-за плохой сохранности кладок. В северо-восточном углу раскопа находились полуразвалившиеся кладки, также шедшие под прямым углом (рис. 1, 10, 17). Вероятно, они относились к одному помещению. С северной стороны кладки 17 лежали три целых сосуда — две амфоры и большой кувшин. Амфоры имеют массивное тулово с круглым дном, короткую шейку, маленькие округло согнутые ручки, которые начинаются над плечиками амфоры и подходят к горлу под венчиком. Они изготовлены из фанагорий-

^б Камни лежали на поверхности большими скоплениями. Среди них — обломок мраморной плиты со строительной надписью II в. н. э. (*Блаватская Т. В.* Фанагорийская надпись Савромата I. — КСИА, 1976, вып. 145).

Рис. 2. Амфоры и кувшины из раскопок 1973 г. в Фанагории

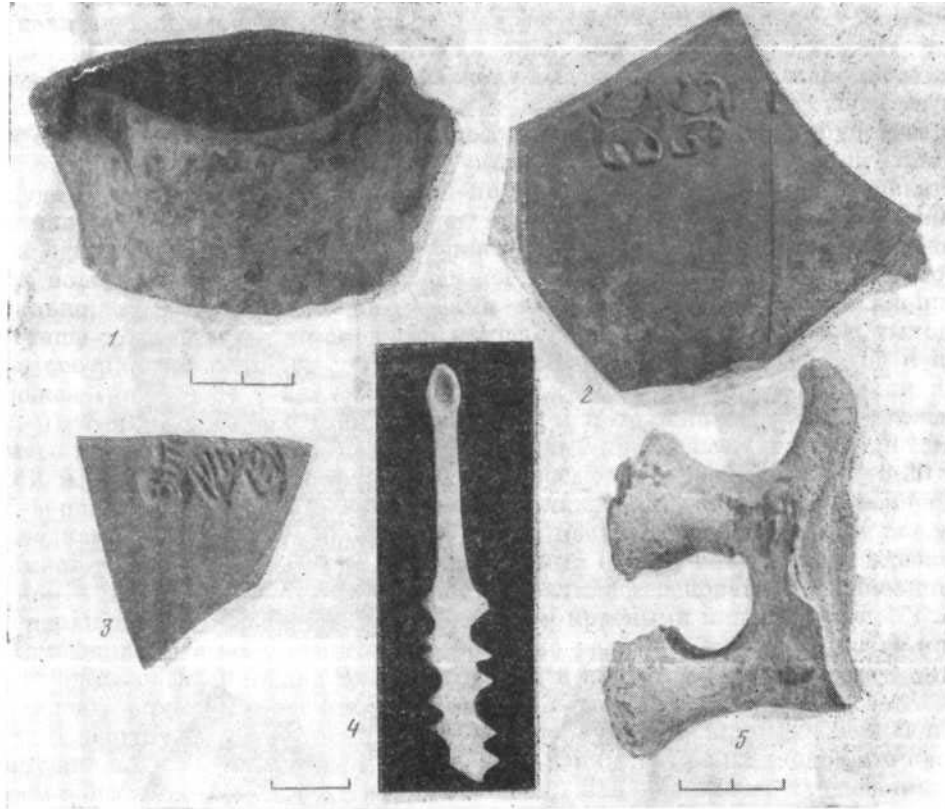

Рис. 3. Находки из слоя Фанагории IV в.

1 — лепной светильник; 2, 3 — фрагменты краснолаковых сосудов; 4 — костяная ложечка; 5 — ручка сероглиняного сосуда

ской глины, но не повторяют в точности одна другую⁷. Одна из них более раздутая в плечах, книзу сильно суживается (рис. 2, 2); другая (рис. 2, 3) имеет более цилиндрическую форму⁸. На первой амфоре поверхность реберчатая, гладкими были только широкая полоса под ручками и нижняя часть тулова, вторая — реберчатая от основания шейки.

Кувшин большой, плоскодонный, из фанагорийской глины⁹. Верхняя часть тулова покрыта неглубокими бороздками; ниже поверхность гладкая. Шейка узкая и довольно высокая, ручка плоская. Ободок горла не сохранился (рис. 2, 4).

⁷ Размеры амфор: высота 40,5 и 42 см, диаметр тулова 12,9 и 13,3 см.

⁸ Аналогии см.: *Зеев И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, № 83, табл. XXX, рис. 986 (Фанагория, IV в. н. э.).

⁹ Размеры кувшина: высота 0,78 м, диаметр дна — 0,145 м.

В культурном слое было много обломков фанагорийской черепицы. Найдены также фрагменты круглых реберчатых и гладких каллиптеров, широкогорлых амфор, пифосов, лутериев, кухонной посуды черной и коричневой глины, лепной черноглиняный светильник (рис. 3, 1), плоское пирамидальное грузило, глиняное пряслице, костяная ложечка (рис. 3, 4), фрагменты сероглиняных лощеных и краснолаковых сосудов (рис. 3, 2, 3). Среди них интересны обломок с вдавленным орнаментом в виде противопоставленных дуг с завивающимися концами и фрагмент с вдавленным изображением птицы (рис. 3, 5). Обнаружены находки и более раннего времени, до первых веков н. э.¹⁰ Очевидно, рассматриваемая территория города была заселена не только в IV тысячелетии, но и в более раннее время. Найдено также много костей животных (лошади, коровы, барана), птиц, осетровых рыб.

Очевидно, на юго-восточной и юго-западной окраинах городища граница застройки IV в. совпадает с границей Фанагории времени расцвета. Фанагория в IV в. н. э. была таким же большим городом, как и в более раннее время. В этих районах разрушенные гуннами кварталы уже не были восстановлены.

Центральная часть города также была разгромлена гуннами. Об этом свидетельствует слой пожарища мощностью до 0,20—0,25 м над остатками каменных сооружений IV в. н. э., хорошо прослеженный на северном раскопе¹¹. Но здесь, на самом берегу залива, над слоем пожарища были открыты значительные строительные остатки V в. н. э. — каменные фундаменты, вымостки, колодезь, а толщина культурного слоя V в. достигала 60 см. На Центральном раскопе, менее чем в 100 м дальше от берега, слой V—VI вв. был очень тонок, а строительные остатки незначительны. Можно думать, что главная часть города V—VI вв. н. э. находилась лишь в прибрежной части нижнего плато, которая в настоящее время в значительной части разрушена морем¹². Археологические данные подтверждают письменными, источниками, которые свидетельствуют, что после гуннского разгрома город восстанавливался медленно. В V—VI вв. н. э., по словам Прокопия Кесарийского, это был небольшой городок¹³. Позже, конечно, город вновь разросся.

¹⁰ Из таких находок нужно отметить дорийскую капитель позднеэллинистического периода и мраморную головку Афродиты.

¹¹ Кобылина М. М. Фанагория, с. 23.

¹² Согласно подводным исследованиям, северная граница затопленной части города находится в 200 м от современного берега (Блаватский В. Д. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. — СА, 1961, № 1, с. 279, рис. 1).

¹³ Proc. Kes., V, 23.

СКИФЫ, САРМАТЫ И ИХ СОСЕДИ

СКИФСКОЕ КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ С. БУТОРЫ

А. И. Мелюкова

В 1969 г. при вспашке поля у с. Буторы Григориопольского района Молдавской ССР из насыпи кургана была извлечена половина каменного изваяния скифа-воина (рис. 1). Первая публикация памятника принадлежит В. И. Марковину, который определил его как скифское изваяние и его общие хронологические рамки¹.

Курган, на вершине которого когда-то стояла каменная фигура, входит в группу из 15 насыпей, расположенных на площади около 1,5 кв. км. В 1970 г. В. А. Дергачев произвел здесь раскопки этого и еще одного скифского кургана², а в 1972—1973 гг. Западно-скифская экспедиция ИА АН СССР исследовала еще 10 курганов: три эпохи бронзы, остальные — скифские IV в. до н. э.³

При раскопках В. А. Дергачева в насыпи кургана на глубине 0,4 м была найдена вторая половина каменного изваяния. Могила, находившаяся под насыпью, оказалась ограбленной. Из нее происходят лишь костяная ворворка и небольшой камень яйцевидной формы, видимо, ритуального назначения, на основании которых невозможно уточнить время памятника.

Курган по размерам насыпи не превышал большинство других курганов в группе. Его высота 1,2 м, диаметр около 30 м. Могильная яма (4х1,8 м, глубиной 3 м) по форме и размерам также не отличается от могил, преобладавших в исследованных курганах, как и ее перекрытие из мощных дубовых бревен. Очевидно, курган с каменным изваянием не имел заметных особенностей по сравнению с соседними. Кость основания считать, что курганный могильник у с. Буторы был кладбищем не рядовых общинников, а относительно богатых семей, может быть, принадлежавших к скифской знати из кочевого населения, жившего в IV в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра.

¹ Советская Молдавия, 1969, 3 декабря.

² Дергачев В. А., Лапушиян В. Л., Мелюкова А. И. Исследование памятников бронзы и раннего железа в Молдавии. — АО. 1970 г., М., 1971, с. 359 и сл.

³ Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии (1972). Кишинев, 1974, с. 77 и сл.; Она же. Работы Западно-скифской экспедиции. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии (1973). Кишинев, 1974, с. 53 и сл.

Скифское каменное изваяние для западных областей Скифии является первой находкой такого рода⁴. Уже поэтому оно представляет большой интерес. Значение памятника тем более велико, что он имеет ряд особенностей, не встречавшихся на известных ранее скифских антропоморфных стелах или скульптурах Северного Причерноморья и Прикубанья.

Изваяние выполнено из массивных плит серовато-коричневого крупнозернистого плотного песчаника толщиной 0,13—0,18 м, состоит из двух половин, хорошо пригнанных друг к другу (рис. 1). На верхней плите моделирована голова и верхняя половина фигуры до талии, нижняя передает талию и бедра. Ноги не изображены, а как бы отмечены сужающимся книзу контуром плиты. Поверхности плит обработаны достаточно хорошо. Обработка отсутствует только на сужающейся части нижней плиты, которая, очевидно, была углублена в землю. Общая высота изваяния — 2,18 м; верхняя плита имеет высоту 1,02 м, нижняя 1,16 м. Ширина фигуры в плечах — 0,78 м, в талии 0,52 м, в бедрах 0,50 м. Каких-либо приспособлений для сцепления плит между собой нет, поверхности их на месте соединения очень ровные, без следов применения связующего раствора. Может быть, мы имеем дело с двумя частями одной большой расколовшейся плиты.

Изображения на плитах выполнены в низком рельефе и резьбой. Общие очертания скульптуры передают сильную мужскую фигуру, широкую в плечах и пропорционально узкую в талии и бедрах. Массивная голова как бы выросла в плечи, шея не выделена. Рельефный, прямой и длинный нос, к которому вплотную подходят рельефные же надбровия, придают лицу суровость и строгость, которые еще более подчеркивают прямой рот и близко поставленные глаза, выполненные глубокими резными линиями. Тонкой и менее глубокой резьбой переданы усы и борода, причем общий контур усов, свисающих вниз, нанесен несколько более глубокими резными линиями. Волосы на голове не изображены. Это наводит на мысль о шлеме или башлыке, однако никаких заметных следов головного убора нет. Особенно показателен¹ в этом отношении затылок воина (рис. 1, 2). Уши достаточно хорошо проработаны, выполнены в рельефе с углублением в центре. На шее изображена массивная гривна. С широкими сильными плечами как бы контрастируют немощные руки, видимо, выдавая недостаточно высокое мастерство скульптора, сосредоточившего основное внимание на изображении кистей, главным образом пальцев, и не заботившегося о правильном воспроизведении остальных частей рук.

В правой руке, согнутой в локте, воин держит ритон с загнутым почти под прямым углом нижним концом. Левая рука на верхней половине изваяния поместилась только до кисти. Кисть изображена лежащей на поясе и верхней части горита, переданных на нижней плите изваяния. По верхнему краю нижней половины фигуры изображен пояс, видимо, глад-

⁴ Три каменных скифских скульптуры известны на территории Румынской Добруджи (*Canarache V. Consideratii asupra unei statui inedite din timpul orinduirii comunei primitive in Dobrogea. — SCIV, 1953, t. IV, 3—4, p. 709c; Alexandrescu Al. Doua Statui traco-scitice din Dobrogea. — SCIV, 1958, t. IX, 2, p. 292; idem. In Cegatura en stntnile «scitico». - SCIV, 1960, t. XI, 2, p. 383).*

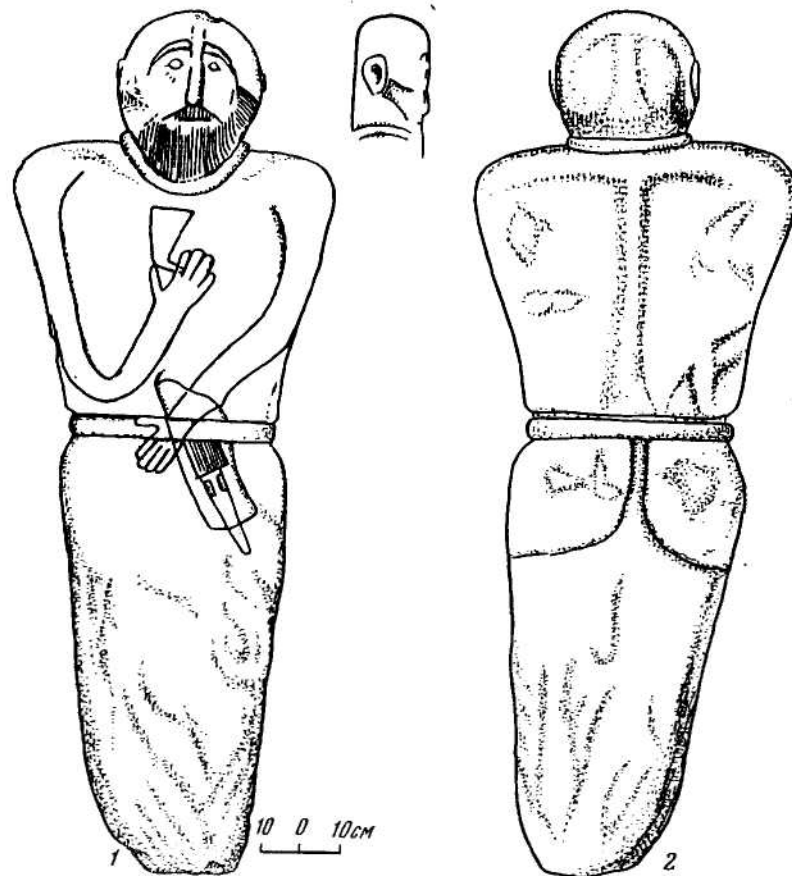

Рис. 1. Каменные изваяния у с. Буторы
1 — лицевая сторона; 2 — обратная сторона

кий, кожаный. Он выполнен одинаково рельефно не только на лицевой, но и на тыльной стороне изваяния. Спереди слева как бы за пояс заткнут горит с луком и карманом для стрел и короткий кинжал. Горит изображен в низком рельефе. Лук передан резьбой там, где он как бы просвечивает через руку и рельефом на верхней половине фигуры. При этом сплошным рельефным массивом исполнен конец лука с тетивой. Древки стрел, находящихся в горите с открытым карманом, показаны глубокой резьбой. В низком рельефе дана рукоять короткого кинжала, клинок его нанесен резными линиями. Способ крепления кинжала с горитом или поясом неясен.

На тыльной стороне верхней плиты слабо моделированы несколько выступающие лопатки и углубление на месте позвоночника. На нижней

половине, кроме опоясывающего талию пояса, показаны полы кафтана или куртки. Видимо, художник имел в виду облегающую тело одежду, через которую выступает мускулатура.

Общий облик каменного изваяния вполне традиционен для скифских художественных произведений такого рода, каждое из которых всегда имеет и свои особенности. На скифских антропоморфных стелах или примитивных статуях чаще всего бывают смоделированы голова и плечи, реже — талия и бедра. Изображения передаются в низком рельефе и дополняются резьбой. Обычно в правой согнутой руке воин держит ритон, левая бывает расположена под правой, выше пояса или на нем. Только на скульптуре из Терновки⁵ кисть левой руки лежит на горите, как и на изваянии из с. Буторы. Почти на всех антропоморфных стелах присутствует лук в горите и акинак⁶.

По характеру выделки изображения и особенно — вниманию, которое уделено передаче лица воина, рассматриваемая скульптура наиболее близка стелам их сел Терновки⁷ и Ольховчик на Донетчине⁸, но имеет достаточно отчетливые черты своеобразия. Во-первых, необычно размещение оружия. Если на известных ранее скульптурах горит и акинак показаны раздельно, причем горит на левом боку, а акинак — справа или спереди, то здесь оба предмета помещены спереди слева, как бы скреплены друг с другом или висят на поясе один под другим. Принимая во внимание, что все антропоморфные изображения скифов в местном и античном искусстве выполнены в реалистической или условно реалистической манере, можно думать, что перед нами еще один способ ношения предметов вооружения скифскими воинами, о котором мы не знали раньше. Существование его может быть подтверждено находками в ряде скифских могил колчанного набора, стрел и акинака у левого бока или бедра скелета. Чаще, чем в других районах, совместное положение обоих видов оружия слева встречается в курганах Восточного Крыма⁹ и в Николаевском могильнике Одесской области¹⁰.

Во-вторых, есть особенности в воспроизведении формы вооружения. На всех известных до сих пор скульптурах горит или передан обобщенно, и тогда карман для стрел не показан, или более детально, но карман со стрелами изображен с закрытым клапаном¹¹. На скульптуре из с. Буторы горит представлен с карманом, имеющим глубокий вырез, в котором видны древки стрел. Это позволяет сблизить горит на буторской скульптуре с изображениями на предметах античной торевтики: на куль-об-

⁵ Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. — СА, 1959 № 2, с. 189, рис. 3, 4.

⁶ Там же, с. 195, табл. 1.

⁷ Там же, рис. 3, 4.

⁸ Шульц П. Н. Скифские антропоморфные изваяния Причерноморья. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 236, рис. 11.

⁹ Яковенко 9. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 121, рис. 4, 4.

¹⁰ Мелюкова А. И. Поселение и могильник IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской обл. М., 1977.

¹¹ Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные. . . , с. 193, рис. 2, 4, 8,

ском ¹², воронежском ¹³ и гаймановском ¹⁴ серебряных сосудах, на золотой пекторали из Толстой могилы ¹⁵, гребне из Солохи ¹⁶.

Отличается от большинства изображений и трактовка кинжала или короткого меча. Здесь не показано перекрестье, столь характерное для скифского оружия этого вида. Этому трудно найти объяснение, так как в районах Нижнего Поднепровья, как и на более далеких территориях, мечи и кинжалы скифской эпохи без перекрестья не употреблялись. Этот лишенный характерных деталей вариант передачи скифского короткого меча или кинжала также может быть сопоставлен с произведениями античной торевтики, сделанными для скифских заказчиков. Весьма близких очертаний кинжал без перекрестья держит в руке пеший воин, изображенный на гребне из Солохи ¹⁷.

Несколько необычна для скифских изваяний форма ритона со сломанным под прямым углом нижним концом. Подобные изображения ритонов известны лишь на поздних произведениях скифского или уже сарматского монументального искусства, таких, как стелы из Заветнинского могильника ¹⁸ или с городища Алма-Кермен ¹⁹, которые по всем остальным признакам не имеют ничего общего с изваянием из с. Буторы. Однако если мы сравним изображение с известными нам находками ритонов, то увидим, что среди последних есть достаточно близкие по форме. Я имею в виду серебряные ритоны из Дуровки ²⁰ и Куль-Обы ²¹, у которых узкий конец расположен по отношению к широкому почти под прямым углом. Правда, в отличие от изображения на скульптуре, эти ритоны имеют длинный, а не короткий узкий конец. Но такое отличие, как мне представляется, не может противоречить предположению, что скульптор при передаче ритона исходил из вполне реального образа. Видимо, заметив, что изображение получилось не совсем правильным, он попытался его подправить резными линиями, как бы удлиняющими узкий конец ритона.

Особое своеобразие каменному изваянию из с. Буторы придает изображение лица воина. До сих пор на скифских скульптурах не были известны воспроизведения мужского лица с бородой. Лишь на некоторых из них изображены усы, но и они обычно передаются в рельефе, без детализации, так же как нос и надбровия ²². Здесь же растительность на лице

¹² Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага—Ленинград, 1955, табл. 233.

¹³ Там же, табл. 196, 198.

¹⁴ Бидзилья В. Г. Дослідження Гайманової Могили. — Археологія (Київ), 1971, № 1, с. 53, рис. 8, 11.

¹⁵ Мозолевский Б. И. Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине. — СА, 1972, № 3, рис. 15.

¹⁶ Артамонов М. И. Сокровища. . ., табл. 150.

¹⁷ Там же, табл. 150.

¹⁸ Богданова Н. А. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. — СА, 1961, № 2, рис. 1, 2.

¹⁹ Богданова Н. А. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. — СА, 1965, № 3, с. 235, рис. 2.

²⁰ Пузикова А. И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области. — КСИА, 1966, вып. 107, с. 84, рис. 30.

²¹ Артамонов М. И. Сокровища. . ., табл. 251.

²² Шульц П. Л. Скифские антропоморфные изваяния. . ., рис. 10, 11.

передана параллельными резными линиями, хотя по общей форме усы близки к изображенным на скульптурах из Терновки, Ольховчика и др. Характерным их признаком могут считаться опущенные вниз концы.

Изображения усатых и бородатых скифов известны на произведениях греческой и местной торевтики. Однако на большинстве из них можно видеть более длинные бороды иной формы. Вместе с тем есть несколько металлических изделий, на которых изображены мужские фигуры с бородами, очень близкими к представленной на изваянии из с. Буторы. Таковы золотые бляшки двух видов из Куль-Обы²³, где скифы изображены с короткими окладистыми бородами, переданными параллельными линиями. В такой же условной манере изображается растительность на лице конного воина на ритоне из кургана у с. Мерджаны в бассейне р. Кубань²⁴. По художественным достоинствам эти произведения значительно уступают первоклассным реалистическим воспроизведениям скифов на вазах, на гривне из Куль-Обы или на гребне из Солохи. Некоторый схематизм и условность, видимо, объясняется более низкой квалификацией мастеров, изготовивших эти изделия. Это позволяет предполагать, что местный скульптор мог воспользоваться отдельными стилистическими приемами, к которым прибегали ремесленники-торевты, допуская некоторый схематизм при изображении скифов. Тиснение и штамповку, при помощи которых в металле выполнялись некоторые детали, при работе в камне, видимо, заменяли резьбой.

Приведенные сопоставления могут способствовать датировке каменного изваяния из с. Буторы. Упомянутые изделия из металла относятся к IV в. или IV—III вв. до н. э. Этим же временем может быть датирована и рассматриваемая скульптура. Вместе с тем нельзя не учитывать близости ее к каменным фигурам воинов из Терновки и Ольховчика. Датировка терновской стелы второй половиной — концом V в. до н. э.²⁵ заставляет несколько удревнить предлагаемые хронологические рамки. Однако ни в одном из раскопанных у с. Буторы курганах не было встречено никаких материалов ранее IV в. до н. э., что не позволяет говорить о V в. до н. э.

Отмеченные выше специфические особенности изображения позволяют думать, что местный скульптор стремился передать совершенно определенный образ немолодого воина, видимо, наделенного значительной физической силой. Кто был этот человек, увековеченный в камне? К сожалению, мы не располагаем такими данными, чтобы на их основании внести какие-либо изменения или дополнения к существующим суждениям относительно назначения скифской монументальной скульптуры. И все же необходимо отметить следующее. В насыпь кургана скульптура попала, видимо, уже после того, как была разрушена. Первоначально она стояла, очевидно, на вершине кургана. Это подтверждает мысль о том, что скифские антропоморфные стелы служили погребальными памятниками. К этому выводу склоняется большинство исследователей,

²³ Елагина Д. Г. Скифские антропоморфные. . . , рис. 9.

²⁴ Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. — Археологический сборник. Гос. Эрмитаж (Л.), 1961, № 2, с. 62, рис. 6.

²⁵ Елагина Н. Г. Скифско-пнтропоморфттыр . . . , с. 193.

занимавшихся их изучением²⁶. Следовательно, можно думать, что скульптура была поставлена в честь человека, погребенного под курганом, и передавала черты, свойственные имсяно ему. Если следовать за П. Н. Шульцем, то нужно предполагать, что этот человек был военачальником или базилевсом, властителем области²⁷. Этому как будто противоречит то обстоятельство, что курган не выделялся из остальных, составлявших кладбище какой-то части скифского населения левобережья Нижнего Поднестровья, в то время как, например, Калиновская стела стояла на самом большом кургане из числа составлявших группу²⁸. Безусловно, выделявшимся из всех остальных был и курган в с. Медорово, в котором найдено каменное изваяние скифа-воина²⁹. Значит, либо археологические материалы не дают оснований для выделения могил особенно знатных лиц, наделенных властью, либо перед нами курган, не принадлежавший такому лицу. Учитывая, что мы имеем дело с периферией скифского мира, следует допускать возможность сохранения некоторых пережиточных явлений, быть может, к IV в. до н. э. уже исчезнувших на основной территории скифского царства. В этой связи представляется более вероятным видеть в каменном изваянии из с. Буторы отражение представлений о героизированном образе родоначальника, предка рода или группы родственных семей. Не отличаясь по знатности и богатству от своих родственников, он почитался как глава рода или семьи. Быть может, именно поэтому над его могилой и был поставлен памятник.

²⁶ Елогина Н. Г. Скифские антропоморфные. . . , с. 194, 195, примечание 25.

²⁷ Шульц П. Н. Скифские антропоморфные изваяния. . . , с. 234—237.

²⁸ Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные. . . , с. 187.

²⁹ Археологія УРСР, т. II. Київ, 1971, с. 50.

КУРГАН У МЕСТЕЧКА КРУПОЛЬ

В. Г. Петренко

В архиве Археологической комиссии в ЛОИА АН СССР (дело № 342/1913) имеется просьба на выдачу открытого листа хранителя археологического отдела Естественно-исторического музея Полтавского губернского земства В. М. Шербаковского. Здесь же находятся два фотоснимка вещей, найденных им при раскопках у местечка Круполь бывшего Переяславского уезда. В делах последующих лет сведений об этих раскопках нет. В 1928 г. М. Я. Рудинский писал, что в Полтавском музее хранятся вещи из раскопок В. Шербаковского «в околицах Круполя (1913), біля с. Софіївки, та с Пилипчичі на Переяславщині (1915)»¹.

¹ Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського Державного музею. У Полтаву 1928, с. 19.

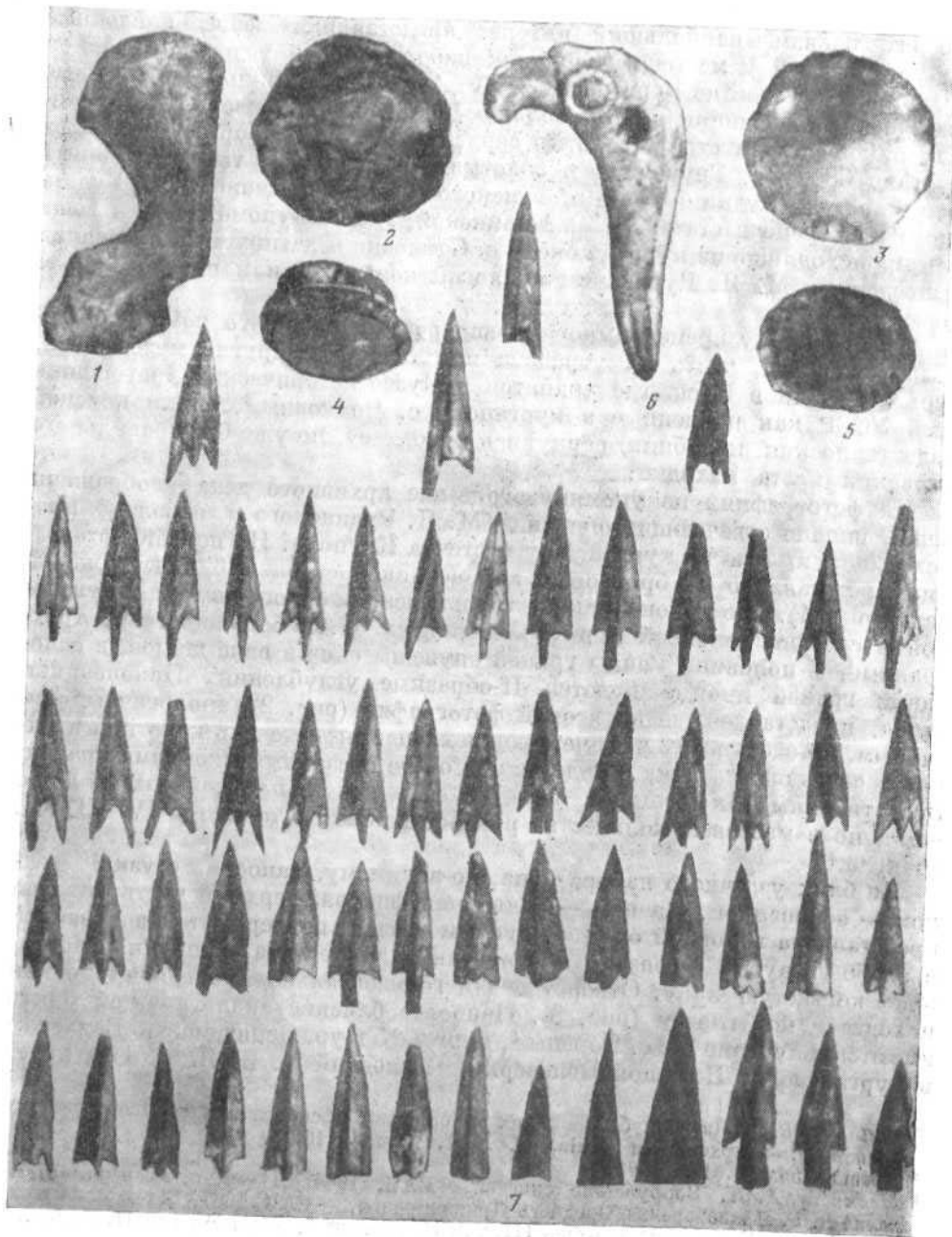

Рис. 1. Вещи из кургана у м. Круполь. Бронза

По его словам, наибольший интерес представляют вещи, найденные в кургане № 6 у местечка Круполь: набор конской узды, который он сравнивает с уздой из кургана № 2 у с. Аксютинцы, крупные и тяжелые железные наконечники копий, большое количество бронзовых трехгранных наконечников стрел, золотые серьги, близкие по форме серьгам из кургана 383 у с. Грушевки, и золотые круглые бусы типа найденных в кургане у с. Будки бывшего Роменского уезда. Сообщение М. Я. Рудинского повторено в статье В. А. Ильинской, где она упоминает эти вещи как происходящие из кургана около с. Софиевки и датирует на основании приведенных М. Я. Рудинским аналогий концом V или началом IV в. до н. э.²

К настоящему времени многие вещи рассматриваемого комплекса депортированы, часть их утрачена или попала в другие музеи. Так, серьги попали в Киев, где хранятся в Музее исторических драгоценностей УССР как найденные в кургане у с. Волковцы³, бляхи конской узды (наносник, налобник) вернулись в Полтаву, но уже без правильного указания места находки.

На фотографиях из упомянутого выше архивного дела изображены вещи, вполне отвечающие описанию М. Я. Рудинского и, вероятно, происходящие именно из кургана 6 у местечка Круполь. На первой фотографии представлено 50 бронзовых наконечников стрел и 6 блях конской узды (рис. 1). Все наконечники, за исключением одного-двух, с треугольной в сечении головкой и внутренней втулкой, в большинстве — трехгранные. У половины концы граней опущены вниз в виде шипов, в основании граней иногда имеются П-образные углубления. Наконечники стрел, представленные на второй фотографии (рис. 2), аналогичны описанным, но здесь из 12 экз. четыре трехлопастные с очень короткой втулкой и свисающими вниз в виде шипов остро срезанными концами граней. Все эти типы наконечников появляются в колчаных наборах V в. до н. э., но в массовом количестве распространяются только в IV—III вв. до н. э.⁴

Из блях уздечного набора одна, по-видимому, наносник с узким щитком — основанием. На нем — рельефная фигура, верхняя часть которой представлена головкой орла с круглым глазом, подчеркнутой восковицей и слабо загнутым клювом с прочерченной линией рта, а нижняя изображает когтистую лапу. Отверстие для горизонтально проходящего ремня находится под глазом (рис. 3). Наиболее близкие аналогии этой бляхе имеются в кургане 2 у с. Борзны⁵, кургане 5 в ур. Осняги около Вельска⁶ и кургане близ Большой Белозерки. Последний И. В. Яценко датирует

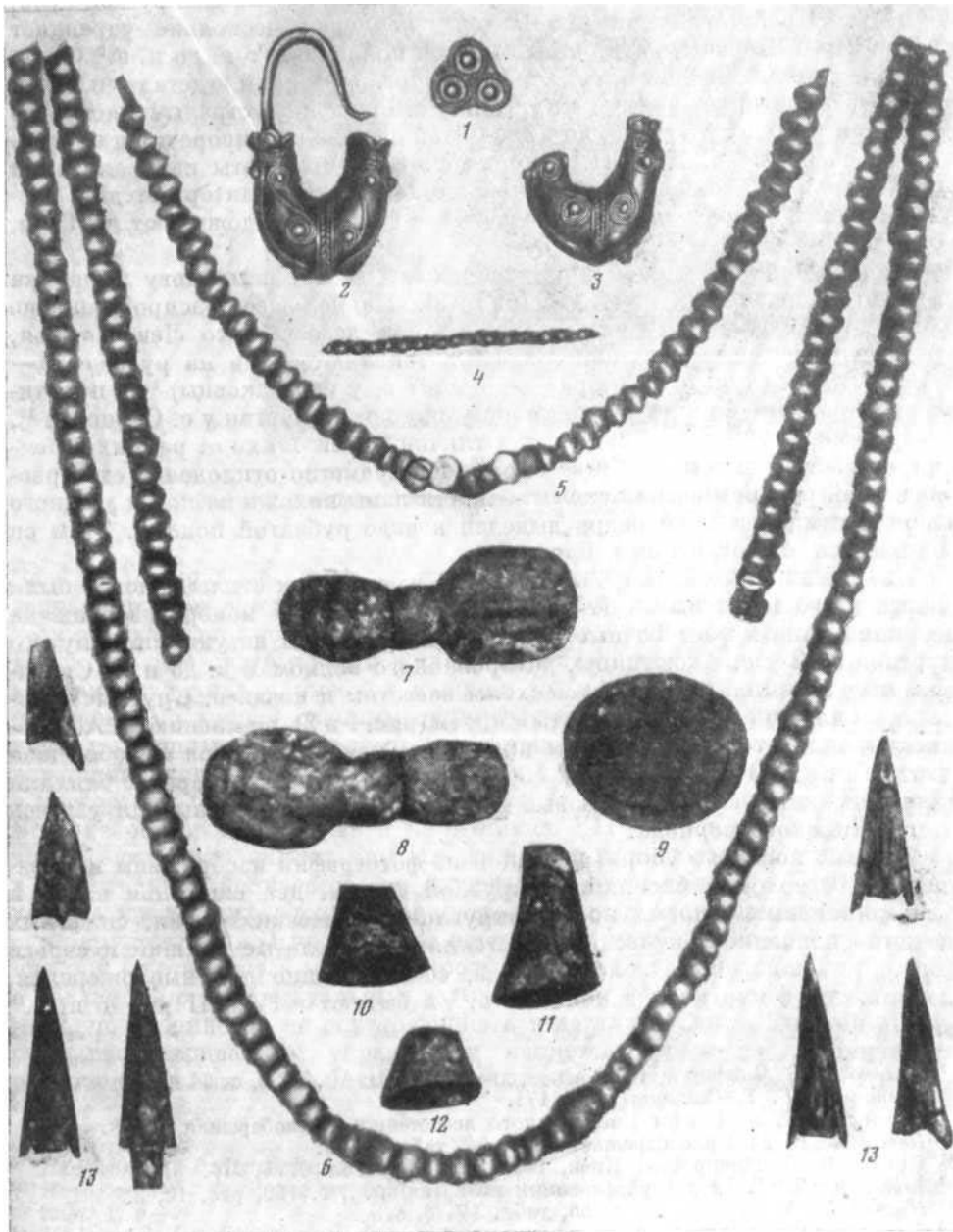
² *Ильинська В. А.* Из неопублікованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному Лісостепу. — *Археологія* (Київ), т. XXI, 1968, с. 160.

³ *Древнее золото*. М., 1975.

⁴ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. — *САИ*, 1964, Д1—4, с. 25 и сл.; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья. — *САИ*, 1967, Д1-4, с. 44 и сл. (отдел I, тип IV, вариант 8; отдел III, тип II, вариант 6; отдел IV, тип II, варианты 5, 6).

⁵ *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 40, табл. XXXI, 11—13.

⁶ *Ковпаненко Г. Т.* Племена Скифского часу на Ворсклі. Київ, 1967, с. 106, рис. 51, 4.

Р и с. 2. Вещи из кургана у И. Круполь
1—4, 6 — золото; 5 — золото; стекло; 7—13 — бронза

самым концом V в. до н. э.⁷ Курган 5 ур. Осняги четко датируется IV в. до н. э.⁸ Представляется, что В. А. Ильинская несколько удревяняет курган 2 у с. Борзны, датируя его первой половиной V в. до н. э.⁹ Фрагмент бляхи в виде головы лося из этого кургана формой и деталями почти полностью повторяет бляху из кургана у с. Гришенцы, стрелы из которого относятся к концу V—IV в. до н. э.¹⁰ Этой дате не противоречит и найденный здесь же псалий. А. И. Шкурко считает, что черты натурализации образа орлиной головки в круглой скульптуре, характерные для рассматриваемых украшений, наблюдаются с конца V и доживают до IV в. до н. э.

Вторая бляха — налобная, изображает в профиль ногу хищника с четко очерченными когтями (рис. 3). Наибольшее распространение бляхи этой схемы получили на территории лесостепного Левобережья, хотя встречаются и в степной Скифии. Появляются они на рубеже VI—V вв. до н. э. (курган 2, из раскопок 1897 г. у с. Волковцы)¹¹ и практически без изменений бытуют до конца V в. до н. э. (курган у с. Софиевка¹², «Острая могила» под Ногайском¹³). Отличие нашей бляхи от ранних экземпляров состоит в том, что в ее оформлении заметно отклонение от первоначальной реалистической схемы — когти лапы похожи на когти хищного зверя и птицы, а край бедра выделен в виде рубчатой полосы. Этим он сближается с ногайскими бляхами.

Две одинаковые бляхи, выполненные в «зверином стиле» (рис. 2) были скорее всего нащечными. В них в весьма условной манере изображена звериная лапа в фас. Точные аналогии им известны из уже упомянутого кургана № 2 у с. Аксютинцы, датированного концом V в. до н. э. Стилизованные экземпляры блях этой схемы известны и позднее. Круглые конические и плоские бляхи с рубчатым краем (рис. 1 и 2), по мнению В. А. Ильинской, являясь характерным признаком конских уборов Левобережья V в. до н. э.¹⁴ Очень часто они сочетаются в уздечных наборах с бляхами вышеописанных схем. Бронзовые ворворки (рис. 2) обычны для уздечек всего скифского периода.

Помимо конского убора, на одной из фотографий изображены и украшения: 16 золотых бисеринок округлой формы, два ожерелья из 42 и 129 одинаковых золотых полых округло-биконических бусин, спаянных из двух половинок, и несколько стеклянных, золотые бляшки и серьги (рис. 2). Аналогичные золотые бусы, составляющие длинные ожерелья, появляются в курганах в конце V в.¹⁵ и бытуют в IV—III вв. до н. э.¹⁶

⁷ Яценко И. В. Скифия VII—V веков до нашей эры. М., 1959, с. 64 и сл.

⁸ Ковпаненко Г. Т. Племена. . . , с. 171.

⁹ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, с. 78.

¹⁰ Петренко В. Г. Правобережье. . . , с. 94, табл. 31, 9.

¹¹ Древности Приднепровья. Киев, 1899, вып. II, табл. XVI, 316.

¹² Лышська В. А. Из неопубликованных материалов. . . , с. 160, рис. 10, 2.

¹³ Яценко И. В. Скифия. . . , с. 56, табл. IV, 6, 8.

¹⁴ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья, с. 129.

¹⁵ Вобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смеллы, т. III, СПб., 1901, с. 128 (курган 66 у с. Бобрицы).

¹⁶ Древности Приднепровья, табл. XXVIII, 446.

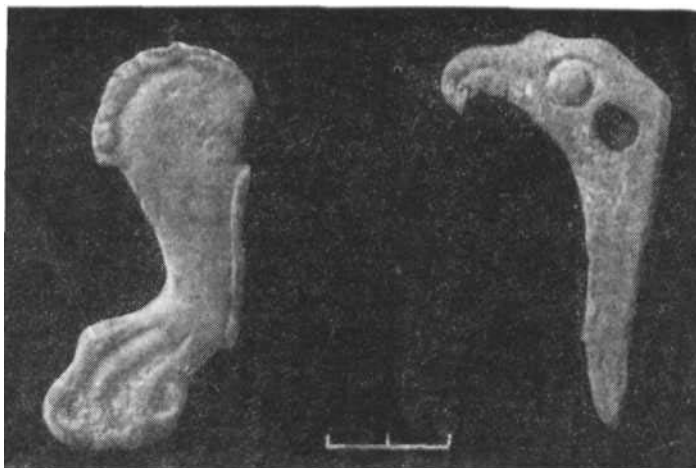

Рис. 3. Налобник и наносник из Полтавского краеведческого музея. Бронза

Золотая бляшка из трех соединенных кружков, обрамленных псевдозернью, относится к типу, появившемуся в V в. до н. э.¹⁷ на смену архаическим бляшкам, состоящим из трех строго геометрических кружков. В том же виде они бытуют и в следующее столетие¹⁸. Две золотые серьги в форме калачика с высокой дужкой, конец которой отогнут наружу, украшены по тулову сканным орнаментом в виде плетенки и волют, на концах завершаются розетками. Эти серьги, греческие по происхождению, изготавливались, по-видимому, начиная с V в. до н. э., судя по ареалу, в мастерских Северного Причерноморья. В самой Греции и на Переднем Востоке они известны уже в памятниках VII—VI вв. до н. э.¹⁹ В это время единичные экземпляры их попадают и в скифский мир. Однако в значительном количестве они встречаются здесь только с V в. до н. э., когда мода на них распространилась в среде греко-варварской и скифской аристократии. Впрочем, и в пору своего наибольшего распространения они не становятся массовой продукцией, изготавливавшейся для рынка, а делались по индивидуальным заказам, о чем говорят их форма и орнамент, почти никогда не повторяющиеся в деталях. Самой близкой аналогией рассматриваемым украшениям является серьга из хищнических раскопок Ольвии в 1900 г.²⁰, к сожалению, недатированная. Имеется

¹⁷ Петренко В. Г. Правобережье. . . , с. 29, табл. 10. 14—17.

¹⁸ Покровська Е. Ф. Розкопки коло с. МаюЛвки. — АП, т. II. Київ, 1949, с. 130, табл. I, 3—9.

¹⁹ Hadazek R. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker. Wien, 1903, S. 24 ff.; Ghirschman Roman. Iran, Protoiranier, Meder Archameniden. München, 1964, S. 114, fig. 153.

²⁰ ОАК за 1903 г. СПб., 1906, с. 148, рис. 288.

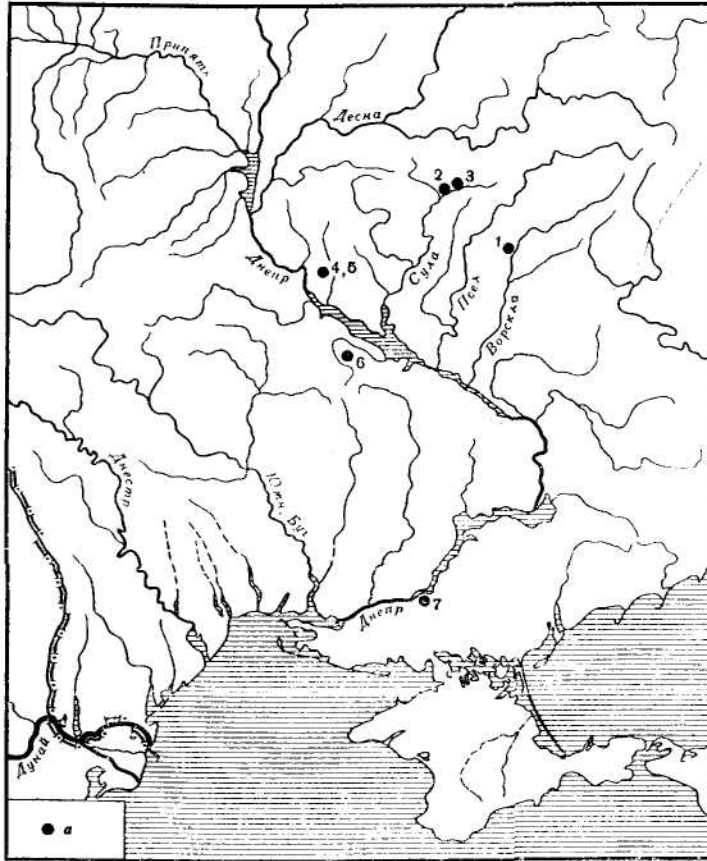

Рис. 4. Карта распространения золотых серег в форме калачика в памятниках Скифии

1 — Бельск, урочище Оспаги, курган 5; 2 — Волковцы, курган 4; 3 — ■ или кургана Роменского уезда; 4, 5 — ■ курган 4; 3 — из кургана Роменского уезда; 4, 5 — курган В у м. Круполь; 6 — Грушевка курган 483; 7 — Любимонка, курган 45

много вариантов серег этого типа. Серьги, характеризующиеся довольно широким (1 — 1,3х1,7—2,2 см) полым калачиком, орнаментированным в технике зерни и филигранны, с концами, завершающимися розеткой, и высокой дужкой с отогнутым концом, появляются с начала V в. до н. э. и встречаются до конца IV в. до н. э. Ареал их широк. Это Правобережная, Посульская, Ворсклинская и Степная группы скифских курганов, а также греческие колонии Северного Причерноморья (рис. 4).

По своему географическому положению курган № 6 у местечка Круполь входит в группу так называемой Террасовой лесостепи скифского времени, являющуюся промежуточной между Правобережной и Ливо-

бережной группами. Однако вещевой комплект его наиболее близок Посульской группе. Дата кургана, судя по наконечникам стрел, — начало IV в. до н. э. Остальные вещи комплекса бытовали в пределах конца V—начала IV в. до н. э., что не противоречит предложенной дате.

ГОРОДИЩЕ У ДЕР. НАРТОВО ПОД КУРСКОМ

А. И. Пузикова

На восточной окраине дер. Нартово к западу от Курска, на высоком мысу, вытянутом в направлении запад—восток, расположено городище¹. С севера, юга и востока мыс ограничен оврагами и поймой р. Курица, правого притока Сейма. С запада, с напольной стороны, городище было укреплено валами и рвами. Хорошо сохранились остатки внутреннего вала и рва, прослежены также остатки второго (наружного) вала меньшей высоты и еще одного рва. Площадка городища размером около 100x40 м покрыта лесом, имеет уклон в сторону реки (рис. 1, 1, 2). На памятнике исследована площадь около 300 кв. м. В северной части городища заложена траншея, в которой исследованы оборонительные сооружения. Современная высота внутреннего вала от уровня древнего горизонта составляла здесь 3 м, ширина по подошве 15—16 м (рис. 1, 3). Основа вала была из прокаленной земли, обнаруженной в виде линзы толщиной 1,5—1,8 м на слое погребенной почвы, в самом центре насыпи. По краям ее и над ней — слои жженой земли, перемешанной с черноземом, глиной, золой, древесными угольками. В разрезе первого вала ясно прослеживались два этапа его сооружения: слои насыпи разделялись золисто-углистой прослойкой, проходившей на высоте около 1 м от уровня древнего горизонта. Землю для строительства этого вала брали с площадки городища, о чем свидетельствуют находки в насыпи. Второй (внешний) вал значительно уже и ниже первого: современная высота его от уровня погребенной почвы 1—1,20 м, ширина — 6—7 м. Для его сооружения использована естественная возвышенность местности. Насыпь вала состояла из чередующихся слоев глины, чернозема и жженой земли с примесью золы и углей. Наличие в насыпях обоих валов мощных прослоек жженой земли, золы и углей говорит о первоначальном использовании в их конструкции каких-то деревянных сооружений, впоследствии сожженных. О том же свидетельствуют и прослеженные в разрезах с внутренней стороны обоих валов канавки шириной 0,60—0,80 м и глубиной 0,40—0,60 м, заполненные золой, угольками и черноземом, имевшие, вероятно, отношение к этим деревянным конструкциям. Ров между валами следует называть таковым лишь условно; он не был выкопан и

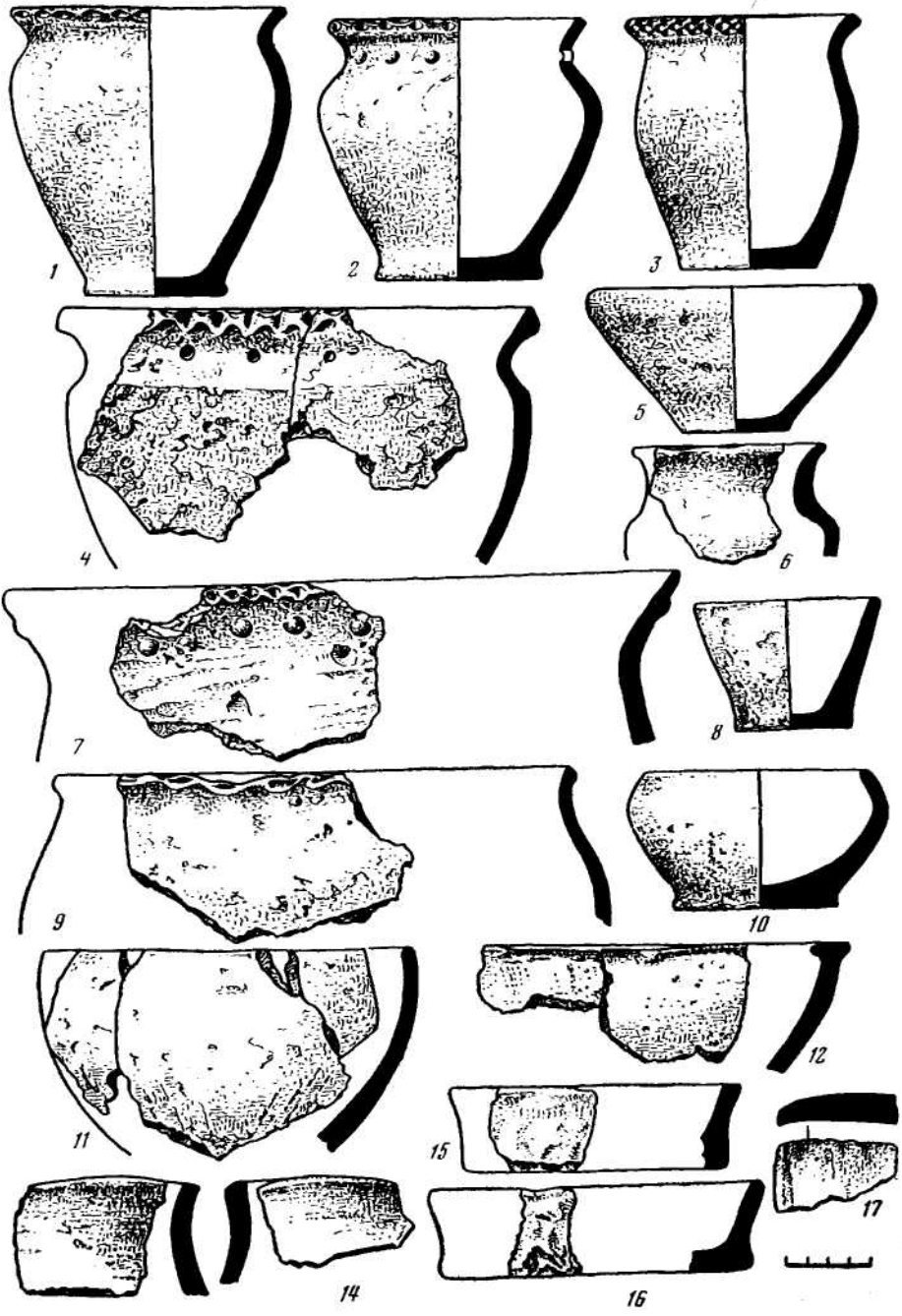
¹ Городище у дер. Нартово обнаружено в 1967 г. А. Н. Макаровым, в том же году было осмотрено Ю. А. Липкингом. С 1909 г. стационарные раскопки на городище ведутся экспедицией Института археологии АН СССР под руководством автора.

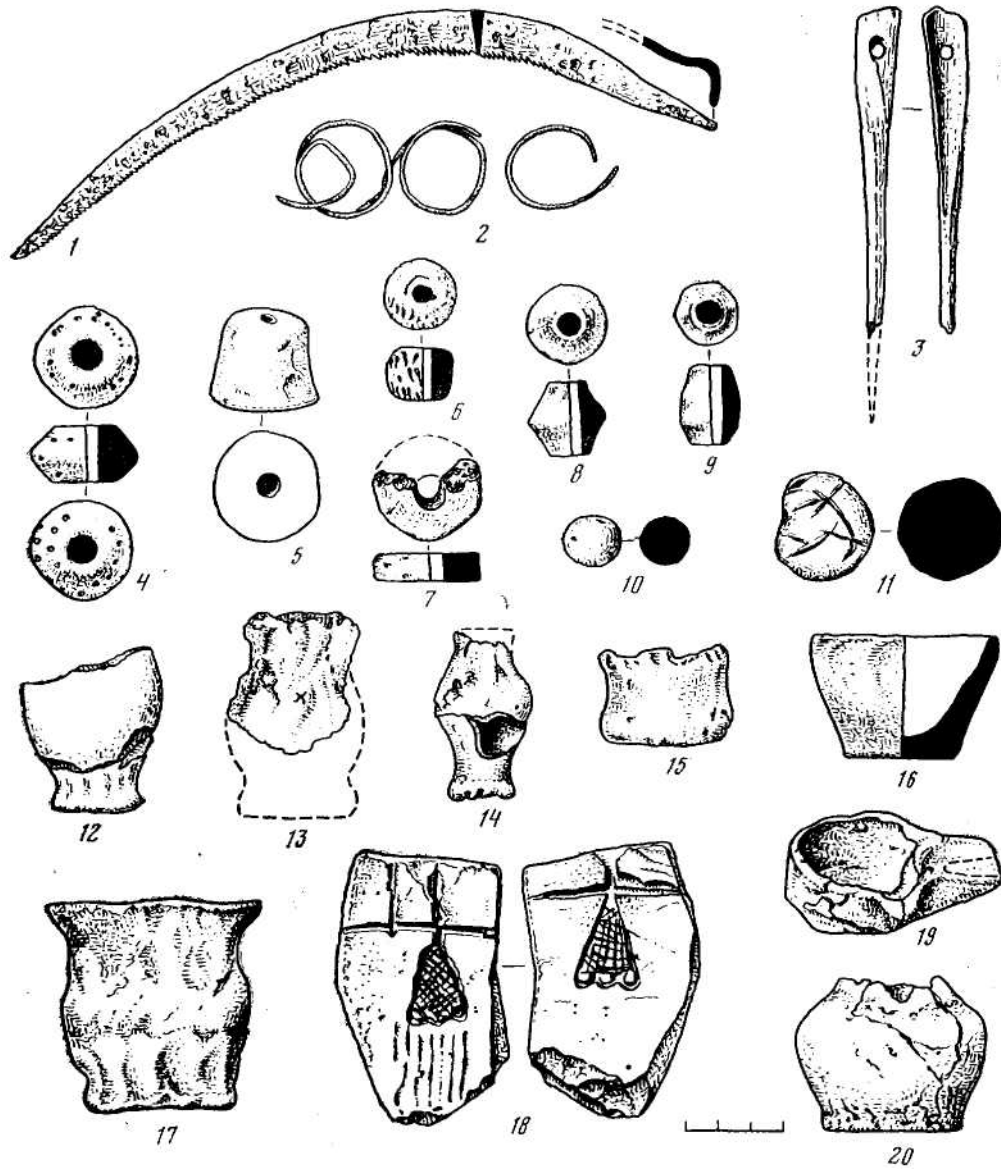
образовался при сооружении насыпи валов. Слой погребенной почвы под ним оказался непо потревоженным. Внешний ров был открыт специально. Он не глубокий: в материк плоское дно его было углублено на 0,75—0,8 м. Глубина рва от современной поверхности 1,2—1,5 м. Внутренний край его пологий, внешний — ступенчатый, заполнение состояло из чернозема с небольшой примесью золы и угольков, оползшего с насыпи второго вала. В раскопах прослежены остатки вала аналогичного устройства, окаймлявшего, вероятно, всю площадку городища.

Жилые сооружения при раскопках четко не выявились. Судя по интенсивной насыщенности культурного слоя, по наличию скоплений глиняной обмазки, керамики и других находок, они располагались вдоль валов, с их внутренней стороны. По-видимому, это были наземные постройки со слабо заглубленными в землю полом и стенами из плетня, обмазанными глиной.

В раскопах обнаружено много находок. Основную их массу составляет лепная керамика с примесями в тесте крупного шамота, реже — шамота в сочетании с песком. Поверхность посуды, как правило, заглаживалась, но из-за крупных примесей, выступающих наружу, она бугристая. Цвет ее варьирует от желто-оранжевого до черно-серого. Обжиг сосудов костровой, неравномерный. На днищах сосудов часто встречаются отпечатки зерен проса, половы, рубленой соломы, изредка каких-то концентрических кругов, возможно, от срубленного поперек ствола дерева.

Орнаментация керамики разнообразна. Характерны и являются преобладающими защипы и косые насечки по краю венчика, сочетающиеся с проколами и наружными или внутренними наколами на шейке, которым на противоположной стороне сосудов соответствуют выпуклые «жемчужины». Отмечены более редкие виды орнаментов, встреченные на одном или нескольких фрагментах: по краю венчика — защипы, на шейке — налепной валик, украшенный ямками; по краю венчика — защипы, ниже — круглые наколы, под которыми опять следуют защипы. По срезу венчика — защипы или насечки, на шейке также защипный орнамент. Встречено несколько обломков стенок, сплошь покрытых рядами пальцевых вдавлений. На одном фрагменте сосуда встречен орнамент в виде крупных косых насечек под сильно оттянутым и нависающим наружу венчиком в виде валика. Несколько массивных валикообразных венчиков были орнаментированы одним или двумя рядами лунок — ногтевых отпечатков. Такие же ряды лунок проходили и по шейке сосудов. Отмечено также небольшое количество фрагментов, по шейке украшенных так называемым «тычковым орнаментом», нанесенным концом или углом палочки. Иногда такие отпечатки скомпонованы попарно. Сосуды с таким орнаментом, как правило, тонкостенны, имеют хороший обжиг, тесто их без грубых примесей. Они относятся к юхновской культуре. Часть посуды, преимущественно горшки небольших размеров, а также миски, крышки, плоски не орнаментировались. Выделяются две категории посуды: кухонная и столовая. Кухонная керамика представлена только горшками нескольких типов, различающимися по форме венчика (рис. 2, 1-4, 6, 7, 9).

Р и с. 2. Керамика городища у д. Нартово
 1—4, 6, 7, 9—горшки; 5, 8, 10—12—миски, плошки; 13, 14—обломки кувшинов; 15,
 16—плошки-сковородки; 17—крышка

Р и с. 3. Металлические, костяные и глиняные изделия

1 — железный серп; 2 — серебряная привеска; 3 — костяная проколка; 4—9 — глиняные пряслица;
 10, 11 — глиняные шарики; 12—14 — глиняные погремушки; 15, 17, 20 — миниатюрные сосудики;
 18 — литейная форма; 19 — льячка

Ассортимент столовой посуды шире: она представлена мисками, несколькими вариантами (рис. 2, 5, 10, 11, 12), плошками (рис. 2, 8, 15, 16), чашечками на полой поддоне, крышками (рис. 2, 77). Изредка встречаются кувшины или сосуды типа ваз (рис. 2, 13, 14). В большом количестве обнаружены миниатюрные сосудики: горшочки, чашечки, мисочки, удлиненные сосудики типа вазочек и т. п. (рис. 3, 15—17, 20). Большинство из них видимо повторяют формы крупных сосудов.

Из глиняных изделий наиболее многочисленны пряслица (более 30 экз.). Они разнообразны по размерам и форме: биконические, конические, шаровидные, ступовидные, в виде плоского кружка, изготовленные из стенок сосудов и т. д. (рис. 3, 4—9). Некоторые пряслица орнаментированы защипами по всей поверхности или точечными наколами (рис. 3, 4, 6). Найдена «лепешка» из глины с растительными примесями (диаметр 5,5 см), вероятно, — принадлежность земледельческого или соллярного культа. Обнаружено несколько глиняных шариков (рис. 3, 10, 11) различного диаметра (1,5—2—3 см). Самый крупный из них изготовлен также из рыхлой глины с растительной примесью.

Единична грибовидная глиняная поделка по форме напоминающая грузики дякова типа. Поверхность ее с одной стороны сплошь орнаментирована точечными наколами. А. Е. Алихова предполагает, что подобные изделия на городищах Курского Посеймья служили Крышками для миниатюрных сосудиков². Многочисленны находки глиняных погремушек (рис. 3, 12—14). Все они относятся к одному типу — бочонковидному³.

Очевидно, ритуальное назначение имели рогатые кирпичи (рис. 3, 15), о чем говорят и обстоятельства находки одного из них: кирпич был обнаружен в специальной ямке в подошве оборонительного вала на глубине 3 м. Изготовлены кирпичи из рыхлой глины с примесью стеблей соломы или травы. На одном из них прослеживается сильно стилизованная головка животного.

Многочисленны обломки глиняных блоков, отличающиеся от известных до настоящего времени яйцевидных и лепешкообразных блоков * своеобразной орнаментацией поверхности: они разделены на зоны продольными или поперечными каннелюрами, между которыми — ряды пальцевых отпечатков. О назначении блоков существует ряд гипотез, но оно до сих пор неясно.

Костяные изделия представлены двумя проколками. На широком конце одной из них просверлено сквозное отверстие (рис. 3, 3). Из железных изделий обнаружены обломок ножа с вогнутым лезвием и горбатой спинкой⁴ и серп со слабо изогнутым зубчатым лезвием (рис. 3, 7).

² Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья. — МИА, 1962, № 13, с. 104.

³ V тип, по классификации И. Г. Розенфельдт (*Розенфельдт И. Г. Керамические погремушки.* — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 58, 59).

⁴ Алихова А. Е. Древние городища. . . , с. 109; рис. 13, 17; рис. 14, 6, 7; *Левенок В. Д. Юхновская культура (ее происхождение и развитие).* — СА, 1963, № 3, рис. 1, 22, 24, 25.

⁵ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 113, табл. XIII, 1-4.)

Сохранились остатки перпендикулярного к лезвию штыря для крепления рукоятки. Серп относится к типу асимметричных: вершина изгиба лезвия его немного смещена к рукояти. Время бытования таких серпов — середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э. Ареал их очень широк: степная и лесостепная полоса, юго-восточная часть лесной зоны Восточной Европы⁶.

Из украшений найдена серебряная спиралевидная привеска, распавшаяся на отдельные колечки диаметром 2,5—3 см (рис. 3, 2). Первоначальную форму ее восстановить трудно. О наличии местного бронзолитейного дела свидетельствуют находки льячки, литейных форм и шлаков. Найдена глиняная льячка обычной формы: это черпачок со сливом и втулкой для рукояти (рис. 3, 19).

Литейная форма изготовлена из мергеля, предназначена для отливки ажурной треугольной серьги, оканчивающейся тремя шариками (рис. 3, 18). Точных аналогий этой находке на городищах Посеймья не обнаружено. Кроме того, обнаружено несколько обломков литейных форм. К хозяйственному инвентарю относятся многочисленные терочники и точильные камни, а также три целые зернотерки, изготовленные из кварцита, гранита, песчаника.

В ограниченном остеологическом материале, полученном при раскопках, определены кости лошади и крупного рогатого скота, а также кабана, медведя и косули⁷. Для датировки городища большое значение имеют немногочисленные обломки античных амфор. Они относятся к эллинистическому времени и происходят из Синопы, Гераклеи, с о. Фазос⁸. Однако решающее значение для определения общей даты городища приобретает местная лепная посуда. Судя по аналогиям с керамикой других городищ Посеймья⁹, городище у дер. Нартово можно датировать в широких пределах V—III вв. до н. э., а может быть, и VI—III вв. до н. э. Несомненно, его население принадлежало к кругу скифообразных лесостепных культур.

На городище в незначительном количестве найдена и юхновская керамика, но стратиграфическое ее залегание из-за небольшой мощности культурного слоя определить трудно.

⁶ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. — МИА, 1971, № 174, с. 72, рис. 46; Мельниковская О. П. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 56, рис. 20, 1—3; рис. 21, 1—3; рис. 22.

⁷ Определение костей производилось В. И. Цалкиным.

⁸ Определение аморфного материала произвела И. Б. Зеест, за что автор приносит

⁹ искреннюю благодарность.

Алихова А. Е. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья. — КСИИМК, 1959, вып. 77, с. 15—20; Она же. Древние городища Курского Посеймья. — МИА, 1962, № 113, с. 89-91.

ДРОМОСНЫЕ МОГИЛЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ И ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ САРМАТСКИХ КАТАКОМБ

К. Ф. Смирнов

Дромосные могилы — редкая форма погребальных сооружений у ранних кочевников, носителей савроматской и прохоровской культур. Почти все они встречены в Южном Приуралье.

Древнейшая дромосная могила обнаружена в Мечетсайском курганном могильнике на Илеке, в кургане № 2 (погр. 2) конца VI—начала V вв. до н. э.¹ В центре кургана была вырыта в грунте большая прямоугольная могила размером 4,70х4,10 м, ориентированная углами по странам света и окруженная каменным кольцом. Продольно, а иногда и поперек она была перекрыта толстыми бревнами из тополя, которые провалились внутрь могилы². К западному углу могилы примыкал дромос шириной до 1,80 м, длиной 3,30 м. Он начинался с западной полы первоначальной засыпи кургана, внутри каменного кольца, и спускался вниз, к могиле, но не доходил до ее дна, а образовывал у ее края довольно высокую ступеньку. В западном конце дромоса прослежены три отлогие ступеньки, сильно деформированные. Дромос был перекрыт бревнами диаметром 12—15 см и плахами из тополя шириной до 20—25 см. В средней части его стояли наклонно три каменные плиты, как бы загораживая вход в могилу, а за плитами плахи лежали на дне дромоса, поперек его. Общая длина дромоса была не менее 5 м. Таким образом, дромос начинался непосредственно у каменного кольца и почти наполовину находился в насыпи кургана, не углубляясь в грунт.

Стенки могилы имели значительный наклон к центру, что предохраняло их от обвала. На дне могила имела в плане трапециевидную форму. Длина юго-западной стенки ее составляла 3,70 м, юго-восточной — 3,10 м, северо-восточной — 2,90 м и северо-западной — 3 м. Значительная часть могилы нарушена входной ямой сарматской катакомбы более позднего времени (прохоровская культура). На дне могилы частично сохранились кости трех совершенных в разное время погребений. Судя по инвентарю, это были воины, лежавшие веером на спине головой па юг и юго-запад. Можно установить следующую последовательность их захоронения: сначала на травянистую подстилку был положен покойник справа. Средняя часть скелета его была, очевидно, нарушена при погребении второго, который лежал на слое земли, попавшей сюда через деревянное перекрытие. Третий покойник погребен одновременно или вскоре

¹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 313, рис. 20, 1.

² Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, Д1—9, табл. 5, рис. 2; Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 80—84, рис. 25.

после второго на том же уровне. О одновременности захоронений свидетельствует и то, что кости домашних животных, представлявших собой остатки заупокойной пищи, лежали на разных уровнях по углам могилы. Захоронений в этой могиле было, вероятно, больше, но остальные были уничтожены при сооружении поздней катакомбы. Дромос рассматриваемой могилы, позволявший в любое время проникнуть в нее, был сделан, очевидно, для того, чтобы совершать повторные захоронения родственников в этом своеобразном склепе.

Дромосы у богатых могил с коллективными захоронениями продолжали иногда устраивать и южноуральские сарматы — носители прохоровской культуры. Одна из таких могил была исследована С. И. Руденко в кургане 3 известного Прохоровского могильника второй половины IV—начала III в. н. э.³ Здесь, как и в Мечетсайском погребении, дромос начинался выше материка и постепенно снижался к могиле, образуя пять ступенек.

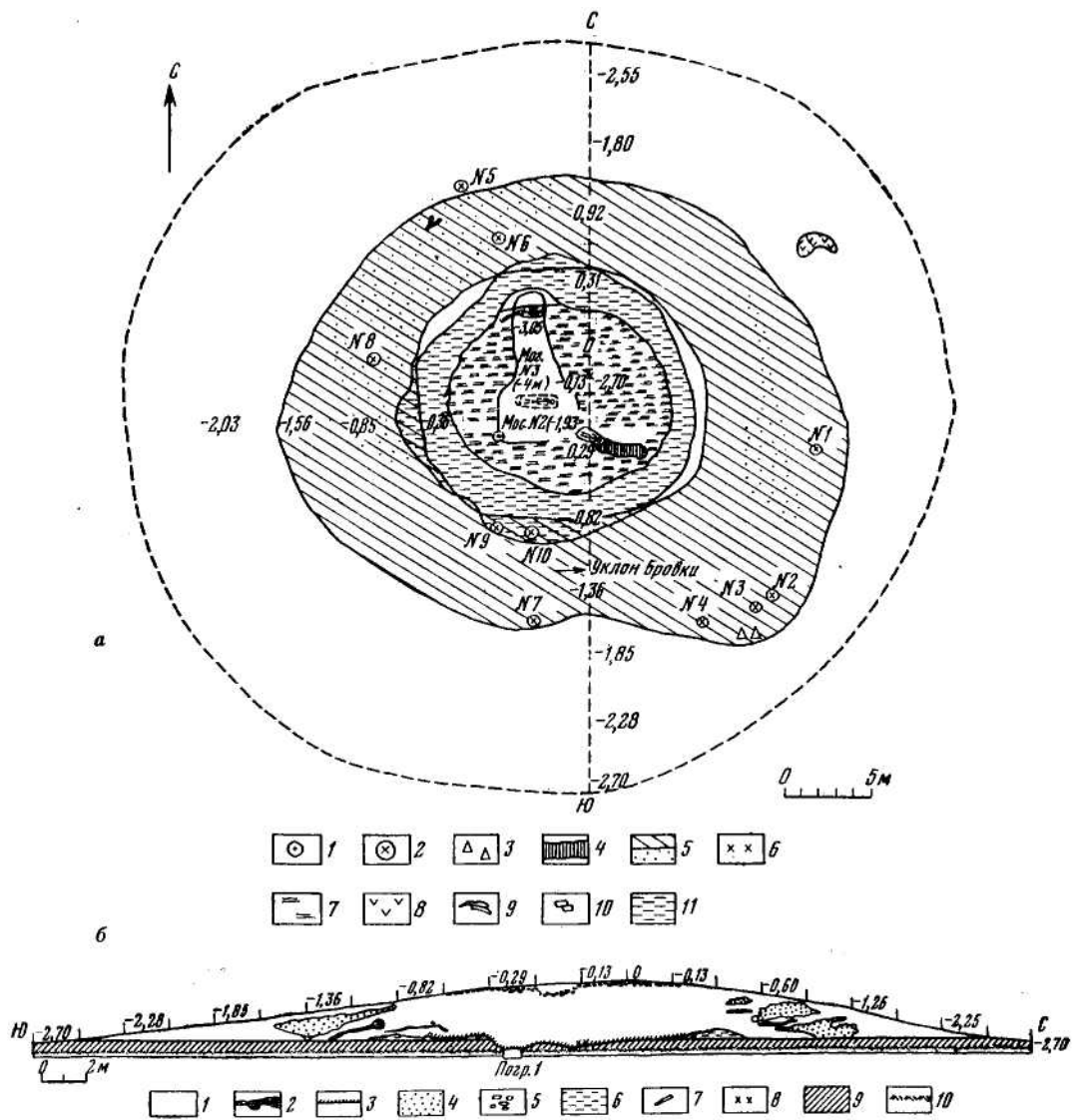
IV в. до н. э. датируется основная дромосная могила 5 в Мечетсайском кургане 5 (раскопки К. Ф. Смирнова 1961 г.). Вся центральная часть кургана на слое выкида из могилы, лежавшего на уровне древнего горизонта, была покрыта остатками деревянных плах или бревен от большого, вероятно, прямоугольного сооружения над центральной могилкой. Основу его составляли бревна липы⁴, образующие нечто вроде сруба или клетки, ориентированной с севера на юг, длиной около 7,5 м и шириной 5,5 м. По бокам сооружения бревна лежали в основном параллельно друг к другу, а в средней части были положены вдоль и поперек. Под этим сооружением у северо-западного угла могилы лежала раздавленная большая красноглиняная фляга, вероятно, хорезмийского производства раннекангуйского времени⁵. У юго-западного угла могилы под плахами лежали аккуратно сложенные ребра лошади.

Под деревянным сооружением находилась большая грунтовая могила овальной формы размером около 3х2,2 м и глубиной 2,5 м от древнего горизонта, ориентированная с севера на юг. С северной стороны к ней примыкал дромос длиной 4,60 м и шириной 1,70—1,90 м, постепенно спускавшийся к могиле, образуя с дном могилы ступеньку. Он оказался почти сплошь заложен и, вероятно, был перекрыт толстыми плахами и бревнами, иногда обожженными на концах, которые лежали поперек его. Вход в могилу был заложен тремя большими камнями. Над могилкой было деревянное перекрытие, провалившееся внутрь. В могиле были погребены две богатые женщины, скелеты которых лежали вытянуто на спине головой на юг, тесно друг к другу, на погребальном ложе, основу которого составляла прямоугольная рама, состоящая из планок (брусков) шириной 5—6 см. Они были погребены одновременно или с небольшим интервалом.

³ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, 1918, № 37, вып. II, с. 9, рис. 10, 11.

⁴ Определение Г. Н. Лисицыной.

⁵ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды ХЭ (М.), 1959, т. IV, с. 99, риг. 12, 2fi, 27; г. 102, рпс 13, 1, 5.

Р и с . 1. План и профиль кургана 1 Ново-Ку майского могильника
 а - план кургана: 1 — репер геодезический; 2 — кости лошади; 3 — керамика; 4 — углубление (дромос?), идущее к могиле 1; 5 — досыпка кургана (желтый суглинок); 6 — золотая гривна и серебряный ритон; 7 — тлен дерева и коры; 8 — кострище; 9 — деревянные плашки; 10 — камни; 11 — могильный выкид
 б — профиль кургана по линии С—Ю: 1 — насыпь (плотный серый суглинок); 2 — прослойки темной земли; 3 — прослойка дерева и коры; 4 — желтый суглинок; 5 — камень, плитняк; 6 — могильный выкид; 7 — деревянные плашки; 8 — место находки золотой гривны и серебряного ритога; 9 — древнепочвенный слой; 10 — материк (плотная глина)

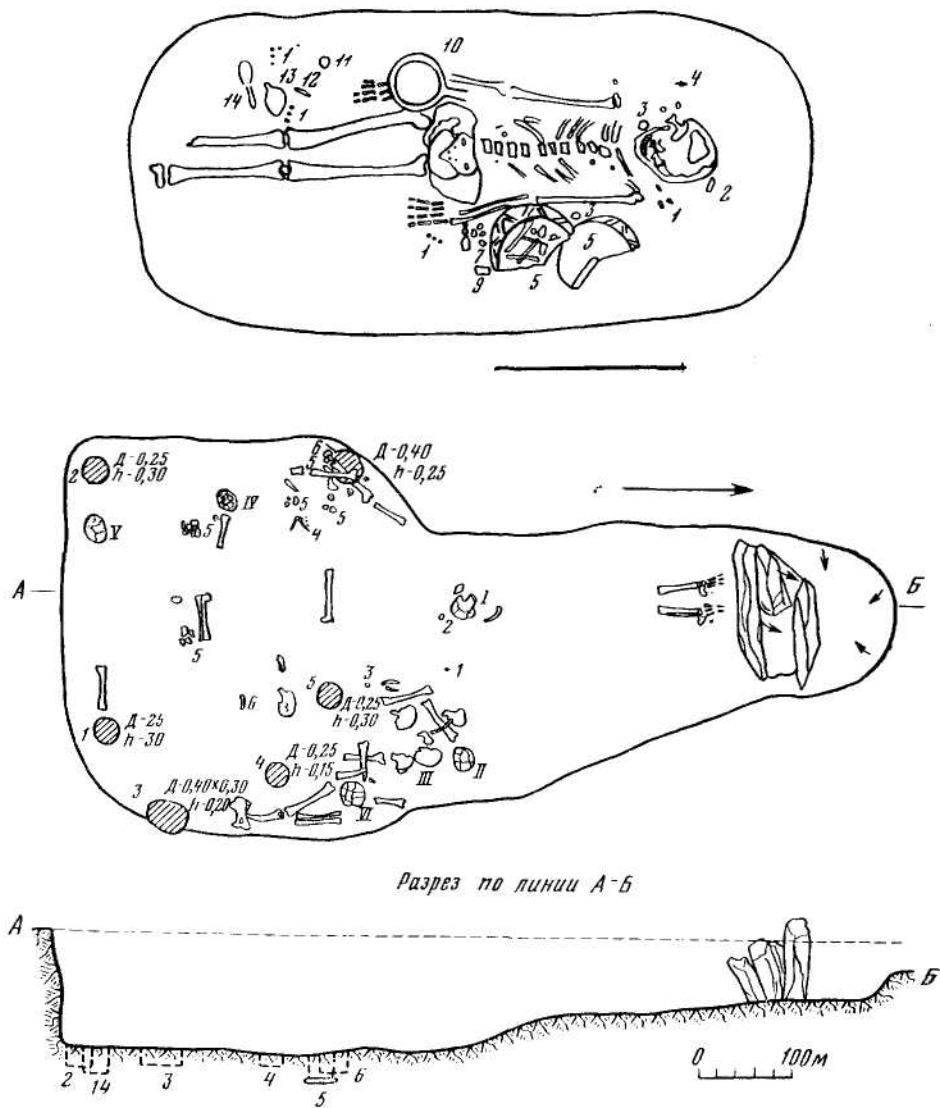
По форме и богатому инвентарю эта могила выделяется из других могил кургана, принадлежавшего, очевидно, одной семейной группе, в которой особым почетом пользовались воинственные женщины, погребенные в дромосной могиле.

Интересная дромосная могила IV в. до н. э. была обнаружена в 1962 г. М. Г. Мошковой в Новокумакском могильнике ⁶ (курган 20). Она находилась под сложным деревянным сооружением со столбами, напоминающим шатер. Эта некогда богатая могила была ограблена, но судя по остаткам костей, в ней было погребено не менее четырех человек, мужчин и женщин.

В том же могильнике в 1971 и 1972 гг. Оренбургская экспедиция ИА АН СССР, Оренбургского и Орского музеев произвела раскопки одного из самых больших курганов (№ 1) в западной части могильника, где ныне строится крупный завод ⁷. Под насыпью кургана высотой около 3 и диаметром более 50 м была сооружена большая дромосная могила, находящаяся внутри кольца мощного могильного выкида (рис. 1 а). Пространство внутри кольца на уровне древнего горизонта было заполнено остатками сложного надмогильного сооружения, возможно, шатрового типа, опиравшегося на вал из выброшенного из могилы грунта (рис. 1, б). Дромос находился с северной стороны могилы (рис. 2, б). Длина его более 5 м, максимальная ширина 1,45 м, дно постепенно снижалось, сливаясь с дном могилы. Вход в могилу закрывали три массивные каменные плиты (рис. 2, б). Погребальное помещение представляло собой большую, почти квадратную яму, ориентированную по странам света. Ее длина по линии запад—восток 4,2 м, ширина 3,8 м, глубина от уровня древнего горизонта — 1,75 м. Сильно сгнившее и разрушенное грабителями деревянное перекрытие поддерживалось пятью толстыми столбами (рис. 2, б), от которых на дне могилы сохранились круглые глубокие ямки диаметром до 30 см. Все погребальное помещение было тщательно отделано: глинистые стенки дромоса и самой могилы хорошо сглажены, вероятно, замывы водой; пол утрамбован и хорошо выравнен. Это необычное могильное сооружение предназначалось для очень богатой семьи. Вскоре после завершения захоронений в этом семейном склепе он был ограблен. Грабительская яма хорошо заметна на одном из профилей кургана. Некоторые кости сохранились в сочленениях и были разбросаны по всей могиле. Судя по количеству черепов, здесь было погребено не менее шести взрослых людей — мужчины и женщины. В дромосе тоже был погребен взрослый человек, от которого *in situ* сохранились лишь голени. Этот «стражник» около каменной «двери» склепа лежал вытянуто на спине, головой на юг. В могиле сохранились некоторые вещи, дающие представление о времени захоронения: бронзовый наконечник стрелы (рис. 3, 15), брон-

⁶ Мошкова М. Г. Сарматские погребения Новокумакского могильника близ г. Орска. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. — МИА, 1972, № 153, с. 28—32, рис. 2, 1; рис. 3, 1.

⁷ Смирнов К. Ф., Попов С. А. Орские курганы. — АО 1971 г. М., 1972; Смирнов К. Ф., Попов С. А., Пузикова А. И. Раскопки курганов под г. Орском. — АО 1972 г. М., 1973.

Р и с. 2. Сарматские погребения в кургане I Ново-Кумакского могильника
 а — женское погребение 1: 1 — бусы; 2 — окаменелость; 3 — височные подвески; 4 — наконечник стрелы; 5 — разбитый жертвенник; 6 — удила и уздечный набор; 7 — гальки; 8 — деревянная подделка; 9 — кусок хрустала; 10 — зеркало; 11 — кусок мела; 12 — шильце; 13 — раковина; 14 — ложка
 б — план и профиль центральной могилы .1: 1 — наконечник стрелы; 2 — бляшка; 3, 4 — бусы; 5 — обломки керамики; 6 — обломки железного стержня; 1—6 — столбовые ямки; V—VI — человеческие черепа

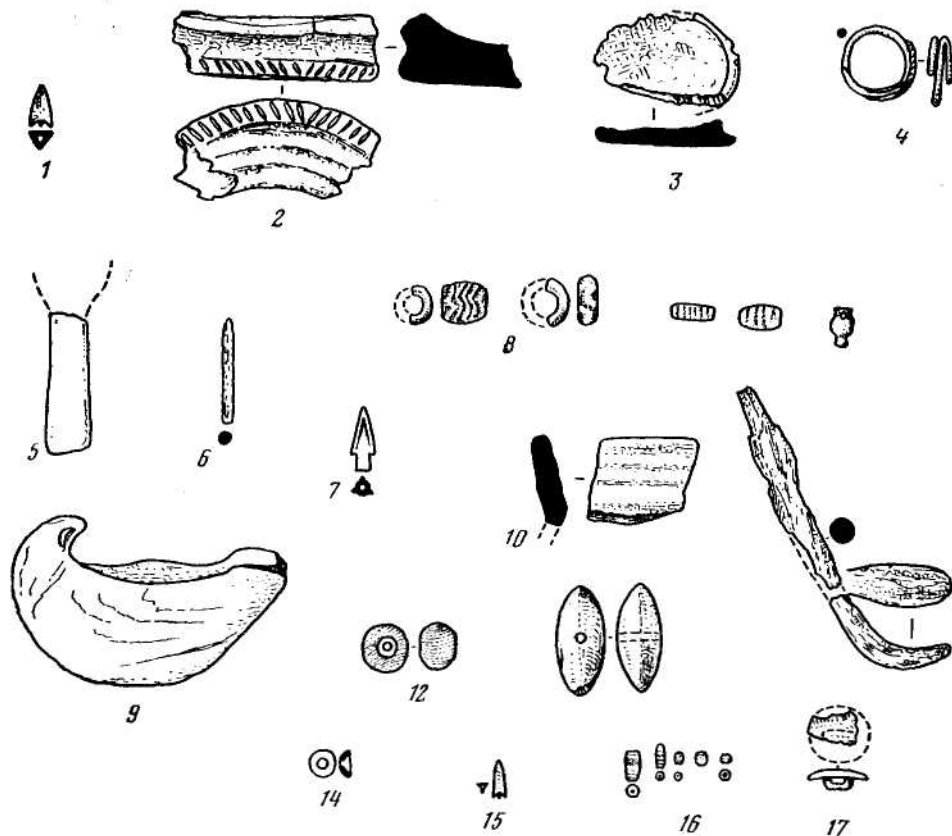

Рис. 3. Сарматские находки в кургане I Ново-Кумакского могильника

1, 7, 15 — бронзовые наконечники стрел; 2 — обломки глиняных сосудов; 3 — деревянная чашечка; 4 — бронзовое височное кольцо; 5 — костяная ложка; 6 — железное шило; 8, 12, 16 — каменные и стеклянные бусы; 9 — раковина; 11 — железное орудие; 13 — каменный «молоточек»; 14, n — бронзовые ворворка и бляшка; 1, 2 — тризна; 3—9 — погр. 1; 10—17 — погр. 3

зовая полукруглая выпуклая бляшка с петлей на обороте (рис. 3, 17), алебастровая ребристая «бусина» (рис. 3, 12), обломки железных предметов — втулки массивного копья, клинка меча и какого-то железного стержня с загнутым краем в виде уплощенной лопасти (рис. 3, 11). Почти все эти вещи хорошо известны в могилах сарматов Южного Приуралья ранней прохоровской культуры, относящихся к IV в. до н. э. Обломки глиняных сосудов с тальком (рис. 3, 10) и среди них — бомбовидного горшка со штампованным орнаментом (рис. 4, 1) подтверждают принадлежность могилы к началу прохоровского времени. До ограбления погребальный инвентарь был, очевидно, весьма богат. Об этом свидетельствуют отдельно положенные на деревянное перекрытие у северо-восточного угла могилы наиболее ценные сокровища, не найденные грабителями: тяжелая золотая гривна и серебряный ритон, изображавший протому

скачущей лошади со сбруей. Это, очевидно, привозные вещи ахеменидского круга V в. до н. э., долго использовавшиеся сарматами⁸.

Рассмотренная могила, безусловно, принадлежала семье богатого и знатного сарматского военного предводителя, который был тесно связан с ахеменидским Ираном. Знатность погребенных подчеркивали и конские гекатомы, остатки которых обнаружены в насыпи. Среди конских костей здесь встречены и некоторые вещи — бронзовый наконечник стрелы (рис. 3, 1), обломки железных предметов от конской сбруи, черепки глиняных сосудов, один из которых, возможно, был курильницей (рис. 3, 2). Подобные тризны — первый случай в сарматском мире.

В этом же кургане обнаружена еще одна могила, тесно связанная с центральной. Она находилась близ юго-восточного угла семейного склепа и под тем же перекрытием (рис. 1, а), имела овальную форму, длину до 1,80 м, ширину 0,85 м и глубину от древнего горизонта 0,65 м. В могиле была погребена женщина — жрица и наездница, скелет которой лежал вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток (рис. 2, а). При ней найдены каменный жертвенник (рис. 4, 5), уздечный набор (рис. 4, 4), бронзовый наконечник стрелы (рис. 3, 7), бронзовые височные подвески (рис. 3, 4), каменные и стеклянные бусы (рис. 3, 8; 4, 3), составлявшие ожерелье и браслеты. Из туалетных принадлежностей были найдены бронзовое зеркало (рис. 4, 2), овальная деревянная коробочка (рис. 3, 5), раковина (рис. 3, 9), тонкая костяная ложечка (рис. 3, 5), из других находок — железное шило (рис. 3, 6).

Вплотную к восточному краю могилы примыкала вырытая неглубоко в грунте длинная яма той же ширины, что и могила. Она начиналась у внутреннего края кольца могильного выкида, дно ее постепенно спускалось ко дну могилы, как и дромос центральной могилы (рис. 1, а). Назначение этой ямы не совсем ясно. Скорее всего это был дромос. Практического значения он не имел, а был вырыт, вероятно, в силу уже установившейся традиции, которая символизировала в данном случае тесную, вероятно, семейную связь с погребенными в коллективной могиле.

Могила — жилище мертвых. Рассмотренные дромосные могилы, возможно, подражают жилищам. В плане они напоминают прямоугольные землянки с длинным коридором, известные в лесостепных городищах Зауралья раннего железного века⁹. Вероятно, и южноуральские сарматы имели подобные же жилища на своих зимниках, которые до сих пор нам не известны. В Южном Приуралье ранние кочевники начали устраивать дромосы уже в савроматский период, но большинство известных могил этого типа относится к прохоровскому времени. Их главное назначение — последовательное захоронение в одном погребальном помещении членов одного коллектива. Таким коллективом были семьи и близкие родственники. Вероятно, дромосные могилы, как наиболее сложные могильные сооружения, служили усыпальницами лишь некоторых богатых и выдающихся семей савроматов и сарматов.

⁸ Савельева Т. Н., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале. — ВДИ, 1972, № 3, с. 106—122, рис. 5, 6.

⁹ Сальников К. В. Три года работы на городище Чудаки. — КСИИМК, 1940, вып. V, с. 70, рис. 13.

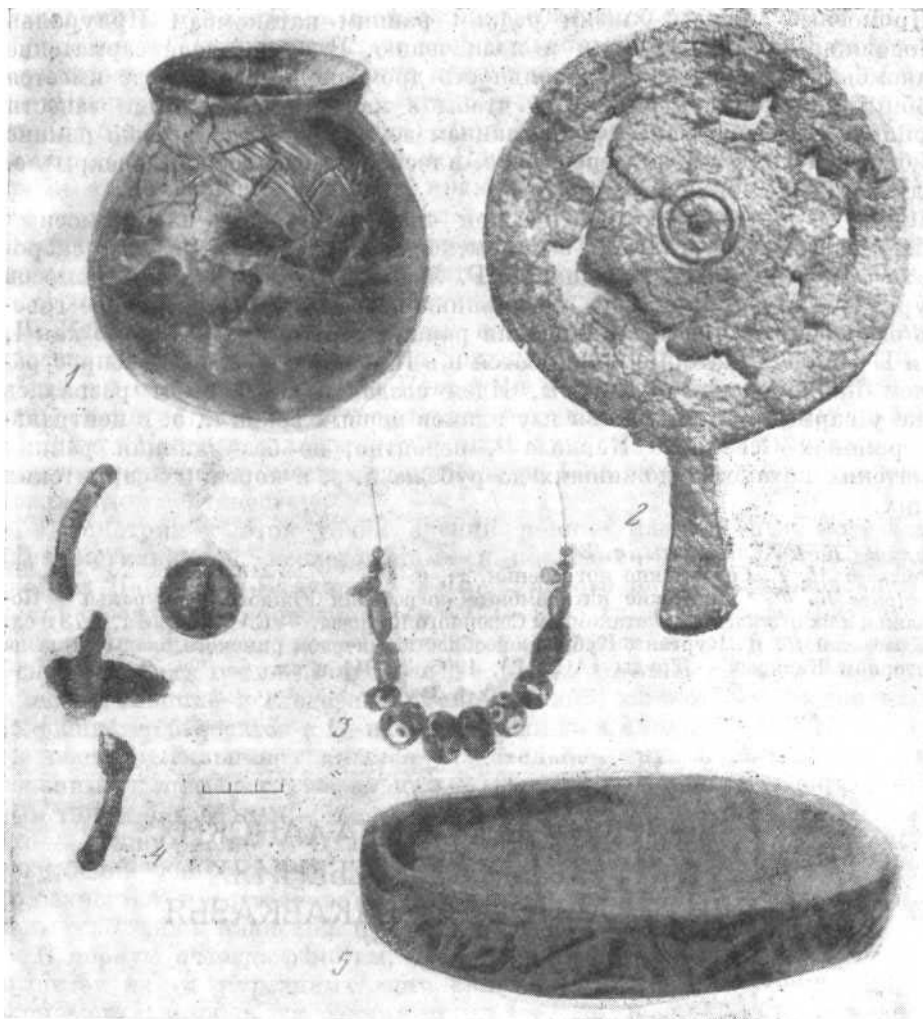

Рис. 4. Сарматские находки в кургане 1 Ново-Кумакского могильника
 1 — глиняный сосуд (погр. 3); 2 — бронзовое зеркало; 3 — стеклянные и каменные бусы; 4^а — бронзовый псалий и бляшки от уздечки; 5 — каменный жертвенник (погр. 1).

Наряду с дромосными у ранних кочевников Южного Приуралья нередко встречаются катакомбные могилы, которые появились впервые на рубеже VI—V вв. до н. э. в Приуралье¹⁰, а затем и в Поволжье. В это время они не были известны ни в Средней Азии, ни в Скифии.

¹⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 82—84.

Дромосные могилы близки редким ранним катакомбам Приуралья и Поволжья по конструкции и назначению. В самом деле сарматские катакомбы — фактически разновидность дромосной могилы, где имеется подобный же коридор для того, чтобы в камеру можно было занести покойника, и свободная, не засыпанная землей камера. Только ранние дромосные могилы имели деревянное, плоское или шатровое перекрытие, а катакомбы — земляной свод.

Мысль о возможной генетической связи приуральских дромосных могил и сарматских катакомб была высказана мною в монографии о савроматах¹¹, а затем подтверждена М. Г. Мошковой¹². Открытие дромосов в кургане I Новокумакского могильника позволяет мне увереннее говорить о подобном пути возникновения ранних сарматских катакомб как I, так и II типов¹³, которые появляются и в Поволжье в связи с распространением прохоровской культуры. Идея создавать катакомбы развилась позже у сарматов Прикубанья и у аланов первых веков н. э. в центральных районах Северного Кавказа¹⁴, вероятно, не без влияния ранних сарматских катакомб, доживших до рубежа н. э. в коренных сарматских землях.

¹¹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 84.

¹² Мошкова М. Г. Сарматские погребения. . . , с. 41.

¹³ Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. — СА, 1972, № 1, с. 73 и ел.

¹⁴ Веселовский Н. И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. — Труды ИАС (М.), 1905, с. 341 и ел.

К ВОПРОСУ О РАННЕАЛАНСКИХ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

М. П. Абрамова

Распространение на Северном Кавказе катакомбных погребений в I тысячелетии н. э. принято связывать с вторжением сарматских по происхождению аланских племен. Действительно, в письменных источниках первое упоминание об аланах на Кавказе относится к I в. и. э. Этим же временем датировались наиболее ранние на Северном Кавказе единичные катакомбные погребения, которые позднее стали ведущим типом погребальных сооружений алапских племен Северного Кавказа. Катакомбные погребения, как известно, в более раннее время встречались у сарматских кочевых племен других территорий.

Несомненно, что ранние погребальные памятники новых племен, появившихся в том или ином районе, должны иметь если не полное, то значительное сходство с такими же памятниками их родины. Это сход-

ство должно проявляться в типах погребальных сооружений и деталях обряда погребения, в характере погребального инвентаря. Так, например, изучение расселения сарматских племен из Поволжья в Подонье и Северное Причерноморье показало, что самые ранние сарматские погребения на Украине (III—II вв. до н. э.) были почти аналогичны по обряду и инвентарю сарматским памятникам Поволжья. Лишь через определенное время в сарматской культуре Украины появляется некоторое своеобразие, в первую очередь как результат близости греческих центров. На разных территориях и в разных условиях этот процесс не мог протекать одинаково, но общая закономерность его ясна. Таким образом, если считать, что катакомбные погребения начинают распространяться на Северном Кавказе с приходом аланских племен, то самые ранние северокавказские катакомбные погребения должны быть близки, во-первых, к памятникам сарматских племен Поволжья и Приуралья, где известны более ранние катакомбы, и, во-вторых, эти памятники в разных районах Северного Кавказа должны быть близки друг другу. Лишь позднее, в результате контактов с местными племенами, в их культуре могут появиться локальные особенности.

Рассмотрим с этой точки зрения ранние катакомбные погребения двух могильников, исследованных в последние годы: Нижне-Джулатского в Кабардино-Балкарии ¹ и Подкумского около Кисловодска. Раскопки последнего проводились в 1972—1975 гг. На Нижне-Джулатском могильнике имеются погребения эпохи бронзы и скифского времени. Основная масса могил датирована I в. до н. э.—VII в. н. э. На Подкумском могильнике исследовано 49 погребений, из которых подавляющее большинство относится к I—началу II и лишь несколько к II—III вв. н. э. На обоих могильниках имеется значительная группа погребений, датированных в пределах рубежа н. э.—III в. н. э. Наиболее распространенным типом погребальных сооружений в этой группе являются катакомбы. Это — самая ранняя в Центральном Предкавказье группа катакомбных погребений, связываемых с аланами. Поэтому ее исследование и анализ особенностей представляет значительный интерес при изучении проблемы сложения аланской культуры Северного Кавказа.

В первую очередь отметим, что оба могильника грунтовые. Это резко отличает их от курганных могильников сарматов. На Нижне-Джулатском могильнике среди ранних могил I в. до н. э.—I в. н. э. выделено два типа катакомб. Это, во-первых, катакомбы с камерой, расположенной по одной оси со входной ямой и являющейся ее продолжением (рис. 1, 1, 2). Этот тип наиболее распространен. Такие катакомбы Северного Кавказа К. Ф. Смирнов считает возможным выводить из сарматских катакомб Заволжья и Приуралья ². Второй тип катакомб характеризуется расположением камеры под углом к входной яме (рис. 1, 3). Такие катакомбы, по мнению К. Ф. Смирнова, не нашли распространения в сарматской среде, их появление на Кавказе должно быть связано не с сармат-

¹ *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.

² *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. — СА, 1972, № 1, с. 78.

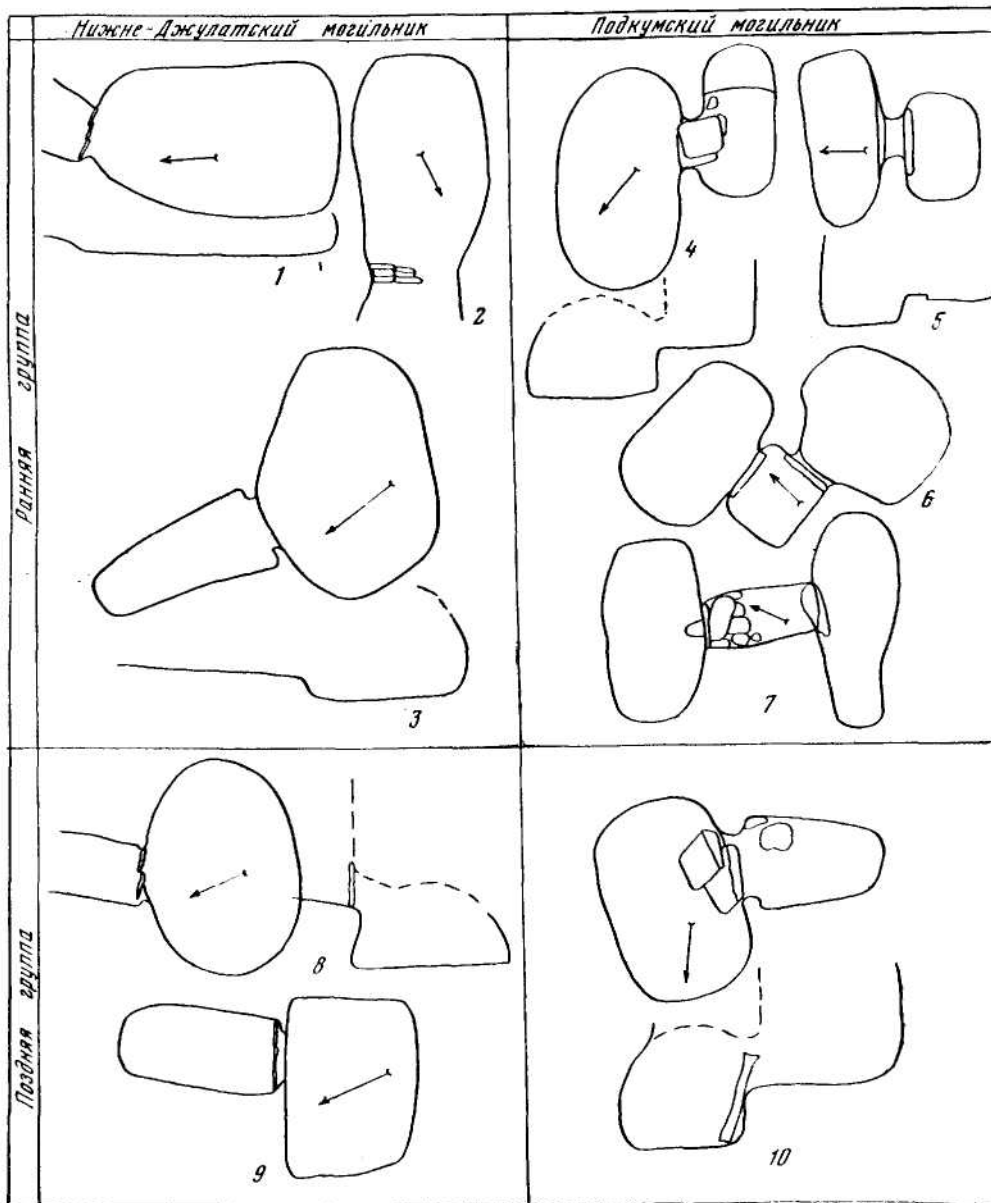

Рис. 1. Катакомбные погребения II в. до в. в. — III в. в. в. Нижне-Джулатского и Подкумского могильников

ским влиянием, а объясняется воздействием так называемых земляных склепов Прикубанья и Боспора³.

Оба этих типа катакомб на Нижне-Джулатском могильнике нужно относить к самому началу его возникновения. Рассмотрим с точки зрения датировки инвентарь одной из таких могил — погр. 100 (рис. 1, 3; 2), содержащего захоронения трех человек. Здесь были найдены обломки меча или кинжала с прямым перекрестием и серповидным навершием, с обрывками золотой фольги в верхней части клинка (рис. 2, 1), 55 втульчатых железных наконечников стрел (рис. 2, 7), длинный (46 см) наконечник копья с узким ланцетовидным пером (рис. 2, 4). Наконечники копий такого типа наиболее характерны для меотов Прикубанья, где они распространяются с IV—III вв. до н. э. (ст. Воронежская, курган 16; Усть-Лабипский, Пашковский и другие могильники) и доживают до рубежа нашей эры, в первые века н. э. такие копья неизвестны⁴. Железные кольчатые удила из погр. 100 имели псалии двух типов: двудырчатые с плоскими концами (рис. 2, 2, 3) и крестовидные (рис. 2, 6), которые наиболее характерны для памятников Северного Кавказа III—II вв. до н. э.⁵ Кроме того, в могиле были обнаружены бронзовый колчаный крючок с концами, оформленными в виде голов животных (рис. 2, 8), бусы и три глиняных сосуда, в одном из которых (рис. 2, 10) лежала железная цепь (рис. 2, 9). Таким образом, инвентарь рассмотренного погребения, во-первых, носит ярко выраженный местный кавказский облик, о чем говорят наконечник копья, втульчатые наконечники стрел, колчаный крючок данного типа, сосуд с цепью, во-вторых, является довольно ранним, укладываясь в рамки III—I вв. до н. э. Возможность датировки этого погребения последними веками до н. э. (скорее всего, II—I вв. до н. э.), по-видимому, очевидна. Такая же датировка, по нашему мнению, допустима для большой группы погребений Нижне-Джулатского могильника, не имеющих хорошо датированных находок, но содержащих инвентарь раннего облика: втульчатые наконечники стрел, зеркала III—I вв. до н. э. с валиком по краю, небольшой ручкой — штырем и резным орнаментом в центре, среднелатенские фибулы и т. п. Поэтому мы считаем возможным пересмотреть нижнюю дату могильника и, удревнив ее по крайней мере на один век, отнести его возникновение ко II или к концу III в. до н. э.

Ранние катакомбы Подкумского могильника датируются временем в пределах I—начала II в. н. э. Об этом говорят найденные здесь в большом количестве фибулы типа «Авцисса» с подвижным приемником, бронзовые зеркала-привески с утолщением в центре, бронзовые пряжки. В отличие от Нижне-Джулатского могильника, где в группе ранних погребений преобладают втульчатые железные наконечники стрел (512 втульчатых и 52 черешковых), погребения Подкумского могильника дают либо сочетание втульчатых и черешковых наконечников (5 погребений),

³ Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения. . . , с. 78—80.

⁴ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 48.

⁵ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, № 23, 1051, с. 184; Смирнов К. Ф. Оопорский курган. М., 1953, с. 37—40.

либо только черешковые наконечники (8 погребений). Это также говорит о более позднем возникновении Подкумского могильника. Материалы этих памятников показывают, что вплоть до рубежа н. э. в Центральном Предкавказье господствовали втульчатые железные наконечники стрел, с I в. н. э. происходит замена их черешковыми. В памятниках этого времени наблюдается сочетание наконечников обоих типов. Со II в. н. э. черешковые наконечники господствуют. Близкую картину мы видим в северо-западных районах Кавказа, где Н. В. Анфимов отмечал доживание втульчатых наконечников до I в. до н. э.⁶ Наличие большого количества втульчатых наконечников стрел в ранних катакомбах Нижне-Джулатского и Подкумского могильников свидетельствует также о местном характере этих памятников, поскольку у сарматов замена втульчатых наконечников стрел черешковыми произошла еще во II в. до н. э. Кроме того, у сарматских племен господствовали бронзовые втульчатые наконечники стрел, а железные не получили широкого распространения.

Инвентарь Подкумского могильника во многом сходен с инвентарем синхронных погребений Нижне-Джулатского и других могильников. Вероятно, в это время происходила нивелировка материальной культуры на широкой территории. Однако есть и некоторые различия, прослеживаемые в наборе бус: в ранних погребениях Нижне-Джулатского могильника на втором месте после стеклянных — сердоликовые и гешировые бусы, а на Подкумском — бусы из халцедона и египетского фаянса, фигурки львов, скарабеев и др. Керамика Подкумского могильника, как и на Джулате, сероглиняная лощеная, однако преобладают сосуды мелких размеров, многие из которых сходны по форме с керамикой меотов Прикубанья. Мисочка-погремушка из одного детского погребения находит аналогии в керамике восточных районов Чечено-Ингушетии⁷ и Дагестана⁸. В целом керамика ранних погребений носит местный, кавказский облик.

Для ранних погребений Подкумского могильника наиболее характерны катакомбы со входной ямой, расположенной параллельно камере (рис. 1, 4, 5). Возникновение таких катакомб К. Ф. Смирнов предположительно связывал с влиянием подбойных могил степей Евразии⁹. Действительно, между ними есть существенное сходство. Однако подкумские катакомбы имеют особенности, значительно отличающие их от подбоев. Так, входная яма бывает сдвинута по отношению камеры, так что вход в камеру находится у одного из ее концов (рис. 1, 4). Часто входная яма имеет подквадратную форму. В Подкумском могильнике наблюдается интересная особенность: здесь часты катакомбы с двумя камерами, примыкавшими к смежным или противоположным стенам входной ямы (рис. 1, 6, 7). Таких двухкамерных ката-

⁶ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник . . . с. 191.

⁷ Виноградов В. Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. — АЭСЧИНИИЯЛ, т. II, Грозный, 1968, с. 212.

⁸ Крупное Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана. — МИА, 1951, № 23, с. 218, рис. 9, 3, 4; Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент. — МАД (Махачкала), 1961, II, с. 180, рис. 22, № 315.

⁹ Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения. . . , с. 78.

Рис. 2. Инвентарь погребения 100 Нижне-Джулатского могильника

комб известно 11 (22,4% от общего числа изученных могил). Интересно погр. 14 с длинной узкой входной ямой и двумя перпендикулярными к ней камерами (рис. 1, 7). Одна из камер датирована — I в. н. э., вторая — II в. н. э. Это погребение свидетельствует, что тип катакомбы с перпендикулярным к камере дромосом был известен и здесь уже в I в. н. э.

Для II—III вв. н. э. на Нижне-Джулатском могильнике характерны катакомбы с камерой, перпендикулярной к длинной оси входной ямы (рис. 1, 8, 9). То же наблюдается на Подкумском могильнике. В этой

связи интересно погр. 39, датированное III в. н. э. по находке серебряного наконечника пояса¹⁰. Могила по форме близка к катакомбам II—III вв. Нижне-Джуглатского могильника (рис. 1, 10); близок сосудам на могиле последнего и обнаруженный в погр. 39 кувшин. Рядом с катакомбой в особой грунтовой яме было захоронение коня.

Таким образом, наиболее ранние из известных в Центральном Предкавказье катакомбных погребений распространяются в северных районах Кабардино-Балкарии со II—I вв. до н. э., а в Пятигорье — с I в. н. э. Материалы этих погребений показывают, что местные особенности в конструкции катакомб и в некоторой степени в инвентаре наиболее четко прослеживаются в самой ранней группе могил. Во II—III вв. н. э. здесь начинает преобладать единый тип погребального сооружения — катакомба с перпендикулярной к камере входной ямой. Иными словами, получается картина, противоположная той, которая должна бы иметь место, если предположить сарматское происхождение катакомб Северного Кавказа. Катакомбы с перпендикулярным к камере дромосом, ставшие господствующим типом погребальных сооружений аланских племен Северного Кавказа с IV—V по X—XI вв., появляются на обоих могильниках с самого начала их возникновения. Но именно этот тип катакомб, как уже отмечалось, К. Ф. Смирнов не находит возможным связывать с сарматским влиянием. Однако не это главное. Дело в том, что те 35 катакомб, которые были тщательно собраны К. Ф. Смирновым, составляют не более 2% от общего числа исследованных сарматских погребений Поволжья и Приуралья. Очевидно, обряд погребения в катакомбах был лишь в какой-то мере знаком сарматским племенам, но считать его характерным для них нельзя. К такому же выводу пришел А. С. Скрипкин, опубликовавший недавно сарматское катакомбное погребение в Астраханской обл., которое он считает возможным связывать с влиянием северокавказской традиции¹¹. А. С. Скрипкин правильно отмечает, что поволжские катакомбы ни в одном из могильников не составляют большинства, они сильно разбросаны как территориально, так и хронологически¹². В то же время, катакомбный обряд погребения был широко распространен в Северном Причерноморье — в могильниках скифских племен, а также в некрополях Боспора — Европейского и Азиатского (земляные склепы Тамани), где он распространяется с IV—III вв. до н. э. Хорошо известны катакомбы, получившие и здесь название земляных склепов, у меотов Прикубанья. В частности, они неоднократно фиксировались Н. В. Анфимовым в Усть-Лабинском и других могильниках, начиная с III—I вв. до н. э.¹³ Распространение катакомбного обряда погребения происходит,

¹⁰ Аналогичный серебряный наконечник происходит из катакомбы Буденновской слободы г. Кисловодска (см.: Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 16, рис. 4, 1).

¹¹ Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черныярского района Астраханской области. — КСИА, 1974, вып. 140, с. 63.

¹² Там же, с. 62.

¹³ Анфимов Н. В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. — КСИИМК, 1947, вып. XVI, с. 148—157; Он же. Меото-сарматский могильник. . ., с. 169, 191.

таким образом, почти одновременно и в Прикубанье; и в Центральном Предкавказье. Это, а также имеющиеся различия ранних катакомбных погребений у сарматов и в Центральном Предкавказье позволяют поставить под сомнение сарматскую принадлежность последних.

ДВА ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯ В ГРУППЕ «ЧЕТЫРЕ БРАТА» НА НИЖНЕМ ДОНУ

М. Г. Мошкова

В последние годы в связи со строительством оросительных систем в Ростовской области развернулись широкие археологические исследования на левобережье Нижнего Дона. Раскопанные курганы в большинстве случаев содержат погребения эпохи бронзы. Могилы эпохи ранних и поздних кочевников редки. Поэтому каждое новое погребение сарматского времени, особенно поздней его поры, обнаруженное на территории Нижнего Подонья, представляет особый интерес и заслуживает специального рассмотрения,

В 1971 г. в курганной группе «Четыре брата», расположенной в междуречье Маныча и Сала, на землях Багаевского зерносовхоза у пос. Рассвет в кургане эпохи бронзы (3) были вскрыты два впускных сарматских погребения, мужское (6) и женское (7) с деформированным черепом. Расположение их в кургане на расстоянии 3,5 м друг от друга и примерно на одном уровне, северная (с отклонениями) ориентировка, форма могильных ям, сопровождающий инвентарь говорят о хронологической близости, а возможно, об одновременности этих погребений.

При публикации они отнесены к позднесарматской культуре, а их хронологические рамки определены как II—IV вв. н. э.¹ Ниже пойдет речь о некоторых сторонах обнаруженного в погребениях инвентаря и о возможности сужения указанной выше широкой их даты.

В женском погр. 7 были найдены бронзовая лучковая фибула, имеющая двухвитковую пружину с верхней тетивой (рис. 1, 1), плохо сохранившаяся железная фибула с пластинчатой удлинненно-ромбической спинкой и, вероятно, двухвитковой пружинкой (рис. 1, 2), бронзовая игла с отломанным ушком, а также бусы, составлявшие браслет. Среди последних — плоские (9 шт.) и неправильно треугольные (2 шт.) в сечении янтарные (рис. 1, 3, 5) 14-гранные сердоликовые (3 шт. рис. 1, 4), стеклянные (1 шт.). На ступеньке могилы *in situ* лежал железный массивный кельт-

¹ Мошкова М. Г., Максиженко В. Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. — В кв.: Археологические памятники Нижнего Подонья, вып. II. М., 1974, с. 26—28, табл. III, рис. 4, 5; табл. IX, рис. 4—6; табл. XI, рис. 2—4; табл. XV, рис. 8—16; табл. XVI.

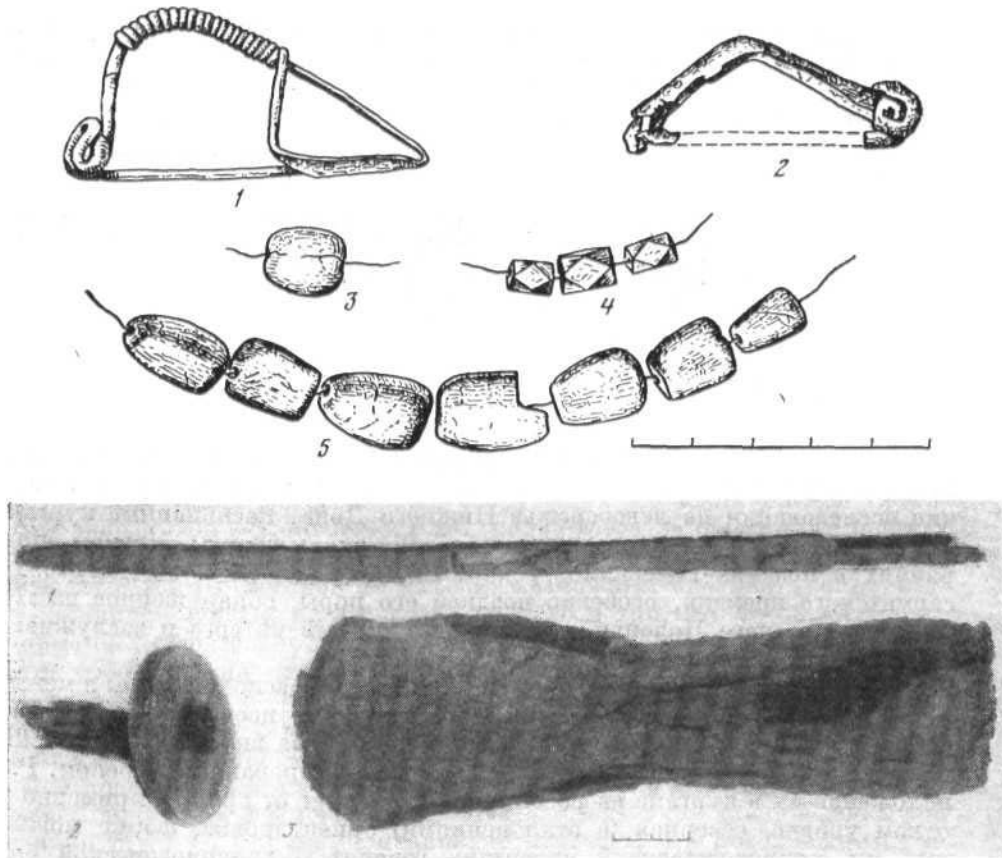

Рис. 1. Предметы из женского погребения 7

1 — бронзовая фибула; 2 — железная фибула; 3—5 — бусы; 3 — стекло; 4 — сердолик; S — янтарь

Рис. 2. Предметы из погребений 6, 7

1 — меч (погр. 6); 2 — халцедоновое навершие меча (погр. 6); 3 — кельт-тесло (погр. 7)

тесло с остатками дерева во втулке (рис. 2, 3). Значительная прогнутость передней части дужки бронзовой фибулы, длинная обмотка, размеры (длина 6 см) позволяют, на наш взгляд, отнести ее к 5 варианту одночленных проволочных лучковых подвязных фибул (по классификации А. К. Амброза)². Дата, предложенная для них А. К. Амброзом, — конец II — III в. н. э. — подтвердилась новыми находками таких фибул в некрополе Танаиса³ и в могильнике Бельбек III в юго-западном Крыму, все

² Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. — САИ, 1966, Д1—30, с. 51, табл. 9, рис. 11—13.

³ Амброз А. К. Фибулы из раскопок Танаиса. — В кн.: Античные древности Подонья—Приазовья, М., 1969, с. 252, табл. III, 7, 8.

погребения которого относятся ко II—первой половине III в. н. э.⁴ Плохая сохранность железной фибулы не дает возможности говорить о ее типе и датировке. Несомненный интерес представляет кельт-тесло, находка очень редкая в сарматских погребениях. Он клиновидный в сечении с расширяющейся щелью к верхнему концу втулки. Общая длина орудия 18 см, ширина рабочего края 6 см. В месте перехода втулки в рабочую часть кельт сужается. Следы работы такими орудиями на стенках могильных ям, а также достаточно определенное местоположение подобных орудий в могилах (воткнуто лезвием в дно входной ямы подбоя — один случай, в особых нишах-подбойчиках на уровне колен или в ногах погребенного — четыре случая) свидетельствуют о применении их в качестве землеройных орудий. Это не исключает возможности использования таких кельтов, как тесел. Подобные кельты-тесла обнаружены в пяти сарматских могилах. Два из них найдены в погребениях среднесарматской культуры (Харьковка — III, курган 4; хут. Шульц, курган В—5)⁵ и датируются не позднее I в. н. э. Орудия же из погребений в могильниках Верхний Маныч II, курган 33⁶ и Аксеновский, курган 33⁷ должны быть отнесены к более позднему времени, но в достаточно широких рамках I—III вв. н. э. или даже вторая половина I—III вв. н. э. Следы подобного орудия были замечены и зафиксированы И. С. Каменецким на стенках входной ямы сарматской катакомбы первой половины III в. н. э., обнаруженной в одном из курганов около Танаиса⁸. Следовательно, в III в. н. э. кельты-тесла были в употреблении у сарматского населения Нижнего Подонья.

На соседних с сарматами территориях они известны у меотов Прикубанья (Северский курган) I в. до н. э. и близ Саратова на Чардымском городище городищской культуры⁹.

Показательны для определения узкой даты рассматриваемых погребений и бусы. По наблюдениям Е. М. Алексеевой, в III—IV вв. н. э. сердоликовые граненые бусы вытесняют округлые гладкие¹⁰. Поэтому сочетание в одном ожерелье 14-гранных сердоликовых бусин с крупными янтарными бусами неправильной формы (округло-уплощенные, прямоугольно-уплощенные или с широким округло-треугольным сечением), характерными для I—III вв. н. э.¹¹, говорит в пользу III в. н. э. как наиболее вероятной даты для подобного набора бус.

⁴ Гуцина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. — В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 44, рис. IV, 18; рис. VII, 4.

⁵ Граков Б. Н. Заметки по скифо-сарматской археологии. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 219; Rau P. Die Hügelgraber der römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, S. 36, 37, Fig. 51, 52.

⁶ Раскопки И. В. Сеницына 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4223, с. 171.

⁷ Раскопки В. П. Шиловой 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4625, с. 107—108.

⁸ См.: Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4931, с. 44, рис. 105.

⁹ Граков Б. Н. Заметки. . . , с. 119.

¹⁰ Алексеева Е. М. Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное. — В кн.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М., 1970, с. 169.

¹¹ Там же, гл. 16S, табл. IV, рис. 21, 24, 25, 27.

Как видим, аналогии предметам, найденным в женской могиле, укладываются в рамки II—III вв. н. э. Принимая во внимание взаимное сочетание вещей, наиболее вероятной датой этого погребения представляется конец II — первая половина III в. н. э.

Не менее интересен инвентарь мужского погр. 6. Здесь найдены длинный (102 см) железный меч со стержневой, рукояткой длиной 16 см, увенчанной халцедоновым навершием (рис. 2, 1), кинжал, нагайка, большой оселок и уздечный набор (рис. 3). Последний был в ногах погребенного, рядом с костями лошади.

По типологии, разработанной А. М. Хазановым, меч из рассматриваемого погребения можно отнести к типу II (с треугольным основанием клинка), который являлся наиболее распространенным на протяжении всего позднесарматского периода. Однако прямая, не расширяющаяся к основанию клинка рукоять-штырь фиксирует те изменения, которые мечи этого типа претерпевают к III в. н. э.¹²

Если длинные мечи без металлического навершия и перекрестья со II в. н. э. становятся 'обычным предметом вооружения сарматов'¹³, то мечи с навершиями из алебастра, стекла, кости, халцедона на протяжении всего позднесарматского периода очень редки. Помимо донской находки, более чем на 500 позднесарматских погребениях Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Подонья насчитывается всего 5 экз. мечей подобного типа¹⁴. На Украине они пока не известны. Все эти погребения — мужские и очень близки по погребальному обряду (прямоугольные ямы, в большинстве случаев северная или северо-восточная ориентировка погребенных) и инвентарю, включающему оружие, конское снаряжение (уздечка, удила — 3 погр.), нагайки (2 погр.), фибулы (3 погр.), керамику (4 погр.). Наиболее близки мечи из «Четырех братьев», Альт-Веймара и Лебедевки. Длина их более метра, у всех сохранились остатки деревянной катушкообразной рукояти, в которую, с одной стороны, вгонялась рукоятка-штырь меча, а с другой — длинный бронзовый гвоздь-штифт, на котором крепилось халцедоновое навершие (рис. 2, 2). Для придания жесткости этой конструкции у меча из «Четырех братьев» рукоять под навершием была охвачена бронзовой обоймой шириной около сантиметра. Головка гвоздя-штифта заканчивалась бронзовой («Четыре брата») или серебряной шляпкой квадратной или ромбической формы. На мечах из Альт-Веймара и Лебедевки серебряные шляпки имели в центре гнезда-ячейки для стеклянных или пастовых вставок.

¹² Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 20.

¹³ Там же.

¹⁴ Лебедевка, курган I (Вагриков Г. И., Сенигова Т. // Открытие гробницы в Западном Казахстане. — Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук, 1968, вып. 2, с. 82, 83, рис. 11; 14, 8); Агаповский могильник, курган 6 (Сальников К. В. Сарматские погребения в районе Магнитогорска. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 118, 119); Комсомольские курганы в южной Башкирии (раскопки А. Х. Пшеничнюка в 1973 г. См.: Архив ИА АН СССР, Р—1, № 5037, S. 25, 26, fig. 129, 1; рис. 133, 4); Альт-Веймар (Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, с. 37, 38, рис. 30, fig. 31A); курганы в урочище «Три брата» (Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмообласти. — СА, 1936, т. I, с. 154, 155, рис. 24).

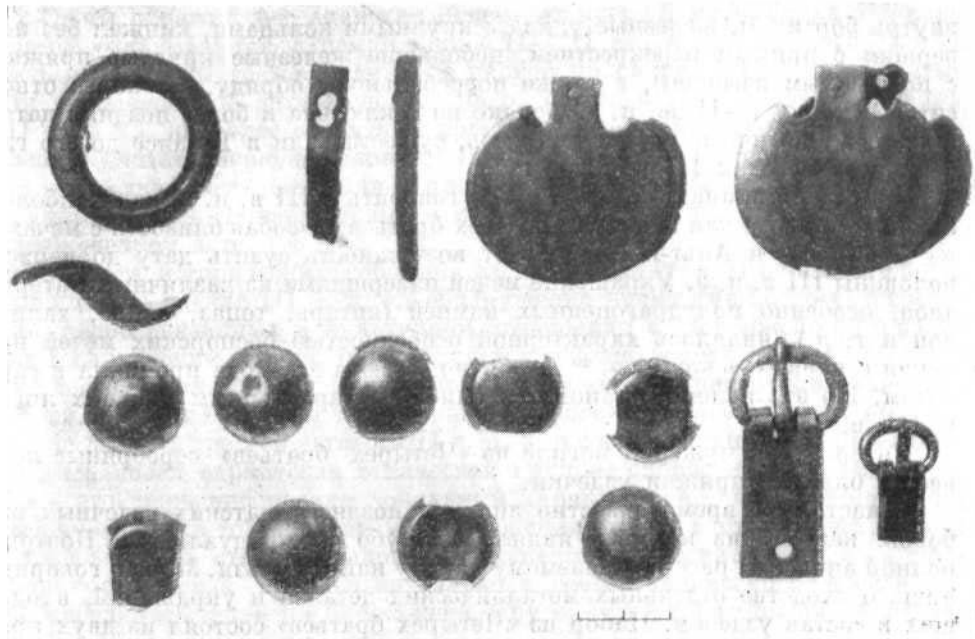

Рис. 3. Уздечный набор из погребения 6

Погребение из Лебедевки датируется по найденной в нем узкогорлой светлоглиняной амфоре танаисского типа первой половиной III в. н. э.¹⁵ В Альт-Веймарской могиле с мечом была обнаружена лучковая фибула того же пятого варианта, что и в женском погребении из «Четырех братьев»¹⁶, датируемая концом II—III вв. н. э. Аналогии другим вещам Альт-Веймарского погребения (бронзовый котелок, двуручная корчага) также указывают на III в. н. э.¹⁷ В Комсомольском кургане меч с халцедоновым навершием сопровождался лучковой фибулой пятого варианта. В Агаповском погребении с мечом найдена фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, принадлежащая к специфически сарматскому поволжско-уральскому варианту фибул с коленчато-изогнутой спинкой¹⁸, которые датируются концом III—началом IV в. н. э. Лишь меч из могильника «Три брата» (курган 25) не имеет четкой даты. Судя по комплексу вещей (серолощенная гончарная миска с загнутым

¹⁵ Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие. . . , с. 83, рис. 12.

¹⁶ Rau P. Prähistorische Ausgrabungen. . . , S. 38, fig. 31; Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР, табл. 9, 11—13, с. 51.

¹⁷ Берхин И. П. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. — Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Л.), 1961, вып. 2, с. 148, 152.

¹⁸ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР, с. 46, табл. 5, 19.

внутри бортиком, железные удила с крупными кольцами, кинжал без навершия с прямым перекрестием, небольшие железные круглые пряжки с подвижным язычком), а также погребальному обряду, он скорее относится к концу I—II вв. н. э. Однако не исключена и более поздняя дата. Миски, аналогичные найденной здесь, существовали в Танаисе до его гибели в 40-х годах III в. н. э.¹⁹

Приведенные аналогии позволяют говорить о III в. н. э. как наиболее приемлемой дате для меча из «Четырех братьев». Особая близость с мечами из Лебедевки и Альт-Веймара дает возможность сузить дату до первой половины III в. н. э. Украшение мечей навершиями из различных материалов, особенно полудрагоценных камней (янтарь, топаз, оникс, халцедон и т. д.), являлось характерной особенностью боспорских мечей начиная с первых веков н. э.²⁰ Вероятно, отсюда эта мода проникла к сарматам. Но это явление становится наиболее характерным для них лишь в III в. н. э.

Интересны в мужской могиле из «Четырех братьев» серебряные подвески, бляхи и пряжки уздечки.

В настоящее время известно лишь 11 позднесарматских уздечных наборов, каждый из которых является сугубо индивидуальным. Поэтому полной аналогии рассматриваемому набору найти нельзя. Можно говорить лишь о сходстве отдельных металлических деталей и украшений, входящих в состав уздечки. Набор из «Четырех братьев» состоял из двух пряжек с подвижными язычками и прямоугольными обоймами, двух подвесок вытянутой прямоугольной формы и двух — округло-секирообразной формы. Ремень уздечки украшали 10 сферических и уплощенно-сферических бляшек. Последние имели вырезы по бокам (рис. 3). Совершенно идентичные серебряные пряжки были обнаружены в уздечном наборе из кургана 1 у Лебедевки²¹ (первая половина III в. н. э.) и погр. 2 в кургане 26 у Старицы²². Последнее датируется не ранее конца II—III вв. н. э.²³ Крупные округлые подвески с вырезами в верхней части находят аналогии среди подвесок на уздечке из Жутовского кургана № 1, который по всему комплексу вещей (двуручная гончарная корчага, нож с костяной рукояткой, пряжки и т. д.)²⁴ может быть датирован II—III вв. н. э. Бронзовое кольцо с остатками ремня, найденное отдельно от уздечки, по всей вероятности, связано с ней. Подобные кольца употреблялись в качестве дополнительных на железных кольчатых удилах. В Агаповском кургане точно такое же кольцо находилось в петле удил²⁵.

¹⁹ Арсеньева Т. М., Шелов Д. В. Раскопки юго-западного участка Тапайса (1964—1972 гг.) — Археологические памятники Нижнего Подонья (М.), 1964, вып. 1, с. 162, 163, табл. XXXV, рис. 1.

²⁰ Сокольский Н. И. Воспорские мечи. — МИА, 1954, № 33, с. 154.

²¹ Багриков Г. И., Сепигова Т. П. Открытие. . . , с. 85, рис. 14, 3.

²² Шилов В. П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1961 г. — Архив ИА АН СССР Р-1, № 2380, с. 74—80, табл. XXV.

²³ Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. — САИ, 1970, Д1—27, с. 91, рис. 61, 8, 9.

²⁴ Шилов В. П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1964. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3156, с. 42—45, рис. 51, 52.

²⁵ Сальников К. В. Сарматские погребения. . .

Таким образом, все аналогии вещам из погр. 6 могильника «Четыре брата» укладываются в рамки конца II—III вв. н. э., а многие могут быть ограничены третьей или даже первой половиной III в. н. э. Учитывая предложенную дату женского погр. 7 (конец II — первая половина III в. н. э.), наиболее вероятным временем совершения обоих погребений следует считать первую половину III в. н. э. Такие вещи, как кинжал без металлического навершия с прямым перекрестьем, остатки нагайки, крупный оселок, обнаруженные в мужском погребении, не противоречат предложенной дате.

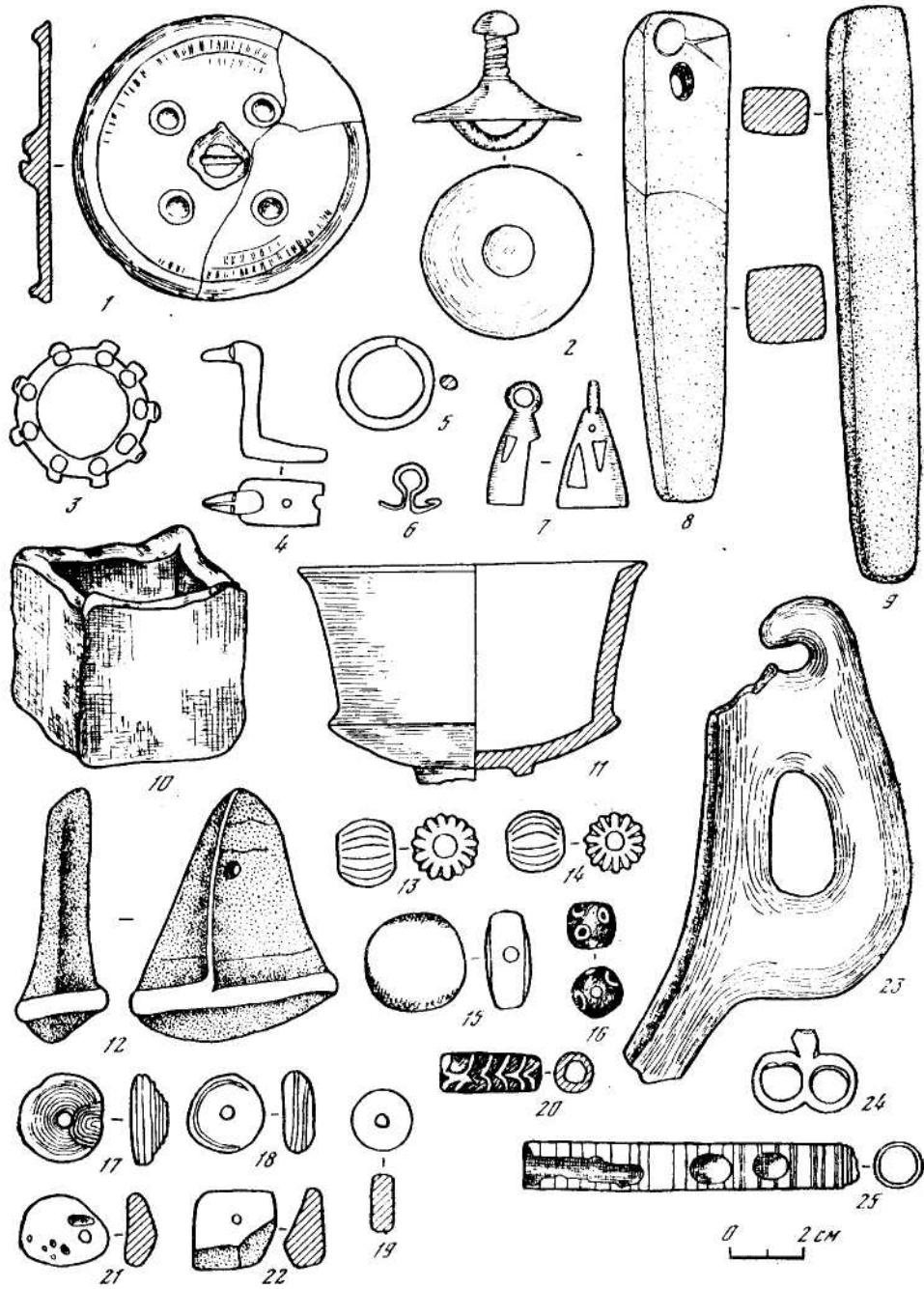
В свете исторических событий, происходивших в Нижнем Подонье в конце II—начале III в. н. э., обнаружение новых сарматских погребений, тесно связанных в культурном отношении с поволжско-приуральским сарматским миром, представляется вполне закономерным. Последние исследования Д. Б. Шелова по этнической истории Приазовья II—III вв. н. э., по данным танаисской ономастики, привели его к выводу, что не позднее третьей четверти II в. н. э. в состав танаисского населения влилась новая сарматская этническая группа, скорее всего аланская²⁹. Хотя это движение носило локальный характер, оно, несомненно, было вызвано какими-то сдвигами и перемещениями как в отдаленных, так и в близлежащих степных районах. Разумеется, передвинувшаяся сарматская группировка влилась не только в состав танаисского населения, но расселилась также и в ближайшей округе, куда входят низовья Маныча.

²⁹ Шелов Д. Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики. — ВДИ, 1974, № 1, с. 90—92.

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А. С. Скрипкин

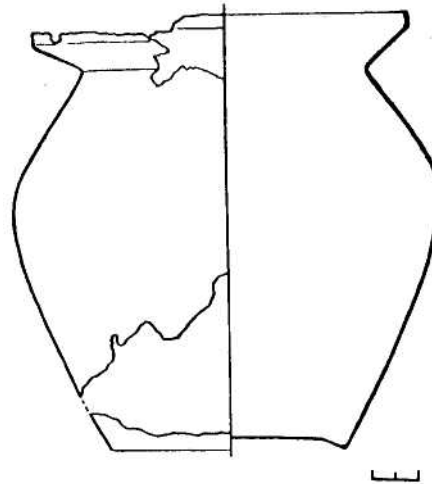
В январе 1975 г. в Волгоградский краеведческий музей поступил интересный набор древних вещей, случайно обнаруженных строителями при строительстве около нос. Ильевка Калачевского района Волгоградской области. Здесь были обнаружены: бронзовое зеркало диаметром 8 см с центральной петелькой, по краю которого проходит валик, орнаментированное двумя заштрихованными окружностями и четырьмя выпуклинами вокруг петельки (рис. 1, 1); бронзовая бляха конической формы со штырем, заканчивающимся полуовальной пуговкой. На штыре — спиральная канавка, напоминающая резьбу, с обратной стороны бляхи — круглая в сечении скоба (рис. 1, 2); бронзовое кольцо диаметром 3,6 см с шишечками, расположенными группами по три (рис. 1, 3); бронзовая фигурка птицы с двумя отверстиями (рис. 1, 4); бронзовый фрагментированный колокольчик с треугольными вырезами

Р и с. 1. Вещи на случайной находки у пос. Ильевка

Рис. 2. Бронзовый сосуд из случайной находки у пос. Ильевка

(рис. 1, 7); бронзовое кольцо диаметром 2,8 см, овальное в сечении, со сходящимися концами (рис. 1,5); небольшая бронзовая скоба (рис. 1, 6); глиняная чашечка вазообразной формы, имевшая ножку, покрытая черным лощением (рис. 1, 11); два оселка, один из которых с изображением круга и двух расходящихся под углом линий (рис. 1, 8, 9); глиняная курильница кубической формы (рис. 1, 10); костяная трубка с тремя круглыми отверстиями и прочерченными круговыми линиями, обернутая тонким бронзовым листом (рис. 1, 25); фрагменты крупного сероглиняного кувшина, по шейке украшенного тремя параллельными канавками, с ручкой в виде сильно стилизованной фигурки животного (рис. 1, 23); просверленная галька из черного мелкозернистого кремня с прожилками белого кварца (рис. 1, 12); бусы нескольких типов: ребристые из египетского фаянса светло-голубого цвета (5 экз., рис. 1, 13, 14), глазчатые из синего стекла с белыми ободками (2 экз., рис. 1, 16), уплощенные из синего стекла с белыми концентрическими линиями (2 экз., рис. 1, 17, 18), круглая уплощенная из известковой брекчии (1 экз., рис. 1, 15), граненая из мелкозернистого известняка (1 экз., рис. 1, 22) цилиндрическая из синего стекла с орнаментом в виде волнистых желтых полос (1 экз., рис. 1, 20), круглая уплощенная из мела (1 экз., рис. 1, 19), из известняковой гальки (1 экз., рис. 1, 21); очковидная поделка из кости (рис. 1, 24); бронзовый кованный сосуд биконической формы со следами железных клепок от ушка (рис. 2); кусок мела весом 1,05 кг; раковины *Rugula repnessa*, *Сургаеа tigris* и *Сургаеа saugica* (2 экз.) и несколько неопределенных железных предметов. Зеркало, курильница, бусы, посуда, оселки, кусок мела типичны для погребального инвентаря сарматских захоронений. Анализ вещей позволяет установить, что все они близки по времени и, вероятно, происходят из одного позднесарматского погребения.

Так, зеркала с центральной петелькой в Нижнем Поволжье встречаются только в погребениях позднесарматской культуры (известно

около 15 экз.), появляются еще во II в. до н. э., но в большинстве датируются второй половиной III в. н. э.¹ Относительно точно датируется бронзовый сосуд, который следует отнести к западноиталийскому производству. Такие сосуды были в употреблении у римских легионеров, О чем свидетельствуют находки их с надписями, указывающими имя владельца и центурию, к которой он принадлежал². Вещи, изготовленные в западных провинциях Римской империи или в самой Италии (чаще всего посуда), встречаются в памятниках Нижнего Поволжья III в. до н. э. — V в. н. э.³ Пути, по которым эти вещи могли попасть в степи Восточной Европы, были различными. Это или военная добыча, или результат торговых связей сарматов с античными городами Северного Причерноморья и непосредственно с западными римскими провинциями по древнему караванному пути, шедшему через Приднепровье в Подонье и Поволжье. Наиболее дорогие вещи могли быть подарками боспорских правителей сарматским вождям⁴. Большое число находок сосудов, аналогичных рассматриваемому, известно в Паннонии. А. Радноти вслед за Г. Виллерсом⁵ называет их ведерками и подразделяет на два типа: баргфельдский (Bargfeld-Typus) и вестерваннский (Westerwanna-Typus)⁶. Сосуд, найденный у пос. Ильевка, по форме и по наличию по краю ранта относится к ведеркам вестерваннского типа, которые в Паннонии датиру-

¹ Скрипкин А. С. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. — Архив ИА АН СССР, Р—2, № 2125, с. 82, 83 (канд. дис). А. М. Хазанов (*Хаанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4, с. 67) наиболее ранними зеркалами этого типа считает найденное в погребениях у сел Котово (па горе Можары) и Новая Норка, которые датированы им концом II—III в. С такой датировкой согласиться нельзя, так как найденные в тех же погребениях фибулы позволяют отнести их ко времени не ранее второй половины III в. (Скрипкин А. С. Позднесарматская культура. . ., с. 76—80). По-видимому, наиболее ранними зеркалами с центральной петелькой в Нижнем Поволжье следует считать находки в кургане 55 Старицкого могильника (*Шолов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1961 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2380), где они найдены вместе с профилированными фибулами (сер. 1, вариант 2, по А. К. Амброзу), которые были наиболее распространены во II в., а в III в. встречаются как исключения. К тому же диагональное положение погребенного в могиле с зеркалом для III в. в Нижнем Поволжье уже не характерно (Скрипкин А. С. Позднесарматские погребения, с. 60—63).

² Radnoti J. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, 1938, S. 113.

³ Шолов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. — КСИА, 1974, вып. 138, с. 60; *Он же.* Бронзовая патера из Астраханской области. — СА, 1974, № 1, с. 226—231; *Он же.* Южноиталийские зеркала в Волго-Донских степях. — СА, 1972, № 1, с. 161—164; *Он же.* Калиновский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, с. 484—487; *Максимов Е. К.* Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. — СА, 1957, № 4, с. 157—161.

⁴ Капошина С. И. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и в первые века н. э. — В кн.: Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967, с. 145—150; Шолов Д. Б. Итальянские и ападноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. — Acta Archaeologica, t. XVII. Budapest, 1965, с. 251—276; Шолов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху, с. 65.

⁵ Willers H. Die römischen Bronzeelimer von Hemmor. Hannover, 1900, S. 108, 111.

⁶ Radnoti A. Die Römischen Bronzegefäße. . ., S. 112—115.

ются I—II вв. н. э. А. Радноти в отдельных случаях не исключал и более позднее их употребление⁷. Типичной позднесарматской вещью в ильевской находке является кубическая курильница. Этот тип курильниц часто встречается в памятниках Нижнего Поволжья II—III вв. н. э. Характерен для этого времени и набор бус, отдельные типы которых представлены в памятниках первых веков н. э. на Северном Кавказе, Нижнем Дону и Поволжье⁸.

Набор вещей, обнаруженный у пос. Ильевка, очень близок наборам вещей из погребений первых веков н. э. на Нижнем Дону, в частности некрополя Кобякова городища. Учитывая это, можно предположить, что наиболее вероятной датой комплекса следует считать II — первую половину III в. н. э.

Роль Нижнего Подонья и особенно Танаиса в культурных связях с племенами Нижнего Поволжья общеизвестна⁹. Вероятно, именно отсюда попала значительная часть вещей, найденных у пос. Ильевка, в том числе и бронзовый сосуд западноримского производства.

⁷ Ibid., S. 115.

⁸ *Абрамова М. П.* Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972; *Капошина 'С. И.* Отчет об археологических работах Кобяковской экспедиции в 1957 и в 1959 гг. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 1684, 2022; *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933* и 1934 гг. — СА, 1936, т. 1, с. 152.

⁹ *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 174—231.

ВОЛГО-ДОНСКИЕ СТЕПИ В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Д. Б. Шелов

В одной из своих последних статей А. П. Смирнов обращал внимание на важность разработки этнической истории гуннов и всей истории Восточной Европы в гуннское время¹.

Вторжение кочевых орд гуннов в Северное Причерноморье в 70-х годах IV в. явилось событием, которое знаменует конец античной эпохи и начало нового этапа в истории юга Восточной Европы. Сарматское политическое преобладание в волго-донских степях пало еще раньше, в середине III в., под ударами готов и союзных с ними племен², но в этно-культурном отношении сармато-аланское население продолжало, видимо,

¹ *Смирнов А. Л.* К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии. — В кн.: Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1974, с. 65.

² *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, с. 299 и сл.; *Он же.* К этнической истории Нижнего Подонья. — ИСКНЦ. Серия обществ., наук, 1974, № 3, с. 52, 53.

оставаться главной силой в этом районе вплоть до гуннского нашествия. Античные государства Северного Причерноморья сильно пострадали от варварских набегов в 40—60-х годах III в.³, но сохранили основные позиции и даже, судя по некоторым данным, вновь окрепли в первой половине IV в.⁴ Гуннское вторжение резко оборвало развитие этих государств и привело к созданию совершенно новой ситуации в Восточной Европе.

Об опустошительном характере гуннского нашествия мы знаем из свидетельств древних авторов⁵. Правда, эти свидетельства относятся в основном к более западным районам, но нет никаких оснований предполагать, что гунны в Северном Причерноморье вели себя иначе, чем в Подунавье и других захватываемых ими областях. Об этом говорят и археологические памятники. Раскопки городов и поселений Боспора рисуют ясную и впечатляющую картину разгрома всех населенных пунктов в 70-х годах IV в. Слои пожарищ, останки погибших жителей, спрятанные и оставшиеся неиспользованными монетные клады — все это подтверждает представление о гуннском нашествии на Боспор как о тотальной катастрофе для всего Боспорского государства⁶. Гунны явились на Боспор из степей Приазовья, прошли через Таманский полуостров, переправились через Керченский пролив в самом узком его месте у косы Чушка и затем прошли огнем и мечом по городам Европейской части Боспора. Весь этот путь отмечен пожарищами и следами разрушений⁷.

Но на Киммерийский Боспор напала только часть гуннской орды, причем, вероятно, не основная. Главные силы гуннов проследовали через волго-донские степи, форсировали Дон и направились вдоль азовского побережья на Запад против остготской державы⁸. Для населения Нижнего Подонья и Северного Приазовья гуннское нашествие должно было иметь такие же катастрофические последствия, как и для жителей других областей. Однако здесь в это время не было оседлых поселений, которые могли бы подвергнуться гуннскому разгрому. Танаис все еще не был восстановлен после разгрома его варварами в середине III в. и лежал в развалинах, как и окружавшие его мелкие поселки. Поэтому на Нижнем Дону невозможно археологически проследить приход гуннов.

³ Гайдукевич В. Ф. Веспорское царство. М.—Л., 1949, с. 439 и ел.; *Gajdukevic V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin. 1971, S. 461; Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 205 и сл.; Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 16 и сл.

⁴ Сокольский Н. И. Гунны на Боспоре. — In: *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest, 1968, S. 259—260; ср. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время, с. 19 и сл.

⁵ *Eupar.*, Hist., 42; *Philostorg.*, XI, 8; *Zosim.*, IV, 20, 4; *Amm. Marc.*, XXXI, 2, 7—9, 12; 3, 8; *Euseb. Hieran.*, Epist., 77, 8.

⁶ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 479 и ел.; *Gajdukevic V. F.* Op cit., s. 494; Блаватский В. Д. Пантикапей, с. 222; Сокольский Н. И. Крепость на городище у хутора Батарейка I. — *ГА*, 1963, № 1, с. 184 и ел.; Он же. Гунны на Боспоре, с. 251 и ел.; Голенко К. В., Сокольский Н. И. Клад 1962 г. из Кен. — *НЭ*, VII, 1968, с. 83 и ел.

⁷ Сокольский Н. И. Гунны на Боспоре, с. 255.

⁸ Васильев А. А. Готы в Крыму. — *ИГАИМК*, I, 1921, 1, с. 290.

Что касается кочевого сармато-аланского населения степей Поволжья и Подонья, то судьба его нашла отражение в известиях Аммиана Марцелина: «Итак, гунны, проследовав через области аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, многих перебив и ограбив, остальных присоединили к себе на условиях союзного договора и с их помощью уверенно ворвались, внезапно и стремительно, в широкие равнины и плодородные области Германариха»⁹. Впрочем, кочевники в рассматриваемом районе, особенно в волго-донском междуречье, к моменту появления гуннов были не очень многочисленны. Резкое сокращение здесь числа сарматских погребений, отмечаемое во второй половине III—IV вв. н. э., по сравнению с I—началом II в. н. э., может быть, было связано с вытеснением с этой территории сармато-аланских племен участниками готского союза, разрушившими в середине III в. Танаис¹⁰.

Гунны не оставили в волго-донских степях следов своего стремительного продвижения в виде развалин городов и поселений. Но естественно, что установившееся господство их здесь должно было отразиться в характере погребальных памятников, хронологически непосредственно следующих за гуннским нашествием, т. е. в могилах конца IV и V вв. н. э.

Кочевнические погребения гуннского времени в волго-донских степях были известны давно, но не выделялись в особую хронологическую группу, а либо объединялись с позднесарматскими погребениями II—IV вв. н. э.¹¹ либо включались в довольно аморфную группу памятников V—VIII вв.¹² В первом случае эти памятники твердо приписывались сарматам; более того, погребения гуннского времени у станции Шипово дали даже повод Б. Н. Гракову назвать всю позднейшую IV ступень развития сарматской культуры, датированную II—IV вв. н. э., «Шиповской»¹³. Во втором случае могилы гуннского времени также относились к древностям позднейших сармато-аланов.

Правда, возможность принадлежности некоторых кочевнических погребений IV—V вв. гуннам подозревалась и ранее¹⁴, но твердое их выделение и хронологическое определение последней четвертью IV и пер-

⁹ *Амм. Марс*, XXXI, 3, 1.

¹⁰ *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. М., 1973, с. 21. Автореф. канд. дис.

¹¹ *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ г. Покровска. — УЗСГУ, VI, 1927, 3, с. 121, 122; *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936, с. 103, 104; *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия. — КСИИМК, 1950, XXXIV, с. 114; *Он же.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, 1952, с. 215, 216; *Синицын И. В.* Археологические памятники в низовьях р. Иловли. — УЗСГУ, 1954, XXXIX, с. 226 и ел.

¹² *Синицын И. В.* Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. — ИСНВИК, 1936, VII, с. 71 и ел.; *Максимов Е. К.* Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. — В кн.: Археологический сборник. Саратов, 1956, I, с. 56 и ел.

¹³ *Граков В. П.* Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 105, 120, 121.

¹⁴ *Гольмстен В. В.* Археологические памятники Самарской губернии. — ТСА РАН ИОН, 1928, IV, с. 134; *Рыков Л. С.* Очерки, с. 103; *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, S. 63, 64.

вой половиной V в. н. э. было произведено сравнительно недавно И. П. Засецкой¹⁵. Ею выделено несколько групп погребений этого времени: трупогожжения, трупоположения под курганной насыпью, трупоположения с захоронением шкуры коня. К этому же времени она склонна относить и некоторые одиночные бескурганые погребения, получившие в науке не очень удачное наименование «речных погребений»¹⁸. И. П. Засецкая насчитывает около 30 погребений всех этих категорий в Нижнем Поволжье, главным образом в области саратовского Заволжья. Памятниками гуннского нашествия признает их и А. П. Смирнов¹⁷. Еще около 20 подобных погребений известны в степях Крыма и Северного Причерноморья от Подонья до Одесской области¹⁸.

Недавно А. К. Амброз высказал мнение, что большинство погребальных памятников, относимых обычно ко второй половине IV—V вв. н. э., в том числе такие определяющие комплексы, как курганы № 17 и 18 у г. Энгельс, № 2 и 3 у Шипово, № 7 у Новогригорьевки, курган у Верхне-Погромного, находка из Старой Игрени и другие, должно быть датировано гораздо более поздним временем — VI—VII или VII в. н. э.^{1*}

Такая передатировка, однако, представляется пока недостаточно обоснованной. Хронологические построения А. К. Амброза весьма уязвимы и в том отношении, что никак не объясняют большой хронологический разрыв между комплексами, которые сам А. К. Амброз датирует V в., и очень близкими им инвентарями погребений, относимых к VII в. (например, Новогригорьевские погр. 8 и 9, с одной стороны, я погр. 7 того же могильника или курганов 17 и 18 у г. Энгельса — с другой). Это заставляет нас с сомнением отнестись к указанной попытке передатировки и продолжать считать выделенные И. П. Засецкой памятники погребениями периода гуннского владычества конца IV—V вв. н. э.

Этническая принадлежность всех этих кочевнических погребений пока не может быть твердо установлена. Может быть, значительная часть этих могил принадлежала гуннам, во всяком случае, очень вероятно принад-

¹⁵ *Верхин И. П.* Нижнее Поволжье в эпоху переселения народов. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1964, с. 17—19; *Засецкая И. П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. — СА, 1968, № 2, с. 52 и ел.; *Она же.* Гунны в южнорусских степях. Конец IV — первая половина V в. н. э. (по археологическим данным). М., 1971. Автореф. канд. дисс.

¹⁶ *Засецкая И. П.* Особенности погребального обряда на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья в гуннскую эпоху. — АСГЭ, 1971, 13, с. 61 и ел.; *Она же.* Гунны в южнорусских степях, с. 11 и ел.

¹⁷ *Смирнов А. П.* К вопросу о гуннских племенах. . . , с. 67.

¹⁸ ОАК, 1882—1888, ср. LI—LV; *Самоковасов Д.* Могилы русской земли. М., 1908, с. 132—136; *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением, с. 94—103, табл. III—V; ОАК, 1882—1888, с. СХСІХ; 1890, с. 121—122, рис. 82—87; 1897, с. 34—35, рис. 106—108; 1899, с. 127, рис. 250; 1902, с. 126, рис. 211—213; с. 132, 133, рис. 228, 229; 1904, с. 123, рис. 215; *Пешанов В. Ф.* Мелитопольская диадема. — КСИА АН УССР, 11, 1961, с. 70—75, рис. 1—4; *Ковалева И. Ф.* Погребения IV в. у с. Старая Игрень. — СА, 1962, № 4, с. 233 и ел.; *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребений IV—V вв. в Крыму. — СА, 1966, № 3, с. 187 и ел.; и др.

¹⁹ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 3, с. 115—120; *Она же.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв. М., 1974, с. 31, 32. Автореф. докт. дис.

лежность им могил с трупосожжением — обрядом, совершенно не характерным в волго-донских степях до прихода туда гуннов²⁰. И. П. Засецкая гуннам же приписывает и могилы с захоронением шкуры коня²¹. В то же время возможно, что некоторые погребения гуннского времени были могилами сарматов или аланов, вошедших в гуннский союз и подвергшихся влиянию гуннов²². Вероятно, справедлива точка зрения А. П. Смирнова, согласно которой сармато-аланский этнический компонент являлся основным на юго-востоке и после гуннского нашествия²³.

Вскоре после того, как гуннские орды проследовали на Запад через Нижнее Подонье, вновь возрождается жизнь на пепелище разрушенного в середине III в. Танаиса. Монетные находки и другие материалы свидетельствуют, что Танаис был вновь отстроен уже в 70-х или 80-х годах IV в.²⁴ Послегуннский Танаис представлялся незначительным поселением, ничем не напоминающим богатого торгового города, существовавшего на этом месте до разгрома III в.²⁵ Однако раскопки последних лет показали, что Танаис конца IV и начала V в. н. э. не был захудалым и бедным поселком²⁶. Вновь была заселена почти вся территория прежнего города, хотя кое-где развалины III в. не были разобраны, но каменные завалы были лишь отгорожены стенками от восстановленных жилых кварталов. Общая система строительной кладки более небрежная, чем в ранних сооружениях, но в строительстве употребляются крупные плиточные камни, придающие постройкам гуннского времени известную монументальность. Особенно обращают на себя внимание вымостки из больших, очень массивных известняковых плит. Для строительства этого времени характерны также наличие округлых в плане построек, которые никогда не встречались среди танаисских сооружений I—III вв. н. э.²⁷ Может быть, в их появлении сказались какие-то реминисценции привычных для кочевников представлений о круглом жилище — юрте. Глинобитные полы помещений находятся ниже уровня дневной поверхности, нижняя часть построек заглублялась в землю на 60—100 см.

Возрождение Танаиса как города под властью гуннов только на первый взгляд кажется парадоксальным явлением. Гунны разрушали города, встречавшиеся на пути их нашествия, истребляли или угоняли население, но в глубине гуннской державы должны были существовать производст-

¹⁰ Засецкая И. П. Особенности погребального обряда. . . , с. 64—65; Она же. Гунны в южнорусских степях, с. 12, 13.

²¹ Засецкая И. П. Особенности погребального обряда. . . , с. 65—69.

²² Там же, с. 72.

²³ Смирнов А. П. К вопросу о гуннских племенах. . . , с. 67.

²⁴ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., с. 326, 327.

²⁵ Шелов Д. Б. К истории Танаиса. — ВДИ, 1959, № 1, с. 127; Он же. Танаис. — потерянный и найденный город. М., 1967, с. 127.

²⁶ Арсеньева Т. М., Шелов Д. В. Исследования Танаиса. — АО 1971 г. М., 1972 с. 150, 151; Они же. Археологические исследования Недвиговского городища в 1969—1972 гг. — КСИА, 1975, вып. 143, с. 42, 43; Они же. Исследования Танаиса. — АО 1973 г. М., 1974, с. 93—94; Арсеньева Т. М. Работа в Танаисе. — АО 1972 г. М., 1973, с. 110—112.

²⁷ Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Исследования Танаиса. — АО 1971 г., с. 150; Они же. Исследования Танаиса. — АО 1974 г., с. 93.

венные ремесленные поселения и торговые центры ²⁸. Были заинтересованы гунны и в сохранении какой-то части оседлого населения, поставляющего им продукты земледелия. Поэтому и неудивительно, что какие-то остатки причерноморского населения вновь обосновались на пепелище Танаиса после того, как волна гуннского нашествия прокатилась через волго-донские степи.

Восстановленный в конце IV в. Танаис, несомненно, не обладал той экономической мощью, которой отличался город периода расцвета, II — первой половины III в. н. э. Но он все же был значительным центром и земледелия, и ремесла (открыты, например, остатки мастерской медника), и торговли. Город был связан с главными центрами Боспора, откуда он получал товары в амфорах, краснолаковую керамику, стеклянные изделия, украшения и пр. ²⁹ В этом отношении старинные традиции были восстановлены. Но в то же время в позднейших слоях Недвиговского городища найдено много различных предметов западного происхождения, указывающих на тесные связи позднего Танаиса с областями распространения Черняховской культуры. Это некоторые типы бронзовых фибул и металлических украшений ³⁰, острорезервные лощеные сероглиняные миски «черняхойдного» облика ³¹, трехсоставные гребни ³² и пр. В некрополе Танаиса конца IV и начала V в. могут быть отмечены некоторые явления (например, западная ориентировка погребенных), которые позволяют предполагать прямое присутствие среди населения города каких-то выходцев из западных (в том числе Черняховских) племен. Можно думать, что под ударами гуннов по остготской державе Германариха часть ее населения, в том числе и носители каких-то Черняховских традиций, передвинулась с основной территории своего расселения в периферийные районы. Такое передвижение наблюдается на западной окраине Черняховского ареала, в Поднестровье и Подунавье ³³. Аналогичное движение сарматских племен на север под давлением гуннов имело место в Поволжье ³⁴. Может быть, подобное перемещение могло произойти и в восточной части расселения Черняховских племен, результатом чего и явилось участие какой-то западной племенной группы в жизни Танаиса последнего периода его истории.

Все же этническая основа населения Танаиса и в конце IV—начале V в. н. э. была, по-видимому, сармато-аланская. Для Танаиса II—III вв.

²⁸ Ср.: Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 103, 104.

²⁹ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., с. 315 и ел.

³⁰ Там же, с. 325; Амброз А. К. Фибулы из раскопок Танаиса. — В кн.: Античные древности Подонья-Приазовья, М., 1969, с. 261—263.

³¹ Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. 1. — В кн.: Древности Нижнего Дона. М., 1965, с. 180—185, табл. VII—X; Она же. Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона. М., 1970 с. 27, 28; Автореф. канд. дис; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., с. 318, 319.

³² Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., с. 322, 323; Арсеньева Т. М. Работы в Танаисе, с. НО, 111.

³³ Рикман 9. А. Некоторые традиции черняховской культуры в памятниках VI—X вв. в низовьях Днестра и Дуная. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972, с. 31 и ел.

³⁴ Смирнов А. П. К вопросу о гуннских племенах. . . , с. 67.

н. э. это засвидетельствовано не только археологическими, но и антропологическими и лингвистическими материалами (ономастика)³⁵. Для позднейшего Танаиса мы такими источниками не располагаем, но преемственность форм материальной культуры, в частности лепной керамики³⁶, и основных элементов погребального обряда позволяет думать, что основную группу в населении Танаиса конца IV—начала V в. составляли выходцы из тех же ираноязычных сарматских или аланских племен.

Присутствие в Танаисе собственно гуннов археологически улавливается очень плохо. На территории грунтового и курганного некрополей Танаиса открыто несколько захоронений шкур лошадей³⁷, восходящих, вероятно, к гуннскому погребальному ритуалу, но ни одно из этих захоронений не может быть связано с погребением человека. К предметам гуннской культуры могут быть отнесены найденные на Недвиговском городище костяные накладки сложносоставного лука, позволившие произвести его полную реконструкцию³⁸, и очень характерные костяные наконечники стрел^{39*}. Подобные стрелы найдены в слоях гуннского погрома боспорских городов⁴⁰. Может быть отмечена также находка в одной из могил танаисского грунтового некрополя, очень характерного бронзового амулета в виде человеческой фигурки. Такие амулеты встречаются обычно в детских погребениях IV—V вв. н. э. во многих местах Восточной Европы и, видимо, не без оснований связываются с гуннской культурой⁴¹. Но, конечно, наличие этих отдельных «гуннских» вещей еще не может служить доказательством присутствия гуннов в составе населения Танаиса. Антропологического материала для рассматриваемой нами эпохи практически нет. Некоторые особенности в антропологическом типе, которые могли бы быть приняты за следы гуннского воздействия, появляются в Танаисском краниологическом материале задолго до гуннского нашествия, еще во II—III вв. н. э.⁴²

³⁵ Герасимова М. М. Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса. — В кн.: Древности Нижнего Дона. М., 1965, с. 256 и ел.; Она же. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса. — СЭ, 1971, № 4, с. 131 и ел.; Она же. Население Северного Причерноморья (Боспорское царство) в античную эпоху по антропологическим данным. М., 1975, с. 8—10. Автореф. канд. дис; Шелов Д. В. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики. — ВДИ, 1974, № 1, с. 80 и ел.

³⁸ Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории, с. 26—29.

³⁷ См., например: Казакова Л. М., Каменецкий И. С. Курганы Танаиса. — КСИА, 1970, вып. 124, с. 83.

³⁸ Шелов Д. В. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., с. 323, 324.

³³ Шелов Д. В. Экономическая жизнь Танаиса. — В кн.: Античный город. М., 1963, рис. 10.

⁴⁰ Сокольский Н. И. Гунны на Боспоре, рис. 4 и 9.

⁴¹ Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. — ИАК, 1910, 35, с. 32, 33; Он же. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. — ИАК, 1913, 47, с. 19, 31, прим. 1; Покровский М. В. Пашковский могильник № 1. — СА, 1936, 1, с. 160, рис. 5, 6; Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. н. э. в дор. Айвазовское. — СА, 1957, № 2, с. 254, рис. 1, 3; Михлин В. Ю. Гуннский амулет з Ждановского музея. — Археология, № 5, 1972, с. 95—96, рис. 1.

⁴² Герасимова М. М. Население Северного Причерноморья. . . , с. 10.

Трудно определить, в какой мере Танаис конца IV и начала V в. выполнял роль торгового центра и на какую территорию он распространял свое торговое влияние. Но находки в редких донских курганах гуннского времени некоторых привозных изделий, подобных обнаруженным в самом Танаисе, говорят о том, что кочевники волго-донских степей продолжали получать товары из Танаиса. Так, в кургане у Новочеркасска найдены костяной гребень, подобный упоминавшимся выше костяным гребням из Танаиса и стеклянный кубок с напаянными синими стеклянными нитями⁴³. Обломки таких кубков также известны в Танаисе. В богатом погребении у станции Синявка была обнаружена двупластинчатая серебряная фибула и стеклянный кубок с напаянными синими глазами⁴⁴. Точно такие же кубки были найдены в одном из танаисских подвалов конца IV—начала V в.⁴⁵, а обломки близкой по форме бронзовой фибулы — в позднем погребении танаисского курганного некрополя⁴⁶. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти изделия попадали к кочевникам южнодонских степей через Танаис.

Гораздо менее уверенно с торговлей Танаиса можно связывать своеобразные украшения позднего полихромного стиля, характерные для степных погребений гуннского времени. Эти украшения — диадемы, серьги, пряжки, нашивные бляхи и прочие, выполненные из серебряного или золотого листа, натянутого на бронзовую основу, и украшенные тисненым рубчатый орнаментом и вставками из альмандинов, гранатов и цветного стекла, — происходят скорее всего, согласно общепринятому мнению, из боспорских ювелирных мастерских, хотя допускается возможность наличия и других центров их производства. Но попадать к кочевникам волго-донских степей такие изделия могли не только через торговлю античных городов, в том числе и Танаиса, а и другими путями. Чрезвычайная подвижность кочевнических племен эпохи великого переселения народов создавала неограниченные возможности для перемещения подобных дорогих украшений вследствие разного рода внеэкономических отношений: они могли входить в состав дани, подарков, контрибуций или быть объектами прямого грабежа при всяческих военных столкновениях, которыми была так богата эта эпоха.

⁴³ Мелентьева Г. М. Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону. — КСИА, 1973, вып. 133, с. 126, 127.

⁴⁴ Каменецкий И. С., Кропоткин В. В. Погребение гуннского времени близ Танаиса. — СА, 1962, № 3, с. 236, 237, рис. 1.

⁴⁵ Наливкина М. А. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). — В кн.: Древности Нижнего Дона М., 1965, с. 158, рис. 34; Сорокина И. Л. Стеклянные сосуды из Танаиса. — Там же, с. 208, рис. 3, 8, 9; 4, 5.

⁴⁶ Арсеньева Т. М. Охранные раскопки курганного могильника Танаиса в 1969 году. — В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья, II. М., 1974, с. 155, табл. III, 9г

ЮГО-ЗАПАД ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

ПАМЯТНИКИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. У С. НЕПОЛОКОВЦЫ

Б. А. Тимощук, Г. Ф. Никитина

Могильник в с. Неполоковцы Кицманского района Черновицкой области был открыт в 1972 г. Тогда же было исследовано два погребения¹.

Погр. 1 — детское труположение. Погребальная яма имела прямоугольную форму, ее размер 1,30x0,60 м, глубина 0,4 м от поверхности. На дне в вытянутом положении лежал скелет девочки, ориентированный головой на север (рис. 1, 7), руки вытянуты вдоль тела. Около скелета найдено несколько кусочков древесного угля и три глиняных сосуда: две круговые серолощенные миски (рис. 1, 2) и лепной горшок с почти прямым венчиком, изготовленный из глины с примесью шамота (рис. 1, 8). Здесь же найден раздавленный кубок, из прозрачного светло-зеленого стекла, край которого чуть выделен изгибом, толщина стенок 1,5 см (рис. 1, 6). На груди погребенной лежали две одинаковые бронзовые арбалетные фибулы подвязного типа (рис. 1, 3) и 40 стеклянных бусин. Возле черепа найдены 4 бронзовых кольца из граненой проволоки (рис. 1, 5), 4 серебряных проволочных кольца с закрученными концами (рис. 1, 4) и трехчастный гребень с полуовальной спинкой, скрепленной медными гвоздиками (рис. 1, 9). В ногах лежал кусочек смолы. В заполнении могилы найдены обломки гончарной чернолощеной миски.

Погр. 2 — трупосожжение в урне, обнаружено в 50 м к юго-востоку от погр. 1, на глубине 0,40 м от поверхности (рис. 1, 10). Кальцинированные кости были сложены в фрагментированный сосуд (рис. 1, 13) и прикрыты фрагментами другого сосуда. Несколько косточек найдено рядом с урной. В урне среди костей обнаружена половина ажурного полого браслета, свитого из тонкой бронзовой проволоки (рис. 1, 12) и глиняное изделие биконической формы, полое, типа большой бусины-погремушки, со сквозным отверстием по осевой линии (рис. 1, 11).

В 1973 г. исследование памятника, условно названного Неполоковцы I, было продолжено. Поисковые траншеи, заложенные вблизи мест расположения погр. 1 и 2, не дали следов могил. Однако здесь был выявлен куль-

¹ Тимощук В. А., Никитина Г. Ф. Первый могильник черняховской культуры на Буковине. — АО 1972 г. М., 1973, с. 338, 339.

турный слой с грубой лепной керамикой, украшенной налепными валиками, углублениями и сквозными отверстиями под венчиком. По определению А. И. Мелюковой керамика принадлежит местной культуре скифского времени и может датироваться VI—V вв. до н. э.

В 450 м к западу от места раскопок 1972 г., в небольшом овражке, прорезавшем склон второй надпойменной террасы р. Прут, местным школьником была найдена миска с кальцинированными костями, а нами при осмотре местности обнаружены на поверхности пашни кальцинированные кости и обломки круговой миски. Этот пункт назван нами Неполоковцы II. Здесь были произведены небольшие раскопки и исследовано три погребения.

Погр. 1 — трупосожжение залегало на глубине 0,20 м от поверхности и было нарушено при вспашке. Установить, было ли оно урновым или безурновым, невозможно (рис. 1, 14). Среди кальцинированных костей обнаружены обломки вазы на высокой ножке, типичной для липицкой культуры (рис. 1, 15).

Погр. 2 — трупосожжение в урне. Находилось в 20 м к югу от погр. 1, на глубине 0,30 м от поверхности (рис. 1, 16). В качестве урны использован лощеный горшок (рис. 1, 27), который был доверху наполнен кальцинированными костями, очищенными от остатков костра. Кости черепа попадались и наверху, и у дна сосуда. Отдельные кальцинированные косточки были обнаружены и под урной. Вещей при погребении не было.

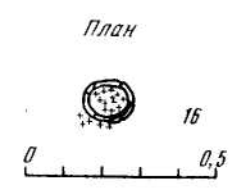
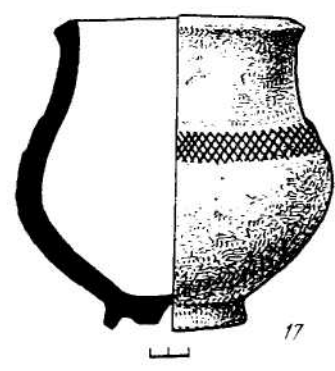
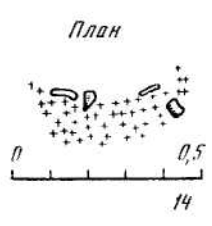
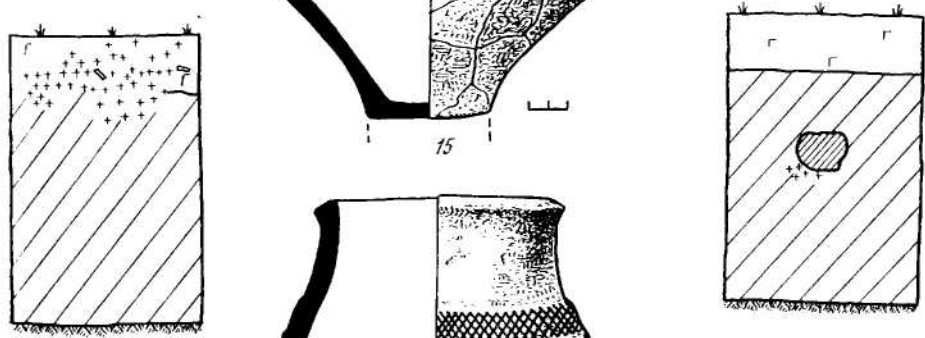
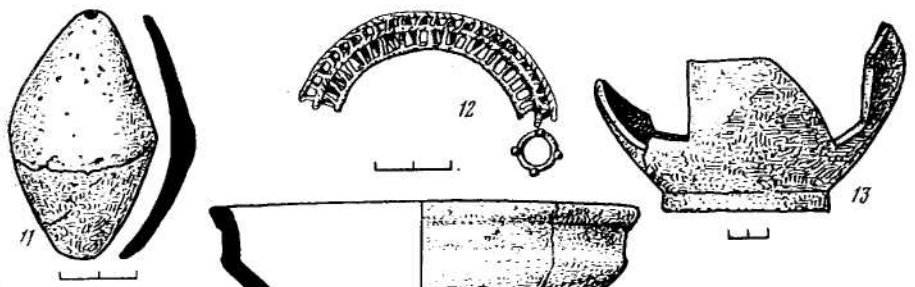
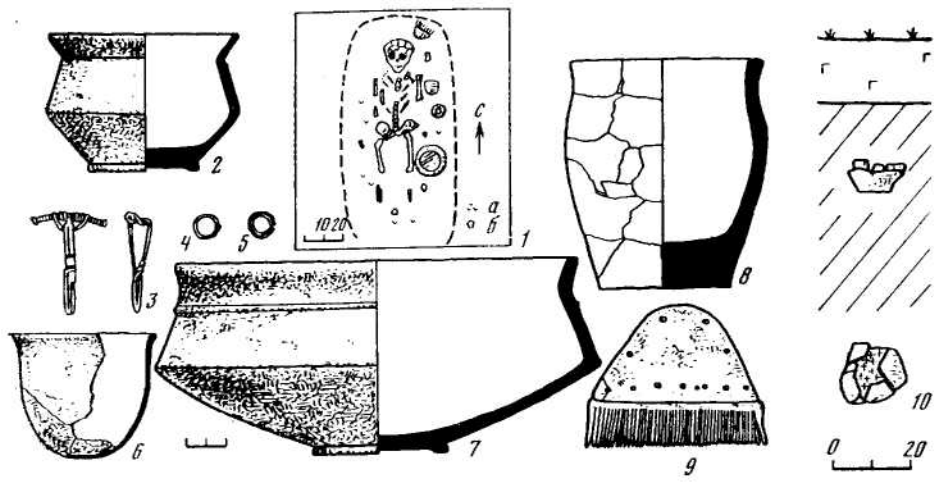
Погр. 3 — трупоположение. Обнаружено на расстоянии 10 м к западу от погр. 1 и 2, на глубине 0,30 м от поверхности. Костяк почти полностью, разрушен вспашкой, установить его положение и ориентировку невозможно. Вокруг остатков костяка найдено большое количество фрагментов сероглиняной круговой посуды.

Очень неглубокое залегание погребений в пункте Неполоковцы II объясняется тем, что несколько лет назад с целью расширения полевых угодий склоны террасы были сглажены бульдозером. В результате погребения древнего могильника оказались почти у поверхности и разрушаются вспашкой.

В траншее, заложенной в 100 м к северу от погр. 1, обнаружен культурный слой с материалом только скифского времени. Остается лишь предполагать, что так далеко на север могильник не простирался. В 10 м к востоку от погр. 1 на склоне овражка при осмотре обнаружены развалы хорошо обожженной глиняной обмазки, обычной на поселениях. В заложенном здесь шурфе на глубине 0,40 м от поверхности расчищены остатки гончарной печи. Двухкамерная топочная часть ее была вырезана в мате-

Р и с. 1. Материалы из погребений в Неполоковцах

1 — план погребения и участка Неполоковцы I: а — угли, б — обломки керамики; 2 — гончарная миска; 3 — бронзовая фибула; 4 — серебряное кольцо; 5 — бронзовое кольцо; 6 — стеклянный кубок; 7 — гончарная миска; « — лепной горшок; 9 — костяной гребень; 10 — план погребения второго участка Неполоковцы I; 11 — биконический глиняный предмет; 12 — бронзовый браслет; 13 — гончарный сосуд — урна погребения 2; 14 — план погребения первого участка Неполоковцы II; 15 — гончарная ваза из погребения 1; 16 — план погребения второго участка Неполоковцы II; 17 — урна погребения 2

рике. Каждая камера, имеющая в плане форму фасолины, была заполнена углем, в большом количестве встречены фрагменты сероглиняной круговой посуды. Печи такой конструкции типичны для черняховскПГГ культуры.

В свое время мы отнесли все погребения в пункте Неполоковцы I к черняховской культуре². Детальный анализ материала из разных пунктов в окрестностях с. Неполоковцы свидетельствует об их одновременности и о разной культурной принадлежности.

Обратимся к погребениям с участка Неполоковцы I.

Материал погр. I типичен для Черняховской культуры. Большая миска (рис. 1, 7) имеет много аналогий (Чернязов³, Маслово⁴, Косаново⁵, Гурбинцы⁶, Телешовка⁷, Тыргшор⁸). Для маленькой мисочки (рис. 1, 2) прямых аналогий в черняховских памятниках нами не найдено, но по общим принципам формы и стилю этот сосуд может быть отнесен к черняховской керамике. Обе фибулы (рис. 1, 3), по классификации А. К. Амброза, относятся к группе прогнутых подвязных (подгруппа 2, серия 1, вариант 2), широко распространенных на памятниках Черняховской культуры, и датируются IV в. н. э.⁹ Индивидуальная особенность найденных здесь экземпляров в том, что спинка прогнута в самой верхней части корпуса, под острым углом, а верхняя часть спинки перпендикулярна оси пружины. Такая разновидность редко встречается среди фибул черняховской культуры, для которых более характерна плавно изогнутая спинка, верхняя часть которой образует с осью пружины тупой угол. Фибулы рассматриваемой разновидности известны в Делакеу¹⁰, Иванковцах¹¹, Черновицах¹².

Бронзовые колечки с завязанными концами типа рис. 1, 4 широко распространены на черняховских памятниках (Косаново¹³, Привольное¹⁴, Черняхово¹⁵). Они служили соединительным звеном для многих видов подвесок: для раковинных, пирамидальных, костяных и др. Иногда они вплетались в волосы. Вероятно, так эти колечки употреблялись в рассматриваемом погребении.

² Тимощук Б. А., Никитина Г. Ф. Первый могильник. . . , с. 338—339.

³ Петров В. П. Черняховский могильник. — МИА, 1964, № 116, с. 89, рис. 4, 13; Симонович Э. А. Новые работы в с. Черняхове. — МИА, 1967, № 139, с. 21, рис. 10, 9.

⁴ Петров В. П. Масловский могильник. — МИА, 1964, № 116, с. 155, рис. 14, 19.

⁵ Кравченко П. М. Косановский могильник. — МИА, 1967, № 139, с. 128, табл. XIII, 1.

⁶ Симонович Э. А. Северная граница памятников Черняховской культуры. — МИЛ, 1964, № 116, с. 26, рис. 2, 11.

⁷ Симонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики. — МИА, 1964, № 116, с. 287, рис. 7, 7.

⁸ Diacona Ch. Tirgisor. Bucuresti, 1965, p. 300, tab. CLI, 6.

⁹ Амброз А. К. Фибулы Юга Европейской части СССР. — СЛИ, 1966, Д1—30, с. 63.

¹⁰ Рикман Э. А. Черняховское поселение в Делакеу. — МИА, 1967, № 139, с. 175, рис. 8, 1.

¹¹ Брайчевский М. Ю., Довженко В. И. Поселение и святилище в с. Иванковцы на Среднем Днестре. — МИА, 1967, № 139, с. 259, рис. 21, 2.

¹² Тимощук Б. А., Винокур И. И. Памятники черняховской культуры на Буковине. — МИА, 1964, № 116, с. 191, рис. 5, 2.

¹³ Кравченко Н. М. Косановский могильник, с. 129, табл. XIV, рис. 7.

¹⁴ Кухаренко Г. О. В. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольном. — СА, 1955, XXII, с. 137, табл. II, рис. 24, 33, 36, табл. IV, рис. 9, 16.

¹⁵ Петров В. П. Черняховский могильник, с. 113, рис. 14, 2, 3.

Костяной гребень с овальной спинкой (рис. 1, 9) также хорошо известен на памятниках черняховской культуры (Иванковцы ¹⁶, Черняхов ¹⁷, Маслово ¹⁸, Тыргшор ¹⁹). Дата этого гребня не противоречит дате фибулы. Таким образом, погр. 1 можно отнести к черняховской культуре и датировать IV в. н. э. Сложнее определить культурную принадлежность погр. 2. Захоронение совершено в обломке нижней части сосуда, форма которого не известна. Вещи, сопровождавшие погребение, весьма своеобразны. Ажурно-витой браслет (рис. 1, 12) — вещь уникальная, на территории черняховской культуры они не известны, а браслеты ей вообще не свойственны. Обломок идентичного браслета найден на поселении карпов у пос. Кукорани в Румынии вместе с дако-гетской лепной керамикой, в частности с коническими чашами с большой грубой ручкой. Комплекс землянки, где был найден браслет, автором раскопок датируется II — III вв. н. э.²⁰ Найденный в погр. 2 глиняный предмет (рис. 1, 11) также не характерен для черняховской культуры. Здесь известна лишь одна аналогия из могильника у с. Рыжевка ²¹. Подобные находки встречаются в лужицкой культуре, что, вероятно, говорит о широком их распространении, как хронологическом, так и территориальном.

Единственная датированная по румынским аналогиям находка из рассмотренного погребения — ажурный браслет — позволяет заключить, что рассматриваемое погребение нельзя связывать с комплексом черняховской культуры. Его следует отнести к более раннему времени. Это находит подтверждение и при анализе материала погребений пункта Неполоковцы II.

Погр. 1 участка Неполоковцы II содержало всего один сосуд в виде вазы на высокой ножке (рис. 1, 15), типичный только для одной культуры на территории Прикарпатья — липицкой культуры. Сравнение этого сосуда с материалами Липицкого могильника ²² дает, однако, неполные аналогии. Для липицкой культуры характерны вазы с широким плоским венчиком, без профилировки плоскости под венчиком. Профилировка, подобная прослеженной на нашем сосуде, характерна для мисок пшеворской культуры I—II вв. н. э.²³

Погр. 2 содержит сосуд, особенностью которого является вытянутое горло, составляющее треть высоты сосуда, и переход к тулову, подчеркнутый профилировкой в виде уступа (рис. 1, 17). В этом стиле выполнено большинство круговых горшков Липицкого могильника, где есть и близкие аналогии ²⁴.

¹⁶ Брайчевский М. Ю., Довженко В. И. Поселение. . . , с. 259, рис. 13, 2.

¹⁷ Петров В. П. Черняховский могильник, с. 111, рис. 13, 2.

¹⁸ Петров В. П. Маслово-ский могильник, с. 154, рис. 13, 31.

¹⁹ Diaconi Ch. Tirgisor, с. 257, Tab. CVII, 7.

²⁰ Teodor S. Săpăturile de la Cucorani. Archeologia Moldovei, t. VIII, 1975, fig. 46, 7.

²¹ Кропоткин В. В. Раскопки Черняховского могильника у с. Ратавка. АО 19(15 г. М., 1966.

²² Smiszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej. Lwów, 1932, с 112, tab. VII.

²³ Kostrzewski B. Cmentarzysko z okresu pozno-latenskieje i rzymskiego w Domoradzicach. Fontes, t. VIII. Poznan, 1954, 2; Dąbrowskie T. u K. K. Cmentarzysko z okresu pozno-latenskieje i rzymskiego w Wesołkach. Archeologia, t. 15. Wrocław, 1967, s. 7, 53, 59.

²⁴ Smiszko M. Kultury. . . , Tnb. VI.

Итак, из четырех рассмотренных погребений в Неполоковцах одно, несомненно, относится к черняховской культуре (погр. 1 в пункте Неполоковцы I) и три (погр. 2 в пункте Нецолоковцы I, иогр. 1,2 в пункте Пеиолоковцы II) — к предшествующему времени, не позднее II в. н. э. Последние связаны с липицкой культурой, точнее — с памятниками типа Болотное и Звенигород²⁵, имеющими смешанные липицко-пшеворские черты.

²⁵ *Свешников И. К.* Могильники липицкой культуры в Львовской области. — КСИИМК, 1957, вып. 68.

ПОСУДА ЗАРУБИНЕЦКОГО ТИПА ИЗ НИКОЛАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Э. А. Сымонович

Для выяснения экономических связей племен зарубинецкой культуры с югом значительный интерес представляют находки зарубинецкой керамики на нижнеднепровских памятниках рубежа н. э. Городища, селища и могильники, содержавшие подобные находки, принадлежали сарматизированному позднескифскому населению, поддерживавшему тесные связи с античными городами Северного Причерноморья. Очевидно, именно через посредство поздних скифов на север проникали предметы античного импорта, известные на памятниках зарубинецкого и черняховского населения Лесостепи. Наличие таких связей подтверждается в то же время находками керамики северных типов на юге, в нижнем Поднепровье.

Известно, что позднескифская лепная керамика с Нижнего Днепра в отличие от крымской характеризуется присутствием в ней зарубинецко-корчеватовских элементов¹. Керамика этих памятников, имеющая общие черты с зарубинецкой, специально исследовалась В. П. Петровым², который пришел к выводу о необходимости пересмотра и уточнения взгляда о генетической связи ее с зарубинецко-корчеватовской посудой. Это заставляет еще раз возвратиться к сопоставлению двух групп керамики Поднепровья, происходящей из областей Лесостепи и Степи.

¹ *Абрамова М. П.* Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра. — МИА, 1962, 115, с. 282, 283; *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. — МИА, 1958, № 64, с. 269; *Елагина И. Г.* Нижнее Поднепровье в эпоху позднего скифского царства. — Вестник МГУ, № 4, 1958, с. 49; *Погрехова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днестре (городища Знаменское и Гавриловское. — МИА, 1958, № 64, с. 214).

² *Петров В. П.* Зарубинецько-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я синхронні культури суміжних територій (до проблеми класифікації археологічних культур зарубинецького часу). — Археологія, т. XII. Київ, 1961, с. 67—71.

Для разрешения вопроса важны находки подобной посуды в закрытых комплексах могильников, в частности — первого полностью раскопанного позднескифского могильника у с. Николаевка Бериславского района Херсонской области. На этом могильнике, первоначально исследовавшемся М. Эбертом³, в 1966—1967 гг. под руководством автора было изучено 190 могил I в. до н. э. — III—IV вв. н. э. Большая часть их должна быть отнесена к I в. н. э., т. е. ко времени расцвета зарубинецкой культуры. В могилах захоронено более 300 человек. Преобладают большие и малые земляные склепы-катакомбы (142). Значительно меньше грунтовых и подбойных захоронений (соответственно 35 и 29). Керамика встречалась в могилах всех типов, но больше всего ее было в склепах-катакомбах. Лишь некоторые захоронения сопровождалась керамикой. При погребениях ставили один, реже — два или три сосуда. Всего в могилах найдено 81 целый и 47 фрагментированных сосудов, а также их обломки. Большой частью это была посуда античного происхождения (66 экз.). Лепная керамика представлена 52 сосудами (40 целых и 12 в обломках). Лишь 10 находок из них сопоставимы с черняховской сероглиняной керамикой. Керамика зарубинецкого типа представлена более широко (28 целых и 4 фрагментированных сосуда). Только три сосуда зарубинецкого типа найдено в погребениях других типов: два в грунтовых могилах и один в могиле с подбоем.

В позднескифских могильниках Нижнего Днепра и Крыма погребения сопровождалась обычно столовой посудой. Это чаще всего или небольшие античные круговые сосудики типа мисок, кувшинчиков и чашек, или сосуды тех же форм, вылепленные от руки. Кухонная посуда в могилы обычно не попадала. На Нижнем Днестре, кроме характерных местных лепных сосудов, подражавших античным, своеобразных курильниц и светильников, имеется серия посуды зарубинецко-корчеватовских форм. Последняя нередко содержит в тесте примесь песка, а не шамота и плохо обожжена. Иногда сосуды имели лощение. Цвет такой керамики черно-серый и коричневатый (рис. 1). Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника хорошо сопоставляется с характерными для этой культуры типами керамики, выделенными Ю. В. Кухаренко⁴ (рис. 2).

Среди такой керамики отметим прежде всего кружки, снабженные ручкой и покрытые лощением, представленные 3 экз. (рис. 1, 7, 9). Такие сосуды хорошо известны в зарубинецких памятниках Полесья и Среднего Поднепровья (рис. 2, 5).

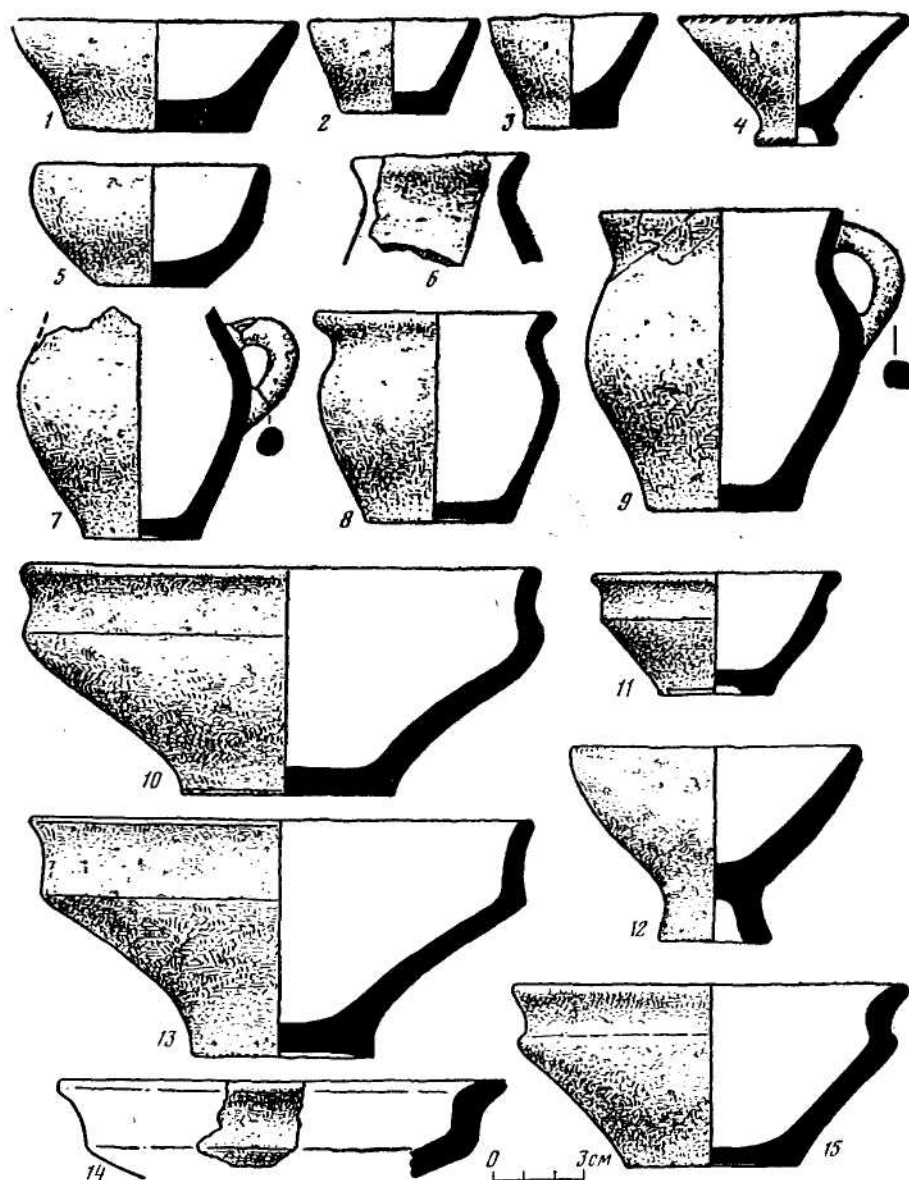
Полусферические лепные миски также представлены тремя экземплярами (рис. 1, 5). Возможно, они воспроизводят формы краснолаковой керамики⁵. Такие сосуды встречаются на всех памятниках зарубинецкой культуры⁶ (рис. 2, 6). Миски и кружки следует считать ведущими формами

³ Ebert M. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajevka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Prähistorische Zeitschrift, Bd. V. Berlin, 1912, S. 80—100. М. Эбертом раскопано 16 могил.

⁴ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. — САИ, 1964, Д1—19, 1964, табл. 5—7.

⁵ Петров В. П. Зарубинецко-корчеватівська. . . , с. 71.

⁶ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. . . , с. 2.8.

Г и с. 1. Лепная керамика варубинецкого типа из Николаевского могильника
 1 — погр. 127; 2 — погр. 117; 3 — погр. 81; 4 — погр. 188; 5 — погр. 79; 6 — погр. 26; 7 — погр. 100;
 8 — погр. 9; 9 — погр. 115; 10 — погр. 170; 11 — погр. 173; 12 — погр. 67; 13 — погр. 133;
 14 — погр. 172; 15 — погр. 51

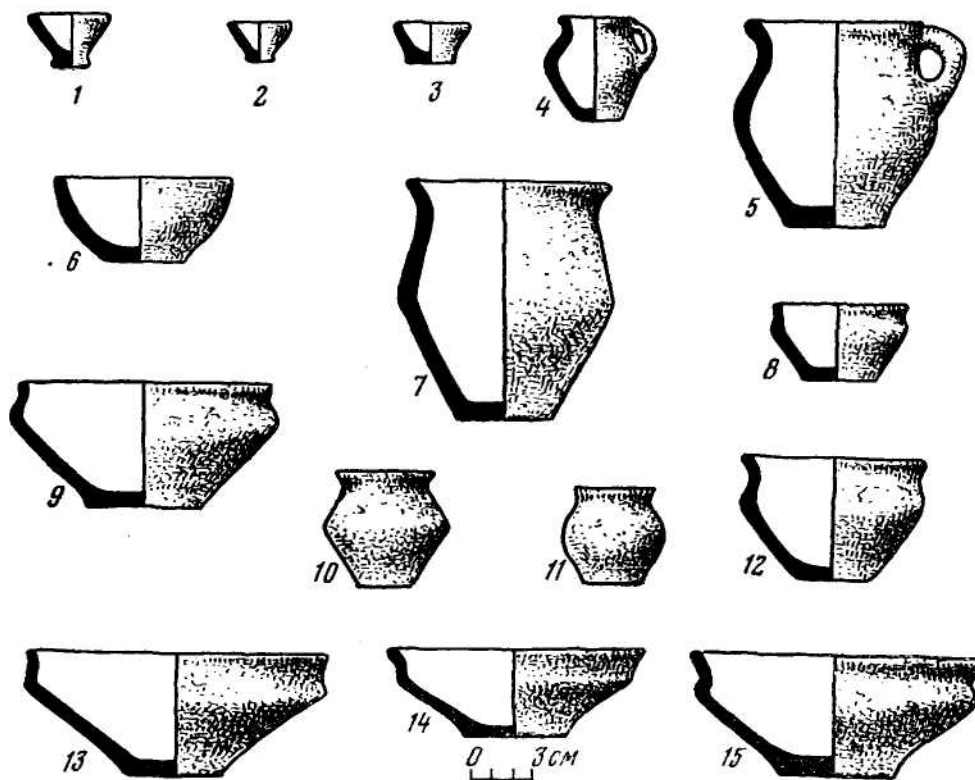

Рис. 2. Зарубинецкая керамика, аналогичная сосудам, обнаруженным на Николаевском могильнике (по Ю. В. Кухаренко)

1, 4, 8 — могильник Велимичи I (погр. 21, 35, 67); 2, 6 — Воронино (погр. 7 и 9); 3 — могильник Велимичи II (погр. 24); 5, 7, 12, 13 — Чаплинский могильник (погр. 37, 214, 23, 86); 9 — Зарубинецкий могильник; 10, 11 — без точного определения места находок; 14, 15 — Корчеватовский могильник (разрушенное погребение и погр. 7)

зарубинецкой керамики ⁷. Из Николаевского могильника происходит один целый и один фрагментированный горшок, оба с краями в виде раструбов (рис. 1, 6, 8). Близкие по типу сосуды также встречены во всех областях распространения зарубинецкой культуры ⁸ (рис. 2, 7, 10, 11).

В Николаевском могильнике найдено 15 усеченно-конических чашечек, или, как их называет Ю. В. Кухаренко, стопок с почти прямыми разложистыми стенками, изредка лощеных, иногда на поддоне (рис. 1, 1—4, 12). Для зарубинецких памятников Среднего Поднепровья эта форма мало ха-

⁷ Петров В. П. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок Хвойки В. В. в 1899 г.). — МИА, 1959, № 70, с. 40—41; Самойловский И. М. Корчеватовский могильник. — МИА, 1959, № 70, с. 71, 72.

⁸ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура, с. 20, табл. V.

рактерна, но хорошо представлена в Верхнем Поднепровье и Полесье * (рис. 2, 1—3). Найдено также 9 мисок зарубинецкого типа. Они, как правило, покрыты лошением, некоторые не только снаружи, но и изнутри (рис. 1, 10, 11, 13—15; ср. рис. 2, 9, 12—15). Они имеют аналогии среди зарубинецких мисок типов 1 Г и 2 Б, В по классификации Ю. В. Кухаренко⁹. Миски типа 1 Г и 2 Б, В (первый вариант) типичны для памятников Полесья, в Среднем Поднепровье они отсутствуют. Миски типов 2 Б, В (второй вариант) особенно характерны для Среднего Поднепровья¹⁰.

Остановимся на хронологии выделенной группы посуды. Для чашек (стопок) две могилы дают датирующий материал¹². В погр. 24, вместе с чашечкой найдена довольно приземистая краснолаковая миска, которая, судя по профилировке края, может датироваться I в. н. э. В погр. 169 вместе с лепной чашечкой обнаружено небольшое круглое бронзовое зеркальце I в. н. э. Лучше всего датируются миски типов рис. 1, 10, 11, 13. Их дату определяют железные трехперые черешковые наконечники стрел I в. до н. э. — I в. н. э.¹³ и краснолаковые полусферические миски I в. н. э., найденные в погр. 84, 163, 166. Для даты мисок типа рис. 1, 14, 15 важна находка в погр. 51 одночастной проволочной фибулы I в. н. э., которая, по А. К. Амброз, относится к так называемым фибулам бойев¹⁴. Находка в погр. 100 краснолаковой миски, которая относится скорее всего к I в. н. э., определяет время кружек (рис. 1, 7, 9). Такую дату погр. 100 подтверждает находка здесь ножных спиральных браслетов из бронзового дрота, единственная во всем могильнике. Известно, что в могильнике Неаполя скифского ножные браслеты, представленные большим количеством экземпляров, не встречались в поздних подбойных могилах II—III вв. н. э.¹⁵

Полусферическая миска (рис. 1, 5) датируется находками в погр. 79, шарнирной бронзовой фибулы с шишечкой на ножке, напоминающей фибулы типа «ауцисса» I в. н. э., и трехперого железного черешкового наконечника стрелы¹⁶. Горшочек из погр. 91 был найден с приземистой полусферической круговой миской серого цвета, лощенной снаружи и изнутри, близкой миске из зарубинецкого могильника I—II вв. н. э. в Рахнах¹⁷. Отметим, наконец, что аналогичные Николаевским сосуды из памятников зарубинецкой культуры относятся, по Ю. В. Кухаренко, к I в. до н. э. — I в. н. э. Это позволяет сделать вывод о почти одновременном появлении рассматриваемой керамики на севере и юге.

Возникает вопрос, зависит ли появление на Нижнем Днепре керамики зарубинецких типов от контактов с более северными племенами или эта

⁹ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура, с. 28.

¹⁰ Там же, табл. 6, рис. 14, 17, 20, 27, 34.

¹¹ Там же с. 28.

¹² Бусы из Николаевского могильника привлекать для датировки мы пока считаем преждевременным.

¹³ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 154, табл. XIX, 25.

¹⁴ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. — САИ, 1966, Д1—30, с. 25.

¹⁵ Симонович Э. А. Фибулы Неаполя скифского. — СА, 1963, № 4, с. 145—147, рис. 3.

¹⁶ Хазанов А. М. Очерки. . ., с. 154, табл. XIX, 29, 30.

¹⁷ Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. — Археологія, т. 4, Київ, 1971, с. 90, 4.

керамика появилась на юге независимо, в результате самостоятельного развития. Последняя точка зрения была высказана В. П. Петровым¹⁸, поддержана М. И. Вязьмитиной¹⁹. Если даже исключить из рассмотрения такую маловыразительную группу сосудов Николаевского могильника, как чашечки (стопки) или полусферические миски, останется довольно представительная группа сосудов, имеющих прямые аналогии только на территории зарубинецкой культуры. Такие сосуды не встречаются в позднескифских могильниках Крыма²⁰, тогда как на Нижнем Днепре, в могильниках типа золотобалковского, на городищах и поселениях такая посуда, в том числе миски, имеется²¹. Поэтому нам кажется, что точка зрения о спонтанном возникновении одинаковых типов керамики в Лесостепи и на Нижнем Днепре весьма уязвима. Против нее свидетельствуют и следующие обстоятельства: 1) установлены тесные связи зарубинецких племен с античным миром²², которые были вряд ли возможны без проникновения каких-то групп лесостепного населения на юг; 2) в Крыму в позднескифское время в керамике отсутствуют характерные зарубинецкие элементы; 3) появление керамики зарубинецкого типа на юге и на севере совпадает с периодом расцвета зарубинецкой культуры, соседившей с севера с позднескифским населением рубежа н. э.; 4) тенденция лесостепного населения к культурному общению с античным миром прослеживается и в собственно скифский период, и в последующую за зарубинецкой черняховскую эпоху. Таким образом, анализ керамики зарубинецкого типа из позднескифских памятников юга представляет интерес для правильного понимания социально-экономического развития зарубинецкой культуры, которая, как считают некоторые исследователи, может быть связана с раннеславянским населением.

¹⁸ Петров В. П. Зарубинецько-корчуватівська культура. . . , с. 68—71.

¹⁸ Вязьмитина М. И. Золота Балка. Київ, 1962, с. 145.

⁸⁰ Высотская Т. П. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972, с. 102—113;

Симонович Э. А. Фибулы Неаполя скифского, с. 146—147, рис. 3.

³¹ Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972, с. 34, рис. 13, 6;

Симонович Э. А. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников. — 30А0, (Одесса), т. I (34), 1960, с. 159, рис. 4, 7.

²² Максимов Е. В. Античний імпорт на Середньому Придніпров'ї в зарубинецький час. — Археологія, т. XV, Київ, 1963, с. 110—122.

СКИФО-САРМАТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. В. Седов

Почти весь ареал черняховской культуры до ее формирования длительное время принадлежал ираноязычному населению, сначала скифским племенам, а потом сарматам (рис. 1). Вместе с тем очевидно, что Черняховская культура не была результатом непосредственной эволюции скифо сарматской культуры Северного Причерноморья, а является про

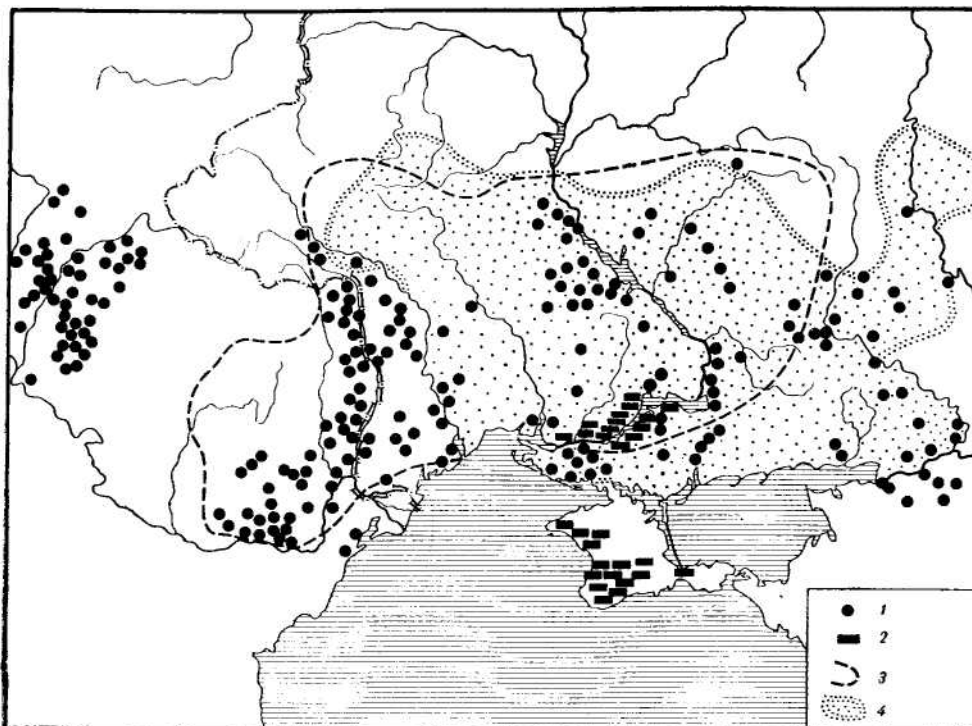

Рис. 1. Расселение скифо-сарматских племен накануне образования черняховской культуры (I в. до н. э. — II в. н. э.)

1 — сарматские памятники; 2 — памятники поздних скифов; 3 — граница ареала черняховской культуры; 4 — распространение скифской культуры

дуктом сложного взаимодействия нескольких археологических культур. Вопрос о том, в какой мере скифо-сарматские племена приняли участие в сложении Черняховской культуры — вогали ли они целиком в состав Черняховского населения или же имело место частичное или полное вытеснение местных племен, нуждается в специальном рассмотрении.

В археологической литературе этого вопроса касались немногие исследователи. П. Д. Либеров произвел сравнительный анализ черняховских и зарубинецких трупосожжений с погребениями по обряду кремации, встреченными на скифских памятниках Киевщины, и выявил некоторые черты сходства между ними. По мнению автора, последние свидетельствуют о преемственности между скифской и зарубинецко-черняховской культурами¹. Однако захоронения по обряду трупосожжения для скифских древностей весьма не характерны. Они встречаются лишь в лесостепных районах Поднепровья и составляют незначительный процент по отно-

¹ Либеров П. Д. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой Скифского времени на Киевщине. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 75—84.

шению к труположениям. Для сарматских могильников трупосожжения вообще не свойственны.

Наличие в Кантемировской, Масловском и Привольнинском черняховских могильниках Приднепровья явно сарматских особенностей впервые отметил Ю. В. Кухаренко². В одной из своих работ он утверждал, что черняховская культура развилась из скифской. Это обосновывалось сходством погребального обряда, близостью керамических форм и совпадением ареалов. Основные черты отличия, по мнению Ю. В. Кухаренко, обусловлены в значительной степени влиянием провинциально-римской культуры³.

Э. А. Сымонович отрицал возможность развития Черняховской культуры от скифской, отмечая, что удельный вес скифских особенностей в материальной культуре черняховцев невелик⁴. К сожалению, исследователь сосредоточил внимание на различиях скифских и Черняховской культур, а элементы сходства между ними оставил вне поля зрения.

Вопрос о взаимоотношении черняховской и сарматской культур был затронут также Г. Б. Федоровым, пришедшим к мысли о существенном вкладе сарматов в культуру черняховских племен. Обряд труположения, по его мнению, появился в черняховской культуре в результате сарматского влияния⁵.

К настоящему времени по черняховской культуре накоплены новые значительные материалы, позволяющие рассмотреть вопрос об иранском компоненте в этой культуре более конкретно. Поскольку материальная культура Черняховского населения в сильной степени испытала воздействие провинциально-римской культуры, для рассматриваемой темы перво-степенное значение имеет погребальный обряд. Известно, что у ираноязычных племен Северного Причерноморья господствовал обряд ингумации. Поэтому для рассматриваемой темы представляют интерес прежде всего черняховские труположения.

Анализ деталей погребального обряда черняховской культуры позволяет выделить особенности, которые нужно считать скифо-сарматскими по происхождению, поскольку ни одна из них не характерна для захоронений других археологических культур, участвовавших в формировании черняховской.

1. Положение умерших не в обычных грунтовых ямах, а в подбоях. Подбойные могилы в сравнительно небольшом количестве встречаются уже в сарматское время. Более широкое распространение они получают в прохоровской культуре⁶. В Северном Причерноморье подбойные могилы представлены в сарматских могильниках последних веков до н.э. и I в.н. э. (Аккермень, Усть-Каменка, Харчевик, Карповка, Ляпичев, Ново-Филип-

² Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда). — СА, 1954, XIX, с. 111—120.

³ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 64—83.

⁴ Сымонович Э. А. К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры. — СА, 1962, № 2, с. 39—49.

⁵ Федоров Г. Б. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии). — СА, 1958, № 3, с. 238—243; *Он же*. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1960, № 89, с. 92—101.

⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1903, Д1 — 10, с. 23.

повна и др.)⁷ и продолжают бытовать в позднесарматское время (например, могильники близ Криничного и Олонешты)⁸. По-видимому, в результате влияния сарматов подбойные могилы распространяются и на позднескифских могильниках Нижнего Днепра.

2. В позднескифских могильниках Нижнего Поднепровья и Крыма получили распространение погребения в земляных склепах. Вход в склеп обычно закрывался вертикально поставленной каменной плитой, а входная яма часто заполнялась камнями⁹. Такое же устройство могил отмечено и на некоторых черняховских кладбищах.

3. Положение умерших в могилах с согнутыми в коленях или со скрещенными ногами. Такое положение покойников встречается в сарматских захоронениях на различных стадиях эволюции их культуры, начиная с савроматской¹⁰ и кончая шиповским этапом¹¹. Отдельные костяки с перекрещенными или согнутыми ногами открыты в единичных могильниках римского времени на нижней Висле, Готланде и в Южной Швеции, что, по моему мнению, является результатом сарматского влияния¹².

4. Обычай ссыпать в могилы раскаленные древесный уголь и золу. Этот ритуал отчетливо проявляется уже среди савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья¹³. В Северном Причерноморье он неоднократно зафиксирован в сарматских захоронениях последних, столетий до н. э. и первых веков н. э. и, очевидно, доживает до Черняховского времени. В черняховских погребениях остатки костра в виде угольков помещались чаще всего у головы или руки.

5. Обычай помещать в могилы пищу для заупокойных трапез. Уже в прохоровской культуре в качестве заупокойной пищи клались в основном отдельные куски тушек баранов или овец, а изредка и части туши лошади. В сарматских погребениях Северного Причерноморья также преобладают кости овцы или барана, реже встречаются кости лошади, еще реже — кости крупного рогатого скота. Так, в могильнике Усть-Каменка кости баранов или овец обнаружены в 13 погребениях, кости лошади — в двух, а кости коровы — в одном захоронении¹⁴.

⁷ Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, с. 180—186; *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филишговка. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 220—244; *Махно Е. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янц. — Археологічні пам'ятки УРСР, т. IX. Київ, 1960, с. 24—38.

⁸ *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты. — СА, 1962, № 1, с. 195—208; *Федоров Г. В.* Позднесарматский могильник у с. Криничное. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 248—253.

⁹ *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972.

¹⁰ *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, Д1-9, с. 20, табл. V.

¹¹ *Рикман Э. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. — СА, 1966, № 1, с. 73; *Bichir Gheorghe.* Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie. — Actes du VIII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques, t. 1. Beograd, 1971, p. 277.

¹² *Седов В. В.* Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики. — Тезисы докладов шестой Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Таллин, 1973, с. 109.

¹³ *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы. . . , с. 20, табл. VI.

¹⁴ *Махно Э. В.* Розкопки. . . , с. 24—38.

Подобный ритуал зафиксирован на многих черняховских могильниках. Преобладают здесь кости мелкого рогатого скота. Они встречены в 70% захоронений, в которых отмечен этот обряд. В сравнительно немногих погребениях обнаружены кости коровы или лошади, а в девяти могилах — кости свиньи. Так, в трех черняховских могильниках Румынии (Тырг-шор, Спанцов, Лунка) исследовано 34 погребения, при которых найдены кости жертвенных животных. Среди них, в 25 (73,5%) встречены овечьи кости, в 6 — кости быка и в 4 — кости свиньи¹⁵. Явно нехарактерны для черняховских труположений кости птиц. Они обнаружены только в единичных захоронениях.

Состав животных, употребляемых для заупокойных трапез в черняховских труположениях, определенно свидетельствует о сарматском происхождении описываемого ритуала. Обычай сопровождать умерших заупокойной пищей известен и среди других племен латенско-римского времени. Однако для этих целей употреблялись иные животные. Так, в пшеворских могилах обычно встречаются кости птиц и как редчайшее исключение — медведя и лошади, в кельтских кладбищах преимущественно кости свиньи и т. н.

6. Иной вид обряда сопровождения умершего заупокойной пищей характеризуют черняховские труположения с многочисленными глиняными сосудами. Число последних в таких могилах колеблется от 4—5 до 10—16. Расположение сосудов при умерших различное — у ног, около головы, справа и слева от туловища, иногда, только в районе головы, иногда около ног, в том числе и между ногами.

Нельзя сказать, что подобный обряд был широко распространен среди сарматских племен Северного Причерноморья. Обычно в сарматских захоронениях встречаются единичные глиняные сосуды. Вместе с тем известны и погребения, обставленные большим числом сосудов¹⁶. Правда, все они относятся к среднесарматскому времени. Известные позднесарматские труположения обычно сопровождаются небольшим числом сосудов — одним-тремя. Однако о сарматском происхождении черняховского ритуала сопровождения несожженных покойников глиняными сосудами говорит его встречаемость с другими достоверно сарматскими особенностями (табл. 1).

7. Единичными случаями представлены в черняховской культуре такие бесспорные сарматские элементы, как присутствие в могилах кусочков мела или краски, а также обычай искусственной деформации черепов.

Сарматские погребальные особенности зафиксированы в незначительном количестве на многих могильниках черняховской культуры (табл. 2) и почти на всей территории ее распространения (рис. 2). Это свидетельствует о заметном вкладе сарматов и поздних скифов в культуру Черняховского населения.

¹⁶ Bolomey Alexandra. Ofrande animale in necropole din secolul al IV-lea e. n. — Studii si cercetari de antropologie. Bucuresti, 1967, I, p. 25—36.

¹⁸ Вязьмитіна М. І. Іллінська В. А., Покровська Э. Ф., Тереножкін О. І., Коєпаненко Г. Т. Кургани біля с Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» — Археологічні пам'ятки УРСР, т. VIII. Київ, 1960, с 22—135.

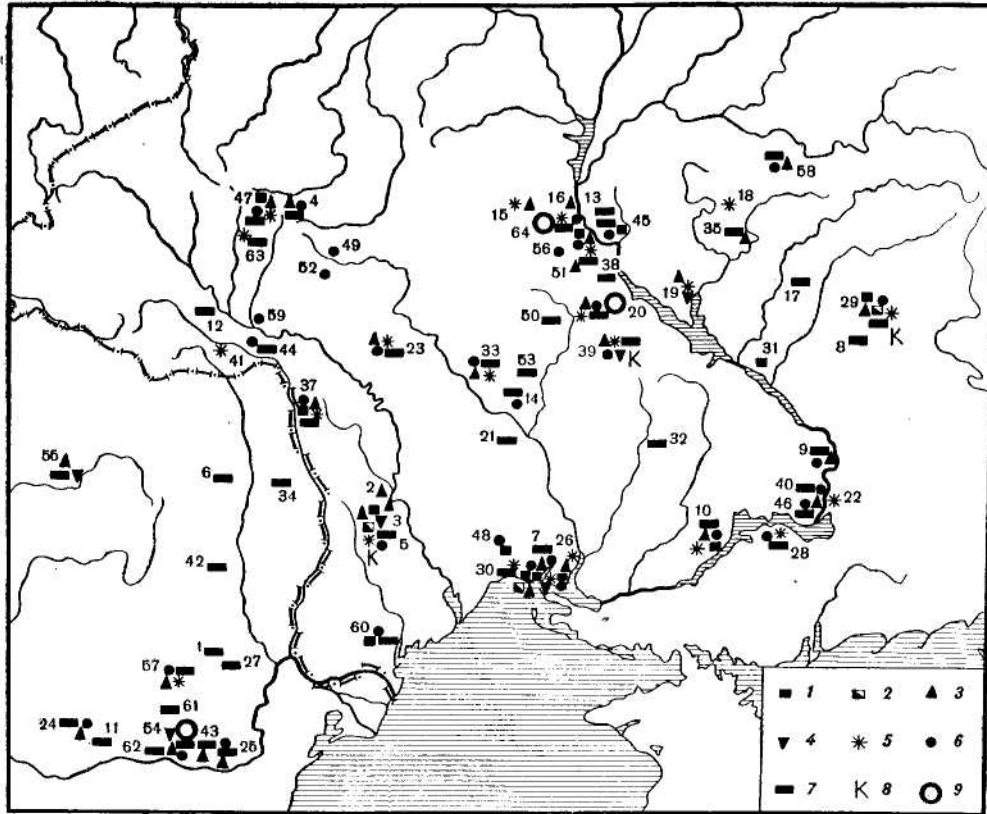

Рис. 2. Распространение скифо-сарматских элементов в могильниках черняховской культуры
 1 — подбойные могилы; 2 — склепы-катакомбы; 3 — погребения с подогнутыми ногами; 4 — погребения со скрещенными ногами; 5 — остатки костра; 6 — кости животных; 7 — сосуды с жертвенной пищей; 8 — кусочки краски или мела; 9 — погребения с деформированными черепами. Нумерация памятников на карте соответствует их порядковым номерам табл. 2

Следует заметить, что рассмотренные особенности погребального ритуала в сарматских памятниках встречаются далеко не повсеместно и процент их в позднесарматское время явно понижается. Поэтому среди черняховских труположений скифо-сарматскими по происхождению могли быть не только захоронения с этими особенностями.

Из табл. 3 видно, что сарматские погребальные особенности прежде всего свойственны черняховским труположениям с северной ориентировкой. Это дает основание полагать, что они являются наследием местного сарматского похоронного ритуала. Как известно, ориентировка погребенных у сарматских племен изменялась со временем. В раннесарматский период господствует меридианальная ориентировка могил с положением погребенных головой на юг. Таково положение умерших и в первых сар-

Таблица 1 Взаимовстречаемость скифо-сарматских элементов в погребениях Черняховских могильников

105

Элементы погребальной обрядности	Сосуды с жертвенной пищей (4 и более)	Кости животных	Остатки костра	Погребения со скрещенными ногами	Погребения с подогнутыми ногами	Склеп-катакомба
Подбойная могила	5	8	3	1	2	—
Склеп-катакомба	5	5	2	—	—	—
Погребение с подогнутыми ногами	20	15	6	—	—	—
Погребение со скрещенными ногами	5	1	1	—	—	—
Остатки костра	16	19	—	—	—	—
Кости животных	68	—	—	—	—	—

Таблица 2 Скифо-сарматские особенности в Черняховских могильниках

Номер	Могильник	Подбойные могилы	Склепы-катакомбы	Погребения с подогнутыми ногами	Погребения со скрещенными ногами	Остатки костра	Кости животных	Сосуды с жертвенной пищей (4 и более)	Кусочки краски и мела	Погребения с деформированными черепами
1	Алдени	—	—	—	—	—	—	1	—	—
2	Балцаты I	—	—	1	—	—	—	—	—	—
3	Балцаты II	—	—	1	—	—	—	—	—	—
4	Бережанка	—	—	1	—	—	4	4	—	—
5	Будешты	1	1	13	5	4	5	29	1	—
6	Бырлад-Каса	—	—	—	—	—	—	3	—	—
7	Викторовка	3	—	1	2	2	1	3	—	—
8	Водяное	—	—	—	—	—	—	1	—	—
9	Войсковое	—	—	6	—	—	2	1	—	—
10	Гавриловка	1	—	2	—	9	6	11	—	—
11	Гогошарі	—	—	—	—	—	—	1	—	—
12	Городница	—	—	—	—	—	—	1	—	—
13	Гречаники	—	—	—	—	—	—	1	—	—
14	Данилова Балка	—	—	—	—	—	1	1	—	—
15	Дедовщина	—	—	1	—	1	—	—	—	—
16	Деревянное	—	—	1	—	1	2	—	—	—
17	Дубяги	—	—	—	—	—	—	1	—	—
18	Гурбицы	—	—	—	—	—	1	—	—	—
19	Жовнино	—	—	×	×	—	1	—	—	—
20	Журовка Ольшан.	—	—	11	—	10	18	13	—	1
21	Заплазы	—	—	—	—	—	—	1	—	—
22	Запорожье	—	—	—	—	—	—	1	—	—
23	Заячевка	—	—	1	—	1	1	2	—	—
24	Изворул	—	—	3	—	—	1	9	—	—
25	Инденденца	—	—	5	—	—	4	8	—	—
26	Каборга	×	—	×	—	×	×	—	—	—
27	Калбени	—	—	—	—	—	—	1	—	—
28	Каменка Днепров.	—	—	—	—	1	1	1	—	—
29	Кантемировка	1	1	2	—	2	4	2	1	—
30	Коблево	6	6	2	—	7	14	6	—	—

× — несколько.

Таблица 2 (окончание)

Номер	Могильник	Полбойные могилы	Склепы-катакомбы	Погребения с пологутыми ногами	Погребения со скрещенными ногами	Остатки костра	Кости животных	Сосуды с жертвенной пищей (4 и более)	Кусочки краски и мела	Погребения с деформированными черепами
31	Компанийцы	1	—	—	—	—	—	—	—	—
32	Коротяк-Перепелично	—	—	—	—	—	—	1	—	—
33	Косаново	—	—	4	—	3	3	13	—	—
34	Лецкани	—	—	—	—	—	—	2	—	—
35	Лохвица	—	—	3	—	—	—	1	—	—
36	Лунка	—	—	—	—	—	8	—	—	—
37	Малаешты	1	—	4	—	1	5	7	—	—
38	Малый Ржавец	—	—	—	—	—	—	×	—	—
39	Маслово	—	—	6	2	2	12	13	1	—
40	Ново-Александровка	—	—	—	—	—	1	1	—	—
41	Неполоковцы	—	—	—	—	1	—	—	—	—
42	Обыршени-Войнешти	—	—	—	—	—	—	1	—	—
43	Одобеску	—	—	4	—	—	—	5	—	—
44	Оселивка	—	—	—	—	—	1	1	—	—
45	Переяславль Хмелья.	2	—	—	—	—	4	5	—	—
46	Привольное	—	—	1	—	—	1	1	—	—
47	Раковец	1	—	2	—	2	4	4	—	—
48	Ранжевое	4	—	—	—	—	3	—	—	—
49	Редодубы	—	—	—	—	—	×	—	—	—
50	Ризино	—	—	—	—	—	—	1	—	—
51	Ромашки	—	—	1	—	—	—	2	—	—
52	Ружичанка	—	—	—	—	—	×	—	—	—
53	Рыжевка	—	—	—	—	—	—	1	—	—
54	Спанцов	—	—	5	1	—	11	25	—	1
55	Сынтана-де-Муреш	—	—	3	2	—	—	10	—	—
56	Телеповка	—	—	—	—	—	1	—	—	—
57	Тыргшор	—	—	8	—	4	15	22	—	—
58	Успенка	—	—	4	—	—	2	1	—	—
59	Устье	—	—	—	—	—	1	—	—	—
60	Фурмановка	×	—	—	—	—	1	2	—	—
61	Харасты	—	—	—	—	—	—	1	—	—
62	Цетатеа Вехе	—	—	—	—	—	—	1	—	—
63	Чернилов Русский	—	—	—	—	1	—	1	—	—
64	Черняхов	1	—	2	—	4	8	30	—	1

матских могилах Поднепровья (Вороня, Михайловна, Ушкалка)¹⁷. В среднесарматский период в будущем черняховском регионе уже заметно преобладание погребений с северной ориентировкой¹⁸. Они господствуют здесь и в позднесарматский период¹⁹.

¹⁷ Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию. - В кп.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 191—196.

¹⁸ Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до п. э.—I в. н. а.— СА, 1971, № 1, с. 107.

¹⁹ Рикман Э. Л. Поздние сарматы. . . , с. 73.

Т а б л и ц а 3 Ориентировка умерших в черняховских могилах со скифо-сарматскими особенностями

Элементы погребальной обрядности	В	СВ	С	СЗ	З	ЮЗ	Ю	ЮВ	?
Подбойная могила	—	1	18	—	1	—	—	—	2
Склен-катакомба	—	—	6	1	—	—	—	—	1
Погребение с подогнутыми ногами	2	5	63	6	11	3	3	1	8
Погребение со скрещенными ногами	—	—	12	3	2	1	—	—	—
Остатки костра	—	2	37	5	6	1	—	—	2
Кости животных	—	3	106	14	5	1	—	—	10
Сосуды с жертвенной пищей (4 и более)	1	13	161	24	18	13	3	—	28
Всего			Свыше 800		Свыше 800				

Меридианальные труположения известны также у некоторых племен Средней Европы, в частности у кельтов. Однако каких-либо типично кельтских особенностей в погребальном ритуале черняховской культуры не обнаружено. В I в. н. э. обряд ингумации с положением умерших головой на север появился в восточнопоморско-мазовецкой культуре Нижнего Повисленья, где он сосуществовал с трупосожжением. Во II в. н. э. племена этой культуры расселились в южном направлении. По мере распространения восточнопоморско-мазовецкой культуры на юг процент трупосожжений на ее могильниках заметно возрастает. Брест-Тришинский могильник в Белоруссии и Дыгыничский на Волини содержат уже исключительно трупосожжения²⁰. Уже это исключает предположение о генезисе черняховских меридиональных труположений от восточнопоморско-мазовецких. Правда, в последние годы на южной окраине этой культуры открыты и могильники с труположениями²¹. Однако они относятся к III—IV вв. н. э., т. е. синхронны с Черняховскими и, возможно, отражают черняховское влияние.

Все приведенные факты говорят о довольно сильном воздействии сарматов и поздних скифов на черняховскую культуру. Очевидно, местные ираноязычные племена вошли в состав черняховского населения в качестве одного из их основных этнических компонентов. Об этом же свидетельствуют и материалы антропологии

²⁰ Смішко М. Ю., Свешников І. К. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитинічі, Ровенської області. — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині (Київ), 1961, вип. 3, с. 89—114; Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. — КСИА, вып. 100, 1965, с. 97—101.

²¹ Кропоткин В. В. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области. — СА, 1962, № 4, с. 255, 256.

²² Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972, с. 110—112.

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

БРОНЗОВЫЕ БЛЯХИ ИЗ ГАЛАЙТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (Чечено-Ингушетия)

М. Х. Багаев, В. И. Козенкова

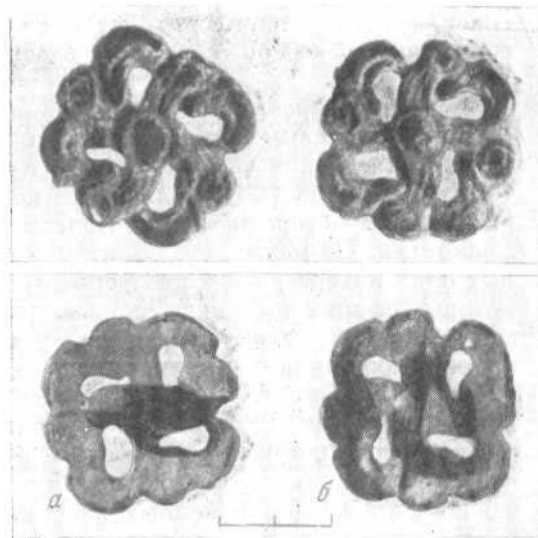
Археологический отряд Чечено-Ингушского государственного университета провел летом 1974 г. раскопки могильника, обнаруженного к северо-востоку от аула Галайты Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушской АССР. Исследованы могилы в виде массивных каменных ящиков квадратной и прямоугольной формы. В большинстве могил оказались остатки от одного до девяти погребенных, свидетельствующие о многократном использовании ящиков для вторичных захоронений. Тип погребальных сооружений, погребальный обряд и большая часть могильного инвентаря обычны для этого региона и характеризуют культуру местных племен второй половины I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э.¹ В формах и декоре сосудов еще прослеживаются черты, характерные для посуды каякентско-хорочоевской культуры позднего этапа. Облик ряда украшений позднекобанский.

Отличительную особенность вещевого комплекса могильника составляют многочисленные импортные изделия, свидетельствующие о контактах с сарматской культурой, а также с Закавказьем (формы сосудов) и передневосточным миром (стеклянные бусы, плакетки с лежащим львом, скарабеи, миниатюрные двойные цилиндрики из египетской стекловидной пасты). Датировка погребений, содержавших эти предметы, по бусам определяется не ранее рубежа н. э. и не позднее первых веков н. э.² Однако отдельные разрозненные находки из засыпи могил и между ними свидетельствовали о наличии более ранних погребений в ящиках, частично разрушенных, частично использованных при повторных более поздних захоронениях. В этой группе ранних материалов (наконечник копья, бронзовая бляшка в форме свернувшегося зверя, бронзовый трехгранный наконечник стрелы и т. д.) обращают внимание оригинальные бронзовые четырехлу-

¹ Багаев М. Х. Галайтинский могильник. АО 1974 г. М., 1975, с. 97; Багаев М. Х. Каменные гробницы у сел. Галайты. — В кн.: Пятое крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 56, 57.

² Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1975, Г1—12, табл. 10, 11, с. 44, 45 (тип 686); с. 47 (тип 84—86).

Рис. 1 Бронзовые бляхи из с. Таланты
(лицевая и оборотная стороны)

чевые бляхи, не находящие по морфологическим и стилистическим особенностям аналогий в кавказских древностях. Бляхи литые, концы лучей оформлены в виде стилизованных головок птиц, скорее всего орлов, или орлиноголовых грифонов. Центр блях украшал круглый выпуклый умбон, обведенный двойными кольцами. Выпуклые кружки, изображения глаз, декорировали и четыре стороны блях. Общая композиция на лицевой стороне представляла собой сложный ажурный рисунок. На оборотной стороне бляхи помещалась петля. Размер блях 3,2х3,5 см (рис. 1).

Вне Кавказа известны две области локализации типологически близких предметов. Бляхи определены там, как украшения конского убора V—III вв. до н. э. Ближайшая к Северо-Восточному Кавказу территория, где они встречены — район нижнего Побужья и днепровского лесостепного Левобережья, ареал исторической Скифии.

Десять бронзовых ажурных блях близкой формы с концами, оформленными в виде головок коней, входили в комплекс кургана № 8, раскопанного в 1886 г. С. А. Мазараки близ сел. Волковцы, недалеко от г. Никополя³. Комплекс содержал датирующие предметы: бронзовые трехлопастные наконечники стрел архаического облика, обломок железных удил с S-овидным бронзовым псалием, часть бронзовых стремечковидных удил. Это позволило В. А. Ильинской датировать комплекс из кургана № 8, а вместе с ним и интересующие нас бляхи концом VI—началом V в. до н. э.⁴

³ Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы, т. III. СПб., 1901, с. 71, табл. XVII, 7.

⁴ Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 47, 72, 130, табл. XXIV, 7—11.

Литая бронзовая бляха аналогичной формы, концы которой украшены головками грифона, происходит из слоя древней Ольвии и датируется по обломкам греческой керамики серединой — началом второй половины V в. до н. э.⁵

Большие серебряные гравированные бляхи такой же формы, украшенные головками коня или грифона, найдены в погребениях IV в. до н. э. нижнеднепровских курганов (Красный Кут, Огуз)⁶.

Вторая область локализации подобных оригинальных украшений выявлена в северо-западной Болгарии⁷, входившей в ареал культуры фракийцев. Не менее двух десятков бронзовых и серебряных гравированных блях интересующей нас формы, имевших три или четыре луча, концы которых оформлены в виде головок грифона, обнаружены здесь в комплексах и кладках, датируемых по греческим импортным предметам временем в пределах конца V—конца IV вв. до н. э. (Мезека, Брезов, Летница, Враца, Луковит)⁸. Предметы определены как украшения парадных конских уздечек. В целом вся группа изделий однородна и стилистически близко сопоставима в первую очередь с бляхами из Краснокутского кургана и из Ольвии, но в то же время им свойствен ряд особенностей, отличающих их от обнаруженных на скифской территории.

У исследователей отсутствует единое мнение относительно причин ограниченной локализации данных предметов, а также по поводу первоначального центра их возникновения. Самостоятельность появления этого типа украшений у скифов, а также раннюю дату их отставивает В. А. Ильинская⁹. Как одно из доказательств независимости фракийского искусства от искусства скифов рассматривают эти изделия болгарские и румынские ученые (Д. Берчу, И. Венедиков, А. Милчев), видя в них в первую очередь влияние ахеменидской художественной традиции¹⁰. А. И. Мелюкова не отрицает возможности их независимого от фракийцев появления у скифов, но в то же время допускает фракийское производство некоторых из них, в частности тех, что бытовали на территории Скифии в IV в. до н. э.¹¹

Как бы ни решался вопрос, имеющиеся данные в любом случае предполагают самые тесные контакты между указанными двумя областями. Посредническая роль в скифофракийских взаимоотношениях, безусловно,

⁵ Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИЛ, 1956, 50, с. 184—186, рис. 24; с. 187.

⁶ Материалы по археологии России, вып. II. СПб., 1972, с. 43; Альбом «Древности Геродотовой Скифии», вып. II, табл. XXIII, 7\ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, с. 53, 54, рис. 127.

⁷ Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. М., 1974, с. 109.

⁸ Фракийское искусство. . . , с. 110 (№ 176), 111 (№ 178), 128, 134, 187 (№ 236), 203 (№ 271), 210 (№ 296); Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 309—315.

⁹ Ильинская В. А. Скифы. . . , с. 130.

¹⁰ Венедиков И. Гробница III от Могиланската могила във Враца. — Археология (София), 1967, I, с. 11 и ел.

¹¹ Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства «звериного» стиля. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972, с. 36, 37.

принадлежала черноморским греческим колониям, в частности Ольвии¹². Прямым свидетельством этого является не только находка здесь бляхи рассматриваемого нами типа, но и содержание ольвийских эпитафических источников IV—III вв. до н. э., в которых наряду со скифскими и фракийскими именами жителей города упомянуты имена гостей, жителей колонии Месемврии, скорее всего купцов¹³. Из более ранних свидетельств можно вспомнить также находки в Ольвии фракийских монеток-стрелок VII—V вв. до н. э.¹⁴

Бляхи из Галайтинского могильника морфологически ближе всего к ранним образцам конца VI—начала V вв. до н. э. По аналогии с фракийскими и скифскими можно предполагать их принадлежность к украшениям конского убора.

Северокавказские находки рассматриваемых блях значительно расширили на восток их предполагаемый ареал. В район Северо-Восточного Кавказа они могли попасть скорее всего благодаря тесным контактам местного населения со скифскими племенами. Значение их велико и для культурно-исторической интерпретации нового археологического источника, поскольку благодаря им можно предполагать существование на Галайтинском могильнике ранних захоронений в пределах V—IV в. до н. э.

¹² Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, с. 15.

¹³ Книпович Т. Н. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпитафических источников. — МИА, 1956, № 50, с. 123, 125.

¹⁴ Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с. 64—68

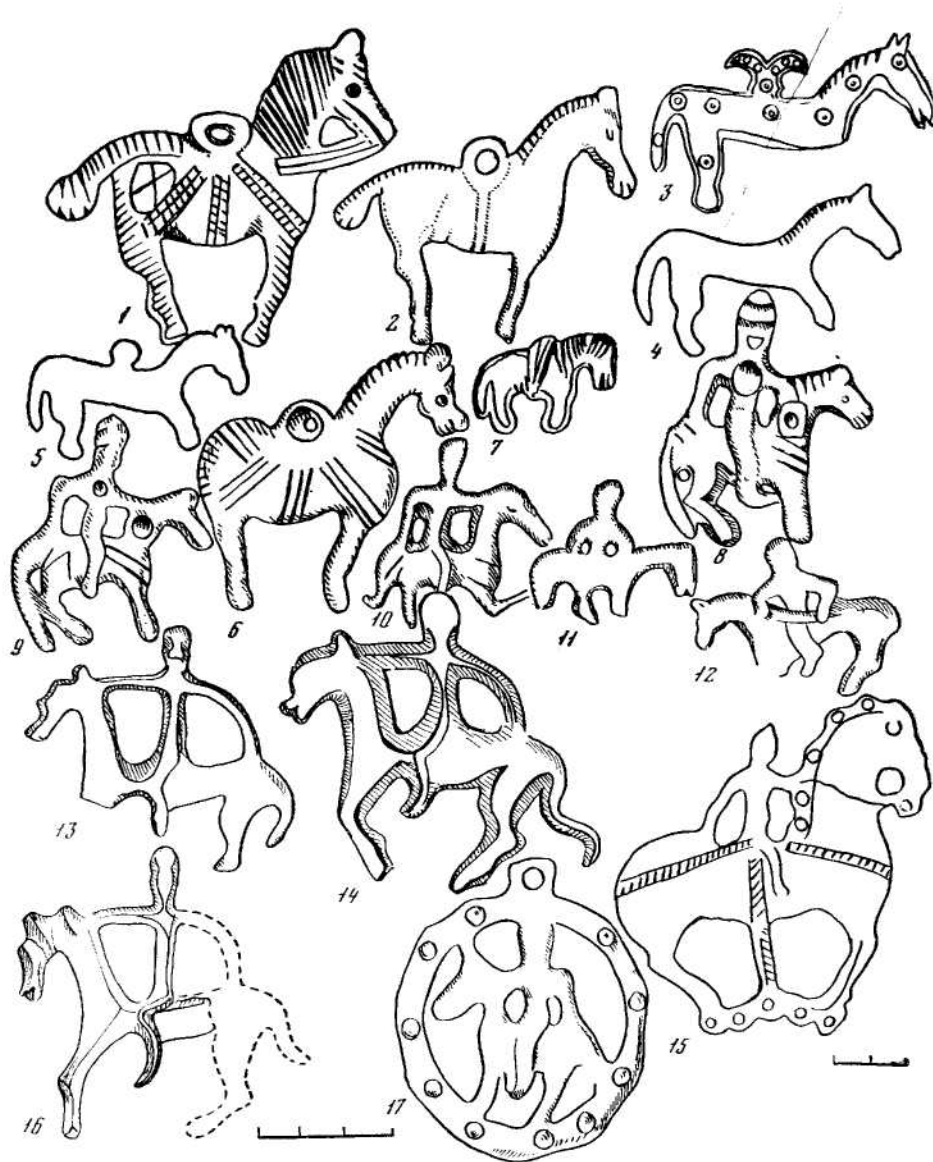
ИЗОБРАЖЕНИЕ КОНЯ И ВСАДНИКА НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ АМУЛЕТАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В. Б. Ковалевская

Конь и всадник были излюбленным мотивом в искусстве многих народов древности. Ниже будет идти речь о раннесредневековых северокавказских амулетах в виде коней и всадников (37 экз.) и той информации, которую они несут о породах и типах древних лошадей, их снаряжении, об облике и посадке всадника. Будет обращено внимание на ареал и даты амулетов, их функции, смысл и место среди аналогичных изображений других районов Евразии.

Эти амулеты недавно были рассмотрены Г. Е. Афанасьевым¹, что облегчает нашу задачу. В настоящей работе привлечен более обширный

¹ Афанасьев Г. К. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа. Труды ГЭ, 1973, вып. XXXVI, с. 36--38.

Р и с 1 Амулеты в виде коней и всадников с Северного Кавказа
 1 - Луначарский, кат. 21, КИМ; 2 - «Кавказ.» - колл. А. А. Вобринского, ГЭ КЗ М 1828; 3-5 - Кюнта, ГИМ, хр. 91/426; 6 - Камунта, МАК VIII.рис242; 7-Урзеки, 8-Луначарский, кат. 32, КНМ; 9 - Зилги, ГИМ, хр. 91 /56а; 10 - Луначарский, кат. 1, КНМ, 11 -Нальчик НКМ № 1477, 12 — «Кавказ» ГЭ КЗ № 5918; 13 — Гоуст, кат. 10а; 14 — Нальчик, ГИМ, хр. 73/29а, 15- Чинухой, XII; 1938 авв 11; 16. - Луначарский кат. 21. КНМ; 17 - Первомайское, ПКМ

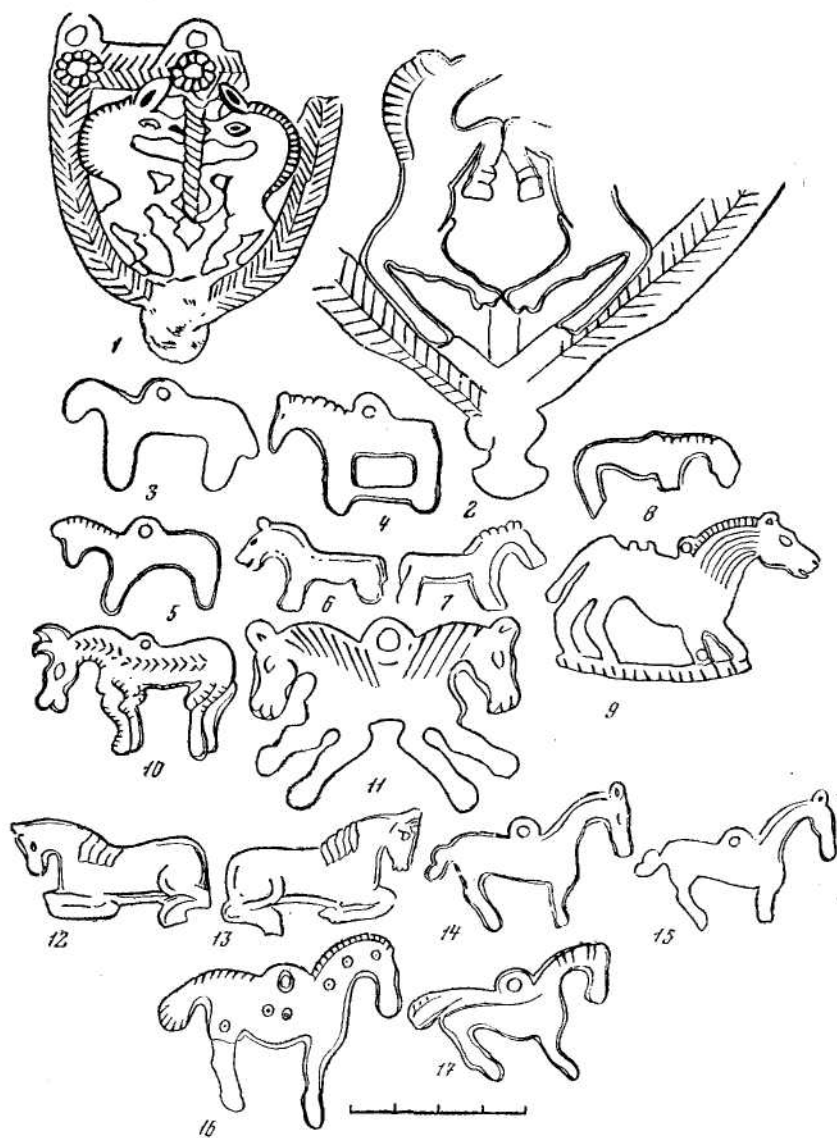

Рис. 2. Изображения коней в памятниках Дагестана, Башкирии, Сибири и Северского Донца
 1—2 — Бежта, погр. 5. Дагестанский филиал АН СССР; 3, 6, 7 — Бирский, погр. 112, 130. Башкир-
 ский филиал АН СССР; 4, 5 — Бахмутинский, там же; 8 — Манякский, погр. 22, там же; 9 —
 Умна II, кург. 4, насыпь, НМК; 10 — Шарадский, Башкирский филиал АН СССР; 11 — Сахаев-
 ский, там же; 12—13 — Хусайновский кург. 12, там же; 14, 15 — Дмитровский, кат. 56; 16, 17 —
 Салтово, кат. 6 и кат. 8/1908

материал. Известные на территории Северного Кавказа раннесредневековые амулеты, изображающие коней и всадников, могут быть разделены на три типа.

Тип 1 (10 экз.; рис. 1, 1—7). Бронзовые литые односторонние подвески, изображающие повернутых вправо оседланных коней. За исключением изображений из Камунты (рис. 1, 3—5), стилистически объединяются в устойчивый тип. Размеры стандартны: длина (от начала морды до кончика хвоста) 6,7—7,7 см (при средней 7,1 см), высота (от ушей до копыт) 5,5—7,0 см (при средней 6,1 см). Подвески аккуратного литья, с дальнейшим подчеркиванием деталей с помощью врезных линий и насечек. Изображены породистые верховые лошади, о чем свидетельствует их экстерьер, а также тот факт, что лошади взнузданы, оседланы и даже иногда отмечены на крупе тамгой хозяина или его рода. Это быстроаллюрный конь на высоких ногах, держащий голову «в сборе», с крутым затылком и красиво изогнутой шеей. Обращает внимание «щучий» профиль, что является одним из специфических признаков арабской лошади, красивая, то длинная и мохнатая, зачесанная вправо, то подстриженная, короткая грива. Хвост короткий, очевидно, специально подвязанный.

В современной иппологии предложен ряд индексов для анализа степени верховости коней². К нашему материалу можно применить один из таких индексов: соотношение высоты коня в холке к длине туловища. У верховых лошадей различных культурных пород он близок к единице, что в быту иппологами называется «лошадь вписывается в квадрат». В рассмотренных нами изображениях такое соотношение выдерживается очень твердо (4,5 : 4,6; 4,1 : 4,0; 4,0 : 3,8; 4,4 : 4,2; 3,6 : 3,3; 2,2 : 2,1). На амулетах прослеживается, что седло крепилось двойной подпругой, одним или двумя двойными нагрудными и одним двойным подхвостным ремнем. Так до сих пор крепятся горские кавказские седла. Само седло, как и стремяна на амулетах, не изображается. Вместо него — ушко для подвешивания.

Ареал этих подвесок — окрестности Кисловодска (1 экз.). Кабардино-Балкария (3 экз.)³, Осетия (Кумбулта, 3 экз.). Один экземпляр, стилистически несколько отличающийся, найден в Дагестане (рис. 1, 7). Точное местонахождение одной подвески неизвестно. Ясно лишь, что она происходит с Кавказа. Близкие аналогии известны в Дмитровском и Салтовском могильниках (рис. 2, 14—17)⁴. Один экземпляр амулета из Салтовского могильника характеризуется тем же индексом верховости изображенного коня, другой, как и подвеска из Дмитровского могильника, представляет лошадь с короткими ногами. Последние близки к изображениям из Камунты (рис. 1, 3), украшены циркульным орнаментом и имеют вместо седла стилизованные изображения птиц, смотрящих в разные стороны. Связь, а иногда и взаимозаменяемость коня и птицы специфична как для

² Витт В. О. Морфологические показатели конституционных типов и конских пород. М. — Л., 1934, с. 39/40, 54, табл. 18.

³ Нальчик (НКМ, 1926, № 219), Гижгид и Бачиль-Аус (Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, табл. X, 4, 5).

⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 49, 13—14.

индоевропейских традиций⁵, так и для Закавказья⁶. Еще Геродот писал: «Птица же больше всего похожа (по быстроте) на коня»⁷. Много различных подвесок в виде коней мы находим в комплексах VII в. и более позднего времени из Башкирии (рис. 2, 3, 8, 10—13). Изображения коней встречаются на пряжках из Дагестана (рис. 2, 1—2) и в амулетах из Сибири (2, 9). Однако здесь наблюдается совершенно иная традиция в изображениях, а в основе их находится другая, более простая конская порода. Из всех подвесок первого типа только одна (рис. 1, 1) происходит из комплекса, который можно датировать (катакомба 21 могильника у совхоза им. Луначарского)⁸. Этот комплекс по сережке с длинным цилиндром и напускной бусиной, бронзовому бубенчику и крупному колокольчику относится к VIII—IX вв., скорее — к началу IX в.

Тип 2 (11 экз.; рис. 1, 8—12). Небольшие бронзовые односторонние амулеты, изображающие всадников с конем, всегда повернутым головой вправо. Большая часть амулетов устойчиво сохраняет те черты, которые лучше всего видны на амулете из катакомбы 32 могильника у совхоза им. Луначарского (рис. 1, 8). Лошадь изображена в спокойной позе — с прямыми, несколько вытянутыми вперед передними и согнутыми задними ногами, шея менее круто поднимается вверх, чем у коней амулетов типа 1, грива иногда длинная, обозначена штрихами, хвост всегда длинный, что типично для лошадей горных пород, таких, как карачаевские или кабардинские скакуны. Лошади оседланы так же, как на амулетах типа 1. Интересна очень глубокая посадка всадника с чуть наклоненным вперед корпусом и почти прямыми ногами, напоминающая посадку казаков или кавказских горцев. На всаднике виден боевой шлем, на груди — панцирь или нагрудник. Правая рука всадника положена на круп коня, левая — на его шею. Г. Е. Афанасьев предполагает, что в левой руке всадник держит щит круглой или подквадратной формы. Однако возможно, что здесь изображался защитный доспех коня.

Наряду с тщательно сделанными амулетами из окрестностей Кисловодска (2 экз.)⁹, Чегема, Зилги (2 экз.)¹⁰, Балты (1 экз.)¹¹ к этому типу можно отнести выполненные более схематично два амулета из окрестностей Кисловодска (рис. 1, 10 рельефный, двусторонний) и один из окрестностей Нальчика (рис. 1, 1-1; вырезан из бронзовой пластинки). В трех случаях эти амулеты найдены в датированных комплексах. Сопутствующий материал позволяет отнести их к VIII—началу IX в. Основной центр рас-

⁵ Иванов В. В. Опыт истолкования древнейших ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva «конь» (жертвоприношение коня и дерево asvattha в древней Индии). — В кн.: Памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М.—Л., 1972, с. 137.

⁶ Гагошидзе Ю. Памятник раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964 (на груз., яз.), с. 36, 91.

⁷ Геродот. История, IV, 132. Пер. Г. А. Стратоновского. Л., 1972, с. 220.

⁸ Рунич А. П. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около Кисловодска. — СА, 1968, № 3, с. 210, 211, рис. 2, 5.

⁹ Могильник у совхоза им. Луначарского, катакомба 32; могильник у Лермонтовской скалы, катакомба 6.

¹⁰ Мак, т. 1, М., 1888, табл. XXV, 69.

¹¹ ГИМ, хр. 45/41 аб.

пространения — окрестности Кисловодска и Кабардино-Балкария. К этому типу примыкают амулеты из Нальчика (1 экз.) и с Кавказа (точнее неизвестно, 1 экз.), близкие стилистически и по размеру. Однако конь на них направлен в другую сторону (рис. 1). Эти амулеты можно рассматривать в качестве особого варианта.

Т и п 3 (16 экз., рис. 1, 13—17). Более крупные изображения всадников на лошадях, направленные влево. Их отличает стандартность в размерах и приемах изготовления. На большей части изображений видна поза галопа, того момента, когда передние и задние ноги согнуты, а опора перед прыжком перенесена на задние ноги. Эта поза, но в более подчеркнутом виде запечатлена скифскими мастерами при изображении «летучего галопа». Конь изображался с круто изогнутой шеей, тонкой мордой, без гривы, но с длинным хвостом, на высоких тонких ногах, поджарый — типичный аргамак, быстроаллюрный ахалтекинец. Такие изображения известны еще в первых веках нашей эры в росписях керченских склепов. Как не вспомнить здесь строчки нартского эпоса:

«С шеей змеиной — конь сухопарый. . .»¹²; «... с лебединой шеей твой гнедой тонкий, в две ладони шириной готов к взлету. . .»¹³. На конях не видно следов седла, а на всаднике — боевого снаряжения, хотя прямая посадка с сильно согнутыми ногами свидетельствует об опоре на стремяна. Часто эти амулеты в комплексах находят парами; в двух случаях оба амулета изготовлены в одной литейной форме, например, в Джераховском ущелье.

Ареал амулетов типа 3 иной, чем типа 2. Из окрестностей Кисловодска происходит только 5 экз. (рис. 1, 16)¹⁴, из Кабардино-Балкарии — 5 экз. (рис. 1, 14)¹⁵, из Чечено-Ингушетии — 4 экз. (Гоуст, катакомба 9 и 10а — рис. 1, 13; Джераховское ущелье)¹⁶. В четырех случаях они происходят из погребальных комплексов, датирующихся VIII—IX вв., причем в двух случаях эти катакомбы можно датировать началом IX в. (Гоуст, катакомбы 9 и 10а). К этому типу примыкает амулет из Чинухоя (рис. 1, 15) и всадник в кольце из Первомайского (рис. 1, 7).

Сравнивая изображения на амулетах различных типов, в частности 2 и 3, можно отметить, что фигуры всадников, хотя и отличаются иконографически, но совпадают по размерам, тогда как кони отличаются и по экстерьеру, и по размерам. Мы уже говорили, что оседланные кони на амулетах типа 1, как и кони под всадниками на амулетах типа 2, по экстерьеру близки арабским или карачаевским и кабардинским некрупным скакунам. Коня амулетов типа 3 похожи на более легких и длинноногих ахалтекинских скакунов, которых иппологи связывают с древними аргамаками плоскогорий Туркмении, знаменитыми «несейскими скакунами»

¹² Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951, с. 136.

¹³ Алиева А. И. Поэтика нартского эпоса адыгов. — В кн.: Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969, с. 338.

¹⁴ Могильник у совхоза им. Луначарского, катакомба 21 (2 экз.); КНМ (без номера); Хасаут, ГИМ, хр. 67/1 в (2 экз.).

¹⁵ Песчанка, катакомба 5; Нальчик, ГИМ, хр. 91/596 (2 экз.) и 73/29а; НКМ, № 1926/219.

¹⁶ ГЭ, КЗ № 5437-5438.

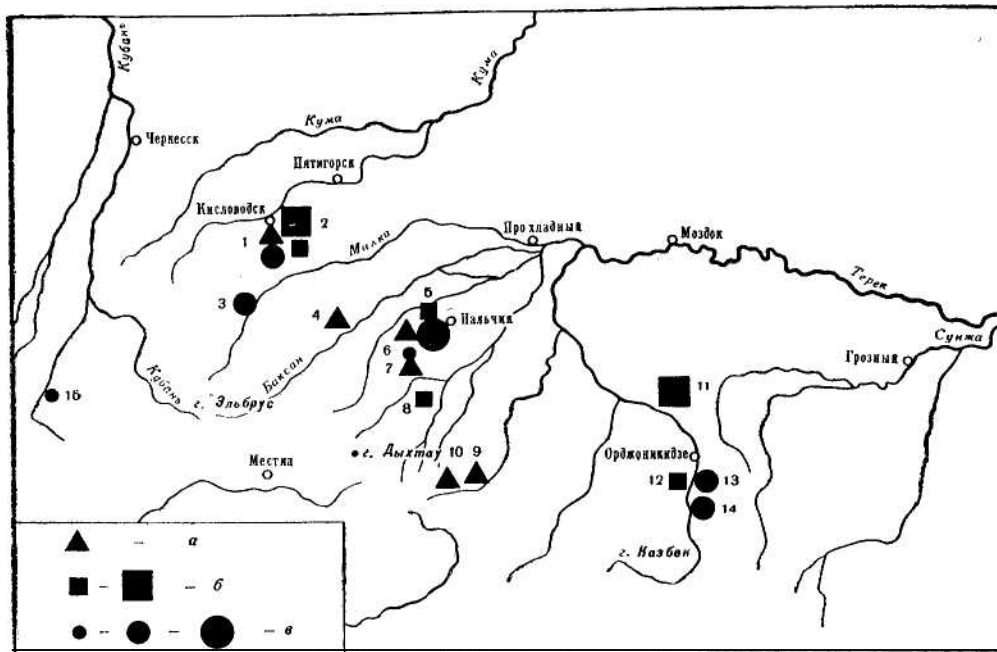

Рис. 3. Распространение амулетов (а) в виде коней — всадников, направленных вправо (б) и влево (в)
а—1 экз., б-- 1 и 2 экз., в — 1, 2 и 4 экз.; 1 — Луначарский; 2 — у Лермонтовской скалы; 3 — Хасаут; 4 — Гижгид; 5 — Нальчик; 6 — Песчанка; 7 — Бачиль-Адс; 8 — Чегем; 9 — Кумбулта; 10 — Камунта; 11 — Зилги; 12 — Балта; 13 — Го уст; 14 — Джераховское ущелье; 15 — Тебердинский заповедник — Гуначкир

и «небесными конями» Ферганы, *ото* положение о двух породах находит подкрепление в нартском эпосе, где даже специальной терминологией выделяют «аласа» — мелкую породу выносливых коней (см. амулеты типов 1 и 2) и «всург», отличающихся выносливостью и необыкновенной быстротой¹⁷ (амулеты типа 3).

Амулеты в виде коней и всадников составляют около 15% всех найденных в северокавказских древностях амулетов. Они встречены в 10% комплексов, содержащих их (7 из 72). В ряде комплексов наряду с амулетами в виде коней и всадников встречены солярные колесовидные, солярно-лунарные, солярные с четырьмя соколиными головками и зооморфные амулеты. Любопытна их микрогеография (рис. 3). В долине р. Аликоновка близ Кисловодска все рассмотренные амулеты происходят из могильника у совхоза им. Луначарского (кат. 1, 14, 21, 32). В то же время расположенные на расстоянии 1—2 км от него могильники «Задвижка», «у Отстойника»,

¹⁷ Гагкаев К. Е. О языке и стиле осетинских нартских сказаний. — В кн.: Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969, с. 429.

Горное Эхо I и II, Мокрая Балка (где исследовано более 150 катакомб) таких амулетов не содержат.

Кто носил эти амулеты? Л. А. Голубева показала, что в VIII — IX вв. в Верхнем Прикамье коньковые подвески использовались специально как женские амулеты-обереги¹⁸. К сожалению, мы не имеем твердых оснований, чтобы говорить, к мужским или женским погребениям относятся подвески в виде коней и всадников на Северном Кавказе. Возможно, располагая неопубликованными данными, Г. Е. Афанасьев говорит о том, что эти амулеты были найдены в области груди мужских костяков¹⁹. Отметим, что в могильнике у совхоза им. Луначарского близ Кисловодска во всех случаях эти амулеты происходят из ограбленных в древности катакомб. При первой публикации этого материала отсутствовали какие-либо данные об их положении на костяках или об отношении к тому или иному костяку (в рассмотренных катакомбах, как правило, было по несколько погребений). Косвенным указанием на то, что эти амулеты были положены в мужские погребения, является характер сопровождающего материала (в частности, пояса) и вытянутое положение костяков (в женских погребениях костяки лежали обычно на боку).

Солярные амулеты на Кавказе обычно являлись женскими оберегами или оберегами супружеской пары и вызывали некоторый страх у грабителей; они их не брали, так, в ограбленных катакомбах Мокрой Балки № 17, 18 из раскопок автора в 1971 г. амулеты остались нетронутыми.

Как правило, во всех случаях, когда инвентарь катакомб и склепов с коллективными захоронениями можно расчленить по погребениям, солярные амулеты оказываются принадлежностью именно женских погребений как основных индивидуальных, так и сопровождающих мужские центральные погребения. Только в одном случае, являющемся исключением в Мокрой Балке (раскопки автора), амулеты солярно-лунарного типа оказались связанными с центральным мужским захоронением парного погребения. Можно предположить, что найденные здесь два амулета, охранявшие именно супружество, были на ремешке, связывавшем руки погребенных.

Амулеты же в виде коней и всадников, как мы уже говорили, по всей видимости были мужскими. Появление их может быть связано с возникновением дружинного культа, аналогичного культу Перуна на Руси²⁰. Интересно предположение Г. Е. Афанасьева, что они служили знаком отличия того или иного воина²¹. Кроме того, они являлись, по-видимому, определенным знаком места (очевидно, достаточно высокого), занимаемого обладателем амулета в дружинной иерархии, хотя не исключено, что они могли отражать его родоплеменную принадлежность. Так, у алан, если судить по амулетам, мог существовать род оленя, горного барана, коня, орла. Чтобы понять смысл, который в древности вкладывался в эти

¹⁸ Голубева Л. А. Копысовые подвески Верхнего Прикамья. — СА, 1969, № 3, с. 88.

¹⁹ Афанасьев Г. Е. Бронзовые фигурки. . . , с. 37.

²⁰ Рыбаков Б. А. Задачи изучения славянского языческого мировоззрения. — В кн.:

Методологические вопросы общественных наук. М., 1966, с. 370.

²¹ Афанасьев Г. Е. Бронзовые фигурки. . . , с. 38.

изображения, следует вспомнить о культе коня у древних индоиранских племен и роли коня у алан. Следует остановиться только на тех аспектах этой глубокой и обширной темы, которые представляют интерес для настоящей статьи.

Култ коня был широко распространен в древности у индоиранских племен и отражал специфику их идеологических представлений. Он, безусловно, связан с древними ариями — достаточно вспомнить жертвоприношения коня Индре ашвамедхи в Ригведе²², сожжение головы коня в царских погребениях хеттов²³, посвящения белых коней у древних персов Митре, греков — Гелиосу, *Equus October* в Риме²⁴. Во всех случаях жертвоприношение коня обращено к Богу солнца, поскольку, как говорит Геродот о массагетах, — «быстрейшему из всех Богов подобает быстрейшее животное»²⁵. Эта связь сохранялась на протяжении всего средневековья²⁶ и даже охватила, кроме индоиранцев, Кавказ²⁷, Прикамье²⁸. Особенно это естественно в отношении Северного Кавказа, поскольку именно здесь в раннескифское время известны самые внушительные гекатомбы лошадей (Ульский Аул, Келермес, Костромской курган).

Связь коня с солярным культом мы видим в амулетах, где всадник, конь или крылатый конь вписаны в круг (рис. 1, 17). В исторической иранской традиции конь связан с представлением о царской власти, достаточно вспомнить сказание о Кей-Хосрове, предание о Кире, сказание об Ардашире, когда конь и конюх помогают получить царство²⁹. Отсюда и связь коня с погребением и посмертным культом³⁰, добавим, царским или представителя знати.

Раннесредневековые историки неоднократно подчеркивали силу аланской конницы, недаром и для Византии, и для Сасанидского Ирана аланы были ценным союзником в их войнах. Как писал Аммиан Марцеллин, «молодежь, с раннего детства, сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами»³¹. Мы знаем, что

²² Иванов В. В. Опыт. . . , с. 103.

²³ *Топоров В. ff.* Хеттская *sul Su Gi* и славянская баба Яга. — Краткие сообщения Института славяноведения 38. М., 1963, с. 34.

²⁴ Иванов В. В. Опыт. . . , с. 103, 108.

²⁵ *Herod.*, I, 216.

²⁶ В 70-х годах VI в. византийский стратег Юстиниан, обращаясь к солдатам, говорил перед сражением с персами: «Нет у нас бога, которого бьют плетками; не выбираем мы себе для поклонения коня» (*Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957, с. 200).

²⁷ М. Каганкатвацци, автор X века, писал о поклонении дубам древних агванов, «принося. . . в жертву лошадей» (История агван Мокея Каганкатвацци. СПб., 1861, гл. XL, с. 200).

²⁸ Худяков М. Г. Култ коня в Прикамье — ИГАИМК, № 100. М., 1934, с. 274.

²⁹ Пьянков И. В. Образование державы Ахеменидов по данным античных источников. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 84, 91.

³⁰ Калоев В. А. Обряд посвящения коня у осетин. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; *Инал-Ипа Ш. Д.* Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (опыт сравнительного изучения нартского эпоса). — В кн.: Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969, с. 38.

³¹ *Amm. Marc.*, XXI, 2.

аланские дружины выступали на обеих сторонах; в VI в. во главе западных алан стоял царь Сарозий (Сарой), дружественный Византии, а в VII в. (в печальный период бытования амулетов в виде коней и всадников) дарь Итаз³². К сожалению, источники не сохранили сведений о социальной организации алан. Возможно, рассматриваемые амулеты позволяют несколько осветить эту сторону их жизни. Связь коня и всадника с представлением о царской власти, так же как и сравнительная редкость нахождения этих амулетов в погребениях раннесредневековых алан, позволяют предположить, что они могут быть свидетельством принадлежности воинов, носивших эти амулеты, к царской дружине — аланской гвардии.

³² Подробнее об этом см. в главе: «Северокавказские аланы» (Очерки по истории СССР III/IX вв. М., 1958, с. 612—620).

О ВОЗНИКНОВЕНИИ СКЛЕПОВЫХ ПОСТРОЕК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В. И. Маркович

Вся нагорная полоса Северного Кавказа изобилует своеобразными склеповыми постройками. Они стоят одиночно или небольшими группами возле селений и среди современных кладбищ, а иногда образуют целые «поселки мертвых» (рис. 1, 1, 2). Склепы неоднородны: давно принято выделять подземные, полуподземные и надземные сооружения (А. М. Дирр, Л. П. Семенов и др.). Разница в их расположении привела к некоторым конструктивным особенностям плана, этажности, общей архитектурной композиции. Обряд погребения в склепах довольно единообразен — умерших укладывали на специальные полки, рядом клали различные бытовые предметы¹. Наибольшей архитектурной выразительностью обладают надземные постройки, имеющие двускатное и четырехскатное покрытие, от одного до трех лазов-входов. Реже встречаются конусовидно-круглые склепы, пересеченные внешними гуртами, и памятники, многоугольные в плане. Общая типология всех разновидностей склеповых памятников Северного Кавказа еще не разработана.

¹ *Далгат, Б.* Первобытная религия чеченцев. — В кн.: Герский сборник, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893, с. 66—68; *Шиллинг Е. М.* Ингуши и чеченцы. — В кн.: Религиозные воззрения народов СССР, т. II. М.—Л., 1931; *Тменов В. X.* Некоторые особенности осетинского позднесредневекового погребального обряда в историко-сравнительном освещении. — В кн.: Сборник трудов молодых ученых Северо-Осетинского научно-исследовательского института, вып. III. Орджоникидзе, 1974.

Рис. 1. Склеповые памятники Северного Кавказа

1 — Северная Осетия, «город мертвых», у сел. Даргавс; 2 — Чечня, «город мертвых» Цой-Педа; 3 — склепы с поминальной пищей в Цой-Педа; 4 — Чечня, склепообразный памятник у сел. Хой (историческое общество Чаберлой)

До сих пор местные жители могут показать склеп своих родственников, на некоторых осетинских гробницах даже написаны фамилии их владельцев. У вайнахов (чеченцев и ингушей) отсутствие склепа считалось признаком безродности; уважаемый человек у осетин после смерти должен находиться в склепе, чтобы люди могли пожелать ему «будь светел» (равносильно — «царство тебе небесное»). Однако ни один народ Северного Кавказа не может рассказать о происхождении склеповых построек.

По этому вопросу в науке имеется несколько теорий. Одна из них высказана В. Ф. Миллером и Г. А. Кокиевым. Оба автора, не отрицая религиозные причины возникновения склепов, главной считали малоземелье². В. Ф. Миллер указывал, что «... в горной Осетии... каждый удобный клочок земли, на котором может поместиться корова, стоит коровы». «Понятно, что при крайней тесноте для живых людей, — писал он, — нельзя было отводить много места для мертвых»³. Той же точки зрения придерживался Е. И. Крупнов, отметивший, что каменистость почвы, отсутствие удобных пахотных угодий «породили сооружение именно надземных склепов». «Только при учете этих обстоятельств, — писал он далее, — становится понятным появление почти во всех горных районах Северного Кавказа в середине II тысячелетия н. э. многочисленных надземных склепов-усыпальниц в несколько ярусов»⁴. Скучность земельных наделов, по мнению Е. И. Крупнова, диктовала не только погребальный обряд, но и форму склепа, его внутреннюю конструкцию.

Эта точка зрения, однако, вызывает сомнение, тем более что Е. И. Крупнов акцентирует внимание лишь на одной, причем самой поздней категории сооружений — надземных склепах. А как же быть с подземными и полуподземными склепами? Ведь, по мнению Л. П. Семенова и Е. И. Крупнова, они генетически связаны с надземными гробницами⁵, занимают значительные площади; их строили в земле, а не на голых скалах. Напомню, что в Дагестане, где малоземелье еще значительнее, чем в Чечено-Ингушетии и Осетии, захоронения в склепах и ящиках с приходом ислама исчезли, возникли большие кладбища с индивидуальными могилами, для которых требовались большие площади земли.

Согласно другой теории, выдвинутой И. М. Мизиевым, появление склепов объясняется социально-экономическими причинами. Он считает, что в надземных склепах хоронили местных владетелей⁶. Очевидно, автор говорит прежде всего не о возникновении коллективных усыпальниц, а об индивидуальных гробницах-мавзолеях.

Согласно третьей точке зрения причины возникновения склепов следует искать в самой религии горцев. Еще В. Ф. Миллер отмечал, что «по-

² Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. — МАК, т. 1. М., 1888; Кокиев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, с. 35, 36.

³ Миллер В. Ф. Терская область. . . , с. 112.

⁴ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 81, 82.

⁵ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 18—20, 50, 51, 135—137; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. . . , с. 80.

⁶ Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970, с. 82—84.

строение этих надземных гробниц было, несомненно, связано с представлением о загробной жизни покойников и верованием, не допускавшим погребение трупов в земле». Он, согласуясь с мнением горцев, рассматривал склепы как «жилища покойников»⁷. Г. А. Кокиев также не отрицал определенную роль религиозных верований в происхождении склеповых построек («осетины стремились сохранить тела умерших. . . чтобы постоянно пользоваться услугами и покровительством их») ⁸.

Действительно, горцы стремились видеть всех своих предков покоящимися под крышей общего дома, каким являлись коллективные склепы-усыпальницы. Этому сопутствовала еще и боязнь соприкосновения мертвецов с землей. Иначе нельзя объяснить устойчивое стремление хоронить в склепах даже в те периоды, когда среди горцев уже распространялись христианство, а местами — ислам. Возможно, что усилившееся малоземелье толкало людей на мысль вынести склепы из-под земли и поместить их на скалы. Это могло произойти примерно в XIV в.⁹ Намного позже происходит переход от коллективных усыпальниц к мавзолеям, в которых хоронили лишь знатных лиц¹⁰. Эта точка зрения, уже нашедшая отражение в ряде работ¹¹, не умаляет экономических и социальных причин, которые, несомненно, влияли на религиозные воззрения горцев.

Следует упомянуть еще одно мнение, высказанное Г. А. Кокиевым и повторенное Б. В. Луниным¹², согласно которому люди, построившие первый склеп, заранее должны были знать, что, защитив труп от дождей и снега, добьются естественной его мумификации. Этого, конечно, не было. Другое дело — стремление сохранить останки умерших, не утратить ни одной кости. Вероятно, в среде горцев жила вера, что только в этом случае покойники сохранят связь с живущими и смогут влиять на их благополучие и рождаемость (в горских сказках встречается пожелание не ломать, а сохранить в целости кости убитых животных в надежде на быстрое пополнение их поголовья).

Следует напомнить, что склеповые постройки — конструктивно сложные сооружения, архитектурный облик которых был продиктован не только идеями, но и строительным мастерством горцев. Эта сторона вопроса по-

⁷ Миллер В. Ф. Терская область. . . , с. 26.

⁸ Кокиев Г. А. Склеповые сооружения. . . , с. 37.

⁹ Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII—XVII вв. Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 11.

¹⁰ Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни. XIII—XVII вв. Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 17—19; Он же. Новое о позднесредневековых мавзолеях горной Чечни. Тезисы докладов и сообщений III КЧ. Грозный, 1973, с. 18.

¹¹ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания. . . ; Он же. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал. — Известия ЧИНИИ, т. II, вып. 1 (история). Грозный, 1960, с. 46—54; Шиллинг Е. М. Ингуши. . . , с. 9—40; Бунак В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. — Сб. МАЭ, т. XIV. М.—Л., с. 312; Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. — ДЧИ. М., 1963, с. 268; 269; Он же. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, с. 84, 85; Тменов В. Х. Позднесредневековые постройки как исторический источник. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 10—12.

¹² Кокиев Г. А. Склеповые сооружения. . . , с. 35, 36; Лунин Б. В. Мумии на Северном Кавказе. — Советский Северный Кавказ, 1930, № 5, с. 39.

родила также различные мнения. Так, Л. Г. Нечаева считает, что каменные склепы «оказываются теми же катакомбами, только выполненными в камне». При этом она исходит из сходства очертаний алацских катакомб и горских склепов (полы у них расположены ниже лаза, перекрытие полусводчатое и т. д.)¹³. Но Л. Г. Нечаева забывает, что катакомбы выкапывались в грунте и им легко было придать необходимую форму. Выполнить подобную постройку в камне было непросто. Мастеру приходилось разрешить ряд сложных задач, например, перекрыть свод, устроить лаз, укрепить полки и т. д. Опыт и знания в строительстве склепов накапливались веками. Да и сама идея захоронения в катакомбе, т. е. непосредственно в земле, далека от желания изолировать умершего от земли, как это имело место во время похорон в склепах¹⁴. Точка зрения Л. Г. Нечаевой находит некоторую опору в высказываниях В. В. Бунака о сходстве катакомб и склепов¹⁵. Однако оно не согласуется с археологическим материалом.

С эпохи ранней бронзы по всему Северному Кавказу были широко распространены примитивные склепы, сложенные насухо из рваного камня. Они обычно имеют прямоугольную форму, только в Дагестане известны круглые в плане гробницы (Гинчи, Чох, Ругуджа, Кули)¹⁶. Здесь обнаружены четыре оригинальные склеповые постройки: три из них имели своеобразный вход — одну из сторон, просто не заложённую камнями (с. Ирганай)¹⁷, а четвертая, вероятно, была перекрыта камнями, образующими подобие невысокого свода. Центральная часть его поддерживалась деревянными столбами, концы которых упирались в четыре ниши, проделанные в стенах склепа. Это — склеп № 5 могильника Гинчи¹⁸. В Ставрополе также обнаружен подкурганый склеп с входным проемом, сложенный из рваного камня (раскопки А. Л. Нечитайло). Но самые интересные склепы эпохи бронзы исследованы у с. Эгикал в Ингушетии. Они снабжены не только входными отверстиями (лазами), но и специальными полками, на которые укладывали умерших. Конструкция их еще очень примитивна, но напоминает сродневоковые постройки¹⁹.

Таким образом, аланские катакомбы, очевидно, не имеют отношения к происхождению склепов. Склеповые постройки возникли на Северном

¹³ Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. дис. Л., 1950, с. 18; Она же. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин. — В кн.: Этническая история народов Асии. М., 1972, с. 287, 288.

¹⁴ Мнение Л. Г. Нечаевой, что катакомба равна склепу, что и те, и другие оставлены аланами, а также «ассимилированными аланами аборигенами» (Осетинские погребальные склепы. . . , с. 288), может создать ошибочное представление, что все районы, где воздвигали склепы, были заняты аланами. Однако это не так. Вне этой территории находились земли вайнахов и хевсуров, которые также строили склепы-усыпальницы.

¹⁶ Бунак В. В. Черепа из склепов. . . , с. 306, 307.

¹⁶ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 14, 104—106.

¹⁷ Погребова М. И. Иргапайский склеп эпохи бронзы. — МАД, т. И. Махачкала, 1961, с. 109—111, рис. 1.

¹⁸ Гаджиев М. Г. *Via* истории культуры. . . , с. 40.

¹⁹ Маркович В. И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии. — СА.1970, № 4, с. 85, 86, 88, 89, рис. 2, 3, 7, 8.

Кавказе задолго до появления алан, а к моменту их расселения уже прошли длительный путь развития — от примитивных сооружений до гробниц, снабженных лазом и полками. Замечу, что Е. И. Крупнов и В. А. Кузнецов, изучив раннесредневековые склеповые постройки Северо-Восточного Кавказа, считают схему их возникновения, предложенную Л. Г. Нечаевой, неубедительной²⁰. Не приходится говорить и о генетической связи между дольменами эпохи бронзы Западного Кавказа и склеповыми сооружениями Чечено-Ингушетии и Хевсуретии, как это предполагал В. Н. Худадов²¹. Я не буду останавливаться на чисто внешнем сходстве отдельных склепов с некоторыми культовыми постройками Центральной и Малой Азии, хотя оно также породило предположения о перемещении народов, связи культур и т. д.²²

Склепы с четырехскатным ступенчатым покрытием особенно характерны для Чечено-Ингушетии, хотя спорадически встречаются и в Северной Осетии. Они напоминают как бы срезанную верхнюю часть вайнахской боевой башни (рис. 2, 1, 2): те же слегка суживающиеся кверху контуры, ступенчатая кровля, завершающаяся выступающим «замковым камнем» (цурку, цогал). Не может быть сомнения в прямой взаимосвязи этих построек, что отмечалось многими исследователями²³.

Склепы с двухскатной кровлей (в том числе и выложенной в виде «ступенек») по архитектурному облику чрезвычайно напоминают святилища²⁴. Возникает вопрос: какие же из упомянутых средневековых построек появились раньше — склепы, святилища или башни, и архитектура каких построек явилась исходной для дальнейшей их эволюции?

Обычно принято называть могилы «домами мертвых» и отождествлять их с реально существовавшими жилыми постройками. Слабая изученность поселений эпохи бронзы не позволяет со всей полнотой восстановить облик древних жилищ. Однако, очевидно, не следует говорить о полном сходстве жилых и погребальных построек в древности. Разное назначение, различная степень подчиненности культовым требованиям нашли свое отражение и в их формах. Как известно, многие могильные памятники ничего общего с жильем не имеют (например, захоронения в кувшинах, кромлехах и т. д.). Это касается и святилищ. На поселениях эпохи энеолита и ранней бронзы культовые постройки (святилища) резко выделяются своеобразием архитектуры²⁵.

Среди средневековых башенных строений давно уже выделены жилые

²⁰ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, с. 81; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 103—108.

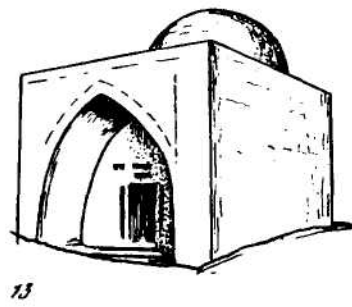
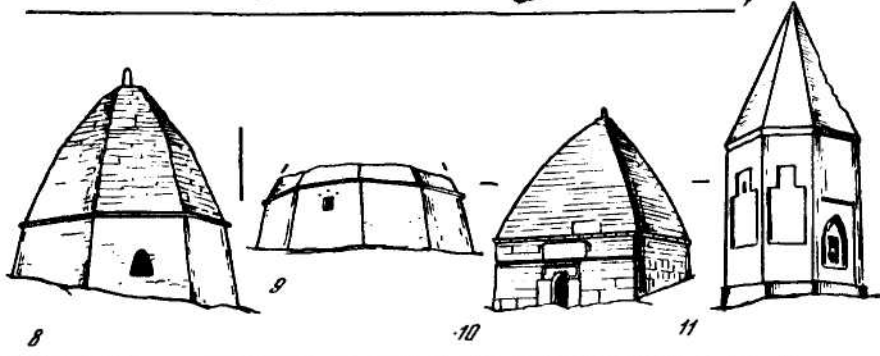
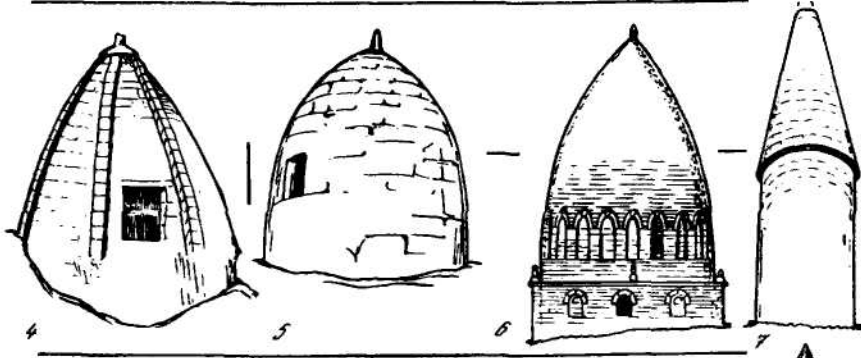
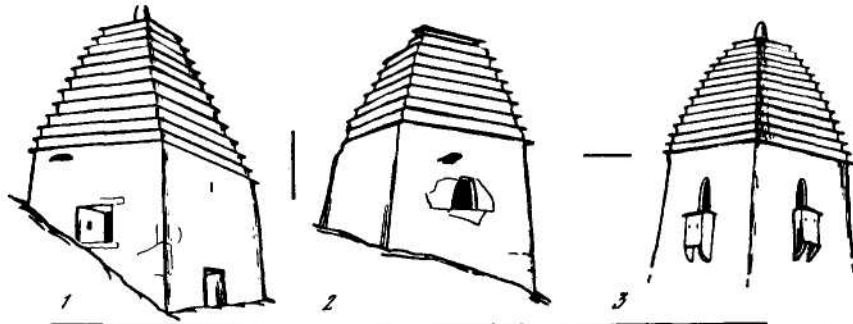
²¹ Худадов В. Н. Мегалитические памятники Кавказа. — ВДИ, 1937, № 1, с. 197 и ел.

²² Дирр А. М. В Тагаурской и Куртатинской Осетии. — Известия КО РГО, т. XXI, вып. 2. Тифлис, 1912, с. 265; Plaetschke В. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929, S. 73, 74.

²³ Семенов Л. Л. Археологические и этнографические разыскания. . . , с. 154; Бунак В. В. Черепа из склепов. . . , с. 311; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. . . , с. 77; Маркозин В. И. В стране вайнахов. М., 1969, с. 43; Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974, с. 102. См. также цитированные работы. С. Ц. Умарова, М. Б. Мужухоева, В. Х. Тменова.

²⁴ Семенов Л. Л. Археологические и этнографические разыскания. . . , с. 154. См. также рис. 2, 12.

²⁵ Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973, с. 258 и ел.

башни и более поздние — боевые (Л. П. Семенов и др.)- Удалось выделить и промежуточный тип так называемых полубоевых башен, сочетающих черты жилых построек и отдельные элементы боевых башен²⁶. Основная масса надземных склеповых памятников мало похожа на жилые и полубоевые постройки, только склепы с четырехскатноступенчатым покрытием, как уже отмечалось, близки боевым башням. Их и называют иногда «склепами башенного типа». Эти склепы, как и сами боевые башни, представляются мне наиболее поздними памятниками. Близость архитектурного облика таких разнородных построек, как склепы и башни, могла возникнуть сравнительно поздно, когда над их строителями уже довлел многовековой опыт возведения различных зданий в ставшей традиционной единой манере.

Однако указанными разновидностями не ограничивается разнообразие склепов. Так, Л. П. Семенов выделяет для Чечено-Ингушетии особый вид склеповых сооружений — «с открытой поминальной камерой» (поминальной нишей, рис. 1, 3)²⁷. Известны также круглые и многогранные в плане склепы, среди которых встречаются варианты. Эти памятники, как уже отмечалось в литературе²⁸, отражают определенное внешнее влияние.

Склепы с двухскатным покрытием, снабженные поминальной нишей, хорошо известны в «городах мертвых» в Чечне (Майсты, Цой-Педе) и Северной Осетии (Даргавс и др.), а также других некрополях рассматриваемого региона, включая Хевсуретию. Наиболее характерной чертой их является стрельчатая ниша, сделанная напуском камней. Такая ниша имеется на известном мавзолее Борга-Каш в равнинной части Ингушетии (рис. 2, 13), датированном 808 г. х. (1405—1406 гг. н. э.). В свое время мавзолеем почитался в качестве святилища. Можно полагать, что архитектура этого и подобных ему памятников²⁹ (Маджары и др.), связанных

²⁶ Маркович В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — Архитектурное наследие, 1974, вып. 23, с. 119—121; *Он же*. Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры. — Кавказский этнографический сборник, т. VI. М., 1976; Василев В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен. — СЭ, 1974, № 1, с. 124; Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура. . ., с. 8; Мужухоев М. Б. Средневековая. . ., с. 8.

²⁷ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания. . ., с. 28.

²⁸ Маркович В. И. К вопросу о возникновении средневековых склепов у народов Северного Кавказа. — Тезисы докладов и сообщений III КЧ. Грозный, 1973, с. 4; Тменов В. Х. Склеповые сооружения Тагаурии (опыт типологической классификации). — В кн.: Сборник трудов молодых ученых Северо-Осетинского научно-исследовательского института, вып. II. Орджоникидзе, 1973, с. 55.

²⁹ Семенов Л. П. Мавзолеем Борга-Каш. — Известия ИНИИК, вып. 1. Владикавказ, 1928, с. 217—232.

Рис. 2. Склеповые постройки и другие памятники Кавказа

1 — склеп у сел. Лежги; 2 — склеп у сел. Архон; 3 — верхняя часть боевой башни сел. Эрзи; 4 — склеп в сел. Джерах; 5 — склеп у сел. Эгикал; 6 — мавзолеем в сел. Штул; 7 — мавзолеем Мир-Али XIV в. в сел. Ашаги-Вейсэлли; 8 — восьмигранный склеп в сел. Мухол; 9 — восьмигранный склеп в сел. Кораурсдон; 10 — мавзолеем в сел. Хучни; 11 — мавзолеем XIV в. в сел. Демирчилер; 12 — святилище Мятцил (Мятсели) на горе Матлам; 13 — мавзолеем Борга-Каш; 1, 3—5, 12, 13 — Чечено-Ингушетия; 2, 9 — Северная Осетия; 6, 10 — Дагестан; 8 — Кабардино-Балкария; 7, 11 — Азербайджан

с первым проникновением мусульманства к северокавказским горцам³⁰, наложила отпечаток на зодчество местных мастеров. Так появились порталные ниши перед лазом в склеп. Если в мавзолее Борга-Каш входная ниша имеет чисто декоративное значение, находя аналогии в сотнях памятников Средней Азии и мусульманского Востока (входы в мечети, медресе, мавзолеи, бани)³¹, то в склеповых памятниках она приобретает характер поминального притвора.

Аналогии склепам конусовидной формы с круглым основанием и многогранно-пирамидальными постройками (рис. 2) можно найти среди довольно ранних мавзолеев (пиров) Азербайджана и Дагестана. Как известно, Азербайджан в средние века был тесно связан с мусульманским Востоком. Это нашло отражение в архитектуре ряда памятников, в том числе мавзолеев, которые датируются XI в. и позднее³². Проникнув в Дагестан вместе с исламом, искусство возведения мавзолеев несколько упрощается, усваивая местные черты, выражающиеся в применении арочных и ложносводчатых конструкций. К сожалению, подобные памятники хорошо изучены лишь в южной части Дагестана³³, но часто встречаются и в других районах. Иногда такие постройки только внешне напоминают мавзолеи, являясь своеобразным обрамлением надмогильной стелы (рис. 1, 4). Подобные памятники характерны также и для Чаберлоя — чеченского исторического общества, граничащего с Дагестаном. Вероятно, через эти земли проходила вторая, более поздняя волна мусульманизации вайнахов. Таким образом, эти формы склеповых построек находятся в определенной зависимости от архитектуры, появившейся вместе с исламом³⁴. Это было чисто внешнее влияние, так как в склепах, лишь внешне и отдаленно напоминающих мусульманские мавзолеи, хоронили по старому, традиционному обряду — на открытых полках и с обильным инвентарем. Позже, когда мусульманство прочно внедрилось у горцев, начинают воздвигать склепообразные мавзолеи, предназначенные для одиночных захоронений знати.

³⁰ Шамилеа А. И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам. — Известия ЧИИИИ, т. III, вып. 1. Грозный, 1963, с. 100.

³¹ Воронина В. Л. Архитектура арабских стран и стран Ближнего и Среднего Востока. — Всеобщая история архитектуры, т. 1. М., 1958, с. 533 и ел.; Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии в IX—XII вв. М., 1973, с. 63 и ел.; Веймари В. Регистан в Самарканде. М., 1946; Пугаченкова Г. А. Самарканд, Бухара. М., 1961.

³² Памятники истории Азербайджана. Баку, 1956, с. 38 и сл.; Усейнов М., Брестаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 51 и ел.; Брестаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. М., 1966, с. 101 и ел.

³³ Любимова Г. П., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана (Табасаранская архитектура). М., 1956, с. 92—98; Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, с. 153—162.

³⁴ О связи строительства склепов и мавзолеев с проповедью мусульманства вплоть до конца XVIII в. см.: Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. — МИА, 1941, № 3, с. 31; Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX п. — В кн.: Кавказский этнографический сборник, т. IV. М., 1969, с. 115; Нечаева Л. Г. О мавзолеех Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Карачая. — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1972—1973. Л., 1974, с. 95, 96.

Но стоило по какой-либо причине ослабнуть влиянию ислама, и мавзолей мог быть снова превращен в обычный коллективный склеп³⁵.

Следует предполагать, таким образом, что современный облик надземных северокавказских склепов сложился под воздействием нескольких факторов: древних традиций в строительстве, восходящих к эпохе бронзы; внешних влияний; чисто местных вкусов и устоявшихся строительных приемов. Отметим, что развитие склепов шло не с запада на Восток (со стороны Алании, если следовать теории Л. Г. Нечаевой), а в обратном направлении. Башенные склепы своим обликом обязаны боевым башням вайнахов, имеющим ступенчато-пирамидальное покрытие. Другие виды склепов несут черты воздействия архитектуры, появившейся на Северном Кавказе вместе с мусульманством. Это влияние шло как с территории степей (на первом этапе его проникновения), так и со стороны гор — из Азербайджана и Дагестана³⁶.

Предложенная схема не претендует на универсальность. Только полное архитектурно-типологическое изучение всего разнообразия склеповых построек Северного Кавказа при сопоставлении их с архитектурными памятниками окружающих земель сможет дать верное представление о возникновении и эволюции этих интереснейших памятников старины.

³⁶ Умаров С. Ц. Новое о позднесредневековых склепах. . . , с. 18, 19.

³⁰ Речь идет об архитектурных памятниках, которые в IX—XIII вв. еще не отражали разделения мусульман на шиитов и сунитов.

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

НОВЫЕ НАХОДКИ СЕЙМЕНСКОГО ТИПА У С.РЕШНОЕ НА ОКЕ

О. Н. Бадер, В. Ф. Черников

Решенский могильник сейменского типа расположен на правом берегу р. Оки, недалеко от Муром, между с. Решное и пристанью Дошатов. В 1974 г. в Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник поступили отсюда весьма многочисленные и интересные находки. Весной 1975 г. школьниками здесь были найдены еще 36 предметов: бронзовый кельт, граненое острие и обломок ножа, 7 кремневых наконечников стрел, 5 отщепов и кусков кремня, 21 обломок керамики.

Бронзовый кельт принадлежит к редкому типу, встреченному в единственном экземпляре лишь на Сейменском могильнике¹. Как и сейменский, решенский кельт имеет широкое закругленное лезвие с раскованными концами и круглую втулку, сделанную с помощью ковки (рис. 1, 9). Кельт массивный, орудие очень тяжелое. Высота его 9,6 см, ширина лезвия 5,1 см, внутренний диаметр втулки 2,5 см. Толщина втулки 4 мм, глубина ее 4,3 мм, дно плоское, что говорит в пользу сочетания литья иковки при изготовлении орудия. В профиле решенский кельт еще более асимметричен, чем сейминский.

Четырехгранное бронзовое острие длиной 4,2 см и толщиной 0,5 см имеет удлинённый заостренный конец, округлый в сечении. На противоположном конце сохранились слабые следы дерева (рис. 1, 10). Возможно, этот предмет использовался в качестве наконечника стрелы.

Третий бронзовый предмет представляет собой очень тонкую пластинку размерами 1,6х2,4 см и является, по-видимому, отломанным кончиком двулезвийного ножа.

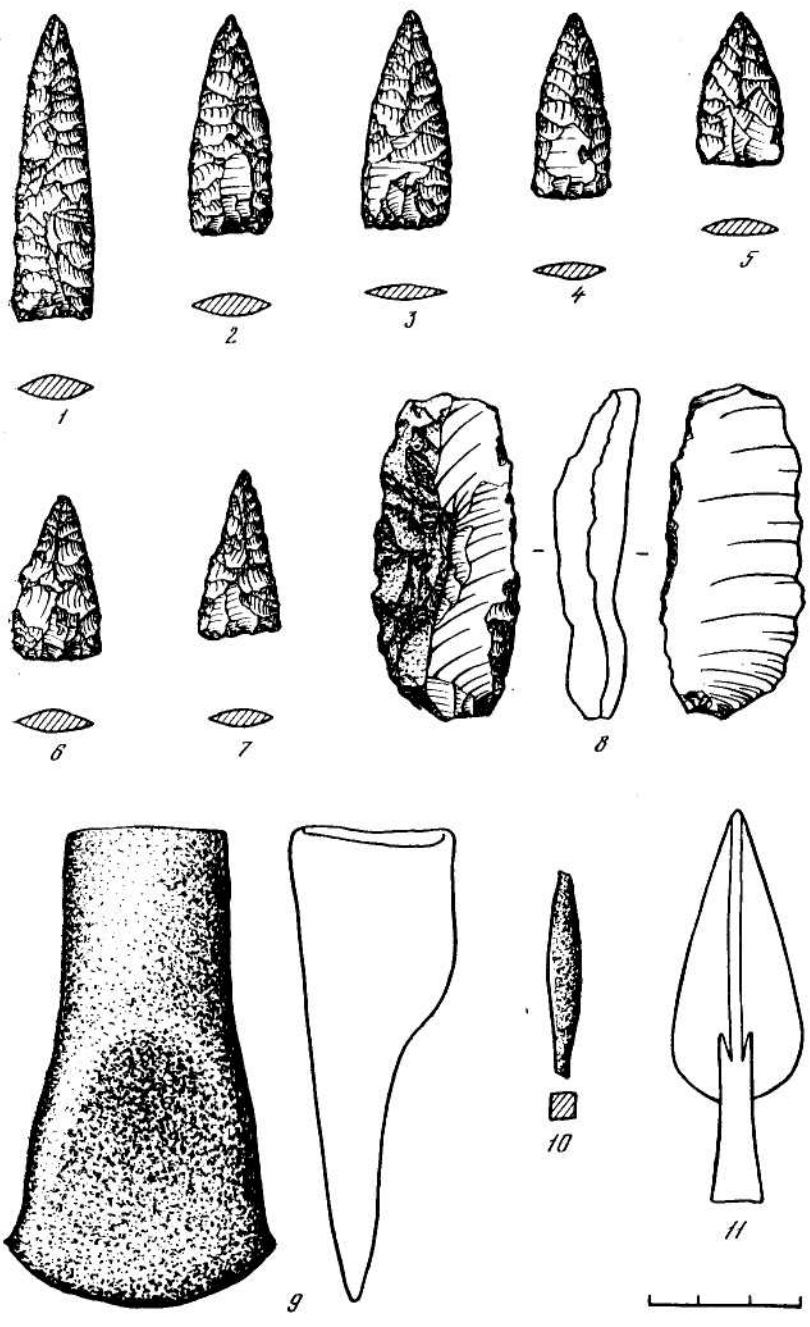
Шесть кремневых наконечников стрел (рис. 1, 2—7) имеют подтреугольную форму с усеченным основанием, аналогичны типу первому наконечников Сейменского могильника², характеризуются великолепной техни-

¹ Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, рпс. 39.

² Там же, рис. 60.

Рис. 1. Предметы из случайных находок 1975 г. у с. Решное

1—7 — кремневые наконечники стрел; * — кремневый отщеп; 9 — бронзовый кельт; 10 — бронзовое острие; 11 — бронзовый наконечник копья (рисунок по описанию очевидцев)

кой изготовления и обычными размерами. Один наконечник имеет более удлиненные пропорции и слегка вогнутое основание (рис. 1, 1). Этот наконечник отличается от наконечников Сейменского могильника, близок к наконечникам Турбинского I могильника³ и имеет наибольшее сходство с наконечниками из гаринских поселений Прикамья⁴ и памятников Зауралья⁵. Для изготовления наконечников стрел использовался пестрый валунный кремень желтых, серых и коричневатых тонов. В коллекции имеется также массивный удлиненный отщеп с частично ретушированным режущим краем (рис. 1, 8).

Обломки керамики мелки и не дают представления о форме сосудов. Возможно, они происходят из могил.

Описанный материал дополняет коллекцию находок 1974 г. и подтверждает вывод о том, что у с. Решное находится могильник сейменско-турбинского типа.

Во время раскопок 1975 г. мы получили от учительницы Р. И. Кошениковой сведения о находке в с. Решном бронзового наконечника копья. По полученным данным, наконечник длиной около 25 см был найден еще в 1967 г. случайно при рытье ямы для столба на глубине 25—30 см на территории усадьбы В. Ф. Соколова (ул. Лесная, д. 1), примерно в 1,5—2 км к югу от решенского могильника. Других находок древних предметов на усадьбе не было. Позднее наконечник был утерян. Однако по описанию удалось сделать рисунок копья: это было, по-видимому, типичное сейменско-турбинское копье с вильчатым стержнем, без ушка на втулке (рис. 1, 22).

В 1975 г. на соседней усадьбе Ю. А. Мирошкина мы раскопали пробный участок размером 6х2 м, расположенный всего в полуметре от места находки копья. В раскопе обнаружен почвенный слой толщиной 28—30 см, а под ним — довольно плотный, почти белый песок без гумусных включений. Каких-либо находок сделано не было. Очевидно, копье было найдено в почвенном слое или сразу же под ним, у контакта с песком. Вряд ли здесь можно говорить о могильной яме. Скорее всего это копье не связано ни с могильником, ни с поселением. Возможно, оно было в свое время просто потеряно.

Таким образом, на карте местонахождений сейменско-турбинских бронз появляется два новых памятника. Они расположены на крайнем западе ареала, на отрезке Оки между Муромом и устьем Мокши. Уже их географическое положение заставляет обратить на них пристальное внимание. Надо надеяться, дальнейшие исследования в этом районе позволят пролить свет на проблему связи могильников этого типа с поселениями и соотношением их с местными культурами эпохи бронзы.

³ Бадер О. Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964, рис. 90.

⁴ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. — МИА, 1961, № 99, рис. 17, 31 и др.

⁵ Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. — МИА, 1951, № 21, рис. 1, 2.

«КИММЕРИЙСКИЙ» КОТЕЛ ИЗ БАШКИРИИ

Н. Л. Членова

В 1946 г. в дер. Булгар Чекмагушевского р-на Башкирской АССР был найден клепаный бронзовый котел на поддоне. Он был передан в местную школу. Здесь с ним познакомился в 1970 г. Н. А. Мажитов¹. Верхняя часть котла сломана, сохранился поддон и нижняя часть корпуса из двух полос, соединенных заклепками. Край верхней полосы загнут наружу, вероятно, находчиком. Общая высота сохранившейся части котла около 40 см, высота поддона 7 см (рис. 1).

По форме и технике изготовления котел из дер. Булгар относится к хорошо известному типу «киммерийских» котлов (название введено В. А. Городцовым)², широко распространенных на юге европейской части СССР. По последней сводке В. С. Бочкарева известно 18 экз. таких котлов. Они распространены от Подолии и Молдавии до Самарской Луки и Нижнего Заволжья³. В более восточных районах «киммерийские» котлы до сих пор не были известны⁴.

Судя по сводке В. С. Бочкарева, большинство «киммерийских» котлов имеет поддон, вытянутый корпус яйцевидной или тюльпановидной формы, склепанный из 3—4 (в одном случае — из 5) полос, и две вертикальные ручки по верхнему краю. Таков же был, очевидно, и котел из Булгар. Высота его была, вероятно, не менее 53—55 см, а может быть, и больше. Так, высота котла из Подолии 75 см⁵, из с. Домашки — около 1 м⁶.

подавляющее большинство «киммерийских» котлов — случайные находки. Два из них найдены в комплексе с позднеархаичной «валиковой» керамикой хвалынского типа: это котлы из Дикого сада в г. Николаеве (найден в слое с валиковой керамикой)⁷ и из впускного погребения в кургане у с. Старо-Михайловки близ г. Ставрополя. Здесь были найдены также обломки глиняного сосуда с валиками с насечками⁸. Котел из с. Лапас Астраханской области найден был вместе с кобанским бронзовым топором⁸. Эти находки определяют дату котлов — предскифское время.

¹ Археологическая карта Башкирии. М., 1976, с. 177, № 311. Благодарю Н. А. Мажитова за предоставленную фотографию котла.

² *Городцов В. А.* К вопросу о киммерийской культуре. — ТСАРАНИОН, т. II. М., 1928.

³ *Бочкарьов В. С.* Киммерийські казани. — Археологія, 1972 (Київ), № 5, с. 63—68, карта на с. 64.

⁴ До сих пор наиболее восточным пунктом находки «киммерийского» котла было с. Домашки близ г. Куйбышева — на 300 км западнее публикуемой башкирской находки.

⁵ *Antoniewicz W.* Les chaudières prescythique en bronze. *Archaeologia Polona*, I. Warszawa, 1958, s. 58.

⁶ Измерение автора.

⁷ *Кривцова-Гракова О. Л.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, с. 133, с. 135, рис. 31, 1.

⁸ *Минаева Т. М.* Нова знахідка казана киммерійського часу. — Археологія (Київ), 1966, т. XX, с. 171.

⁸ Установлено В. С. Бочкаревым по архивным данным. Благодарю В. С. Бочкарева за это сообщение и В. П. Шилова — за рисунок кобанского топора из с. Лапас.

Рис. 1. Котел из д. Вулгар в Башкирской АССР

Эту дату подтверждают и некоторые косвенные соображения. Еще Н. Макаренко и Е. И. Крупное обратили внимание на сходство «киммерийских» котлов с клепаными сосудами жемталинского типа¹⁰. Помимо техники изготовления, эти две группы сосудов имеют и другие общие черты: наличие поддонов; орнамент из выпуклых точек на киммерийских котлах из с. Домашки, Старо-Михайловки и ст. Суворовской (орнамент, выполненный той же техникой, есть и на некоторых жемталинских сосудах, например, на сосудах из могил № 41 и 49 в с. Тли)¹¹; техника гравировки, которой выполнен орнамент на киммерийском котле из Подолии¹². Наконец, находка «киммерийского» котла из с. Лапас вместе с кобанским топором и многочисленные находки жемталинского типа сосудов с вещами кобанского типа¹³, находка «киммерийского» котла на кобанской террито-

¹⁰ Макаренко Н. La civilisation des Scythes et Hallstatt. — ESA, 1930, V, p. 33, 34; Крупное Е. И. Жемталинский клад. — Труды ГИМ, 1952, вып. IV, с. 22, 23;

Он же. Киммерийцы на Северном Кавказе. — МИА, 1958, № 68, с. 190, 191.

¹¹ Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 201, рис. 73, 1, с. 202, рис. 73а.

¹² Antoniewicz W. Les chaudieres. . . , fig. 3.

¹³ Крупное Е. И. Жемталинский клад; см. также многочисленные находки жемталинских сосудов в кобанском могильнике Тли, нередко с хорошо датированными вещами VII в. до н. э. (Техов Б. В. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. — СА, 1963, № 1, рис. 2, 3; рис. 3, 1; рис. 4, 4; рис. 6; рис. 7, 5, 7; рис. 8, 5, 6; рис. 10, 6, с. 169—171, и др.), в Красномаяцком могильнике в Абхазии (Трапи М. М. Красномаяцкий некрополь. — В кн.: Трапи М. М. Труды (Сухуми), 1969, г. 2, с. 142,

рий — на р. Эшкакон ¹⁴, многочисленные находки сосудов жемталинского типа за пределами Кавказа, в том числе на Украине, где широко распространена «валиковая» керамика, — все это говорит о теснейших связях людей, изготовлявших кавказские сосуды жемталинского типа и людей, изготовлявших «киммерийские» котлы. Известны находки жемталинских бронзовых сосудов вместе с валиковой керамикой и сосудами жаботинского типа ¹⁵.

В. С. Бочкарев датировал «киммерийские» котлы VIII—VII вв. до н. э. на основании: 1) формы корпуса и ручек некоторых из них, обнаруживающих влияние литых котлов VIII—VII вв. до н. э., бештаугорского типа; 2) невозможности привязать распространение «киммерийских» котлов ни к одному из центров металлообработки, существовавших в Восточной Европе в более ранний период; 3) орнаментов в виде зигзага, спирали и треугольников, заштрихованных косой «сеткой», аналогии которым имеются на предметах жаботинского времени на Украине, кобанской культуры на Кавказе, Симферопольского погребения в Крыму ¹⁶. В свете приведенных данных представляется неубедительной попытка А. Л. Нечитайло датировать XIV—XIII вв. до н. э. «киммерийский» котел из станицы Суворовской Краснодарского края, найденный в погребении, основывая эту дату не на самом котле, а на других, менее выразительных вещах ¹⁷. Эта дата выглядит особенно странной, если учесть чрезвычайное сходство суворовского котла с котлом из Старо-Михайловки, найденным с поздней валиковой керамикой. Пришлось бы предположить, что либо «киммерийские» котлы просуществовали, нисколько не меняясь, 700—800 лет, либо что все предскифские аналогии киммерийским котлам и тесно с ними связанным сосудам жемталинского типа, приведенные выше, относятся к XIV—XIII вв. до н. э. Тогда скифское время, следующее за ними, относится к XII в. до н. э., что невозможно.

С какой культурой может быть связан котел из Башкирии? Ни керамики, ни других вещей с ним найдено не было. Находки «киммерийских» котлов на Северном Кавказе и Украине с поздней валиковой керамикой как будто подтверждают мысль О. А. Кривцовой-Граковой о связи их с позднесрубной культурой. Почти все «киммерийские» котлы найдены в зоне степи и лесостепи и почти все их находки укладываются в область распространения срубной культуры ¹⁸. На территории Башкирии

табл. XIV, 4), в кобанском кладе из с. Лухвано в Западной Грузии (*Иессен А. А.* Клад из селения Лухвано в Грузии. С. ГЭ, вып. XXII, 1962, с. 44—46) и др.

¹⁴ *Крупное Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе, с. 191.

¹⁵ Смела, I, 1887, с. 36, 37, табл. III, 2, 15; табл. V, 10; табл. XIII, 3; табл. XV, 7. *Макагепко Н.* La civilisation. . . , р. 23—33, fig 1, 3, 5, 8, 9; *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин. — СА, 1973, № 4, рис. 4, 1, 5, рис. 5, 2-7, 9, 10.

¹⁶ *Бочкарьов В. С.* Киммерийські казани. . . , с. 63, 66.

¹⁷ *Нечитайло А. Л.* Про одне з найдавніших киммерийських поховань. — Археологія (Київ), 1975, № 15, с. 52—58.

¹⁸ Ср. карту распространения клепаных котлов в статье В. С. Бочкарева (с. 64, рис. 1) с картой распространения срубной культуры (Археологія Украївської РСР, т. 1. Київ, 1971, карта-вклейка 9). На Волге, в Самарской Луке, где также найден клепаный котел, хорошо известна срубно хвалыпская керамика.

известно 320 памятников срубной культуры, как ранних, так и поздних, хвалынских. В то же время памятники других культур эпохи поздней бронзы (черкаскульской, курмантау, абашевской, андроновско-алакульской, андроновско-федоровской) относительно немногочисленны, их известно только по 20—40¹⁹. Вполне вероятно, что котел из дер. Булгар связан со срубной культурой. Он либо изготовлен носителями срубной культуры на месте, либо это импортная вещь. Дальнейшие находки на территории между Волгой и р. Белая и в самой Башкирии помогут ответить на этот вопрос.

¹⁹ Археологическая Карта Башкирии. Сведения относятся к 1970 г.

НАХОДКИ С КОРЧЕВСКОГО ГОРОДИЩА ИЗ РАСКОПОК Ю. Г. ГЕНДУНЕ

К. А. Смирнов

В отчетах о дореволюционных раскопках, хранящихся в архиве ЛОИА АН СССР, имеются фото- и графические материалы, которые в свое время не были опубликованы и не вошли в научный оборот. В ряде случаев сами вещи утрачены и архивные данные — единственный источник, позволяющий судить о них. Среди этих вещей имеются изображения предметов, представляющие большой научный интерес, несмотря на то, что стратиграфическое положение их на том или ином памятнике не известно. К числу таких материалов надо отнести фотографии находок с Корчевского городища.

Ю. Г. Гендуне работала на этом памятнике в 1903 и 1904 гг. В отчетах отсутствуют какие-либо данные о стратиграфии и сооружениях, обнаруженных при раскопках. Имеются только данные о находках. В обоих отчетах есть фотографии, на которых воспроизведены обломки посуды, грузики дьякова типа и изделия из кости и рога. Керамика почти вся сетчатая и орнаментированная. Сказать что-либо о характере сетки на основании фотографий трудно. Следует отметить, что на одном фрагменте поверх сетки был нанесен орнамент, представляющий поясok из ромбов, образованных четырьмя точками¹. Этот орнамент интересен тем, что встречается на посуде ряда городищ дьяковской культуры, а также на грузиках дьякова типа. Такая орнаментация известна на керамике городищ Дьяков лоб, Графская гора, Пекуновское, Успенское, Сетуньское, на керамике, найденной в московском Кремле и в поздних слоях стоянок Умиление и Быки на Галичском озере, а также на грузиках с городищ Троицкого, Щербинского, Огубского. На других черепках, представленных на фотографиях (К). Г. Гендуне, орнамент нанесен при помощи ямок. Исключение состав-

¹ Архив ЛОИА, ф. 1, год 1903, № 15, л. 81.

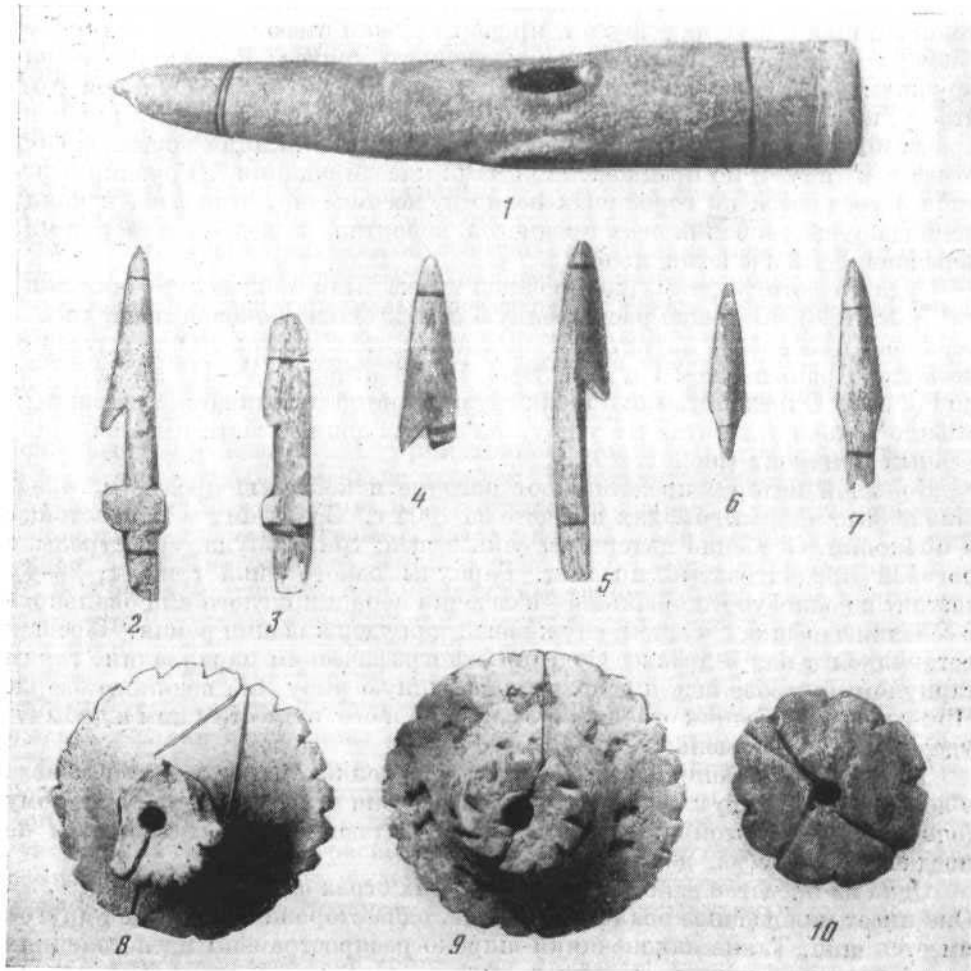

Рис. 1. Вещи с Корчевского городища из раскопок Ю. Г. Гендуне
1 — рог; 2—7 — кость; 8—10 — керамика

ляет один фрагмент без отпечатков сетки, где орнамент нанесен при помощи веревочки, намотанной на палочку.

Значительный интерес представляют грузики дьякова типа. В отчете за 1903 г. отмечено, что их найдено 8 целых и 2 обломка, в отчете за 1904 г. на фотографиях имеется 17 грузиков. Большинство грузиков помещено на фотографиях в таком ракурсе, что тип определить невозможно. Однако некоторые данные для этого имеются. В отчете за 1903 г. Ю. Г. Гендуне отмечает, что форма грузиков (она их называет «пряслица») на Корчевском городище такая же, как и на городище Топорок. Далее она пишет: «Исклю-

чением^служит пряслица, состоящая из трех кружков, прикрепленных горизонтально друг над другом, причем кружки имеют три последующих размера и образуют нечто вроде усеченного конуса. Расстояние между кружками 1 см, диаметр нижнего и самого крупного $5\frac{3}{4}$ см. Орнамент тот, что господствует во всех слоях городища, т. е. вдавленные кружки и по краям поперечная насечка². На основании этого описания грузик можно отнести к типу 4, по предложенной нами классификации³. Грузики этого типа встречаются па городищах рядко и, несомненно, относятся к концу периода существования этих предметов, вероятно, ко второй четверти или середине I тысячелетия н. э.

Судя по фотографиям, на городище также были найдены грузики типа 8a⁴ (рис. 1,5), имеющие расширенную относительно боковой поверхности верхнюю плоскость, на которэй всегда имеется насечка. Они бытовали несколько раньше, чем грузики типа 4, вероятно, с IV—III вв. до н. э. по I в. н. э.⁵ Определить тип других грузиков не представляется возможным. Можно только отметить, что у двух из них на донной части имеется радиальный орнамент (рис. 1, 10).

Большой интерес представляют роговые и костяные предметы, представленные на фотографиях в отчете за 1904 г.⁶ Среди них есть заготовки и проколки. Особенно интересны семь вещей: три гарпуна, три стрелы и роговой продолговатый предмет. Гарпуны одного типа (рис. 1, 2—4), состоят из однозубого, овального в сечении пера и круглого или овального в сечении черешка с муфтой, служявшэй для удерживания ремня. Черешок вставлялся в паз в древке. Судя по этнографическим параллелям, таким гарпуном пользовались при охоте на крупную рыбу или водяного зверя. При ударе наконечник отделялся от древка, и его, а вместе с ним и добычу, удерживали за ремень.

Такие гарпуны широко известны на поселениях эпохи раннего железа в лесной полосе. По классификации автора, они относятся к типу первому (однозубые с муфтой) второго отдела (отделяющиеся) и датируются не позднее. IV—III вв. до н. э.⁷

Одна из представленных на фотографиях стрел однотипная (рис. 1,5). Она имеет уплощенное овальное сечение, одна сторона гладкая, на другой имеется шип. Такие наконечники широко распространены на поселениях эпохи позднего неолита и раннего железа в лесной полосе⁸. Эта стрела должна быть отнесена к типу 14 (однотипные) второго отдела (черешковые). Такие наконечники бытовали во II—начале I тысячелетия до н. э. На памятниках эпохи раннего железа они встречаются обычно в ранних слоях. Судя по этнографическим аналогиям, такие наконечники могли

² Архив ЛОИА, ф. 1, год 1903, № 15, л. 44.

³ Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища. Древнее поселение в Подмоскowie. — МИА, 1971, № 184, с. 82.

⁴ Там же.

⁵ Там же с. 96.

⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, 1904, № 15.

⁷ Смирнов К. А. Дьяковская культура. — В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 35.

⁸ Смирнов К. А. Дьяковская культура, с. 31.

применяться как в качестве наконечников стрел, так и качестве деталей сложных гарпунов.

Два других наконечника имеют ланцетовидную форму и, насколько можно судить по фотографии, уплощенное овальное сечение (рис. 1, 6, 7).

Наибольший интерес представляет продолговатый слегка изогнутый предмет из рога с двумя пазами (рис. 1, У), найденный при работах 1904 г. Длина предмета 18,5 см, наибольшая ширина 3,5 см, один конец заострен, другой тупой. На фотографии видны два овальных паза длиной около 2 см. Аналогичная вещь была найдена на городище Графская гора у города Кимры⁸. Кимрская находка богато орнаментирована точками и линиями. Во всем остальном эти предметы аналогичны, их размеры приблизительно одинаковы. Форма и размеры предметов, а также расположение пазов позволяют говорить, что это псалии от довольно примитивной узды. Вероятно, такие псалии применялись с мягкими удилами, изготовленными из сухожилий или ремней. К. Ф. Смирнов считает, что мягкие удила с косяными или роговыми псалиями являются наиболее примитивным видом конского снаряжения¹⁰. О примитивности такого снаряжения говорит и то, что нащечный ремень не двоился. Вероятно, устройство узды было такое: псалии был повернут вогнутой частью вперед. Удила соединялись с поводом при помощи сквозных пазов в центральной части псалия. Третий канал, обращенный назад, служил для закрепления нащечного ремня. К. Ф. Смирнов отмечает, что в узде примитивной формы такое положение возможно¹¹. В этом случае псалии служат не для закрепления двоящегося нащечного ремня, а только предотвращает продергивание. При таком устройстве узды были необходимы наносный и подгубный ремни. Они служили как для устойчивого положения псалиев, так и облегчали управление лошастью. Псалии с городища «Графская гора» по комплексу находок был датирован VII—VI вв. до н. э.¹² По-видимому, находка с Корчевского городища должна быть отнесена к этому же времени, тем более что в коллекции имеются предметы, позволяющие говорить об этой дате. Таким образом, на двух городищах, расположенных близко одно от другого в бассейне верхней Волги, найдены псалии от удил одного и того же типа. На других памятниках верхней Волги и Волго-Окского междуречья они пока не известны.

Закономерно возникает вопрос, не является ли названная дата для рассматриваемых удил слишком поздней, так как в это время в южной части Восточной Европы уже широко бытовали псалии с тремя отверстиями, которые позволяли использовать развоенный нащечный ремень. По-видимому, в степях, где жизнь человека неразрывно связана с конем, конское снаряжение совершенствовалось очень быстро. В лесной полосе дело обстояло иначе. Хотя верховая езда жителям лесных городищ была известна, но

⁹ Смирнов К. А. Роговой псалии с городища «Графская гора». — СА, 1972, № -2, с. 182.

¹⁰ Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. — СА, 1961, № 1, с. 46.

¹¹ Там же, с. 51.

¹² Смирнов К. А. Роговой псалии с городища «Графская гора», с. 183.

она не играла в их жизни такой большой роли. Для более позднего времени находки предметов конского снаряжения исчисляются единицами. Вероятно, рассмотренная узда была не заимствована жителями лесов, а самостоятельно изобретена. Совершенствовалась она медленно. Возможно, узда такой системы могла бытовать и в более позднее время.

ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ «ДЪЯКОВА ТИПА»

Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов

В 1966 г. на городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом (Московская область) при случайных обстоятельствах было обнаружено и раскопано погребальное сооружение, относящееся к позднедьяковскому времени¹. В западной части ареала дьяковской культуры, памятники которой могут быть выделены в особую группу западно-дьяковских городищ², до сих пор было известно лишь одно погребальное сооружение рассматриваемого времени — «домик мертвых» на городище Березняки³.

Городище, на котором исследован этот уникальный памятник, по расположению и характеру находок является обычным дьяковским поселением широкого хронологического диапазона⁴. Погребальное сооружение обнаружено в средней части его площадки. Культурный слой здесь имел незначительную мощность (0,1—0,2 м) и слабо насыщен культурными остатками.

Остатки сооружения представляли собой подпрямоугольное углубление в материке размером 2,0х1,2—1,3 м. Максимальная глубина его составляла от уровня материка 0,55 м, от поверхности — 0,62 м. Углубление было ориентировано длинной стороной с севера на юг. Восточная и западная стенки его отвесные, северная — пологая, в южной имелась ступень. Вдоль северной, западной и восточной стенок, уже вне углубления, на расстоянии 0,1—0,22 м от его края, на уровне материка прослежены следы древесного тлена, по-видимому, от бревен сруба, построенного над углублением. По периметру углубления, на расстоянии 0,2—0,4 м от его краев, на том же уровне лежали крупные камни, которыми, вероятно, была обложена внешняя сторона стен сруба. Вход в сооружение

¹ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. «Домик мертвых» на городище дьяковского времени. — АО 1966 г. М., 1967, с. 34—36.

² Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-О некоего междуречья в I тысячелетии н. э. — СА, 1957, № 2.

³ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1941, № 5, с. 58—60; 116, 117, рис. 31.

⁴ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки. — СА, 1963, № 1. с. 206—208, рис. 2, 3.

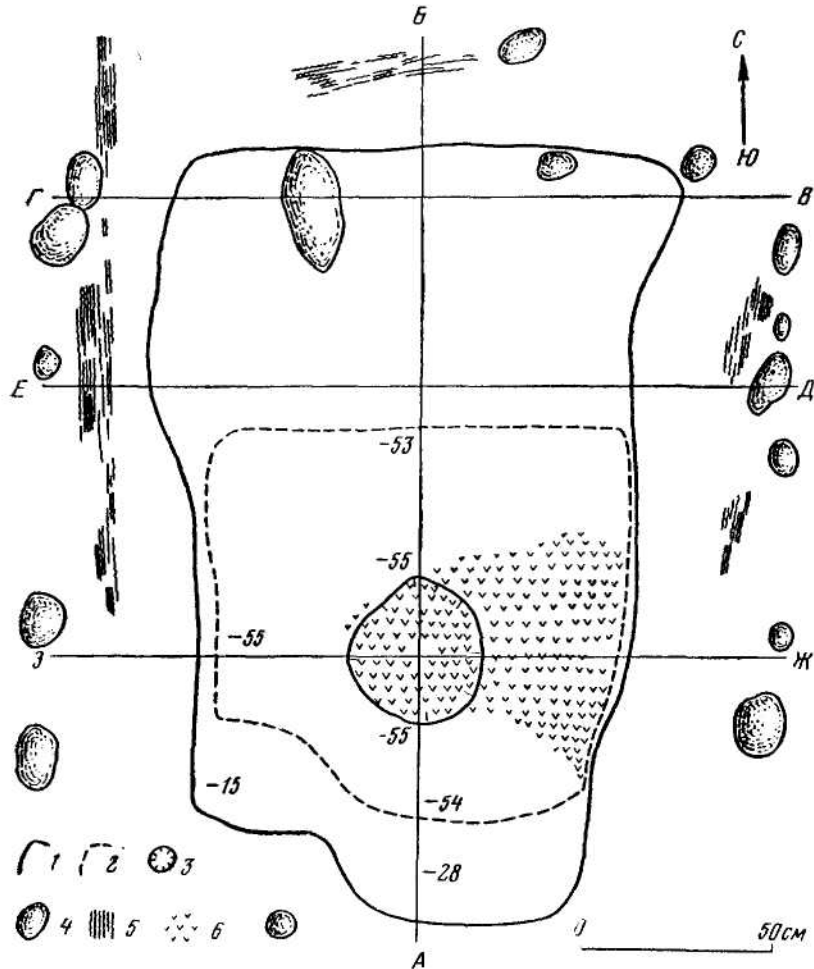

Рис. 1. План погребального сооружения на городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря

1 — контуры ямы сооружения на уровне материка; 2 — контуры дна ямы сооружения; 3 — очажная яма; 4 — камни; 5 — древесный тлен; 6 — уголь

находился с южной стороны, где имелась ступень высотой около 0,25 м от уровня пола. Рядом со входом находилось земляное возвышение высотой от уровня пола около 0,4 м. На полу у входа имелось небольшое углубление диаметром около 0,35 м, заполненное углем и золой, под которыми наблюдался прокол материка — остатки открытого очага, имевшего, по-видимому, ритуальное назначение. Слабый угольный слой восточнее доходил до стенки ямы (рис. 1—2). Конструкция этого сооружения, прямоугольного, срубного, с углубленным в землю полом и земляной же ступенью, ведущей внутрь, со входом в одной из узких сторон и открытым

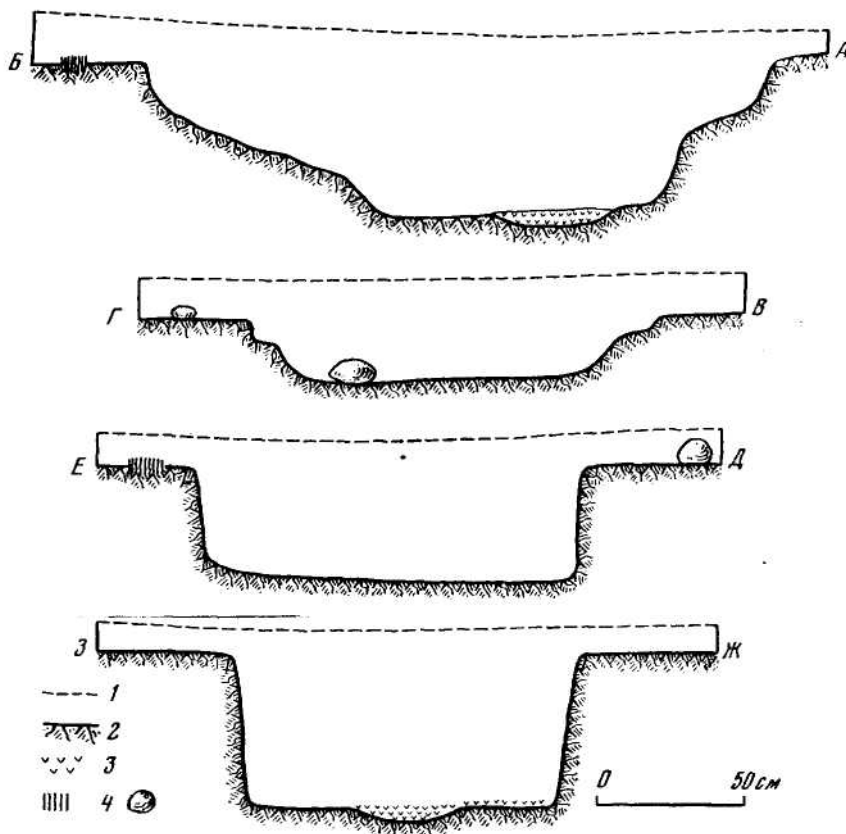

Рис. 2. Профили погребального сооружения и городище близ бывшего Саввию-Сторожевского монастыря

1 — уровень современной почвы; 2 — материк; 3 — уголь; 4 — древесный тлен; 5 — камни

очагом, близко напоминает жилища, известные на ряде позднедьяковских поселений⁸. По аналогии с ними кровлю его можно реконструировать как двухскатную (рис. 3). Очевидно, погребальное сооружение копировало жилища этого периода, являясь своеобразным «домиком мертвых». Судя по размерам сооружения, максимальная высота его внутреннего пространства вряд ли превышала 1,7—1,8 м, так что встать в рост человек мог только в средней части его. В дверь же войти можно было только сильно согнувшись. Подобные постройки еще недавно были распространены в различных районах финно-угорского мира⁶. Такими были и удмурт-

⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94, с. 64, 65, 84, 85, 110; Краснов Ю. А. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг. — КСИА, 1964, вып. 102, с. 98, 99.

⁶ Харуаин Н. Н. Очерки развития жилища у финнов. М., 1895, с. 22—23, 31; Завойко К. Временные жилища крестьян Костромской и частью Владимирской губ. Кострома,

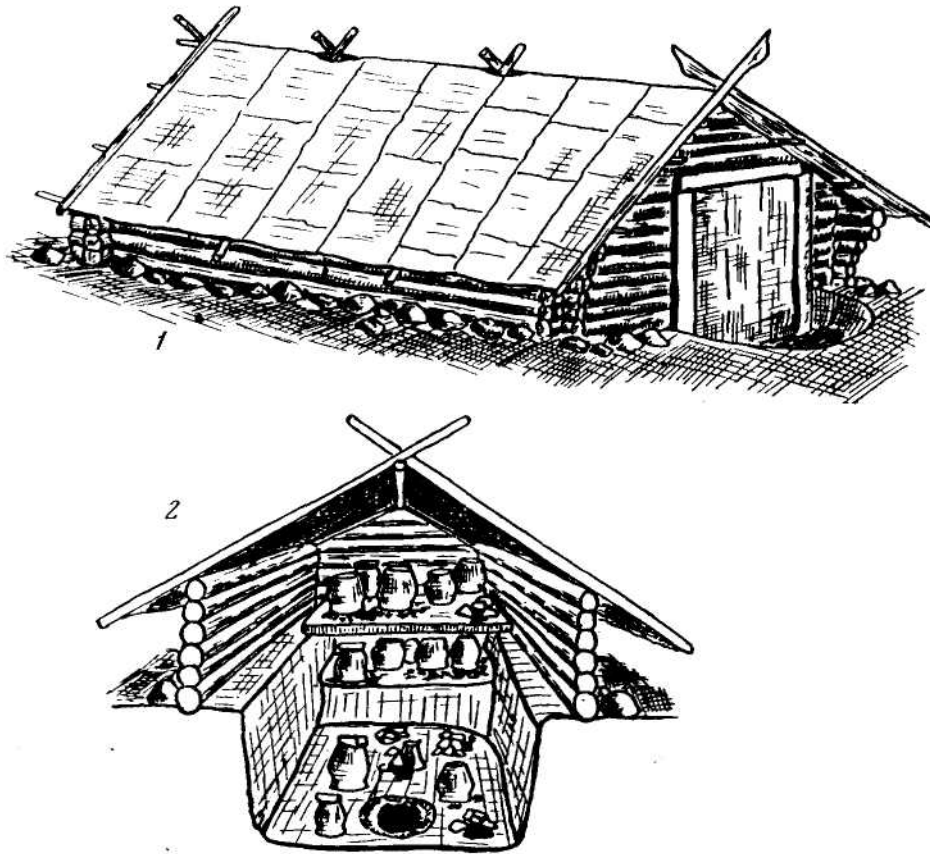

Рис. 3. Опыт реконструкции внешнего (1) и внутреннего (2) вида погребального сооружения на городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря

ские культовые домики «куала», размеры которых иногда достигали всего нескольких квадратных аршин⁷.

Яма постройки, заполненная черной землей, в верхних горизонтах содержала древесный тлен, вероятно, от рухнувших стен и перекрытия. С глубины 0,2—0,25 м в северной части ямы прослеживались скопления обломков глиняной посуды, под которыми находились небольшие скопления мелких обломков кальцинированных человеческих костей с прилипшими к ним частицами золы, угля, обожженной глины — остатки трупосожжений, совершенных на стороне. В средней и южной частях

1920; Пономарев А. А. К характеристике Варнавинского уезда. — В кн.: Врачебно-санитарный обзор Костромской губ., вып. VIII. Кострома, 1911.

⁷ Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков. ЭО, 1890, № 1, кн. IV, с. 131.

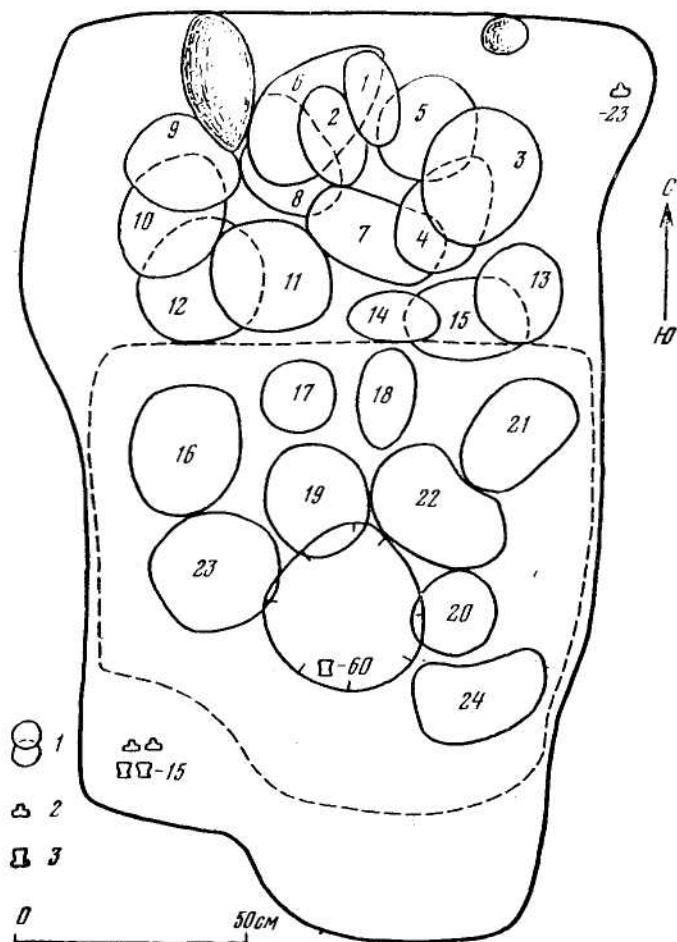

Рис. 4. Расположение погребений и находок в погребальном сооружении на городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря

1 — погребения; 2 — грузики «дьякова типа»; 3 — миниатюрные сосуды. Глубины отдельных находок указаны от поверхности

постройки они встречены только на уровне пола. Кальцинированные кости всегда лежали под обломками посуды или среди них. Очевидно, остатки сожжений либо помещались в сосуды-урны, либо прикрывались целыми или разбитыми сосудами. Постановка сосудов рядом с погребениями, вероятно, не практиковалась.

Всего в сооружении зафиксировано не менее 24 погребальных комплексов, состоящих из скоплений обломков или почти целых сосудов и кальцинированных костей (рис. 4). Количество последних никогда не превышало двух-трех десятков: на место захоронения переносилась,

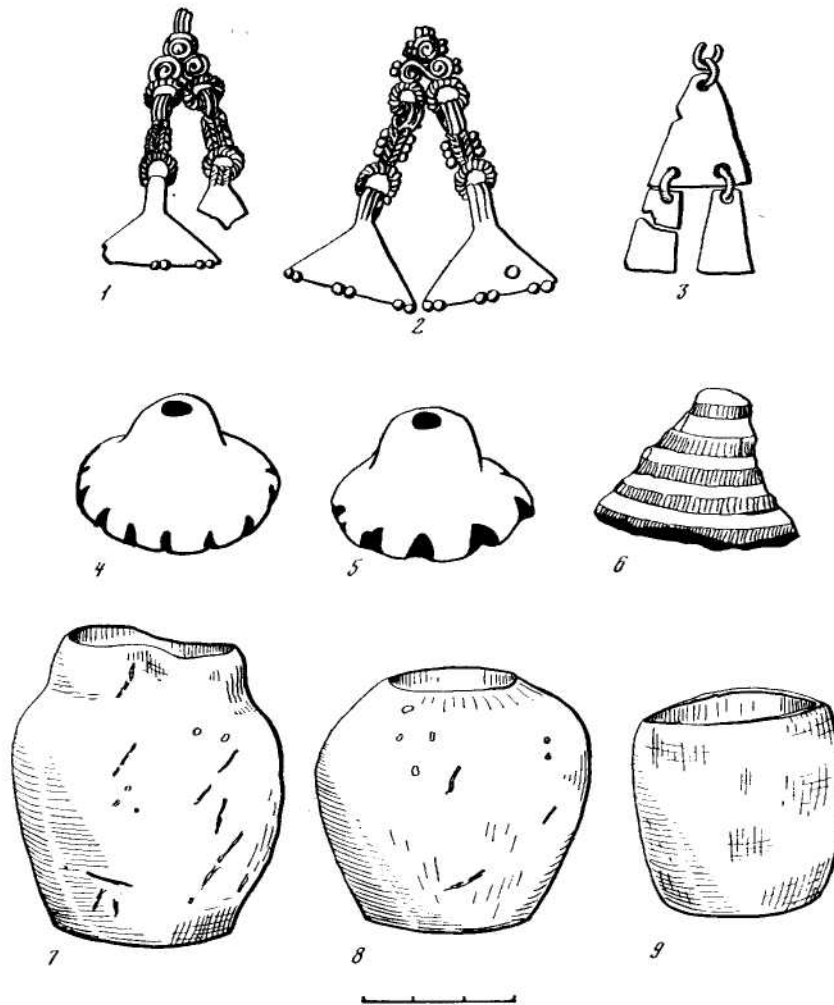

Рис. 5. Находки из погребального сооружения
1—3 — бронзовые подвески; 4—6 — грузики «дьякова типа»; 7—9 — миниатюрные сосуды

очевидно, лишь небольшая часть праха умерших, так что погребения носили в известной мере символический характер. В четырех случаях (погр. 8, 10, 11, 22) вместе с остатками сожжений были положены бронзовые украшения или их фрагменты, имевшие (кроме украшения из погр. 8) слабые следы огня, в двух случаях (погр. 10, 13) рядом с кальцинированными костями найдены кости конечностей лошади. Характерно наличие почти в каждом комплексе обломков сосудов, пережженных на сильном огне и деформировавшихся. Воздействию огня они подверглись только с одной стороны. Вероятно, эти сосуды ставились рядом с кремируемым

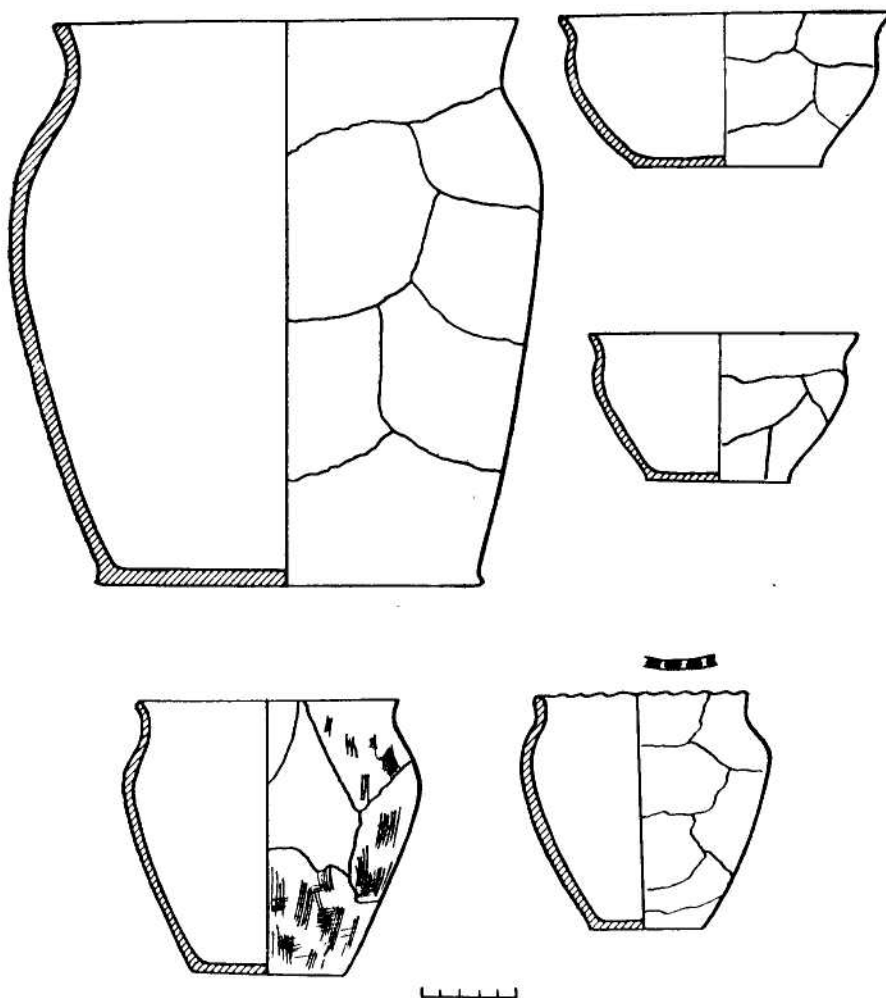

Рис. 6. Керамика из погребального сооружения
 1 — тип 1; 2, 3 — тип 2; 4, 5 — тип 3

покойником и были принесены в «домик мертвых» вместе с кальцинированными костями и остатками погребального костра.

Интересно размещение остатков кремаций в «домике мертвых». Большая часть их (15 из 24) располагалась в виде тесного скопления в северной части сооружения, противоположной входу. Здесь они лежали не менее чем в три ряда, перекрывая друг друга. Вероятно, остатки кремаций помещались в несколько ярусов на каких-то деревянных конструкциях в виде полок в сочетании с земляными ступенями или ступенью (рис. 3, 2). Когда эти конструкции разрушились, остатки сожжений осели вниз,

образовав непонятное, на первый взгляд, скопление обломков керамики и кальцинированных костей. Об этом свидетельствует и расположение обломков сосудов при погребальных комплексах: они лежали так, как будто подверглись сдвигу в направлении от стенок сооружения к его центру. Расширение стенок ямы в северной части сооружения можно расценивать как упор для таких деревянных конструкций, а повышение уровня пола здесь же — как остатки широкой земляной ступени.

Несмотря на значительное смещение отдельных погребальных комплексов, удалось предположительно выделить четыре их типа.

Тип I. Остатки сожжений помещались в небольшом сосуде, прикрытом крупным сосудом, перевернутым вверх дном. В этих случаях из обломков керамики погребального комплекса всегда восстанавливались два сосуда, большой и малый, а при расчистке наблюдалось расположение обломков малого сосуда под обломками большого, причем у первого венчики находились в обычном положении, у второго — в направлении вниз. Этот тип зафиксирован в 10 случаях (погр. 3, 4, 5, 6, 11, 12, 15, 16, 18, 19).

Тип II. Остатки сожжения высыпались на поверхность (пол сооружения, земляная ступень, деревянные конструкции) и прикрывалась постановленным вверх дном сосудом. В этом случае из обломков керамики погребального комплекса восстанавливался один сосуд, а при расчистке наблюдалось расположение его фрагментов венчиком вниз и доньшкой/вверх. Зафиксирован в 6 случаях (погр. 9, 13, 17, 20, 22, 23).

Тип III. Остатки сожжений высыпались на поверхность, а на них были брошены обломки одного или нескольких сосудов. В этих случаях на остатках сожжения или среди них были найдены лишь отдельные фрагменты от 1—4 сосудов, ни один из которых не восстанавливался даже наполовину. Зафиксирован в 5 случаях (погр. 1, 2, 14, 21, 24).

Тип IV. Остатки сожжения помещались в сосуде-урне. В этих случаях из обломков керамики погребального комплекса восстанавливался один сосуд, а при расчистке наблюдалось расположение кальцинированных костей внутри него, причем дно оказывалось под обломками. Зафиксирован в 3 случаях (погр. 7, 8, 10).

При погребениях типов I и II на дно перевернутого сосуда иногда клали небольшой плоский камень (погр. 11, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 23).

Интересно уже упоминавшееся земляное возвышение рядом с входом. На нем найдены два грузика «дьякова типа» (рис. 5, 4—5) и два миниатюрных сосуда (рис. 5, 8, 9), имевшие, вероятно, какое-то отношение к погребальному ритуалу. Само возвышение можно рассматривать в качестве своеобразного «алтаря».

В «домике мертвых» найдено всего 867 обломков керамики. Из них 238 — обожженные, принесенные в погребальное сооружение вместе с остатками сожжений. Подавляющее большинство сосудов, не носивших следов огня, принадлежали погребальным комплексам. Почти полностью восстанавливаются 29 таких сосудов. Кроме того, в заполнении погребального сооружения были найдены отдельные фрагменты сосудов иного облика и, очевидно, иного времени, попавшие сюда случайно

из культурного слоя. Это обломки позднепетчатой керамики и грубых гладкостенных сосудов с орнаментацией по стенкам.

Среди керамики, относящейся к погребениям, удалось уверенно определить форму около 50 сосудов, которые принадлежали трем типам.

Т и п 1 (рис. 6, 1). Большие плоскодонные сосуды с расширяющимся туловом, ясно выделенными плечиками и горлом, представляющим собой воронкообразный раструб с прямо срезанным венчиком. Высота равна или несколько превышает наибольший диаметр, днище широкое, толстое, с закраинами. Диаметр по венчику 23—25 см, наибольший диаметр 27—29 см, диаметр дна — 16—18 см, высота 29—31 см, толщина стенок — 0,8—1,0 см. Высота горла 3,5—4 см. Наибольший диаметр сосудов приходится примерно на 2/3 их высоты. Тесто с примесями крупного песка и дресвы, хорошо промешанное, плотное. Цвет обычно серо-коричневатый, обжиг хороший, поверхность заглажена. Орнамента нет. Найдены обломки не менее 23 сосудов этого типа. В 14 случаях они были поставлены вверх дном, прикрывая сожжения, помещенные в сосуды типов 2 и 3 или непосредственно на поверхность. В 3 случаях в такие сосуды были помещены остатки сожжений, в одном случае обломки 2—3 таких сосудов лежали на остатках сожжения. Обломки остальных сосудов, сильно обожженные, были принесены, вероятно, вместе с остатками сожжений из погребального костра.

Т и п 2. (рис. 6, 2, 3). Небольшие приземистые мискообразные сосуды с плоским дном, расширяющимися кверху стенками, имеющими плавный изгиб плечиков примерно на 3/4 высоты и значительно отогнутым округлым венчиком. Высота сосудов примерно равна 1/2 наибольшего диаметра, приходящегося на венчик. Диаметр по венчику составляет 15—19 см, диаметр по плечикам — 14—16 см, высота 8—10 см, диаметр дна 8—9 см, толщина стенок — около 0,5 см. Цвет поверхности серый и желто-серый, тесто с примесями мелкого песка, обжиг хороший, поверхность тщательно заглажена. Орнамент отсутствует. Найдены обломки не менее 12 таких сосудов, из них в 9 помещались сожжения, и одном случае обломки такого сосуда были брошены на кальцинированные кости. Остальные фрагменты были сильно обожжены.

Т и п 3 (рис. 6, 4, 5). Горшки небольшого размера (высота 12,5—18 см, диаметр венчика 11—16 см, наибольший диаметр 13—18 см, диаметр днища 8—10,5 см), с плоским дном без закраин, расширяющимся кверху туловом, хорошо профилированными плечиками и отогнутым наружу венчиком. Высота всегда больше или равна диаметру венчика. Наибольший диаметр приходится на плечики. По составу теста, цвету и фактуре такие сосуды неодинаковы. Часть из них красноватого цвета хорошего обжига, с примесью довольно крупного песка или дресвы. Поверхность иногда носит следы заглаживания в виде бессистемных штрихов (рис. 6, 4), орнамент отсутствует. Другие сосуды серого или почти черного цвета, с примесями мелкого песка, плохого обжига. По венчику встречается орнамент в виде нарезок или вдавлений (рис. 6, 5). Обломки сосудов рассматриваемого типа принадлежали не менее чем 11 сосудам. В двух случаях опрокинутыми сосудами этого типа были накрыты кальцинированные кости. В двух сосудах помещались сожжения.

В трех случаях обломки таких сосудов были брошены на кальцинированные кости. Остальные фрагменты принадлежали обожженным сосудам.

Керамический комплекс «домика мертвых» достаточно однороден и должен быть отнесен ко второй половине I тысячелетия н. э. Здесь нет ни сетчатой керамики, ни характерной для дьяковской культуры лощеной керамики IV—V вв. Полное отсутствие орнамента на стенках сосудов, редко встречающийся орнамент по венчику также должны считаться поздними признаками. Ближайшие аналогии рассматриваемый комплекс находит на финно-угорских памятниках середины и второй половины I тысячелетия, преимущественно VI—VIII вв.⁸ Отметим близкие аналогии керамики типов 2 и 3 в погребениях VI — первой половины VIII в. хорошо датированного Безводнинского могильника в Горьковском Поволжье⁹.

В «домике мертвых» найдены единичные бронзовые украшения. Два из них (погр. 8, 11) — подвески, вероятно, височные, в общем идентичные, но несколько различающиеся размерами и деталями оформления (рис. 5, 1—2). Они принадлежат к большой и разнообразной группе украшений, в различных вариантах бытовавших у финно-угорского населения Поволжья в середине и второй половине I тысячелетия н. э. Наиболее простые и в то же время наиболее ранние экземпляры их увязываются с комплексами V—VI вв.¹⁰ Они лишены обоймочек, соединяющих основу украшения с привесками, и дополнительных украшений на них. Позднейшей модификацией следует считать украшения, основа которых состоит не из трех, а из многих спаянных в виде треугольника проволочных спиралей, к которым подвешивались несколько бутыльчатых или трапециевидных привесок¹¹. Такие украшения датированы IX—X вв., может быть, и XI в.¹² Украшения из «домика мертвых» не могут считаться ранними. В то же время они значительно отличаются и от поздних украшений рассматриваемой группы, что дает определенное основание датировать их промежуточным временем — VII—VIII вв. Наиболее близкой аналогией им является подвеска с Барвихинского городища под Москвой¹³. В погр. 8 такое украшение найдено вместе с сосудом типа 2, в погр. 11 — с сосудами типов 1 и 2.

Еще одна подвеска или часть сложного шумящего украшения найдена в погр. 22 (рис. 5, 3) вместе с обломками сосуда типа 3. Полная ана-

⁸ Третьяков П. Н. К истории племен. . . , с. 64, рис. 36, 2; рис. 41, 13; Горюнова Е. И. Этническая история. . . , с. 50, 75, 85, 110, 232; рис. 15, 1, 2, 5; 25; 47, 2, 4; 57, 7; 59; 98; Воронин, Н. Н. Из ранней истории Владимира и его округа. — СА, 1959, № 4; Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. — САИ, 1965, Д 1—14, табл. 10, 1, 6—8, 10; Розенфельдт И. Г. Посуда Троицкого городища. — СА, № 1, рис. 6, 21; Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Обследование памятников дьяковской культуры, с. 212, рис. 7, 2.

⁹ Раскопки 1-го Горьковского отряда Чебоксарской экспедиции Института археологии АН СССР.

¹⁰ Ефименко П. П. Рязанские могильники. — МЭ, т. III, вып. 1. Л., 1926, с. 74;

¹¹ Третьяков Л. И. К истории племени. . . , рис. 46 В.

¹² Горюнова Е. И. Этническая история. . . , с. 98, рис. 39.

¹³ Там же, с. 98, 101.

¹⁴ Латышева Г. П., Розенфельдт И. Г. Раскопки Барвихинского городища. КСИА, 1965, вып. 102, рис. 31, 1/.

логия ей имеется в погр. 6. Хотимльской мерянскою моіильника, которое датируется VI—VIII вв.¹⁴ Четыре таких же подвески, присоединенные к общей основе, найдены в Максимовском могильнике, дата которого, по А. А. Спицыну, VIII—IX вв.¹⁶ Следует отметить, что сочетание трапециевидных привесок в сложном украшении в виде треугольника, обращенного вершиной вверх, встречается только на финно-угорских памятниках или там, где среди этнически иного населения можно предполагать наличие финно-угорского компонента. Наконец, в погр. 10 внутри сосуда с кальцинированными костями был найден обломок сильно обожженной бронзовой пластинки, являвшейся, вероятно, частью какого-то украшения.

Таким образом, бронзовые украшения из «домика мертвых» позволяют датировать его в широких пределах третьей четвертью I тысячелетия н. э., чему не противоречит керамический материал. Для более узкой датировки пока нет оснований. Такая дата для позднего памятника дьяковской культуры не является неожиданной. Многочисленные наблюдения при раскопках последних десятилетий на городищах этого типа показывают, что жизнь на них не прекращается в середине I тысячелетия н. э., как это считалось ранее. Само отсутствие в Волго-Окском междуречье славянских памятников моложе X—XI вв. косвенно указывает, что многие дьяковские памятники должны иметь значительно более позднюю верхнюю дату.

В «домике мертвых» найдено три грузика «дьякова типа», два целых и один фрагментированный. Целые грузики (рис. 5, 4—5), по классификации К. А. Смирнова принадлежит к типу 1, который характерен для поздних слоев дьяковских городищ¹⁶. Фрагментированный грузик (рис. 5, б) имел более удлиненные пропорции, его поверхность украшена отпечатками зубчатого штампа, идущими полосами параллельно основанию. Целые грузики, как уже отмечалось, были найдены на возвышении слева от входа в постройку, фрагментированный — в северо-восточной ее части, где он лежал, вероятно, на деревянной конструкции с остатками сожженного.

Эти находки в погребальном сооружении еще раз подтверждают мысль о ритуальном назначении грузиков¹⁷.

Миниатюрные сосудики, два из которых были найдены вместе с целыми грузиками и один — на месте очага, не отличаются от известных на других дьяковских поселениях, главным образом в их поздних слоях (рис. 5, 7-9).

Прямых и полных аналогий рассмотренному сооружению со всем его комплексом погребального обряда в известном археологическом материале нет. Наиболее близким является «домик мертвых» на Березняков-

¹⁴ Горюнова Е. И. Этническая история. . . , с. 119, 120, рис. 56, 7.

¹⁵ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. — СПб., 1901, 25, табл. XXVI, рис. 10.

¹⁶ Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» С Троицкого городища. — МИА, 1971, № 184, с. 81—83, рис. 1, 1.

¹⁷ Смирнов К. А. К вопросу о назначении грузиков «дьякова типа». — СА, 1961, № 3.

ском городище. Однако отсутствие в Березняках погребений в урнах и под перевернутыми сосудами, а также детали устройства не позволяют считать идентичными эти в общем очень близкие погребальные сооружения.

Не приводя здесь развернутой аргументации ввиду ограниченных рамок статьи, отметим, что в погребальном обряде и инвентаре «домика мертвых» под Звенигородом достаточно явственно могут быть прослежены элементы различных культур — финно-угорской, очевидно, местной, и западной, вероятно, балтской, может быть, уже осложненной славянским влиянием. К элементам финно-угорской культуры следует отнести конструкцию «домика мертвых», срубную, а не столбовую, характерную для более западных областей, керамику и бронзовые украшения, которые находят ближайšie аналогии именно в финно-угорских землях. Может быть, финно-угорским можно считать и обычай класть на остатки сожжения обломки разбитых сосудов, как это было прослежено в некоторых погребениях Борковского, Лядинского, Подболотьевского, Максимовского могильников¹⁸. Впрочем, такой обычай известен и в погребениях значительно более западных районов. К западным элементам следует отнести помещение урны с остатками сожжений или самих сожжений под опрокинутый вверх дном сосуд, на который иногда клался камень, погребения в урнах. В свете имеющихся данных о многих западных элементах в материальной культуре дьяковского населения и о распространении в западной части Волго-Окского междуречья древних балтийских гидронимов такое смешение западных и восточных элементов в «домике мертвых» на городище близ Звенигорода представляется вполне объяснимым. Однако население, оставившее этот памятник, по нашему мнению, следует все-таки считать финно-угорским. Обитатели городища хоронили умерших в погребальном сооружении, воспроизводящем тип жилого дома, отличающегося по конструкции от столбовых построек восточных балтов, употребляли посуду, аналогичную той, которая бытовала в более восточных районах финно-угорской территории, не подвергшейся балтскому влиянию, их женщины носили типичные финно-угорские украшения. Западное, балтское влияние, свидетельствующее о прочных и уже длительных контактах, вероятно, об определенном смешении двух этнических компонентов, проявляется в некоторых деталях погребальной обрядности. Слишком переоценивать его вряд ли возможно.

Что касается трупосожжений на стороне с последующим перенесением на место захоронения небольшой части кремаций вместе с остатками погребального костра, а также сооружений особого погребального «домика», куда помещались останки умершего и который мог находиться на поверхности земли, ставиться на могилах или скрываться в курганных насыпях, то эти общие признаки погребальной обрядности в I тысячелетии н. э. были широко распространены в Европе и за ее пределами,

¹⁸ *Спицын А. А.* Древности..., с. 13, 91; *МАО*, 1914, 25, с. 90; *Ястребов Н. А.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии.—*МАР*, т. 10. СПб., 1893, с. 89.

в самых различных культурах и в различной этнической среде. В различных районах изредка встречаются и случаи расположения погребений на местах поселений.

«Домик мертвых» на городище близ Звенигорода вряд ли функционировал длительное время. Никаких следов его перестройки проследить не удалось, комплекс встреченной здесь керамики очень однороден, бронзовые украшения принадлежат к типам, бытовавшим одновременно. Сама же постройка вряд ли могла просуществовать более полустолетия. Количество погребений позволяет предполагать, что «домик мертвых» был усыпальницей¹⁹ всех жителей поселка, составлявших большую семью или патронимию.

Относительно погребального сооружения на Березняковском городище в свое время были высказаны соображения, что этот памятник не был местом захоронения всех жителей поселка, что здесь погребались только «наиболее почитаемые члены родовой общины». Это аргументировалось результатами антропологических определений кальцинированных костей из березняковского «домика мертвых» и исключительностью самого погребального сооружения²⁰. Нам представляется, что это положение не может быть применено к «домику мертвых» на городище под Звенигородом. Вряд ли оно справедливо и для березняковской коллективной усыпальницы. Мнение о том, что в ней были обнаружены «остатки 5—6 захоронений»²¹, вряд ли является правильным. Ведь определение количества людей, захороненных в березняковском «домике мертвых», производилось по массе кальцинированных костей, останки отдельных человеческих особей не выделялись, да это и невозможно было сделать. Только с этой точки зрения антрополог Г. И. Петров писал, что в березняковском погребальном сооружении найдены останки «не менее (подчеркнуто нами. — Ю. Н. К.) 5—6 человек», хотя точное число определить не представилось возможным, а сам П. Н. Третьяков отметил, что, «вероятно, их было значительно больше»²². Действительно, можно предположить, что в березняковскую усыпальницу, как и в рассмотренный нами «домик мертвых», переносилась лишь небольшая часть кальцинированных костей. Это достаточно характерно для трупосожжений в финно-угорских могильниках.

По описанию П. Н. Третьякова, в северной части березняковского «домика мертвых» кальцинированные кости лежали в виде целого скопления длиной 1,7 м, шириной 0,20—0,25 м и толщиной 0,05—0,07 м²³. Возможно, и здесь имелись какие-то деревянные конструкции, в результате разрушения которых отдельные скопления кальцинированных костей оказались смешанными. В южной части сооружения было также обнару-

¹⁹ Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов. — Учен. зап. науч.-исслед. Ин-та народов советского Востока (М.), 1931, вып. II; *Он же*. Семейная община и патронимия. М., 1963.

²⁰ Третьяков П. Н. К истории племен, с. 60; Горюнова Е. И. Этническая история. . . , с. 75, 82.

²¹ Горюнова Е. И. Этническая история. . . , с. 70.

²² Третьяков П. Н. К истории племен. . . , с. 117.

²³ Там же.

жоно скопление кальцинированных костей, лежащих «не сплошным слоем, а семью отдельными кучками»²⁴. На плане «домика мертвых», опубликованном П. Н. Третьяковым, такие же скопления указаны и в средней части постройки, причем здесь их было не менее десятка²⁵. Возможно, каждое скопление представляло собой остатки отдельного сожжения. Количество найденных в погребальном сооружении вещей — пять топоров, четыре ножа, две железных пряжки, ажурная бляха и три других украшения, несколько неопределенных железных предметов — также может говорить о наличии здесь значительного количества захоронений.

Но если рассмотренные «домики мертвых» являлись обычными погребальными сооружениями для жителей западнодьяковских городищ по крайней мере в поздний период их существования, то почему таких сооружений известно пока только два, несмотря на многочисленные раскопки дьяковских поселений, часть из которых изучена полностью? Вероятно, погребальные «домики» далеко не всегда ставились на территории поселений. Более того, такое расположение их было, скорее, исключением. Судя по этнографическим данным и топографии расположения обычных грунтовых и курганных могильников можно думать, что обычно они находились вне поселений. Поэтому-то они и не попадают пока в поле зрения археологов.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 31.

ПОЗДНЕДЬЯКОВСКИЕ НАХОДКИ НА ЖУКОВСКОМ СЕЛИЩЕ ПОД МОСКВОЙ

А. Г. Векслер

Несмотря на большие раскопки, проведенные в последние два десятилетия на москворецких городищах дьяковской культуры, изучение ее позднего этапа не может считаться завершенным. По-прежнему существует полутысячелетний временной разрыв между распространенной верхней датой дьяковской культуры и временем появления славян на территории Москворечья. Гипотетическое объяснение такого hiatus — переход поздних дьяковцев с городищ на селища в связи с изменением хозяйственного уклада^x. Однако фактический материал для подкрепления такой гипотезы пока явно недостаточен: исследования дьяковских селищ до сих пор почти не проводились. Тем больший интерес представ-

¹ Бадер О. Н. Материалы к археологической карте Москвы. — МИА, 1947, № 7, с. 159; Смирнов К. А. Дьяковская культура. — В кн.: Дьяковская культура, М., 1974, с. 79.

ляют раскопки селища у дер. Жуковка в Одинцовском р-не Московской области, расположенного на коренном правом берегу р. Москвы, к северо-западу от известного Барвихинского городища². В 1965—1967 гг. Музеем истории и реконструкции Москвы здесь были проведены раскопки широкой площадью (960 кв. м). Полученные материалы — вещевые находки и керамика — составляют хронологические комплексы первых веков н. э., середины и второй половины I тысячелетия н. э., начала II тысячелетия н. э. Эти комплексы на разных участках селища располагались неравномерно.

Культурный слой лучше всего сохранился в северо-западной части селища, где его толщина достигала 1,2 м. Здесь четко прослеживался горизонт сооружения второй половины I тысячелетия н. э., т. е. периода, наименее изученного на территории Подмоскovie. Это сооружение располагалось на мысу (отмечено в раскопах 1, 2, 5). Верхняя его граница первоначально обозначалась по контуру полосой угля. Ниже был расчищен развал деревянной сгоревшей стенки — два ряда обугленных плах, вкопанных вертикально, и при этом несомненно, соединенных горизонтальными конструкциями. В одной из сгоревших плах оказался железный двушинный черешковый наконечник стрелы (рис. 1, 7). Это позволяет предполагать, что пожар был вызван нападением врагов. Под развалом остатков постройки в материке была обнаружена кольцевая канавка со специально выровненным дном шириной до 40 см и глубиной до 30 см. На ее дне прослежены остатки обгоревших столбов. Канавка со столбами четко обозначила контур круговой постройки диаметром около 12 м, которая из-за растущих над центром сооружения больших сосен не была изучена полностью. Это не позволяет определенно решить, каков был характер сооружения. Однако круговая планировка, значительные размеры столбового сооружения, местоположение на мысу приводят к мысли, что оно могло быть языческим святилищем. На широкое распространение жертвенных мест такой формы у древних финно-угорских племен указывали А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова³. Мысовое круглое святилище исследовано И. Г. Розенфельдт на городище Старая Рязань⁴. Конструктивные детали ограды рассматриваемой постройки находят аналогии в святилище на городище у дер. Городок⁵.

Круглое столбовое сооружение на Жуковском селище стояло прямо на материке. Этот участок не имел более ранних напластований, а от последующих сооружение отделяла стерильная прослойка супеси.

В основании непотревоженного слоя постройки обнаружен ряд датирующих находок, среди которых интересна сердоликовая круглая монето-видная бусина, битрапецевидная в разрезе, со скошенными гранями

² Селище было обнаружено в 1965 г. школьником А. Станюковичем, членом Клуба юных археологов при Музее истории и реконструкции Москвы.

³ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. — САИ, 1965, Д1 — 14, с. 13.

⁴ Розенфельдт И. Г. Северный мыс городища Старая Рязань. — Археология рязанской земли. М., 1974, с. 111.

⁵ Третьяков П. #., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, с. 27.

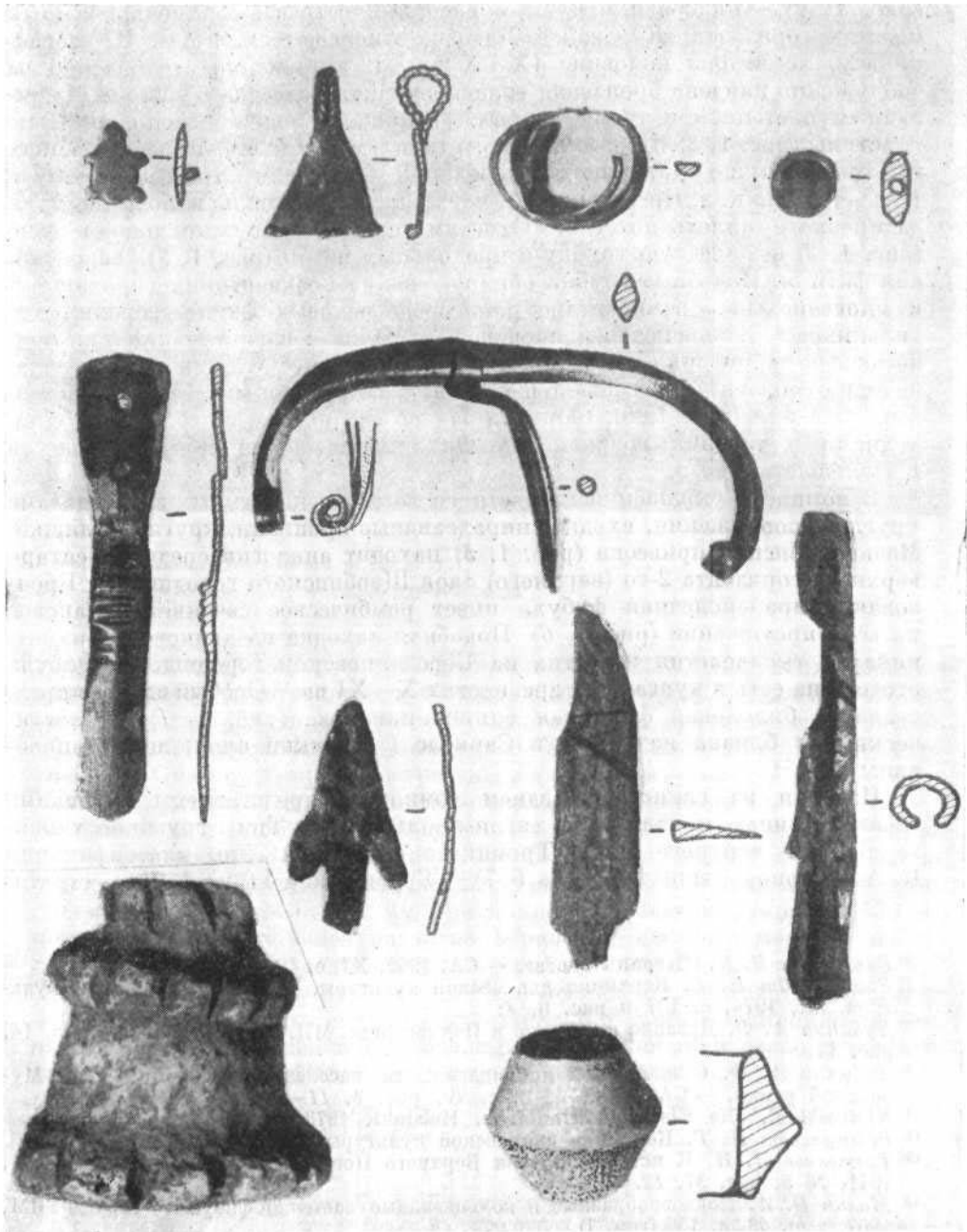

Рис. 1. Находки из раскопок Жуковского селища

(рис. 1, 4). Аналогичные бусы в изобилии встречены в ненарушенных пластах горизонта «Д» Старой /Ладоги, относящегося, по В. И. Равдоникасу, ко второй половине IX — X вв.⁶ В заполнении столбовой ямы сооружения найдена бронзовая трапециевидная подвеска с ушком, оформленной плетенкой и тремя парными шариками ложной зерни по краю пластины (рис. 1, 2). Подвески такого типа в верхних слоях московецких городищ обычно датируются серединой — началом третьей четверти I тысячелетия н. э. По материалам могильников возможна и более поздняя датировка — вплоть до X в.⁷ Отметим также медное спиральное кольцо (рис. 1, 3) и железную трубку с продольным пазом (рис. 1, 9), вероятно, для фитиля. Подобные трубки обнаружены на московецких городищах и многочисленны в инвентаре раннесредневековых финно-угорских могильников.⁸ В слое позднедьяковского времени — в сооружении и на прилегающей территории селища — найдены ножи нескольких типов. Обращает на себя внимание небольшой нож с закругленным лезвием, срезанным у острия (рис. 1, 8). Форма и размер его полностью совпадают с находками в древних могильниках Финляндии начала третьей четверти I тысячелетия н. э.⁹

В комплекс украшений из цветного металла, найденных за пределами круглого сооружения, входят спиралевидные пронизки, круглые бляшки. Медная поясная привеска (рис. 1, 5) находит аналогии среди инвентаря верхнего горизонта 2-го (верхнего) слоя Щербинского городища¹¹. Бронзовая спиралеконечная фибула имеет ромбическое сечение, одинаковое на всем протяжении (рис. 1, б). Подобная находка на дьяковских памятниках I тысячелетия известна на Березняковском городище¹². Фибула этого типа есть в курганных древностях X—XI вв.¹³ Особый интерес представляет билонная фигурная бляшка-накладка (рис. 1, 1). Стилистически она близка находкам в Саркеле (хазарский слой) первой половины Хв.¹⁴

Изделия из глины в позднем комплексе представлены грузиками «дьякова типа», пряслицами, тиглями, льячками. Типы грузиков характерны для верхнего слоя Троицкого городища (по классификации К. А. Смирнова, типы 1, 2, 4, 5а, 6, 7)¹⁵. Грузик типа 4 (рис. 1, 10) — страти-

⁶ Равдоникас В. И. «Старая Ладога». — СА, 1949, XI, с. 40. -

⁷ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. — В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 107 и рис. 6, 4.

⁸ Дубинин А. Ф. Древние поселения в Подмоскowie. МИА, 1970, № 156, табл. 14, рис. 11.

⁹ Дубинин А. Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли. — СА, 1966, № 3, с. 70, рис. 3, 11—14.

¹⁰ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, N 371.

¹¹ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры, с. 105, рис. 5, 3.

¹² Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. — МИА, 1941, № 5, рис. 37, 12.

¹³ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. — Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 156 (тип. 7).

¹⁴ Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. — МИА, 1958, № 62, рис. 35.

¹⁵ Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища. — МИА, 1971, № 184, с. 85.

Рис. 2. Керамика Жуковского селища
1—3 — лощеная; 4 — гладкостенный грубый сосуд

графически наиболее поздний. Биконические пряслица, отличающиеся тщательностью изготовления и четкостью профилировки, одно из которых (рис. 1, 72) найдено внутри описанного выше круглого сооружения, обычны для смоленских памятников второй половины I тысячелетия н. э. Они неоднократно встречены в длинных курганах у дер. Слобода Глушица, датируемых последней четвертью I тысячелетия н. э.¹⁶ Большинство тиглей и льячек найдено в яме с отходами металлургического производства на северном участке селища, вырытой в материке (раскоп IV, яма № 1). Обнаруженные в ней крупные тигли с внутренним объемом ковша 63x55x60 мм при длине желобчатой рукоятки 130 мм показывают значительное развитие обработки цветного металла на селище. Такие тигли характерны для второй половины I тысячелетия н. э.¹⁷ В той же яме найдены характерные для позднего дяковского комплекса лощеные горшковидные сосуды тюльпановидной формы, с широким устьем, отогнутым наружу венчиком, расширенным туловом и резко суженным дном (рис. 2, 1—2). Подобные сосуды на Троицком городище относятся к верхнему горизонту верхнего культурного слоя, который датируется И. Г. Розенфельдт VI-VII вв.¹⁸

¹⁶ Третъяков П. #., Шмидт Е. А. Древние городища. . . , с. 186, 187.

¹⁷ Розенфельдт. Р. Л. Новые находки на городищах железного века у г. Подольска. — СА, 1972, № 2, с. 195.

¹⁸ Розенфельдт И. Г. Керамика Троицкого городища. — МИА, 1971, № 184, с. 25, рис. 7, 8, 10, с. 78.

Еще одна керамическая находка связана с обрядом жертвоприношения животных. На юго-западном краю селища (раскоп IX) в материковой яме был найден перевернутый вверх дном лощепый сосуд (рис. 2, 3), близкий по форме уже описанным, но значительно больший по размерам (высота 22 см, диаметр венчика 24 см, диаметр днища 12 см). Им был накрыт другой сосуд меньших размеров, гладкостенный, с ямочными вдавленными по краю венчика и пояском орнаментальной насечки на плечиках (рис. 2, 4). В этом сосуде лежали челюсть и кости коня (определение В. И. Цалкина). Покрытие урны другим сосудом — древний средне-европейский обряд, нередко встречающийся в длинных курганах¹⁹. На Саввино-Сторожевском городище близ Звенигорода известен поздне-дьяковский «домик мертвых», где зафиксирован обряд покрытия урны перевернутым крупным сосудом. Авторы раскопок датировали это погребальное сооружение VI—VII вв. н. э.²⁰

Описанные выше находки в круглом сооружении и прилегающей площади Жуковского селища, а также лощеные сосуды из ям относятся к позднему этапу дьяковской культуры, соответствуя IV этапу ее развития, по периодизации И. Г. Розенфельдт²¹. Первоначально селище существовало с соседним Барвихинским городищем. Но если городище было оставлено около середины I тысячелетия н. э.²², то на селище жизнь продолжалась еще в течение долгого времени.

¹⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, с. 284.

²⁰ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. «Домик мертвых» на городище дьяковского времени. — АО 1966 г. М., 1967, с. 36.

²¹ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры, с. 189—191.

²² Латышева Г. П. и Розенфельдт И. Г. Барвихинское городище. — КСИА, 1964, вып. 102, с. 88, 89.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПОЗДНЕДЬЯКОВСКИХ ПЛЕМЕННЫХ УКРАШЕНИЙ

И. Г. Розенфельдт

Среди позднедьяковских украшений особого внимания заслуживают те категории предметов, полные аналогии которым вне ареала дьяковской культуры практически отсутствуют. Эти украшения могут рассматриваться как местные. К ним относятся в первую очередь бронзовые шумящие украшения-серьги или височные привески своеобразного облика (рис. 1). Они происходят с 13 памятников (всего 33 экз.), расположенных в западной части Волго-Окского междуречья. Это городища: Санниковское (1 экз.), Троицкое (3 экз.), Саввино-Сторожевское (2 экз.), Кунцевское (2 экз.), Барвихинское (1 экз.) Дьяково (1 экз.) Луковня (7 экз.), Щербинское (5 экз.), Боровский курган (5 экз.), Огубское (1 экз.) и

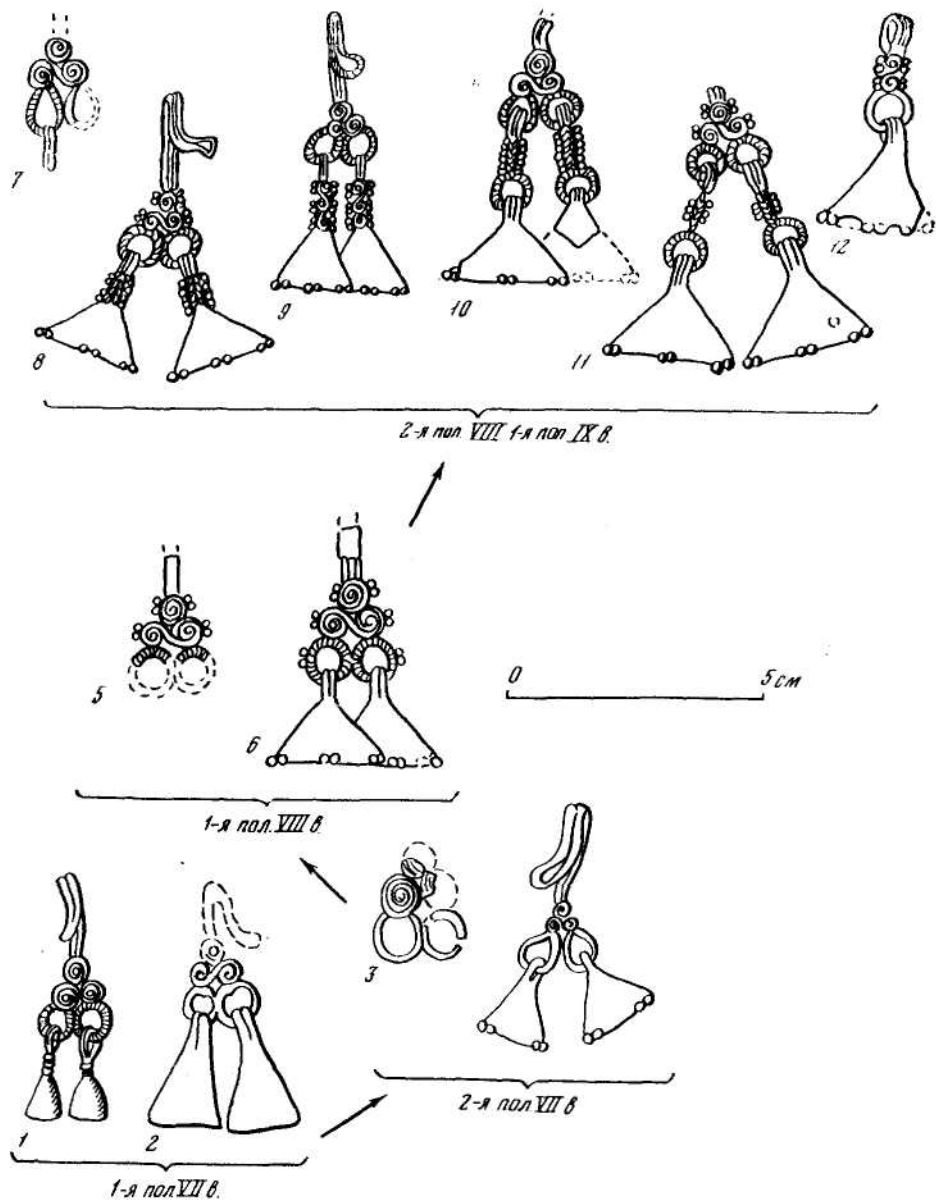

Рис. 1. Эволюция одного из типов позднедьяковских серег
 1 — Щербинское городище; 2 — Троицкое городище; 3, 4 — городище Круглица; 5 — место находки не известно; 6 — Дьяково городище; 7 — Огубское городище; 8 — Кунцевское городище; 9 — Варвихинское городище; 10, 11 — городище у быв. Саввино-Сторожевского монастыря; 12 — Санниковское городище

селище Кривое озеро (1 экз.). Известен 1 экз. без указания точного места находки, происходящий с территории Московской, Рязанской или Тульской областей.

Большая часть находок представлена целыми или почти целыми экземплярами. Так как все они происходят из культурных слоев поселений, трудно судить о том, как они использовались в уборе. Отметим, однако, что аналогичная конструкция дужек встречена только на одном виде украшений — на позднедьяковских умбоновидных привесках, которые на основании парных находок в кладах некоторыми исследователями относятся к категории височных подвесок¹. Их происхождение обычно связывается с древнейшими серьгами скифского типа². Сходство конструкции дужек позволяет говорить об одинаковом назначении обоих видов украшений. Рассматриваемые шумящие украшения, отличающиеся несколько более высокими дужками, иногда также встречаются попарно. На Троицком городище, например, найдено совместно два одинаковых украшения, дужки которых повернуты в разные стороны³. Это позволяет допустить их использование в качестве серег. В пользу такого предположения говорит и некоторое сходство в конструкции дужек с серьгами скифского типа⁴. Может быть, в некоторой степени и условно такие шумящие украшения мы будем называть серьгами, что позволит терминологически отделить эти особые изделия от височных колец и подвесок, также встречающихся на позднедьяковских памятниках.

Все рассматриваемые украшения изготовлены способом сложного литья по восковой модели, который широко применялся у позднедьяковского населения. Литейные формы для их изготовления встречены при раскопках городища Щербинское, Боровский курган, Топорок.

По конструкции серьги близки в общих чертах, но различаются характером деталей и их оформлением. Каждое украшение состоит из щитка, от основы которого вверх отходит высокая дужка с повернутым в сторону краем. Кончик дужки либо оформлен в виде слегка расширенной лопасти, либо несколько заострен. В нижней части основы щитка имеются кольца, к которым посредством ушка или при помощи соединительных цепочек крепятся шумящие привески. Щитки, привески и цепочки разнообразны как по форме, так и по составу и характеру украшающих их деталей. Те и другие бывают простыми и усложненными. Последнее особенно касается привесок. Наиболее простые из них завершались ушком (петлей), соединявшимся с кольцами щитка либо непосредственно, либо через подвижную фигурную цепь. Более сложные привески имели между лопастью и петлей неподвижную фигурную перемычку, как бы заменяющую цепь, а скреплялись с кольцами щитка также через ушко. Орнаментация серег односторонняя, производилась только по лицевой сто-

¹ Дубинин А. Ф. Клад Щербинского городища. — КСИА, 1967, вып. 112, с. 103; Сабурова М. А. Реконструкция женского убора по материалам Щербинского городища. — КСИА, 1967, вып. 112, с. 106.

² Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. — Дьяковская культура. М., 1974, с. 100; Дубинин А. Ф. Щербинское городище. — Там же, с. 232.

³ Дубинин А. Ф. Троицкое городище Подмосковья. — СА, 1964, № 1, рис. 11, 8, 9.

⁴ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, с. 172.

роне. Дужки серег обычно также вывернуты на лицевую сторону и орнаментированы. Длина изделий варьирует в пределах 3,5—8 см.

Среди этих украшений выделяются разные типы, а внутри типов — разновидности. Выяснилось, что различия между серьгами, отнесенными к одному типу, носят хронологический характер. Покажем это на примере серии из 12 предметов, которые на основании общей формы основы щитка отнесены к одному типу. Сохранность их различна: в 8 случаях серьги сохранились полностью, в 3 случаях — только щиток, в одном случае — только цепь и привеска. Основа щитка серег рассматриваемого типа состоит из трех спиралей, две из которых соединены и образуют волюту, а третья, дополняя ее, формирует треугольную форму основы. Отходящие от основы два кольца обычно рубчатые (8 случаев из 11 сохранившихся щитков), но встречаются и гладкие (3 случая).

Привески серег бывают трех вариантов. К первому варианту относятся колокольчатые конические миниатюрные привески с ушком, имеющим короткий витой стержень (1 экз., рис. 1, 7). Вариант 2 — пластинчатые привески в виде вытянутых треугольников (основание их меньше высоты), с ушком на вершине (1 экз., рис. 1, 2). Привески этих вариантов посредством ушка связаны непосредственно с кольцами щитка. В одном случае кольца гладкие (серьга с привесками варианта 2), в другом — рубчатые (серьга с привесками, варианта 1). К варианту 3 относятся привески в виде низких треугольников с основанием больше высоты, украшенным зернью⁵, сгруппированной по 2 шарика (7 экз.). В одном случае (у серьги с гладкими кольцами щитка) таких групп зерни две — только на углах основания привески (рис. 1, 4), в остальных привески имеют по три группы зерни, расположенные в углах и на середине основания (рис. 1, 6, 8—12). Скрепление привесок варианта 3 с кольцами щитка производилось тремя способами: а) через простое ушко привески (рис. 1, 4, 6); б) через ушко, завершающее неподвижную фигурную перемычку привески, оформленную плетенкой (рис. 1, 8) или выложенными в линию волютами (рис. 1, 9). По обе стороны перемычки группками по два шарика расположена зернь; в) через подвижную цепь, состоящую из одного звена, представляющего собой фигурный стержень из плетенки или волют и зерни (рис. 1, 10—12), оформленный так же, как стержни у описанных выше привесок, и с двух сторон завершающийся неподвижными кольцами.

Некоторые серьги рассматриваемого типа украшены зернью также и по щитку, где она оформляет основу или кольца. Из 11 сохранившихся щитков зернь прослежена на четырех. Во всех случаях шарики зерни сгруппированы по два так же, как на основаниях привесок варианта 3, на фигурных их стерженьках и соединительных цепочках.

Серьги рассматриваемого типа укладываются в эволюционный ряд, в котором все изменения от звена к звену происходят в едином направлении — от простых форм щитка, способа соединения с привеской и самой привески — к усложненным формам всех этих деталей (рис. 1). Каждое звено отличается от последующего определенным стилем оформления

⁵ Речь идет о ложной зерни, получаемой при отливке по восковой модели.

предметов. Анализ последовательных звеньев эволюционного ряда показывает развитие этого стиля. Поэтому предметы, объединенные в одно звено, рассматриваются нами как одновременные, а различия в звеньях эволюционного ряда как хронологические. Для абсолютной датировки отдельных разновидностей серег можно использовать аналогии тем или иным их деталям, так как полных аналогий целым украшениям на памятниках других культур нет. Этому способствуют и некоторые данные о стратиграфическом соотношении находок на дьяковских памятниках. Таким образом, можно обосновать и время бытования изделий, объединенных в основных звеньях эволюционного ряда. Выявившаяся закономерность последовательного типологического развития серег позволяет соответственно разместить хронологически и те звенья, которые не датируются по аналогиям или стратиграфически.

Выделяются четыре таких последовательных звена. Первое, начальное звено (2 экз.), включает серьги, наиболее простые по форме и конструкции. Они происходят с Троицкого⁶ (рис. 1, 2) и Щербинского (рис. 1, 1)⁷ городищ. У этих серег от основы щитка строгой формы отходят вверх дужка, орнаментированная одной продольной бороздой, а вниз — два кольца, гладкие или рубчатые, с которыми посредством петли соединены пластинчатые привески вытянутой треугольной формы без зерни на основании или колокольчатые привески с петелькой. На дьяковских памятниках, по нашим наблюдениям, стратиграфически наиболее ранними являются колокольчатые привески без ушка, с отверстием наверху. Они встречаются в составе сложных украшений не позднее VI в.⁸ На этом основании украшения с колокольчатыми привесками, имеющими петельку, можно относить к последующему времени, к первой половине VII в. Серги с пластинчатыми привесками вытянутой треугольной формы, по-видимому, одновременны им.

Второе звено эволюционного ряда включает серьги с городища Круглица⁹ (2 экз.; рис. 1, 3, 4). Щиток и тип связи с привесками у них остаются прежними. Изменение происходит в типе привесок. При сохранении треугольной формы они становятся более низкими, а в углах основания появляется зернь — 2 группки по 2 шарика. Типологические различия, связанные с усложнением привесок, позволяют отнести эти серьги к более позднему времени — второй половине VII в.

Третье звено включает одну целую серьгу с Дьякова городища, происходящую из сборов краеведов (рис. 1, б), и одну фрагментированную серьгу (рис. 1, 5), место находки которой точно не известно¹⁰. Они отли-

⁶ Дубыник А. Ф. Троицкое городище. — МИА, 1970, № 156, рис. 18, 7.

⁷ Дубыник А. Ф., Розенфельдт И. Г. Раскопки Щербинского городища в Московской области в 1963 г. — КСИА, 1966, вып. 107, рис. 40, 4.

⁸ А. К. Амброз при анализе окских древностей относит колокольчики без петли к VI, а с петелькой — к VII в. (Амброз А. К. Хронология раннеердневековых древностей Восточной Европы V—IX вв. Рукопись докт. дис. — Архив ИА АН СССР, р. 2, д. 2142, 2142а, табл. 81, рис. 15-18).

⁹ Раменский район Московской области. Сборы В. А. Городцова (ГИМ) и раскопки Л. И. Пимакина (Раменский краеведческий музей).

¹⁰ ГИМ, Коллекция Самгина (Московская, Тульская или Рязанская области).

чаются новым стилем в оформлении щитка. Дужка здесь орнаментирована не одной, а двумя продольными линиями. Этот признак устойчиво сохраняется у серег последующего времени. На основе щитка появляются двойные шарики зерни по краям волют и спиралей. Это первоначальный момент появления двойных шариков зерни в сочетании с волютами. Группки из двух зерен появляются также и по краям рубчатых колец щитка. Привески, как и в более ранних разновидностях, подвешиваются непосредственно к кольцам щитка. Сами привески приобретают четкую форму низких треугольников с тремя группками двойных шариков зерни в основании: по углам и посередине. Такое оформление основания подвески с этого момента становится устойчивым и обязательным для всех последующих по времени серег этого типа.

Серьги третьего звена эволюции являются результатом постепенного типологического изменения серег предшествующих двух звеньев и соответственно должны быть датированы временем после VII в. Верхний хронологический предел для них — вторая половина VIII в. — определяется датировкой предметов последующего звена эволюции, обоснованного, как будет показано ниже, достаточно прочно. Это звено отражает период завершения развития определенного типа «короткой» серьги. Характер оформления деталей серег получает дальнейшее развитие, сами же «короткие» серьги в последующее время выходят из моды.

Четвертое, завершающее, звено эволюционного ряда включает 6 экз. серег (рис. 1,7—12), происходящих с городищ Барвихинского (1 экз.)¹¹, Кунцевского (1 экз.)¹², Саввино-Сторожевского (2 экз.)¹³, Огубского (1 экз.)¹⁴ и Санниковского (1 экз.)¹⁵. По форме и деталям щитков и лопастей привесок эти серьги соответствуют образцам предшествующего звена. Наряду со щитками, украшенными зернью, встречены экземпляры и без нее. В одновременности их нет сомнений, так как известны совместные находки серег с такими щитками (Саввино-Сторожевское городище). Новым признаком, отличающим серьги этого звена от предшествующих, является усложнение приемов связи щитка с привесками. Она осуществлена либо через подвижную цепь, состоящую из одного звена в виде стержня из слитых фигурных деталей с неподвижными кольцами на концах, либо посредством ушка самой привески. При этом само ушко отделяется от лопасти привески неподвижным стержнем из аналогичных фигурных деталей. Такая конструкция серег привела к значительному увеличению их размеров. Именно с этого времени распространяются и в дальнейшем входят в моду «длинные» серьги, а «короткие» уже не встречаются. Обязательным признаком рассматриваемых серег является присутствие волют или плетенки и зерни (двойные шарики) в составе их дета-

¹¹ Латышева Г. П., Розенфельдт И. Г. Раскопки Барвихинского городища. — КСИА, 1964, вып. 102, рис. 31, 1.

¹² Векслер А. Г. Террасы Кунцевского городища. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, рис. 2, 7.

¹³ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» с. 145, рис. 5, 1, 2 (статья в настоящем сборнике).

¹⁴ Хранятся в ГИМ.

¹⁵ Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге. — МИА, 1950, № 13, рис. 24, 1.

лей. Если зернь отсутствует на щитке, она непременно есть в соединительных звеньях и всегда сочетается либо с волютами, либо с плетенкой.

Дата серег этого звена определяется внешними аналогиями. Отсутствие полностью сходных изделий на сопредельных территориях вынуждает к сопоставлению их по деталям. Прослеживаются черты сходства с другими по назначению (подвески к ожерелью, нагрудные и т. п.), шумящими украшениями финно-угорских племен: иногда в форме щитков, очень редко — в общей форме треугольных привесок (близких, но не аналогичных) и чаще всего — в характере связи между щитком и привеской, в оформлении щитков и соединительных звеньев (цепь или фигурный стержень на привеске между лопастью и петлей) путем сочетания в них волют, зерни и плетенки. Отдельные аналогии встречаются в салтовских памятниках. Наибольшее сходство проявляется с украшениями из памятников второй половины VIII — начала IX в.¹⁶ Этим временем и должно датироваться завершающее звено эволюции серег рассматриваемого типа.

Таким образом, анализ только одного типа серег показывает длительный период их распространения — с VII по IX в. Прослежена генетическая связь ранних и поздних разновидностей, их преемственность и последовательное типологическое развитие. Не имея возможности привести здесь соответствующую аргументацию, автор позволит себе сказать, что при классификации позднедьяковских серег в настоящее время выделяется 9 типов. Признаки серег рассматриваемого типа, которые рассматриваются как хронологические, согласуются с развитием серег других типов. Это позволяет говорить не только об этапах эволюции, но и об одновременном употреблении нескольких типов и вариантов серег, об их хронологических группах. Это свидетельствует о местном характере рассматриваемых изделий, постепенном изменении и длительности их бытования. Несмотря на некоторые общие элементы с ювелирными изделиями других финно-угорских племен, полностью аналогичные предметы вне ареала дьяковской культуры не встречаются.

Подвергавшиеся капризам моды, эти женские украшения отражали общий стиль, характерный для соседних областей того или иного времени, но при этом сохраняли своеобразие и самобытный облик. По-видимому, они являлись племенными украшениями позднедьяковского населения, которое в течение всей второй половины I тысячелетия н. э. продолжало жить в своих родовых поселках.

¹⁶ Томниковский могильник (Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941, табл. XV, рис. 3); Елизавет-Михайловский могильник, погр. 29 и 116 (Материальная культура среднедьяковской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969, табл. 27, 13; 43, 3); Плесенский могильник (*Оборин В. А.* Раскопки памятников раннего железного века в Верхнем Прикамье. — ВАУ, 1970 вып. 9, рис. 46, 7); Урьинский могильник погр. 1, 5, 29 (*Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. в Верхнем Прикамье. — ВАУ, 1970, вып. 9, рис. 46, 3, 10); *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднедомоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе. — ВАУ, 1970, вып. 9, табл. 18, 12; 21, 10); Варнинский могильник (*Семенов В. А.* Удмуртская экспедиция. — АО 1970 г. М., 1971, с. 168; *Он же.* Отчет Удмуртской археологической экспедиции за 1971 г. — Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4425, 4425а, рис. 4, 30; 6, 26); Салтовский могильник (*Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, рис. 47, 9).

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА СО ЩИТКОМ ИЗ КОШИБЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА И ВОПРОС О ВЗАИМОСВЯЗЯХ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН

Н. В. Трубникова

Среди многочисленных украшений, найденных в Кошибеевском могильнике, имеется небольшая группа однотипных предметов — бронзовых проволочных колец со щитками. Эти украшения близки по форме, по технике выделки и, что еще интересней, по условиям находок, деталям погребального обряда в могилах, в которых эти предметы обнаружены.

Рассматриваемые украшения имеют вид проволочного кольца диаметром 4—6,5 см, один конец которого расплюсчен и превращен в щиток, а другой закручен в виде спирали в полтора, два или в три оборота (рис. 1). Они чрезвычайно хрупки и в большинстве погребений сохранились в фрагментированном виде. Щитки украшены выбитыми с обратной стороны круглыми выпуклостями или пунктирным узором по краям и полосой по середине, иногда насечками. На некоторых экземплярах посередине имеется небольшое ребро. В тех случаях, когда эти отдельные орнаментальные мотивы соединены вместе, щитку как бы придается вид морды животного или змеи.

Исследователи, занимавшиеся Кошибеевским могильником, считают их одними из характернейших и оригинальных предметов, отличающих Кошибеевскую группу памятников, а следовательно, и определенный локальный вариант Городецкой культуры первых столетий н. э.

По форме щитка можно наметить три типа этих украшений. Одни из них имеют щиток в виде ромбической пластины (ромбощитковые). У других щитку придана форма вытянутого овала. Ряд исследователей, особенно за рубежом, называют их кольцами со щитком в виде ивового листа. Наконец, в третьем случае форма щитка приближается к треугольнику, повернутому вершиной к проволочному кольцу.

Рассматриваемые украшения найдены всего в 10 погребениях Кошибеевского могильника (погр. 12, 21, 26, 42, 50, 53, 58 из раскопок Спицына А. А. и погр. 21, 92, 95 из раскопок В. Н. Глазова). Имеются сведения о находках подобных украшений на Оке: в Шатрищенском и Борковском могильниках².

Судя по месту нахождения этих украшений в погребениях, назначение их было различным. Это отмечали и А. А. Спицын, и В. Н. Глазов. По-видимому, в одних случаях, они служили височными (заушными)

¹ *Ефименко П. П.* Рязанские могильники. — В кн.: Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926, с. 82-84.

² В архиве ГИМ хранятся фототаблицы с изображением этих предметов среди инвентаря Борковского могильника.

украшениями, в других — браслетами. Они были найдены на руках и рядом с костями рук, у правого плеча, у головы, у черепа за ушами. Впрочем, употребление одних и тех же предметов в различном назначении обычно для Кошибеевского могильника и характерно вообще для той эпохи. Например, фибулы и римскую шпору в Кошибеевском могильнике мы находим среди украшений головного убора. Мне представляется наиболее вероятным первоначальное употребление рассматриваемых предметов как височных и заушных украшений.

Обнаружены они исключительно в женских погребениях при общих чертах погребального ритуала. Могильные ямы, в которых они найдены, имели значительную длину: у погр. 92 и 21 — 2,5 аршина, все остальные — 3 аршина и более. Близкой оказывается и глубина захоронений — в среднем около $1\frac{1}{4}$ аршина в старых мерах. Близкие показатели дает ориентировка рассматриваемых погребений, в Кошибеевском могильнике чрезвычайно разнообразная. Из 10 погребений, содержащих украшения интересующего нас типа, 6 были ориентированы на юго-восток, два — на восток и лишь одно — на северо-восток. Все эти погребения, за исключением двух из раскопок В. Н. Глазова, расположены в центральной, наиболее старой части могильника, в группах могил А, Б, В³.

Рассмотренные черты погребального обряда характерны для II — III вв. н. э. Почти все погребения с височными кольцами со щитком относятся к числу богатых. В них были найдены нарядные головные уборы из бляшек и спиралей, большие бляхи на груди, на талии — пояса, распитые бронзовыми бляшками и спиральями, на шее — стеклянные золоченые бусы, бронзовые проволочные гривны одних и тех же типов, характерных также для II — III вв. н. э.

Интересующие нас украшения, большинство из которых, по-видимому, служили височными кольцами, имеют весьма примечательные аналогии. Подвески подобной формы появляются задолго до начала н. э. Во II тысячелетии до н. э. они известны в среднеднепровской культуре и в более западных культурах шнуровой керамики. Мы находим их в Приднепровье и в составе известного Киевского клада⁴, на Десне, в Чехословакии⁵ и некоторых областях Польши⁶. Этим предметам посвящена довольно большая литература, где разбираются формы вещей и детально описываются условия находок.

От этих ранних типов колец со щитком височные кольца Кошибеевского могильника отличаются незначительно: они более разнообразны по форме, особенно по форме щитков и их орнаментации.

Встает вопрос о допустимости подобных аналогий, разделенных большим пространством и промежутком времени. Но сходство формы, к тому

³Трубникова Н. В. К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника. — Труды ГИМ (М.), 1966, вып. 40.

⁴Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.

⁵Мовша Т. Г. Медные украшения из Киева. — КСИИМК, 1952, вып. 70, с. 94—99.

⁶Budínsky-kricka V. Pohrebisko s kulturou neskoréj šnurovej keramiky vo veselom. — In: Slovenska archeologia, t. XIII, 1, с. 51—106.

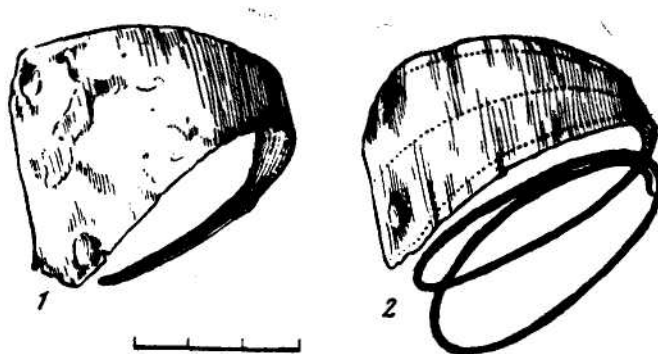

Рис. 1. Височные кольца со щитком из Кошибеевского могильника

же очень своеобразной, несомненно. Общеизвестно и наличие отдельных вещей гальштадского, латенского и более раннего времени в культурах Восточной Европы⁷. По-видимому, приходится согласиться, что ряд форм вещей сравнительно позднего времени, рубежа и первых столетий н.э., появляются очень рано, еще в эпоху бронзы, причем могут быть намечены пути их распространения, хотя промежуточные формы остаются пока неизвестными.

Как же объяснить появление височных колец со щитком у финно-угорских племен Поволжья в период времени, столь значительно отдаленный от эпохи их возникновения?

В настоящее время многие исследователи считают возможным выводить фатьяновскую культуру нашей средней полосы из культуры среднеднепровской, в памятниках которой имеются интересующие нас кольца со щитком. Если допустить продвижение фатьяновских племен на северо-восток, формирование затем на их основе различных групп поздне-фатьяновской культуры, то появление некоторых форм украшений, характерных для Приднепровья и Центральной Европы, получает некоторое объяснение. В некоторых районах Поволжья в эпоху I тысячелетия до н. э., возможно, продолжают существовать какие-то пока недостаточно нам известные группы потомков фатьяновских и абашевских племен. Таковы, например, племена культуры хула-сюче, в орнаментации керамики которых сохраняются фатьяновские элементы. Может быть, правомерно предположить, что какие-то группы носителей этой культуры сохранились в этих районах и позднее, окончательно слившись с финно-угорским населением лишь где-то около начала н. э. Описанные нами формы украшений Кошибеевского могильника и могут рассматриваться как вклад этого древнего населения в финно-угорскую культуру.

В этой же связи следует упомянуть имеющиеся в составе уже упоминавшегося Киевскогоклада серповидные гривны, близкие по форме распространенным в финно-угорских памятниках I тысячелетия н. э.

⁷ Мовша Т. Г. Медные украшения. . . ; Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. — СА, 1959, № 1, с. 30—51.

Любопытно, что у одной из этнографических групп чуваш Шумерлинского района до сих пор сохранились заушные украшения, воспроизводящие описанные нами древние формы подвесок, свидетельствующие о чрезвычайно глубоких и древних корнях и элементах их культуры.

ПОГРЕБЕНИЕ ЛИТЕЙЩИЦЫ ИЗ ПЯТОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

П.Н. Старостин, С.В. Кузьминых

В числе вновь открытых памятников на территории Нижнего Прикамья примечателен могильник у села Рождествено Лаишевского района ТАССР на правом берегу реки Мешы, получивший название Пятого Рождественского. В древней группе могил середины I тысячелетия н. э. представляет интерес погребение 33, изученное в 1970 г.

Могильная яма прослеживалась с глубины 0,30—0,33 м. На глубине около 0,35 м от поверхности расчищен костяк взрослого человека очень плохой сохранности, лежащий вытянуто на спине, головой на север. Около черепа найдено семь шаровидных синих стеклянных бус диаметром около 5 мм, по-видимому, составляющих ожерелье. В южной части могилы на глубине около 0,53 м обнаружен набор вещей, очевидно, положенных в берестяной туесок. Фрагменты его найдены под вещами. Среди находок — остатки кожаного пояса с эполетообразной застежкой, окр пленной в красный цвет (рис. 1, 4). Овальный умбон застежки с 16 шаровидными выпуклинами имел следы ремонта. Находки орнаментированных застежек известны в Нарманском, Усть-Брыскинском и Гремячкинском могильниках в Татарской АССР¹. Ремень был украшен тонкими бронзовыми фигурными накладками, а также халцедоновыми дисками. Аналогии поясу известны во многих могильниках азелинского типа.

Под поясом найдены фрагменты истлевшей одежды, сшитой из ткани и кожи и украшенной многочисленными тонкими спиральками-пронизками. Еще ниже обнаружены остатки бронзового пластинчатого нагрудника (рис. 1, 3). Промежутки между пластинами были сплошь заполнены мелкими цветными стеклянными бусами: катушкообразными темно-синими (69 экз.; рис. 2, 4); 14-гранной из бесцветного стекла (1 экз.); темно-синими 6-гранными, продолговатой формы (12 экз.; рис. 2, 5); шаровидными зелеными (3 экз.); красными пастовыми очень мелкими (38 экз.), темно-синими шаровидными (14 экз.). Определить систему расположения бус не представилось возможным из-за их плохой сохранности

¹ *Старостин П. Н.* Этнокультурные общности предболгарского времени Нижнего Прикамья. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Кавань, 1971, с. 41.

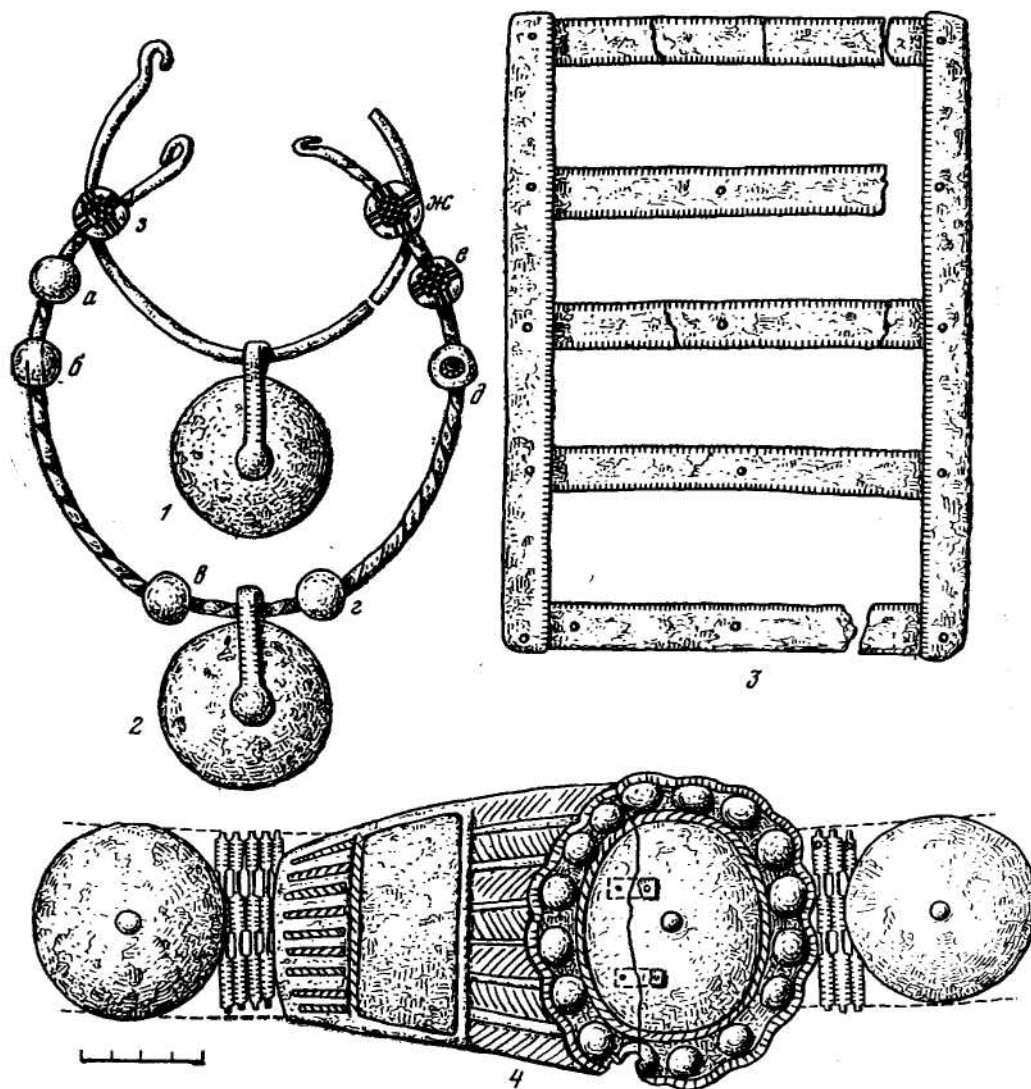

Рис. 1. Гривны (1—2) нагрудник (3) и детали пояса (4) из погр. 33 Пятого Рождественского могильника

Под эполетообразной застежкой найдено две гривны. Одна из них — витая с халцедоновым диском (рис. 1, 2). Концы гривны петлевидно загнуты, на нее напущено семь бусин: три красные пастовые шаровидные диаметром около 1,5 см (рис. 1, 2, а, в, г); одна бесцветная стеклянная шаровидная диаметром около 1,5 см (рис. 1, 2, б); одна красная пастовая шаровидная инкрустированная, диаметром 1,8 см (рис. 1, 2, д); три стеклянных многоцветных шаровидных диаметром 1,8 см (рис. 2, 2, з, ж, з).

К передней части гривны при помощи бронзовой обоймы прикреплен халцедоновый диск. Вторая гривна меньшего размера, из круглого дрота (рис. 1, 1). Один конец ее загнут в петлю, второй обломан. К середине гривны прикреплен халцедоновый диск.

Под гривнами лежали четыре бронзовых перевитых колечка с напускными синими и зелеными бусинками (рис. 2, 1, 6, 7), три бронзовые спиральные привески в виде знака вопроса, бронзовая литая кольцевая привеска с «узелками» (рис. 2, 2), бронзовая пластинчатая фигурная привеска-накладка (рис. 2, 3), бронзовое кольцо, по-видимому, от пряжки (рис. 2, 8).

В юго-западном углу могилы обнаружен набор инструментов. Среди них интересна миниатюрная четырехгранная железная наковаленка с расплюснутым верхним краем (рис. 2, 12). Рядом с ней лежали два железных молотка: миниатюрный с узким проухом (рис. 2, 10) и более массивный, с широким овальным отверстием для черешка (рис. 2, 13).

Под инструментами лежали деревянный гребешок (рис. 2, 11), две известняковые формы для отливки мелких фигурных бляшек и пластинок (рис. 2, 14) и остатки небольшого кожаного мешочка с металлической стружкой и мелкими пластинками. Последние были подвергнуты спектральному анализу в лаборатории Института археологии АН УССР. Результаты анализа (ан. 13633—13635а) показали (табл. 1), что кусочки металла состоят в основном из меди со значительным добавлением цинка (от 5 до 16%). Отмечено также повышенное содержание олова (до 0,1%), свинца (до 0,8%), мышьяка (0,4—0,5%), никеля (до 0,25%) и железа (до 0,8%). Это соответствует первому типу сплавов (латунь, томпак — Cu+Zn+Pb), по данным Е. Н. Черныха и Т. Б. Барцевой, когда цинка больше 1%, а олова меньше 0,3% при безразличном содержании свинца и серебра². Не вызывает сомнений, что рассмотренное захоронение принадлежит азелинскому типу, что подтверждается находками височных подвесок в виде знака вопроса, кольцевых привесок с напускными бусами и узелковых гривен с халцедоновыми дисками, пояса с эполетообразной застежкой и халцедоновыми дисками, нагрудника и т. д.

Антропологически определение костяка провести не удалось, так как он почти полностью ислел. По сопровождающему инвентарю можно предполагать, что погребение принадлежало женщине-литейщице. Подобные захоронения известны в азелинских могильниках Волго-Вятского междуречья (погр. 5 Суворовского могильника, раскопки В. Ф. Генинга³, погр. 45 могильника Тюм-Тюм, раскопки С. В. Ошибкиной⁴, а также в мордовских памятниках западного Поволжья⁵. Очевидно, женщины-

² Черных Е. Н., Бараева Т. Б. Сплавы цветных металлов. — В кн.: Металл черняховской культуры. — МИА, 1972, № 187, с. 58.

³ Генинг В. Ф. Азелинская культура. — ВАУ (Свердловск—Ижевск), 1963, вып. 5, с. 111.

⁴ Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4238.

⁵ Жиганов М. Ф. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша. — СА, 1959, № 1, с. 225, 226; Черников В. Ф. Желтухинский могильник. Поволжское археологическое совещание (тезисы докладов). Казань, 1974.

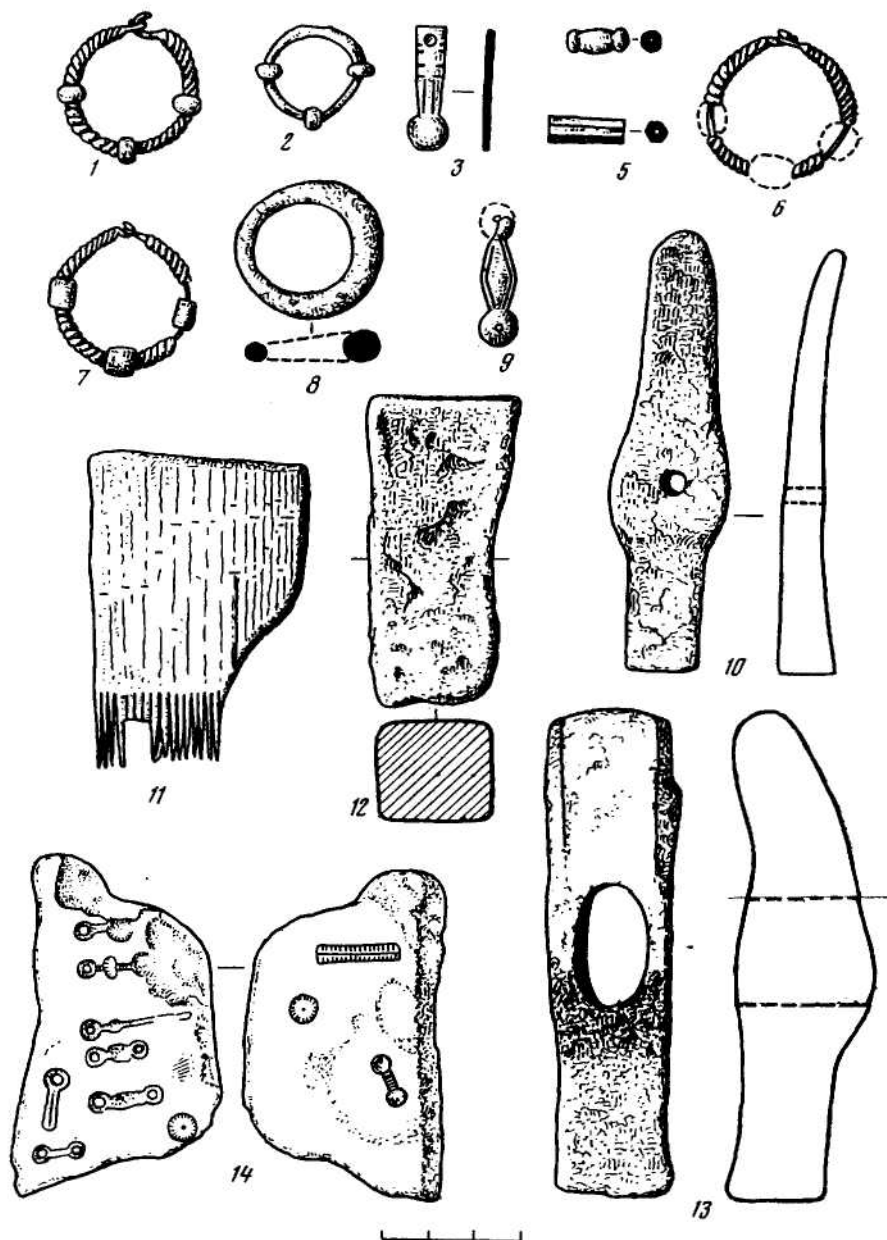

Рис. 2. Находки из погр. 33 Пятого Рождественского могильника

1, 6—7 — колечки-привески с напускными бусами; 2 — «узловое» колечко-привеска; 3 — привеска-накладка; 4, 5 — бусы; 6 — бронзовое кольцо; 9 — накладка; 10, 13 — молотки; 11 — гребешок; 12 — наковальня; 14 — литейная форма

Таблица 1 Результаты приближенного количественного спектрального анализа находок из погребения 33 V Рождественского могильника (в %)

Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Вl	Ag	Sb
13633	Окисленный мешочек	Осн.	0,003	0,008	7,0	—	?	—
13634	Кусочек металла	»	0,03	0,17	14,0	—	0,001	—
13635	То же	»	0,1	0,5	5,0	0,05	0,06	0,025
13635а	Стружка из мешочка	»	0,05	0,8	16,0	0,035	0,07	0,04

Таблица 1 (продолжение)

Шифр лаборатории	Наименование предмета	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
13633	Окисленный мешочек	—	0,001	0,2	—	< 0,01	—
13634	Кусочек металла	—	0,02	0,008	—	< 0,01	—
13635	То же	0,4	0,15	0,068	< 0,01	0,017	0,003
13635а	Стружка из мешочка	0,5	0,8	0,25	0,006	0,014	0,004

литейщицы изготовляли продукцию главным образом для нужд своего родового коллектива. Они еще не были, как справедливо указывал А. П. Смирнов, ремесленниками в полном смысле этого слова, несмотря на сравнительно высокий технический уровень производства ⁶.

⁶ Смирнов А. П. Ред. на книгу: Генинг В. Ф» Азелинская культура. — СА, 1964, № 4, с. 246.

ЗАХОРОНЕНИЯ С КОНЕМ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Г. А. Архипов

На территории Марийской АССР в могильниках I тысячелетия н. э. известно несколько захоронений с частями коня в могильных ямах. Впервые такие погребения были раскопаны в 1956 г. на Мари-Луговском могильнике IV—VI вв. н. э.¹ Здесь в трех погребениях (14, 39 и 40) были найдены кости лошади. Могильная яма погр. 14 (рис. 1, 7) имела овальную форму и размеры 2,40x0,75 м, была вытянута с юга на

¹ Железный век Марийского края. — Труды МарАЭ, т. II, Йошкар-Ола, 1962, с. 158—180.

север с небольшим отклонением к западу. В яме на глубине 0,98—1,10 м обнаружены сильно потревоженные остатки мужского костяка, лежавшего на спине головой на север. У восточного края ямы, слева от костяка, на глубине 0,85—1,10 м были обнаружены кости ног жеребенка. С погребенным лежали 4 железные пряжки (рис. 1, 2, 3), на фалангах пальцев правой и левой руки были медное пластинчатое (рис. 1, 4) и проволочное кольца. При костяке находился также железный кинжал с остатками ножен из кожи и медных пластинчатых обкладок (рис. 1, 5).

Погр. 39 и 40 относились к коллективному захоронению, могильная яма которого длиной 2,3 м, вытянутая с юга на север, выявилась на глубине 0,60 м. Она имела сложную форму, раздваивалась в северной части. Ширина ямы в южной части равнялась 1 м, в северной — 1,75 м. В южной половине ее на глубине 0,85—0,90 м были обнаружены остатки двух разрушенных детских костяков. Один костяк лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-северо-восток. От второго костяка сохранились лишь кости рук и ребра. Вместе с костями найдены 24 мелкие бусины из рубленой желтой пасты, четыре стеклянные двойные с внутренней позолотой, медная колокольчиковидная подвеска, бронзовое кольцо и обломки железного браслета.

На глубине 1,1 м могильная яма разделилась на две. В каждой из них лежали остатки костяка. Могильная яма мужского погребения 39 на глубине 1,1 м имела овальную форму и размеры 2,20x0,60 м. Костяк лежал на глубине 1,2—1,31 м, на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-северо-восток. Череп лицевой частью был обращен на запад (рис. 2, 1). В засыпи могилы были угли и пережженные кости. У восточной стенки ямы, слева от человеческого костяка, лежали кости молодой лошади: череп и кость передней ноги в южном конце ямы, у ног человека, кости ног — у плечевых костей. Рядом с конским черепом лежали железные удила с крупными кольцами (рис. 2, 7). Человеческий костяк сопровождали обоюдоострый железный меч без перекрестья (рис. 2, 9), под мечом лежала небольшая бронзовая сьюльгама (рис. 2, 2), у левой плечевой кости — бронзовая пряжка со жгутовым оформлением кольца (рис. 2, 5), на фалангах пальцев правой руки: остатки медного пластинчатого перстня (рис. 2—4) и рядом — костяной наконечник стрелы (рис. 2, 6). Ниже таза между костями ноги лежал железный нож (рис. 2, 8), у правой стопы — железная пряжка (рис. 2, 3).

Погр. 40, очевидно, женское, располагалось на глубине 1,15—1,50 м в яме овальной формы размером 2,05x0,75 м с небольшим расширением в северо-восточном углу (рис. 3, 1). Захоронение сильно потревожено грызунами. Судя по сохранившимся костям, оно было ориентировано головой на юг, т. е. в противоположном мужскому костяку направлении. В южном конце ямы было углистое пятно округлой формы диаметром 0,45 м. Отдельные угольки и пережженные кости встречались и в засыпи могильной ямы.

Кости ног и черепа лошади лежали здесь также в восточной части могилы, но с правой стороны от костяка. Череп лошади находился у черепа человека.

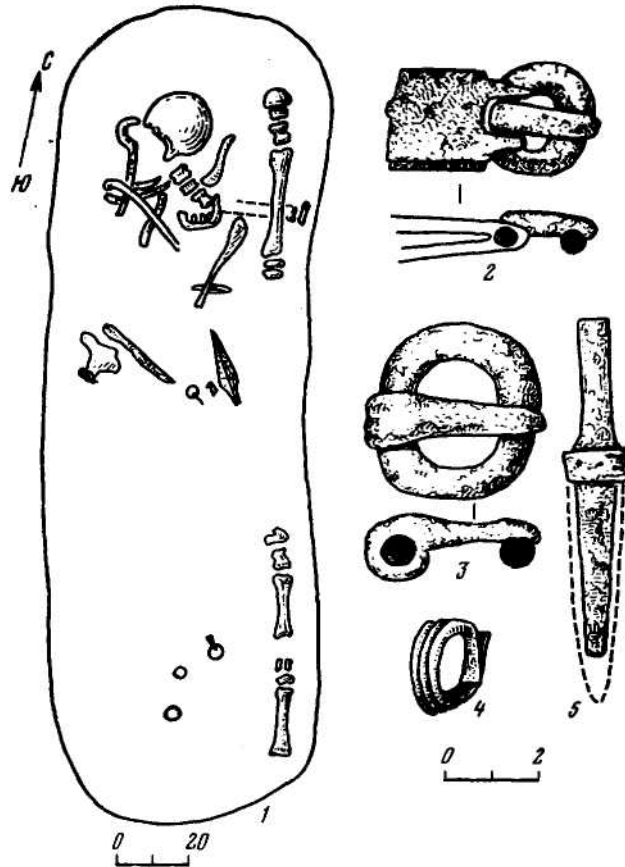

Рис. 1. Погребение 14 Мари-Луговского могильника
1 — план погребения; 2—5 — вещи из могилы

В могильной яме вместе с костями были найдены лежавшие в беспорядке бронзовые кольцевидные подвески (рис. 3, 7), 4 бронзовые умбонovidные бляшки (рис. 3, 6), более 50 бисерин из пасты лимонного, светло-голубого и светло-желтого цветов, до 10 шаровидных стеклянных бус с внутренней позолотой, свыше 20 небольших медных накладок и подвесок различного типа (рис. 3, 2—5), обломок браслета из перевитой медной проволоки и колесовидная подвеска со спирально завитыми выступами (рис. 3, 8). В небольшой нише у северо-восточного угла ямы на глубине 1,48—1,50 м обнаружены остатки берестяного короба с украшениями. В нем находились бронзовый (рис. 3, 9) и железный браслеты, 6 халцедоновых дисков (рис. 3, 10).

Два погребения с конями исследованы в Уржумкинском могильнике, расположенном в Звениговском районе. Могильник датирован

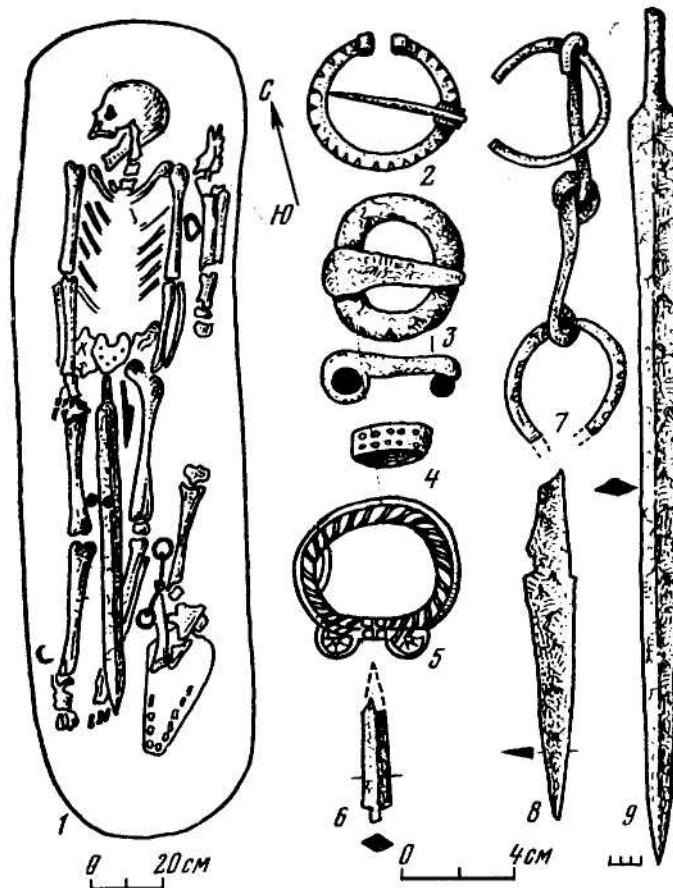
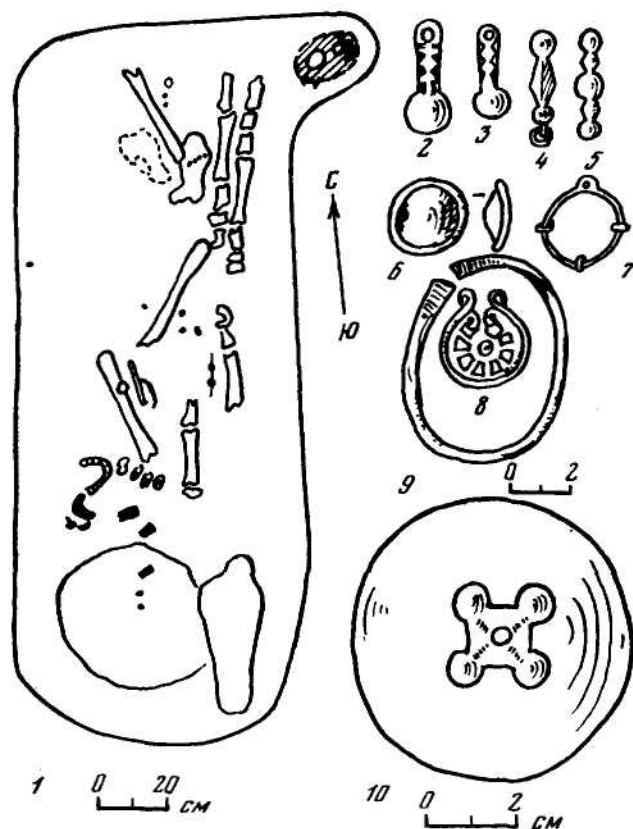

Рис. 2. Погребение 39 Мари-Луговского могильника
1 — план погребения; 2—9 — вещи из могилы

III — IV вв. н. э. Он занимает возвышенные части песчаной дюны второй террасы левого берега Волги. В погр. 8 этого могильника, в яме на глубине 1,10 м, прослежены остатки мужского костяка, ориентированного головой на северо-запад. В ногах погребенного располагался череп лошади. В этом месте могильная яма была немного расширена (рис. 4, 1). В яме найдены еще две кости лошади.

В яме с погребенным были три железные пряжки (рис. 4, 2, 3), наконечник железного копья (рис. 4, 7), втульчатый топор (рис. 4, 4), на котором лежало маленькое медное кольцо (рис. 4, 6), и железный нож (рис. 4, 5).

В погр. 14, яма которого не прослеживалась, в ногах покойника лежали рядом два черепа коня. С одним из черепов следует связывать кость ноги лошади и железные удила (рис. 5, 1, 4), располагавшиеся слева

Р в с. 3. Погребение 40 Мари-Луговского могильника
1 — план погребения; 2—10 — вещи из могилы

у бедренной кости человека. Мужской костяк сопровождался медной гривной (рис. 5, 2), привеской в виде лунницы (рис. 5, 6), медной бутылчатой привеской (рис. 5, 8), наконечником железного копья (рис. 5, 5) и железными круглыми и подчетыреугольными пряжками (рис. 5, 3, 7).

В этом же могильнике между погребениями на глубине 1 м и на расстоянии 0,80 м друг от друга было обнаружено два черепа коня. Один из них ориентирован на юг, второй — на север. На одном из черепов крест на крест лежали две ключицы коня и зажатые челюстями железные удила. Вместе с другим черепом положено двое удил.

Мари-Луговской могильник отнесен А. Х. Халиковым к памятникам азелинского типа. Одновременно отмечены отличия его от других могильников азелинской культуры². Уржумкинский могильник также относится

² Железный век Марийского края, с. 178.

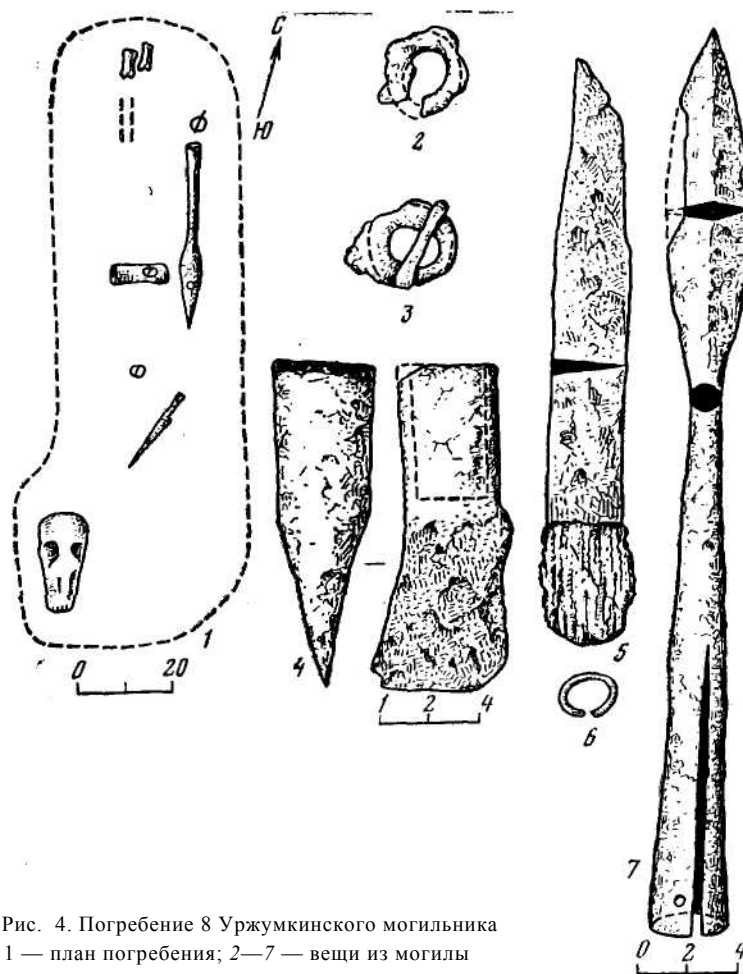

Рис. 4. Погребение 8 Уржумкинского могильника
1 — план погребения; 2—7 — вещи из могилы

к азелинскому кругу памятников со значительными общими чертами в материальной культуре с памятниками городецкой культуры правобережья Волги³.

Как известно, в азелинских могильниках на р. Вятке⁴ нет захоронений с конем или с частями туши коня. Единственный подобный случай отмечен в могильнике Атамановы кости⁵ Мари-Луговской и Уржумкинский могильники — наиболее западные памятники азелинской культуры. К тем особенностям, которые отличают Мари-Луговской могильник от вят-

³ Архипов Г. А. Раскопки на Уржумкинском комплексе. — АО 1968 г. М., 1969, с. 133.

⁴ Генкиг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. н. э. — ВАУ (Ижевск—Свердловск), вып. 5, 1963.

⁵ Кузнецов С. К. Атамановы кости. — ИОАИЭ, т. IX. Казань, 1891, с. 371—380; Снуцын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР (СПб.), 1901, 25, с. 8—9.

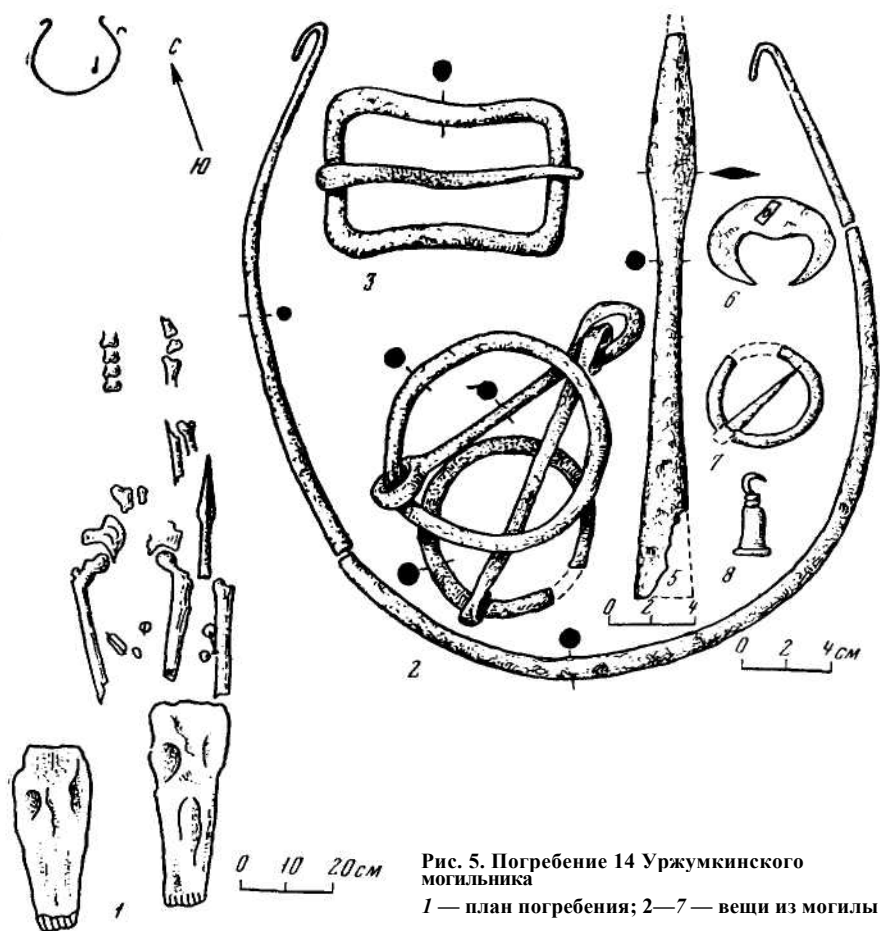

Рис. 5. Погребение 14 Уржумкинского могильника
1 — план погребения; 2—7 — вещи из могилы

ских, можно добавить и наличие захоронений с частями туши коня. Количественно их немного: в Мари-Луговском могильнике из 52 погребений — 3, в Уржумкинском из 35 — 2 и 2 черепа лошади в межмогильном пространстве.

Есть еще одна группа азелинских могильников, где встречаются захоронения частей туши коня — это Пятый Рождественский и Нармонский могильники в Нижнем Прикамье, в Лашпевском районе Татарской АССР. П. Н. Старостиным в Пятом Рождественском могильнике изучено 17, а в Нармонском 7 захоронений с частями коней. Материалы этих раскопок пока полностью не опубликованы⁶⁻⁷. В Мари-Луговском могильнике кости лошади лежали в таком же порядке, как в Нармонском. Отличие

⁶⁻⁷ АО 1970 г. М., 1971, с. 142; АО 1971 г. М., 1972, с. 203; АО 1972 г. М., 1973, с. 189; АО 1973 г. М., 1974, с. 156; АО 1974 г. М., 1975, с. 177, 178.

заключается в том, что в Нармонском могильнике в четырех случаях из семи они находились выше человеческих костей. Остатки двух коней были в засыпи могилы 117 Пятого Рождественского могильника⁸.

При публикации материалов Мари-Луговского могильника А. Х. Халиков отмечал, что находки частей лошадиных туш здесь «следует скорее всего рассматривать как южное позднесарматское влияние»⁹. При этом он ссылается на исследования И. В. Синицына, который отметил, что «обычай класть в могилу кости коня (череп с копытами) типичен для позднесарматских погребений. При этом положение костей коня является ритуальной особенностью не только для мужских, но и для женских погребений»¹⁰.

Кроме сарматских аналогий, можно отметить захоронения коня в Андреевском кургане. Из 56 погребений этого памятника части коня были найдены в трех (25, 42, 50)¹¹. Исследователь считает, что центральным погребением кургана является погр. 25, где были захоронены 4 покойника. У северо-восточной стенки этой могилы находился целый череп лошади с первыми шейными позвонками. К юго-востоку, вдоль стены, у дна могилы лежали бабки и копыта передних и задних ног. В погр. 42 рядом с человеческим черепом лежал конский череп, как считает П. Д. Степанов, относящийся к погребению 37. В погр. 50, несколько необычном по размерам (длина 4 м, ширина вверху 2,5 м, на дне 0,5 м), наличию плечиков и приступка вдоль юго-восточной стороны, справа от черепа умершего, на особом приступке лежал череп коня.

П. Д. Степанов не указал истоки появления обряда захоронения с частями коня в Андреевском кургане. В памятниках Мордовии, хронологически предшествующих Андреевскому кургану, нет этого обряда. П. Н. Старостин объясняет ритуальные захоронения черепов и конечностей лошади в Пятом Рождественском могильнике сильнейшим кочевническим воздействием на местный финно-угорский мир¹². Мы уже указали, что А. Х. Халиков это явление объясняет южным позднесарматским влиянием. В подтверждение этой мысли можно привести еще несколько фактов. Так, в Мари-Луговском могильнике Е. И. Горюнова отметила два погребения со скорченными на правом боку костяками¹³. Еще два подобных захоронения на этом могильнике вскрыты нами в 1956 г.¹⁴ Скорченные костяки характерны для степных кочевников от эпохи бронзы до сармат¹⁵.

К сарматским же обычаям можно отнести и обряд помещения в могильные ямы остатков мясной пищи. У кочевников подобный обычай встре-

⁸ АО 1972 г. М., 1973, с. 189.

⁹ Железный век Марийского края, с. 177.

¹⁰ Синицын И. В. Археологические памятники в низовьях р. Иловки. — Уч. зап. СГУ, 1954, т. XXXIX, с. 226, 227.

¹¹ Степанов Д. Д. Андреевский курган (предварительное сообщение). — Труды Морд. НИИ. Сер. Историческая (Саранск), 1965, вып. XXVII, с. 206—267.

¹² АО 1971 г. М., 1972, с. 203.

¹³ Горюнова Е. И. Мари-Луговской могильник и селище. — ПИДО, 1934, № 9-10.

¹⁴ Железный век Марийского края, с. 170, 174.

¹⁵ Памятники Нижнего Поволжья, т. 1. — МИА, 1959, № 60.

чается с эпохи ямной культуры¹⁶. В Мари-Луговском могильнике в погр. 13, как отмечает Б. И. Горюнова, по бокам костяка со стороны ног и справа у плеча были кости животных (овцы?), положенные по две, в перекрещенном виде. Подобный же случай был отмечен в погребении 88 Кошибеевского могильника¹⁷.

Наконец, П. Д. Степанов в инвентаре Андреевского кургана выделил комплекс вещей сарматского типа, указав, что «путь проникновения этих вещей может быть прямой, т. е. непосредственно с юга из сарматско-причерноморского мира, или же через заволжские и прикамские степи, где сарматское влияние было ощутимо»¹⁸.

Значительное сарматское влияние наблюдается и в материалах мордовских могильников II—IV вв. н. э.¹⁹ О сарматском влиянии на племена Среднего Поволжья и Прикамья неоднократно писал А. П. Смирнов²⁰. О поздних сарматских заимствованиях в марийском и мордовском языках пишет и языковед Ф. И. Гордеев²¹.

Таким образом, мы можем предполагать, что обряд ритуального захоронения черепа и ног коня в памятниках Марийского Поволжья I тысячелетия н. э. является результатом сарматского влияния. Однако этот обряд в Марийском Поволжье не получил дальнейшего развития. В памятниках последующих веков он здесь не фиксируется, в отличие от Камского бассейна, где такой обряд продолжает встречаться и во второй половине I тысячелетия н. э.

¹⁶ Сипицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953). — В кн.: Памятники Нижнего Поволжья, т. I, с. 47; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. — Там же.

¹⁷ Сипицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, с. 22.

¹⁸ Степанов П. Д. Андреевский курган. — В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 51.

¹⁹ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 94.

²⁰ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28 с. 108—110; Он же. Железный век Чувашского Поволжья. — МИА, 1961, № 95, с. 100 и ел.

²¹ Гордеев Ф. И. О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках. — ВФУ (Йошкар-Ола), 1970, вып. V, с. 12—14.

МУРОМСКИЙ МОГИЛЬНИК В С. МОЛОТИЦЫ

Р.Л. Розенфельдт

В 1965 г. при земляных работах в с. Молотицы Муромского района Владимирской области, расположенного на правом берегу р. Ушны, левого притока р. Оки, были случайно вскрыты два погребения в неизвестном ранее муромском раннесредневековом могильнике. Обряд погребения — труположения головой на север. Могильник был найден на северной окраине села на территории сада. В Муромский краеведче-

ский музей были доставлены все собранные при погребениях находки (коллекция 33431). Дополнительные исследования на территории памятника не проводились. В составе публикуемой коллекции 52 предмета, происходящие из двух погребений — мужского и женского.

При мужском погребении было найдено два наконечника железных втульчатых копий. Длина одного из них, более крупного, 22,5 мм (рис. 1, 2). Другой, более короткий, наконечник (рис. 1, 3) имел частично разрушенную втулку и лезвие ланцетовидной формы. Здесь же был найден широколезвийный плотницкий топор со щековицами и круглым в сечении проухом (рис. 1, 1) и большая пешня (рис. 1, 4). Наконец, в этом же погребении были два глиняных горшка, вылепленные от руки из теста с примесью песка, слегка расширяющиеся в верхней части, без орнамента. Высота одного из них около 12 см при диаметре горловины в 15 см (рис. 1, 5), другого — около 11 см при диаметре горловины в 12 см (рис. 1, 6). Горшки формованы ленточной техникой. Наружная поверхность их хорошо заглажена.

Более богатым был инвентарь женского погребения. При нем найдено два серебряных проволочных височных кольца муромского типа. Диаметр их 8 и 9 см, один конец имеет вид крючка, другой — расклепанной пластинки с отверстием посередине. Пластинки небольшие, характерные для поздней стадии эволюции муромских височных колец. Интересно второе височное кольцо этого типа, на которое дополнительно надеты 4 бронзовых бубенчика округлой формы и с одинарной линейной прорезью (рис. 2, 1). Верх каждого бубенчика — горизонтально поставленная гофрированная трубочка. При погребенной были и две сохранившиеся почти целиком серьги муромского типа. Они серебряные, серповидной формы, с рельефным невысоким ребром в центральной части щитка (рис. 2, 6). На шее погребенной были две бронзовые гривны с замками в виде четырехугольных плоских шляпок, отогнутых в сторону, на которые накидывалась петля подтреугольной формы (рис. 2, 2). Гривны этого типа многочисленны в Подболотьевском, Муромском, Малышевском, Корниловском и других могильниках. На дроте гривен видна косая насечка, имитирующая перекрученность или оплетку. На одной из гривен было надето шумящее украшение с завершением в виде широкой горизонтально поставленной ажурной трубки, состоящей из гладких и волнистых полосок металла. К трубке снизу прилиты 7 колец, на которых на подвижных цепях из 3 звеньев висят бубенчики, круглые, с линейной прорезью (рис. 2, 7). Близкие шумящие привески есть во многих муромских могильниках, в том числе и Подболотьевском (рис. 2, 8). По-видимому, в качестве поясного украшения использовались еще две бронзовые шумящие подвески (рис. 2, 14, 15). Они состоят из богато декорированной пластинки, по верху украшенной группками из трех шариков ложной зерни, от которой вниз отходят 11 колечек. К ним прикреплены при помощи трехзвеньевых цепочек лапчатые привески. У фрагментированной шумящей подвески таких колечек сохранилось только 6. Точно такие же поясные шумящие украшения есть во многих поздних муромских могильниках, и в частности в Подболотьевском (рис. 2, 16).

На руках погребенной было 8 бронзовых полуовальных в сечении

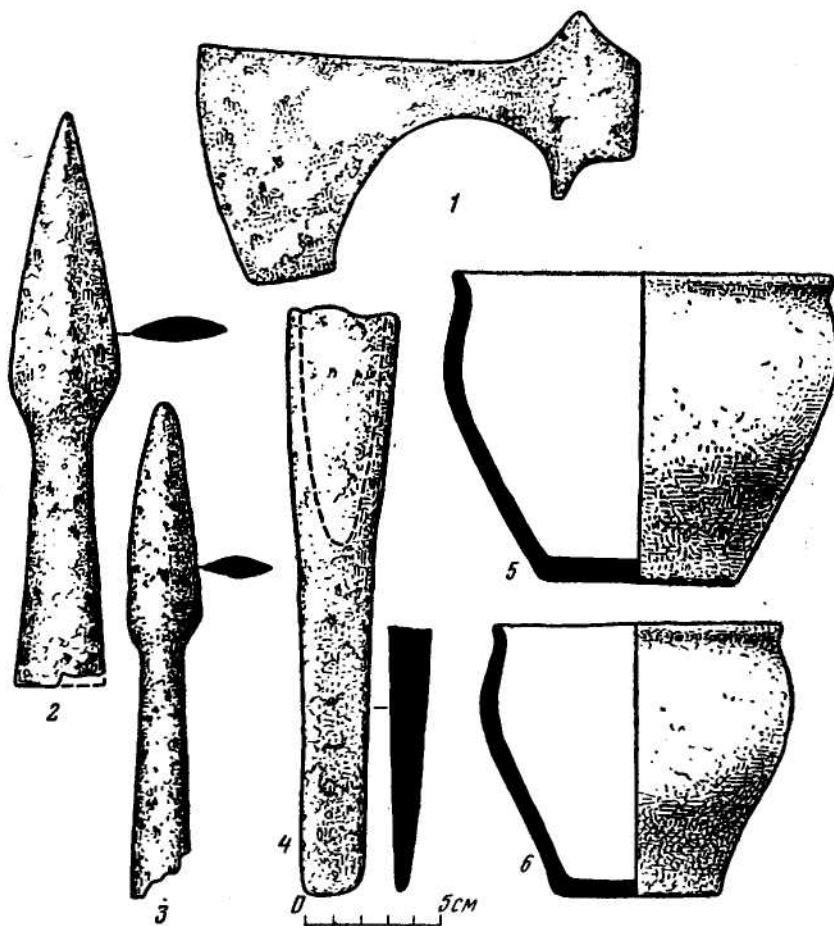

Рис. 1. Находки из погребения 1 Молотицкого могильника

несомкнутых браслетов со слегка расширенными концами (рис. 2, 5). Из того же погребения происходит и серия бронзовых бутыльчатых привесок. Более крупных (длиной в 5 см) было 13 шт. (рис. 2, 5). В одной из них сохранились продернутыми остатки шерстяного перекрученного, шнура. Мелких бутыльчатых привесок высотой 2,5—3 см при погребенной было 6 (рис. 2, 70). В состав украшений костюма погребенной входила и серия бронзовых пластинчатых трапециевидных подвесок удлинённых пропорций (рис. 2, 13). У некоторых из них в верхней части были проволочные колечки.

На руках погребенной были и бронзовые спиральные (в 8 оборотов) браслеты, изготовленные из ленты, имеющей в сечении вид низкого треугольника (рис. 2, 17). От кожаного пояса сохранились одна накладка со щитком геральдической формы с прорезями (рис. 2, 11) и маленькая

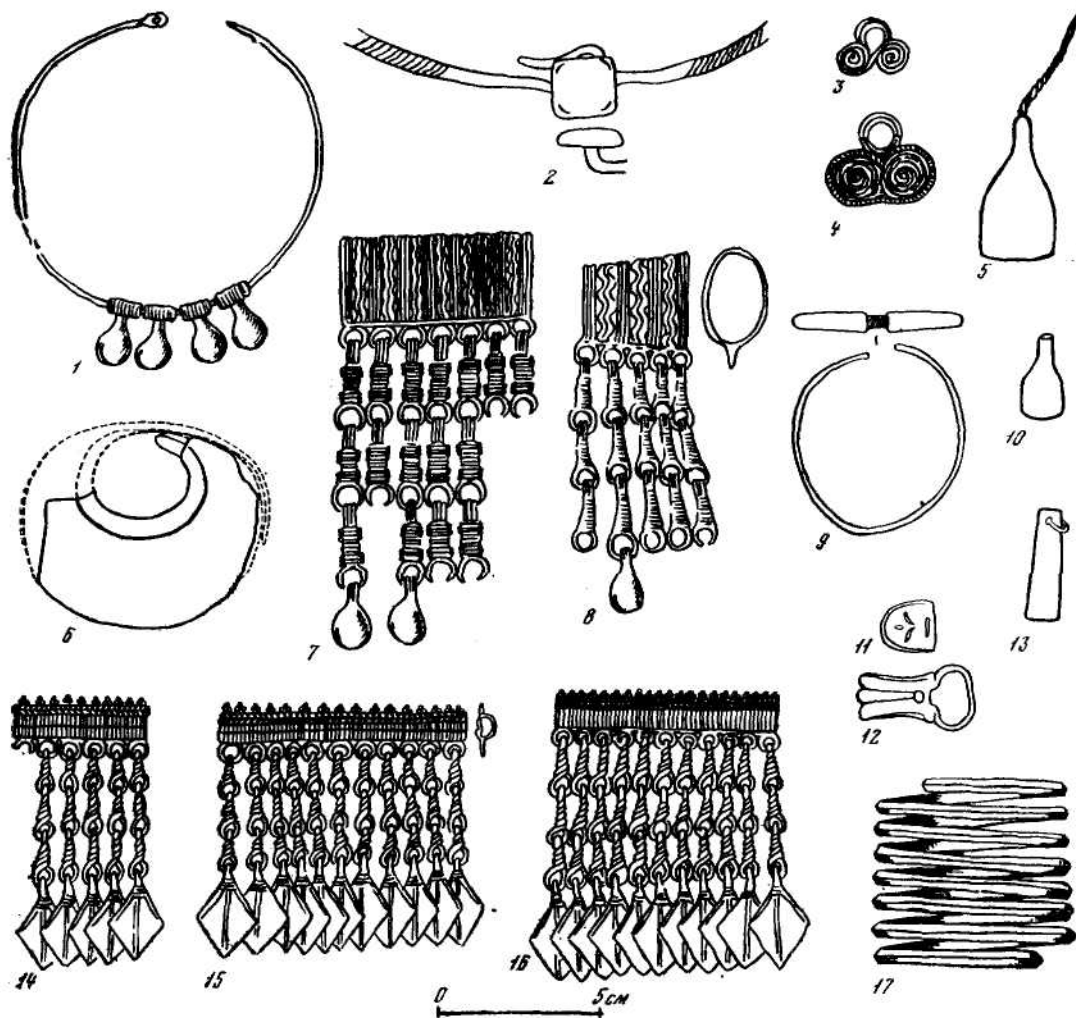

Рис. 2. Находки на погребения 2 Молотицкого могильника и на погребений Подболотьевского могильника (1—7, 9-й, 11 — Молотицкий могильник; 8, 16 — Подболотьевский могильник)

пряжка (рис. 2, 12), у которой обойма связана со щитком неподвижно. Там же была найдена и медная спиралька, происходящая, видимо, от головного убора.

Украшения обуви представлены двумя бронзовыми подвесками. Одна из них имеет щиток из пары соединенных умбонов с петелькой наверху (рис. 2, 4), у другой — щиток в виде большой волуы (рис. 2, 3) с петелькой наверху.

Рассматриваемое погребение особенно интересно тем, что в состав его инвентаря входят обломки двух дирхемов. Один из них, по опреде-

лению С. А. Яниной, чеканен Нух-ибн-Насром в 952—954 гг., а другой — Наср-ибн-Ахмедом в 933—941 гг. Учитывая сравнительно быстрое попадание восточных монет в это время в Поволжье, эти находки позволяют датировать погребение серединой или третьей четвертью X в. По-видимому, к тому же времени относится и мужское погребение.

По обряду погребения и инвентарю Молотицкий могильник имеет много сходства с поздними погребениями Малышевского, Подболотьевского, Корниловского и других могильников муромы. Он позволяет уточнить границы области, занятой муромскими племенами накануне славянского заселения.

ВЕСЫ С АРАБСКОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ ТИМЕРЕВА

М.В. Фехнер, С. А. Янина

Среди многочисленных вещей из раскопок курганов близ деревень Михайловское, Петровское и Тимерево, расположенных в радиусе 10—12 км от г. Ярославля, особого внимания заслуживают миниатюрные весы, напоминающие аптекарские. Они состоят из бронзового коромысла с железной иглой и двух тонких чашек, диаметр которых колеблется от 4 до 7 см. Чрезвычайно легкие и чувствительные, они использовались только для взвешивания монет и их обломков.

Весы относятся к числу редких археологических находок. В Ярославских могильниках (660 исследованных курганов) они обнаружены, чаще всего во фрагментах, только в 15 захоронениях (12 трупосожжений и 3 трупоположения) *. Видимо, именно обрядом сожжения, господствовавшим в ту эпоху в Верхнем Поволжье, можно в значительной степени объяснить тот факт, что эти хрупкие измерительные приборы сохранились в незначительном количестве. По погребальным инвентарям, в составе которых весы были найдены, они относятся ко 2-й половине X— началу XI в., что соответствует датировке аналогичных весов из других областей Древнерусского государства ². В шести курганах наряду с весами найдены железные гири полусферической формы и в форме октаэдра, обтянутые медью для предохранения их от коррозии. На многих фрагментах весов (на внешней стороне чашек и на коромыслах с железной иглой) прослеживается глазчатый и волнистый орнамент, а на двух хорошо сохранившихся чашках (рис. 1), на дне, обнаружена восточная надпись. До этой находки весы для взвешивания монет, снабженные надписями, не были известны.

Эти уникальные весы найдены летом 1974 г. при раскопках кургана

¹ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 107-110, Из, 127, 129, 134, 141, 142.

² Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956, с. 140, 172.

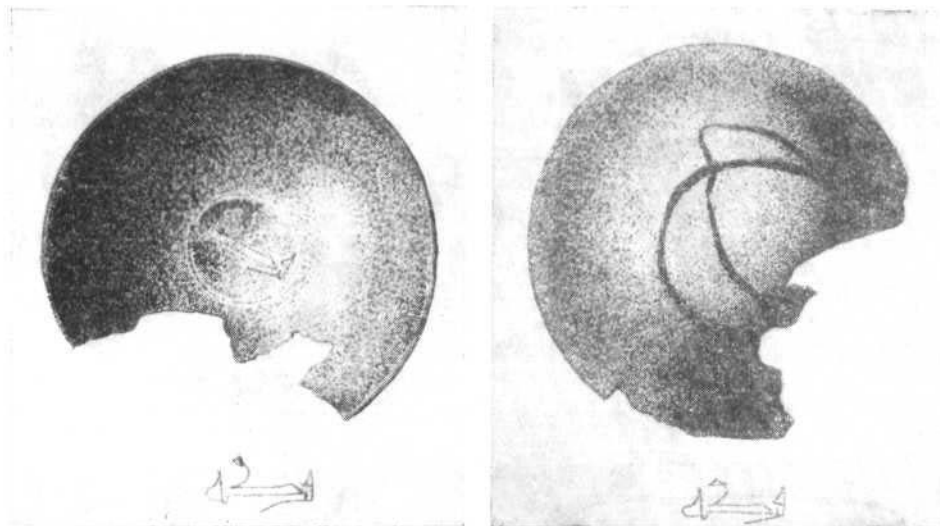

Рис. 1. Чашечки весив с арабской надписью из кургана 100 Тимеревского могильника
1 — лицевая сторона; 2 — обратная сторона

100 Тимеревского могильника, содержавшего захоронение с богатым инвентарем. Курган 100 имел полусферическую форму при высоте 0,75—1 м и диаметре 13—14 м. Он был расположен на северо-восточной окраине древнего кладбища. Глубокая яма с заплывшими краями в его центральной части свидетельствует о том, что он уже раскапывался ранее. В насыпи кургана на разной глубине найдены железные ладейные болты, а на материке выявлены очертания могильной ямы размером 5,20 X 3,75 м и пять обгорелых плах. Последние, принимая во внимание находки болтов, являются, возможно, остатками сожженной над погребением ладьи. Вдоль южной стенки могильной ямы, глубина которой достигала 0,3 м, находились останки двух лошадей (нижние челюсти и конечности), а в северо-западной части — челюсти двух особей крупного рогатого скота. Остатки погребения в могильной яме не сохранились. Однако по найденным вещам можно заключить, что здесь были произведены одновременно два захоронения: мужчины и женщины. Серебряные круглопроволочные височные кольца с завязанными концами, оправленная серебром каменная вставка перстня, стеклянные бусы и бисер крупного размера относятся, несомненно, к женскому захоронению. К инвентарю мужского погребения нужно отнести хорошо сохранившийся меч (рис. 2, 1), на лезвии которого имеется клеймо — латинская буква «С» (рис. 2, 2)³, наконечники втульчатого копья и двух стрел, железные петли

³ Приносим сердечную благодарность А. Н. Кирпичникову за расчистку меча и выявление клейма на клинке.

Рис. 2. Меч и золотой перстень из кургана 100 Тимеревского могильника
1 — рукоять меча; 2 — клеймо на лезвии меча; 3 — золотой перстень

и оковка днища колчана, детали железного уздечного набора, стремяна удила с псалиями, железную рукоять кнутовища, инкрустированную латунию, с прикрепленной к ней обоймой для ременного бича, и массивный золотой перстень с точечным орнаментом по краям (рис. 2, 3). Судя по положению вещей в могиле, к мужскому захоронению следует отнести и рассматриваемые весы. Они изготовлены из латуни, с одинаковыми арабскими надписями на дне каждой из чашек. На оборотной стороне одной из чашек сохранился сплетенный из шелковых ниток шнурок, при помощи которого чашки подвешивались к концам коромысла. Здесь же найдены остатки кожаного футляра от весов. Видимо, владелец носил их привязанными к поясу. Рядом с весами находилась гирька в форме октаэдра, у которой не сохранилась медная оболочка с обозначениями краткости весовой единицы, а в кожаном кошельке лежали стопкой дирхемы — шесть целых и одна половинка (рис. 3). Все монеты относятся к чекану Саманидов и характеризуются узкими хронологическими рамками — временем правления Мансура ибн-Нуха (350—

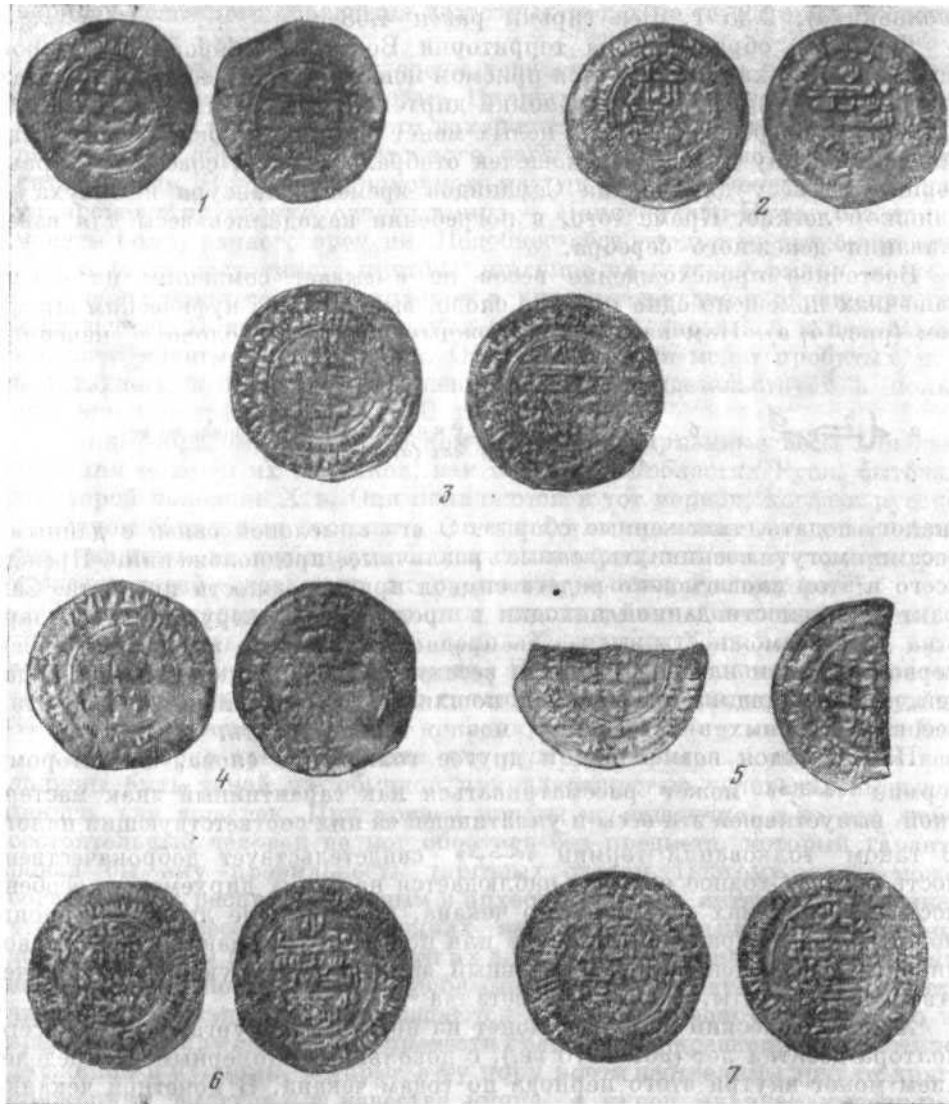

Рис. 3. Монеты из кургана 100 Тимеревского могильника

366 г. х. = 961—976 г. н. э.). Ранней монетой является дирхем 352 г. х. (963 г. н. э.), поздней — дирхем 366 г. х. (976 г. н. э.). Все монеты хорошей или удовлетворительной сохранности, пробитых среди них нет; все они являются продукцией двух монетных дворов — Самарканда (352, 357, 362 г. х.) и аш-Шаша (358, 359, 360, 366 г. х.). Их весовые

данные в той же последовательности: 2,83; 2,89; 2,85; 2,60; 2,39; 1,55 (половинка); 2,35 г. Вес гирьки равен 4,68 г.

Денежное обращение на территории Восточной Европы во второй половине X в. характеризуется приемом монет на вес. В монетных кладах этого периода преобладают обломки дирхемов самого различного веса⁴. Наличие в погребении только целых монет и одной половинки не противоречит общему правилу: в кошелек отобрали монеты, совсем не характерные по весу для чекана Саманидов времени Мансура ибн-Нуха — слишком легкие. Кроме того, в погребении находились весы для взвешивания денежного серебра.

Восточное происхождение весов не вызывает сомнения: на обеих чашечках помещено одно и то же слово, выполненное куфическим шрифтом (рис. 4, а). Нам кажется возможным читать это слово в значении:

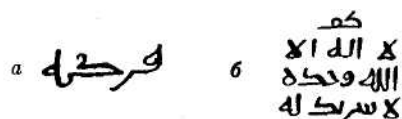

Рис. 1. Арабская надпись на весах (а) и монете (б)

«налог, подать, таможенные сборы». О его смысловой связи с данными весами могут возникнуть самые различные предположения. Прежде всего в этом слове можно видеть символ принадлежности предмета. Сам факт единичности данной находки в пределах Древнерусского государства дает возможность высказать предположение, что эти весы в своем первоначальном назначении были весами либо сборщика налогов, податей, либо сборщика таможенной пошлины. О дальнейшей судьбе этих весов, найденных в погребении, можно только гадать.

Нам кажется возможным и другое толкование слова, по которому термин «*فرضة*» может рассматриваться как гарантийный знак мастерской, выпустившей эти весы и уплатившей за них соответствующий налог. В таком толковании термин «*قرضة*» свидетельствует доброкачественность весов. Сходное явление наблюдается на самих дирхемах, в особенности на дирхемах саманидского чекана, когда в поле лицевой стороны монеты (над центральной легендой или под нею) помещаются либо слово, либо его сокращение, либо условный знак, гарантирующие доброкачественность монеты, монетного металла⁵.

Хронологический диапазон монет из погребения кургана 100 — всего полтора десятка лет (961—976 гг.), с довольно равномерным распределением монет внутри этого периода по годам чекана. В монетной чеканке государства Саманидов конец третьей — начало четвертой четверти X в. характеризуется не только резким сокращением количества выпускаемой монетной продукции, но и появлением все удлиняющихся (во временном отношении) перерывов в выпуске серебряной монеты, в то время как до 366 г. х. чеканка дирхемов производилась систематически из года в год.

⁴ Янина С. А. Неревский клад куфических монет X века. — МИА, 1956, № 55, с. 180—207; Она же. Второй Неревский клад куфических монет X в. — МИА, 1963, № 117, с. 287—331.

⁵ Янина С. А. Неревский клад. . ., с. 192, табл. 1.

Об этом ярко свидетельствуют монетные клады, относящиеся к этому периоду денежного обращения восточных монет на территории Восточно-Европейской равнины⁶.

Закономерен вопрос о степени точности датировки погребения кургана 100 по найденным монетам. Наличие весов, гири, семи монет — все свидетельствует о том, что захоронение было произведено в тот период, когда обращение восточного серебра еще оставалось достаточно интенсивным. В кошельке покойного находилось семь монет, относящихся ко времени правления одного эмира — Мансура ибн-Нуха, без единой монеты более раннего времени. Подобное обстоятельство возможно лишь при условии постоянного притока дирхемов на русский рынок, постоянного обновления состава дирхемов в русском денежном обращении, что в свою очередь дает все основания с доверием относиться к показаниям младшей монеты из погребения. Отсутствие среди монет пробитых, т. е. бытовавших в качестве украшения, также свидетельствует в пользу датировки погребения 970—980 гг.

Таким образом, в Ярославском Поволжье карманные весы для взвешивания монет и их обломков, как и в других областях Руси, бытовали во второй половине X в. Они появляются в тот период, когда в русском денежном обращении восточные монеты стали приниматься на вес. Арабская надпись на публикуемых весах подкрепляет точку зрения ряда исследователей, считавших их предметом восточного импорта⁷.

Находки карманных весов для взвешивания монет характерны не только для богатых погребений конца X—начала XI в., но и для культурного слоя домонгольского города. По данным раскопок в Новгороде только за период с 1951 по 1955 г. чашки и коромысла весов обнаружены 34 раза⁸, причем часть этих находок обнаружена в комплексах X в.

Закономерно предположение, что в период приема монет на вес весы должны быть такой же обычной принадлежностью человека, имеющего деньги, как кошелек. При приеме монеты не поштучно, а на вес любой состоятельный человек не мог обойтись без предмета, который гарантировал бы ему правильность торговых сделок. Поэтому мы не можем согласиться с распространенным в археологической литературе мнением, что находки весов в погребениях являются прямым, безоговорочным доказательством принадлежности их владельцев к купцам. При выяснении вопроса, кто пользовался подобными весами, следует также учесть, что находки их часто сопровождаются предметами вооружения. В то же время в ряде случаев трудно провести грань между древнерусской военной дружиной и купцами, которые в ту пору почти неотделимы друг от друга: дружинник выступал в качестве купца, а купец являлся и воином.

Опись монет из погребения кургана 100 Тимеревского могильника

1. (ГИМ-103309) 2139—149. Дирхем, 352 г. х. (963), Самарканд, Л. с. В центре (в окружности): (рис. 4, б).

⁶ Там же, с. 198; *Она же*. Второй Неревский клад. . . . с. 320—322.

⁷ *Werner J. Waage und Geld in der Merowinger Zeit. — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1954, H. 1, S. 29.*

⁸ *Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 172.*

Внутренняя круговая легенда: **بِسْمِ رَبِّكَ فَتَرَى الْكَافِرِينَ**
 Внешняя круговая **بِسْمِ اللَّهِ صَنَعَ هَذَا الدِّرْهَمَ**
 О. с. В центре (в **بَلَهْدِي وَدِينِ الْحَقِّ لِيُضْلِهِنَّ عَلَى الدِّينِ كُلِّ لَوْ كَرِهَ أَطْشُرْكُونِ**
مُحَمَّدَ رَسُولَ اللَّهِ أَرْسَلَهُ
اصْطَبَحَ اللَّهُ
مَنْصُورٌ
بِئِنَّوَجٍ

легенда:

Круговая легенда:

Д-29,5 мм; В = 2,83 г.; С. О. = \; гурт в трещинках и щербинках.

Над центральной легендой Л. с. помещены две буквы \wedge , которые принято считать сокращением слова «J^f» (целостность, полнота, полный), имеющее отношение к характеристике монеты, ее доброкачественности.

Аналогии: *Марков А. К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, с. 153, № 943, 944 (далее — *Марков*).

2. (ГИМ-103309) 2139-150. Дирхем, 357 г. х. (967/968), Самарканд.

Л. С. В центре (в

окружности):

Внутренняя круговая

легенда:

Внешняя круговая легенда: **لِلَّهِ الْأَمْرُ الْخَبِيرُ**

О. с. В центре (в

لِلَّهِ

окружности):

Круговая легенда: **مُحَمَّدَ رَسُولَ اللَّهِ أَرْسَلَهُ الْخَبِيرُ**

Д = 30 мм; В = 2,89 г; **رَسُولَ اللَّهِ** С. о. = ↑.

Над центральной **لِلَّهِ** легендой Л. с. помещено слово

«مدل», т. е. «за-

مَبْصُورٌ

конный», которое **بِئِنَّوَجٍ** относится к характеристике качества монеты.

Аналогии: *Тизенгаузен В. Г.* О саманидских монетах. — Записки Археологического общества, 1855, т. VI, с. 220 (далее — *Тизенгаузен*); *Марков*, с. 156, № 1020—1022; *Янина С. А.* Неревский клад, № 167—168 (далее — *Янина*, I); *Она же.* Второй Неревский клад. . . , № 315—316 (далее — *Янина*, II).

3. (ГИМ - 103309) 2129-151. Дирхем (35)8 г. х. (968-969). аш/Шаш.

Л. с. В центре (в окружности):

Внутренняя круговая легенда: **بِسْمِ اللَّهِ صَنَعَ هَذَا الدِّرْهَمَ**

Внешняя круговая легенда: **لِلَّهِ الْأَمْرُ الْخَبِيرُ**

О. с. В центре (В 2-х окружностях):

Круговая легенда: محمد رسول الله ارسله الخ
رسول الله
المصليع لله
منصورين نوح
г.; С. о. = ↓; гурт в
Тизенгаузен, с. 220;
Марков, с. 157, № 1030; Янина, I, № 173; Янина,
II, № 324—325.

Над центральной легендой Л. с. помещено имя «Фаик» (فايكة).

4. (ГИМ—103309) 2129—152. Дирхем, 3(5)9 г. х. (969/970), аш-Шаш.

Тип — см. № 3, но год ٩٠٠ و ثلثمائة... и центральная легенда О. с. в одной окружности.

Д = 31 мм; В = 2,39 г; С. о. = →; гурт в многочисленных щербинках, поле монеты потерто.

Аналогии: Тизенгаузен, с. 223; Марков, с. 158, № 1064—1065; Янина, II, № 334—335.

5. (ГИМ—103309) 2129—153. Дирхем (360 г. х. = 970(971), аш-Шаш..

Л. с. В центре (в 1-й окружности):

Внутренняя круговая легенда: كاله اكا
... بالشاش سنة... له

Внешняя круговая легенда: لله الامر الخ

У. с. В центре (в 2-й окружности):

Круговая легенда:

محمد رسول الله ارسله الخ
Д-31,5; В—1,55; С. о. - \; обломок, около половины дирхема.

Аналогии: Тизенгаузен, с. 224; Янина, II, № 354.

Год чекана обрезан, восстановлен по типу О.с. — под центральной легендой стоит имя «Фаик», что характерно для чекана аш-Шана 360 г. х.

6. (ГИМ—103309) 2129—154. Дирхем, 362 г.х. (972/973), Самарканд.

Л. с. В центре (в 1-й окружности):

Внутренняя круговая легенда: ... بسمر قند سنة اثنى وستين وثلثمائة
عدا
الله وحده
كانشكك له

Внешняя круговая легенда: لله الامر الخ

У. с. В центре (в 2-й окружности): لله
محمد

رسول الله

المصليع لله

منصور

بن نوح

С. о.- محمد رسول الله ارسله الخ

Круговая легенда:

Д-31 мм; В-2,85;

Монета не

опубликована.

Сверху и снизу центральной легенды Л. с. помещены слова, обозначающие доброкачественность монеты: «عدل» (законный) и «محمد» сокращенные слова «مصفا» (очищенный), сравни: *Тизенгаузен*, с. 193.

7. (ГИМ—103309) 2129—155. Дирхем, 366 г. х. (976), аш-Шаш.

Л. с. в центре (в окружности):

Внутренняя محمد зая легенда:

رسول الله

الطبيع لله

Внешняя круговая легенда: لله الامر

О. с. В центре (в окружности): لله

Круговая легенда: محمد رسول الله ارسله

Д-31; В-2,36; С. о.=

Аналогии: *Тизенгаузен*, с. 227—228; *Марков*, с. 161, № 1124.

На Л. с. над центральной легендой помещено слово «عدل» (законный), под нею — имя «Фаик» (فايق).

К ВОПРОСУ О СКАНДИНАВСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ В ПРИЛАДОЖЬЕ

Н. В. Тдохтина

Приладожские курганы со скандинавскими украшениями и деталями погребального обряда неоднократно привлекали внимание исследователей¹. Однако вопрос об их этнической интерпретации нельзя считать окончательно разработанным. Специалисты считают, что набор украшений из двух и более скандинавских фибул является признаком скандинавского захоронения². Для мужских погребений в качестве таких

¹ *Тдохтина Н. В.* Этническая принадлежность погребенных в курганах юго-восточного Приладожья. — В кн.: *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. М., 1971, с. 162—181.

³ *Клейн Л. С., Лебедева Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — В кн.: *Исторические связи Скандинавии и России*. Л., 1970, с. 226; *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973; *Пушкина Т. А.* О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию древней Руси. — *Вестник МГУ. Сер. исторических наук*, 1972, № 1, с. 92; *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнездове. *Вестник МГУ. Сер. историч. наук*, 1974, № 1, с. 74.

признаков выделяются некоторые черты погребального обряда: захоронения в ладье, согнутое или сложенное крестообразно оружие и т. д.

В приладожских курганах с различными обрядами погребения обнаружено 23 женских захоронения с набором из трех фибул — 20 трупосожженных и 3 трупоположения (табл. 1). Скорлупообразные фибулы служили для застегивания бретелей юбки с двух сторон груди. Как уже указывалось, их принято считать этническим признаком, определяющим скандинавскую принадлежность погребенной. Однако существует точка зрения, что женщины финно-угорских племен, носившие юбку, а не сарафан, восприняли скандинавскую моду на фибулы³. С. И. Кочкуркина относит погребения со скандинавскими фибулами на р. Паше скандинавским женщинам, а в бассейне р. Ояти, который она считает основной территорией расселения веси, такие погребения считает смешанными вепско-скандинавскими⁴.

В связи с этим следует вновь рассмотреть весь материал из погребений с набором таких фибул. В табл. 1 представлены инвентари погребений Приладожья, содержащие вещи скандинавского происхождения и местные. К скандинавским вещам мы относим овальные, щитообразные, брошкообразные и другие фибулы; цепи, соединявшие овальные и подковообразные фибулы; ладьевидные браслеты и игольники-трубочки. Последние могли производиться и на месте, но по аналогиям с находками из Бирки мы поместили их в раздел скандинавских⁵.

Набор из трех фибул (обычно из двух скорлупообразных овальных в сочетании со щитообразной, брошкообразной или иной) найден во всех погребениях данной группы⁶. В одном погребении на р. Ояти обнаружены две подковообразные застегки в сочетании с брошкообразной, а скорлупообразных не было⁷. В двух погребениях оказалось по одной овальной фибуле. В этих случаях вторая застегка, вероятно, утрачена при кремации, так как фасон юбки, с которой только и могли носить подобные фибулы, предполагает именно две застегки. Классификация и датировка этих фибул достаточно хорошо разработаны Я. Петерсеном, а для нашей территории В. С. Дедюхиной⁸.

³ *Фехнер М. В.* Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963; *Тухтина Н. В.* Этническая принадлежность. . . , с. 171; Норвежская исследовательница А. Стальсберг; считает, что набор из древних фибул может служить скандинавским этноопределяющим признаком в славянской, но не финно-угорской среде. Набор из трех скандинавских фибул в финно-угорской среде она рассматривает как признак скандинавского погребения (Доклад в ИА АН СССР 4 апреля 1975 г.).

⁴ *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье. . . , с. 95.

⁵ *Голубева Л. А.* Веси и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 40.

⁶ В публикациях и отчетах о раскопках А. М. Линецкого (Щангеничи, кург. 64) и В. И. Равдоникаса (Гиттола, кург. 1 — 4, и Заозерье кург. 6, погр. 8) перечислены не все находки и имеются данные только об овальных фибулах. Возможно, здесь были найдены фибулы и других типов (*Линецкий А. М.* Отчеты о раскопках на реке Ояти в 1947—1949 гг. — Архив ИА АН СССР; *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. — Изв. ГАИМК (М.—Л.), 1934, вып. 94).

⁷ *Линецкий А. М.* Отчеты. . . (Щангеничи, кург. 86).

⁸ *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928; *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967, с. 191.

В одном из курганов на р. Воронеге совместно со скандинавскими найдена фибула так называемого «карельского» типа⁹, являющаяся вариацией овальных фибул типа 55 (по Я. Петерсену). Зафиксированы их совместные находки, что позволяет датировать фибулы «карельского» типа X — началом XI в. Интересно отметить¹⁰, что в Карелии такие фибулы существенно отличны от приладожских¹⁰, в то время как в Прибалтике есть близкие им образцы¹¹. Это позволяет предполагать, что такие фибулы привозились в Приладожье из Прибалтики, а не из Карелии. В этом плане само название фибул представляется неоправданным. Появление их в Приладожье может свидетельствовать, что местное население переняло скандинавскую моду.

В сочетании с овальными в погребениях найдены фибулы других типов — равноплечные или брошкообразные, щитообразные односкорлупные и двускорлупные, фибулы трилистной формы, подковообразные застёжки разных типов. Все эти фибулы, кроме так называемых «карельских», происходят из Скандинавии.

Кроме скрепления бретелей юбки, фибулы служили для прикрепления к ним на цепочках игольников, гребней, копоушек, зооморфных подвесок, бубенчиков и бутылкообразных привесок. Круглые, трилистные и равноплечные фибулы использовались, очевидно, для закалывания шали или одежды в центре груди.

Во всех комплексах с набором скандинавских фибул, кроме двух (кург. 89 на р. Паше, и курган 116, комплекс 2), обнаружены местные, специфически вепские украшения и бытовые вещи или вещи финно-угорские, имеющие более широкий ареал¹². К числу первых относятся зооморфные привески в виде плоской прорезной уточки (2 комплекса на р. Паше, 1 — на р. Ояти), полые привески-уточка (2 комплекса на р. Паше, 2 — на р. Ояти), подвеска в виде животного, по-видимому, оленя, с кругом на голове (1 погребение на р. Паше).

В кургане 103 у дер. Подъелье (раскопки Н. Е. Бранденбурга) совместно с овальными фибулами обнаружено плетеное украшение в виде прямоугольной пластины с конскими головками. Подобные украшения известны в мордовских древностях¹³. Здесь же найдена коньковая подвеска пермского типа с бутылкообразными шумящими привесками¹⁴. К местным изделиям должны быть отнесены пластинчатые и дротовые бласлеты, бутылкообразные привески (8 погребений на р. Паше и 3 — на р. Ояти), бубенчики (8 погребений), спирали, шумящие подвески в виде

⁹ Бранденбург П. Е. Курганы юго-восточного Приладожья. — МАР, 1896, № 18, с. 132, Курган № 119.

¹⁰ Shwindt T. Karjalan Rautakaudesta. Suomen muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XIII, Helsinki, 1893.

¹¹ Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress. Riga. 1896. Tabl. 26, Fig. 14.
¹² Выделение специфически вепских украшений производили Л. А. Голубева, В. В. Пименов, С. И. Кочуркина, Н. В. Тухтина См.: Кочуркина. Юго-Восточное Приладожье. . . , Голубева Л. А. Весь и славяне. . . ; Пименов В. В. Вепсы. М.—Л., 1965; Тухтина Н. В. Этническая принадлежность. . .

¹³ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28, с. 124, табл. XXIX, 1, 3.

¹⁴ Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. — СА, 1966, № 3.

гусиных лапок (3 погребения), вертикальный игольник (1 погребение), копоушки, отличные от шведских, флаконовидные бусы (10 погребений) и др.

Таким образом, практически во всех женских захоронениях со скандинавскими фибулами имелись и финно-угорские вещи¹⁶, причем в большинстве комплексов таких вещей много. Лишь иногда местные изделия были представлены только бубенчиками, браслетами или копоушками. Отметим также, что подковообразные застежки не употреблялись в Швеции так широко, как в Приладожье.

Выделение скандинавского инвентаря мужских трупосожжений вызывает большие затруднения. Поэтому основным критерием для определения этнической принадлежности погребенных являются детали погребального обряда. С. И. Кочкуркина считает скандинавскими чертами обряда погребения наличие заклепок от ладьи в кургане, помещение с погребенным согнутого, сломанного или воткнутого в землю оружия¹⁸. Следует учитывать, однако, что обычай сгибать оружие, положенное в могилу, наблюдается не только у скандинавов, но и у некоторых групп финно-угорского населения, а также в Люцинском могильнике. Мы учитывали еще один признак скандинавского погребального обряда: вынесение оружия в сторону от погребения и расположение его крестообразно, что очень характерно для синхронных погребений Швеции.

В Приладожье такое явление прослежено в курганах 8, 19 и 84 на р. Паше¹⁷. Оружие и остальной инвентарь здесь были скандинавскими¹⁸. В кургане 19 в средней части насыпи найдено около сотни ладейных заклепок. В кургане 101 в стороне от остатков трупосожжения обнаружено копьё, воткнутое в землю. Сопровождающий инвентарь — шведский¹⁹.

Погребений со скандинавскими элементами в обряде захоронения в Приладожье было, очевидно, больше, но выделить их трудно. Так, например, в кургане у дер. Залющик мужское трупосожжение содержало меч, два копья, скрамасакс, 20 бляшек от ремня, в женском были набор скандинавских фибул и ножницы — характерная находка для шведских женских комплексов²⁰. Но в публикации нет данных о расположении оружия или преднамеренной порче его. Поэтому нет и достаточных оснований для отнесения кургана к числу скандинавских. Кроме того, и в са-

¹⁶ В уже упоминавшемся погребении 2 из кургана 89 на р. Паше все вещи были скандинавские (щитообразная и овальные фибулы, цепь, ладьевидные браслеты). Погребение выделяется и по характеру погребального обряда. Здесь найдено рядом два костяка (мужской и женский), ориентированные на восток. Обычно же в Приладожье мужские и женские погребения помещались в разных частях насыпей.

¹⁷ Втыкание копья в землю наблюдается в мерянских грунтовых могильниках и у выми. Д. А. Авдусин выявлял скандинавские трупосожжения в Гнездове, учитывая такие признаки, как погребения с ладьей и железные гривны с молоточками «Тора» в мужских погребениях. В выделенных по этим признакам погребениях оказалось несколько сожжений с мечами и копьями, воткнутыми в землю рядом с урной или в кострище.

¹⁸ *Бранденбург И. Е.* Курганы. . . , с. 99, 102, 108.

¹⁹ В кургане 8 была только одна местная вещь — пластинчатое кресало с ушком.

²⁰ *Бранденбург И. Е.* Курганы. . . , с. 123.

²⁰ *Salonen H.* Gräberfunde aus dem Ladogagebiete. — ESA, t. IV. Helsinki, 1929, S.229.

мой Швеции не в каждом погребении встречается сломанное и согнутое оружие. Следовательно, скандинавские погребения без этих характерных признаков могли существовать и в Приладожье, но выделение этих комплексов затруднено.

Нами учтено 27 курганов с теми или иными скандинавскими признаками в погребальном обряде. Только два из них содержали по одному погребению, остальные — от двух до шести. Остатки трупосожжений и костяки в кургане 8 располагались на разных уровнях, т. е. курганы были многоярусными, что совершенно не характерно для курганов Швеции. Они создавались не в один прием, а постепенно. При этом женские погребения размещались в западных, мужские — в восточных полах курганов²¹. Эти черты обряда специфически вепские.

В 20 курганах зафиксированы ритуальные очаги, характерные только для вепсов и не имеющие аналогий на других территориях, в частности — в Швеции²². Они представляют собой остатки костра, обгорелые плахи, камни; иногда под такой очаг делалась подсыпка из гравия (5 курганов), а в отдельных случаях, кроме подсыпки, имелась утрамбованная глиняная площадка. В 17 курганах на очагах обнаружены очажные принадлежности: котлы, сковороды, лопаты и пр.

Таким образом, в подавляющем большинстве курганов со скандинавскими признаками многие черты погребального обряда являются финно-угорскими, конкретно вепскими. Такова многоярусность курганов, расположение мужских и женских захоронений в разных секторах насыпи, южная ориентировка костяков в курганах с сожжением и ингумацией, ритуальные очаги.

Можно отметить такие детали обряда погребения, которые встречаются как в Швеции, так и у финно-угров. Данных для отнесения их к скандинавским или местным в том или ином конкретном случае пока недостаточно. Это, например, обычай помещать кости лошади и медвежьих фаланг при трупосожжении. Погребения с костями лошади (трупосожжения и трупоположения) довольно многочисленны в Бирке. В то же время этот обычай имел распространение у балтов и финно-угров. В Приладожье кости лошади найдены как в бесспорных погребениях местных жителей, так и в погребениях со скандинавскими вещами. Поэтому вопрос о том, является ли это здесь скандинавским или вепским признаком обряда погребения, пока остается нерешенным. Медвежьих фаланг в трупосожжениях найдены в сопках на Волхове, в мерянских грунтовых могильниках, а также на р. Мете в курганах с трупосожжениями VIII—IX вв., оставленных балтеко-финским населением²³. В приладожских курганах

²¹ В курганах 124 и 119 кальцинированные кости мужчины и женщины были положены вместе. Курганы многоярусные.

²² Тухтина Н. В. Ритуальные очаги в курганах южного Приладожья. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 242; Назаренко В. А. О погребальном ритуале Приладожских курганов с очагами. — КСИА, 1975, вып. 140, с. 39.

²³ Мальм В. А., Фехнер М. В. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тыс. н. э. — В кн.: Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969, с. 176.

находки фаланг медведя зафиксированы только в погребениях со скандинавскими вещами или деталями погребального обряда.

Итак, среди всех приладожских курганов с набором скандинавских фибул, согнутым оружием и ладейными заклепками оказался только один одноярусный и без очага²⁴, все остальные имели либо очаг, либо многоярусное расположение погребений, либо и то и другое одновременно. Следовательно, в Приладожье почти все погребения со скандинавскими фибулами и согнутым оружием располагались в курганах с устройством насыпей, резко отличным от скандинавского и характерным для местного населения. В Приладожье практически нет таких курганов, в которых погребальный обряд целиком соответствовал бы скандинавскому. Но погребальному обряду принадлежит решающая роль в определении этнической принадлежности погребенных. Поэтому мы вправе предположить, что набор из трех скандинавских фибул могли носить вепские женщины, представительницы местной знати.

Это не значит, что скандинавов совсем не было в Приладожье. Покрой одежды, в которой использовались овальные фибулы, был, очевидно, воспринят в результате непосредственных контактов со скандинавами. Погребение с ладьей у д. Усть-Рыбежна по обряду и найденным вещам является «гибридным», скандинавско-вепским. Здесь, очевидно, был похоронен скандинав. Но похоронный обряд совершали не только его сородичи, но и местные жители, о чем свидетельствует сооружение ритуального очага в кургане. Остатки трупосожжения были помещены к востоку от очага. Можно предполагать, что к западу от него было оставлено место для женского захоронения.

Очевидно, какое-то число шведов влилось в среду приладожской веси еще в IX в. Курганы X в., судя по погребальному обряду, были оставлены уже смешанным населением: скандинавы были почти полностью ассимилированы вепью.

В погребениях с набором скандинавских фибул, а также с дорогим оружием были захоронены представители социальной верхушки общества. Именно в их среду прежде всего проникали элементы новой моды, принесенной скандинавами.

Как известно, для того чтобы захоронить человека, умершего на чужбине, по обычаям его родины, нужно, чтобы похоронный обряд совершали его сородичи. Постоянное сочетание местных и скандинавских деталей обряда свидетельствует о том, что в Приладожье скандинавы обычно хоронили умерших совместно с вепсами. Очевидно, проникая в чужеродную среду в небольшом количестве, шведы очень быстро подвергались ассимиляции со стороны местного населения.

²⁴ Кучевичский ручей, курган 84. Раскопки Н. Е. Бранденбурга. Курган испорчен поздними ямами, поэтому данные о его устройстве могут быть неточными. В насыпи находилось три погребения, расположение их отлично от такого же в шведских курганах.

ИГОЛЬНИКИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА X—XIV ВВ.

Л. А. Голубева

Игольник — один из древнейших предметов материальной культуры. В странах умеренного и холодного климата, где теплая одежда из меха и кожи была первой необходимостью, костяные иглы и футляры для них — игольники — известны с палеолита. Древнейшие и повсеместно распространенные игольники — трубчатые из кости или остья пера птиц. Они различаются по способу ношения. Наиболее древними являются вертикальные игольники. Через игольник пропускался ремешок с воткнутыми иглами; нижний конец его завязывался узлом, а верхний крепился к одежде на груди или к поясу. Вертикальные игольники (из кости, меди, железа, олова) сохранились у современных народов Сибири. В деталях их формы и орнамента С.В. Иванов проследил этнические различия, восходящие к глубокой древности¹.

Вертикальные игольники. Вертикальные игольники характерны для всего Севера Европы. Археологические данные конца I — первых веков II тысячелетия н. э. позволяют утверждать, что они имели региональные особенности, объясняемые этническими различиями. Мы рассматриваем только металлические игольники, известные на территории Европейского Севера РСФСР. Их можно разделить на несколько типов. Игольники *первого типа* имеют вид трубочек, согнутых из металлической пластины или литых, иногда орнаментированных насечками. Они известны из длинных курганов с трупосожжениями в Калининской области (VIII—IX вв.) и приладожских курганах X—начала XI в. В последних, а также в слое X в. Белоозера найдены еще игольники *второго типа* — с утолщениями-поясками. Население, оставившее эти курганы, — финно-угорские, весское². Однако в его среду проникали и пришельцы из Скандинавии. Найденный в горизонте E—1 Старой Ладogi цилиндрический бронзовый игольник с поясками, крышечкой, напаянным дном,³ соединенный с футляром плетеной цепочкой, имеет аналогии в Бирке³ и должен рассматриваться как скандинавский.

Игольники *третьего типа*, в виде бронзовых трубочек с шаровидными или овальными расширениями, в X—XI вв. широко известны в финно-угорской среде от Приладожья до области коми. Число находок установить трудно, так как в литературе они часто трактуются как пронизки. В погребениях такие игольники обычно встречаются в одном экземпляре, у пояса. В курганах Костромского Поволжья они относятся к XII в. (рис. 1, 1). Игольники *четвертого типа* — железные, квадратные и овальные

¹ Иванов С. В. Старинные трубчатые игольники народов Сибири. — В кн.: Одежда народов Сибири. Л., 1970, с. 196—207.

² Голубева Л. А. Везь и славяне на Белом озере. М., 1973. с. 40, 41, рис. 51, 26.

³ Ambman H. Birka. I. Die Gräber., Uppsala, 1940, Taf. 167, 6, 7.

в сечении — известны у древних удмуртов. В Варнинском могильнике квадратный игольник с железными иглами найден в женском погребении VIII—IX вв. В Кипкинском могильнике (погр. 19; IX—X вв.) овальный в сечении игольник лежал в погребении мужчины у левого бедра⁴.

В Верхнем Прикамье IX—XII вв. сложился местный тип костяного трубчатого игольника в виде футляра с крышечкой, которые скреплялись друг с другом при помощи ремешков, продернутых в отверстия футляра и крышки⁸. Таким же способом в футлярах из рога с рукояткой-крышечкой здесь носили походные шилья, приторачивая их к поясу. Эта же форма повторена в бронзовых игольниках на одну и две иголки. Петли для ремешков — горизонтальные, их четыре (с двух сторон футляра и крышки). Такие игольники собраны в Верхнем Прикамье, главным образом в районе Чердыни⁶, и выделяются нами в *пятый тип*. Эти игольники, сложившиеся на базе костяных игольников родановской культуры, могут считаться характерными для коми-пермяков. Такие же игольники найдены в Биляре⁷. Связи Биляра и Верхнего Прикамья как в эпоху родановской культуры, так и позже являлись традиционными. Дата игольников пятого типа точно не установлена. А. А. Спицын относил их к XIII—XIV вв.

Игольники *шестого типа* — прибалтийско-финского происхождения, представлены тремя вариантами: с гладким щитком, со щитком, имеющим круглые отверстия, и резным, фигурным (рис. 1, 2, 4). Найдены в Старой Ладоге⁸, близ деревни Горки на р. Паше⁹, и в кургане на западной окраине древней новгородской земли¹⁰, датируются XII в. Такой же

⁴ Семенов В. А. Отчет о работе удмуртской археологической экспедиции в 1970 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4077, табл. 7, 7; 8, 1.

⁵ Оборин В. А. Коми-пермяки в X—XV вв. (родановская культура). Автореф. канд. дис., 1957. — Архив ИА АН СССР, р. 2, № 1043, с. 235.

⁶ Спицын А. А. Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых. МАР (СПб.), 1902, № 26, табл. XVIII, 7, 8; ГИМ, III археологический отдел, колл. 743/4; МАЭ, колл. 1300/1; Эрмитаж, ОИПК, секция северо-востока, колл. 573/14; 586/69; 771. ЦГМТР, колл. 7719/56 и ГИМ.

⁷ Случайная находка. Эрмитаж, ОИПК, секция северо-запада, инв. № 1007.

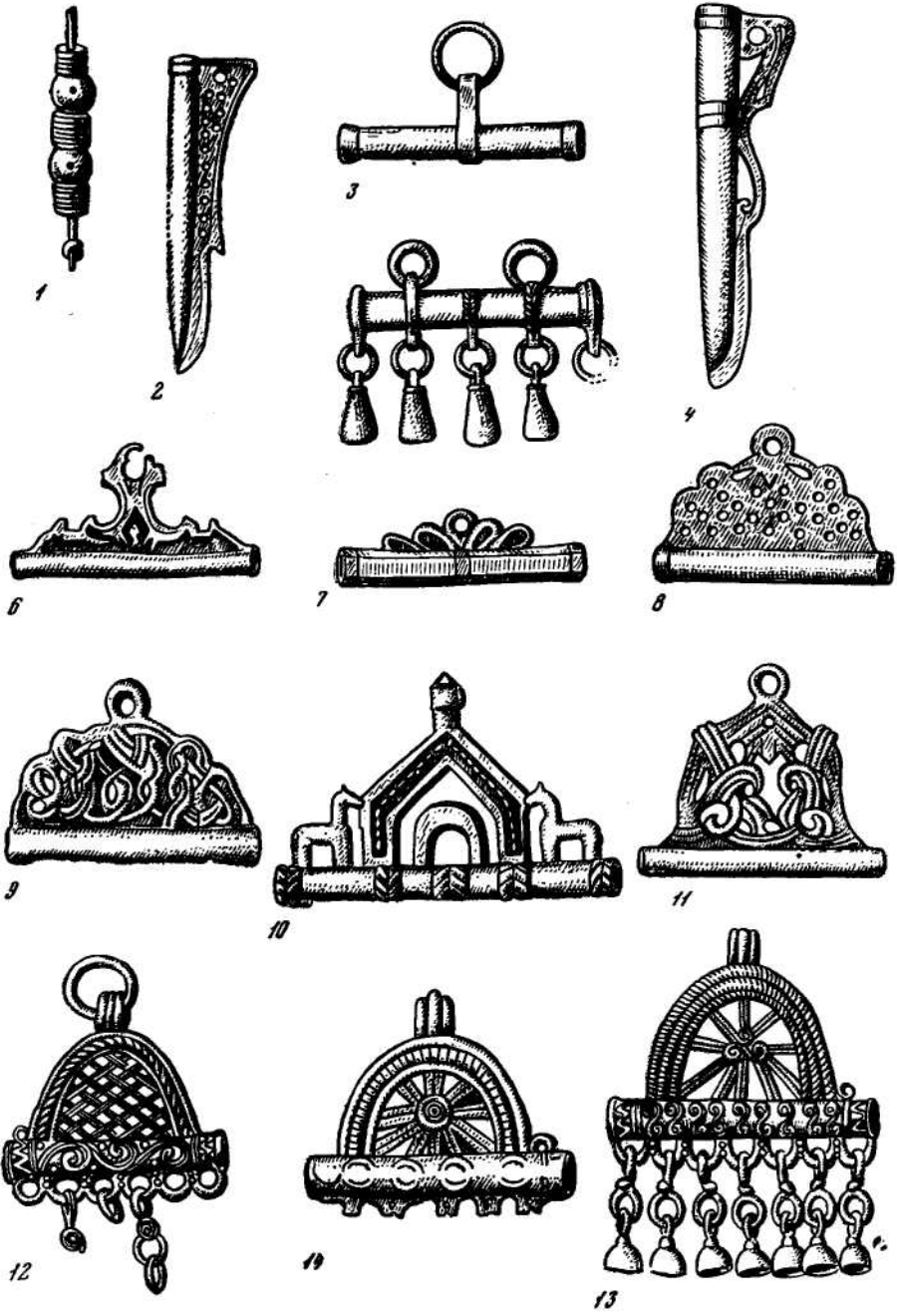
⁸ Архив ЛОИА, ф. А. А. Спицына, д. 374, № 89.

¹⁰ Эрмитаж, ОИПК, секция северо-запада, колл. 867, № 134.

Рис. 1. Металлические игольники

1 — быв. Костромской уезд; 2 — кург. у дер. Вопша; 3 — кург. 7 у с. Никольского; 4 — быв. Костромской уезд; 5 — кург. 3 у дер. Шангиничи; в — Тихвинский район; 1 — кург. 8, комплекс IV у дер. Ильино; в — быв. погост Озерский; 9 — кург. 7 у дер. Фоминской; 10 — костромские курганы; 11 — кург. 2 у д. Гарняки; 12 — Тихвинский район; 13 — с. Никольщина; 14 — кург. 18 у дер. Семеново.

1. 1 — КОКМ, инв. 15452, табл. СХХVIII, раскопки Г. М. Девочкина; 2 — Эрмитаж, ОИПК, секция северо-запада, колл. 867; 3 — там же, колл. 699; 4 — КОКМ, табл. СХХХVIII, раскопки Г. М. Девочкина; 5 — Ливневский А. М. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Оять в Ленинградской области в 1948 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 258; в — Эрмитаж, ОИПК, секция северо-запада, колл. 702/3; 7 — там же, колл. 700/171; 8 — Tallgren A. Fornseker från Olonets på Historiska Musset i Helsingfors. — ESA III fig. 25; 9 — Эрмитаж, ОИПК, секция северо-запада, колл. 624/668; 10 — Анучин Д. Н. Указ. соч., рис. 16; 11 — Ливневский А. М. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Оять в Ленинградской области в 1949 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 400; 12 — Эрмитаж, ОИПК, секция северо-запада, колл. 702/2; 13 — там же, колл. 1416/6; 14 — Третьяков П. Н. Указ. соч., табл. II, st

игольник известен из слоя XII в. в Новгороде¹¹. Много игольников этого типа обнаружено в женских погребениях Костромских курганов, что, по мнению, П. Н. Третьякова, является одним из доказательств связей Костромского Поволжья с Прибалтикой, Приладожьем и Новгородской землей¹².

Горизонтальные игольники. Горизонтальные металлические игольники на рассматриваемой территории появились в X в. в Приладожье. Простейший, *первый тип* их — с одной вертикальной петлей для подвешивания (рис. 1, 3) — не был местным изобретением, так как такие игольники бытовали ранее в Швеции, Норвегии, Латвии, Эстонии. Из Приладожья горизонтальные игольники первого типа распространились в X—XI вв. на территорию белозерской веси (курган 1 у дер. Верхний Коней на р. Суде) и в Ярославское Поволжье¹³. Дальнейшее развитие этой формы игольников совершалось уже в местной среде, где они получили своеобразные черты. Игольники с двумя петлями наверху известны только в Приладожье.

Горизонтальные игольники *второго типа*, имевшие петли внизу для шумящих привесок, несомненно, местного производства. Древнейший из них найден в погр. 2 кург. GXII, у дер. Вахрушево в Приладожье, с финским обрядом погребения (головой на юг), монетами X в. и смешанным скандинавско-финским инвентарем. Другой игольник происходит из кург. 3 у дер. Шангиничи на р. Ояти и датируется монетами 1038—1090 гг. (рис. 1, 5). Такой же игольник из Васильевского городища на р. Ваге относится к XII в. Более поздней является находка из бывш. Нижегородской губ.¹⁴ Оригинален бронзовый игольник из слоя конца XI в. в Новгороде¹⁵. Он состоит из полой трубочки с косорешетчатым орнаментом и шестью петлями для шумящих привесок. Сверху имеются две петли для подвешивания, в центре — треугольник из трех колец.

У *третьего типа* горизонтальных игольников появляется сверху щиток с одной петлей. Все щитки разные по материалу (бронза, железо), размеру и форме (рис. 1, 6, 7). Очевидно, форма щитка в это время в Приладожье еще только складывалась.

Люльники четвертого типа имеют подтреугольный щиток с петлей наверху, орнаментированный круглыми отверстиями, расположенными в шахматном порядке. На лицевой стороне некоторых щитков резцом нанесен дополнительный узор (рис. 1, 8). Ранние экземпляры таких игольников известны в земле древних ливов, где найдены с монетами-подвесками Этельреда II (971 — 1016)¹⁶. Весьма рано они появляются в Приладожье. В кург. 3 у дер. Видлица, на восточном берегу Ладожского

¹¹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — МИА, 1959, № 15, рис. 2. 11.

¹² Третьяков П. Н. Костромские курганы. — ИГАИМК, 1923, т. X, вып. 6—7, 1923, г. 2т.

¹³ ЛОИА АН СССР, ф. А. А. Спицына, №381, л. 152—153.

¹⁴ РИМ, указатель 1893, с. 322.

¹⁵ Опись новгородской экспедиции 1958 г., 16—1609, № 26.

¹⁶ РК, № 590, табл. 18, 26.

озера, игольник четвертого типа датируется по совместной находке монетами середины XI в.¹⁷ Игольники *четвертого типа* представлены серией стандартных отливок, 2/3 которых происходят из Приладожья. В Новгороде такие игольники найдены в слое XII в.¹⁸ в курганах Костромской и Ивановской областей — также с инвентарем XII в. В могильниках они происходят из погребений с северной и северо-западной ориентировкой¹⁹.

Горизонтальные игольники *пятого типа* отлиты по восковой модели, в связи с чем каждый экземпляр имеет индивидуальные черты. Их щитки передают сложный узор в виде плетенки (рис. 1, 9, 11). Такие игольники найдены в поздних курганах Приладожья и в культурном слое Белозера XII — XIII вв.²⁰, известны на территории Калининской²¹ и Костромской областей. В курганах Костромского Поволжья найдено наибольшее количество таких игольников. Там же обнаружены местные отливки с приладожских образцов.

В особую группу должны быть выделены горизонтальные игольники с арочным щитком. По рисунку последнего они делятся на три типа. К *первому типу* относятся игольники с косорешетчатым щитком. Девять игольников, изготовленных в Приладожье, выполнены в сложной технике: арка щитка и футляр для иглонок с петлями отливались по восковой модели, а пространство под аркой заплеталось проволочками в косую решетку (рис. 1, 12). Такие игольники появились в XII в. и свидетельствуют о высокой технике и стойких традициях местных финно-угорских мастеров, превративших предмет чисто утилитарного назначения в нарядную шумящую подвеску. Косорешетчатый орнамент и мотив спирали, неизменно присутствующий на игольниках, характерны в это время и для других украшений, бытовавших на территории веси (например, круглые и зооморфные подвески). Четыре из девяти игольников этого типа найдены в приладожских курганах, остальные — в Новгороде в слое середины XII в.²², Костромском Поволжье, Прикамье²³ и в Кинтусовском могильнике в Западной Сибири²⁴.

Известно еще три экземпляра игольников, представляющих собой неудачные подражания приладожским рассмотренного типа. Отливка их грубая, орнамент щитка искажен, вместо петель внизу — бесформенные выступы. Два таких игольника найдены в костромских курганах²⁵, третий — в Ивановской области²⁶. Во всех трех женских погребениях

¹⁷ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. - ИГАИМК, 1934, вып. 94, табл. V, II.

¹⁸ Опись новгородской экспедиции 1956 г. инв. № 3107, № 11.

¹⁹ Отчеты Б. И. Ерофеевой о раскопках в Кинешемском районе Ивановской обл. в 1948, 1951 гг. — Архив ИИ АН СССР, Р—1, № 222, 542.

²⁰ Голубева Л. А. Веси и славяне. . . , с. 41, рис. 5, 3.

²¹ Архив ЛОИА, ф. А. А. Спицына, д. 381, л. 78.

²² Седова М. В. Ювелирные изделия. . . , рис. 3, 12.

²³ Спицын А. А. Древности камской чуди. . . , табл. III, 5; XII, 10.

²⁴ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. — МИА, 1957, № 58 табл. X 1, 2.

²⁵ КОКМ, инв. 15474 и 15458.

²⁶ Кург. 6 у дер. Зимнево. Ерофеева Е. И. Отчет об археологических раскопках в Наволокском районе Ивановской области в 1956 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1 № 1227, табл. XVII.

ниях, датированных XII—XIII вв., с этими местными отливками найден чисто финно-угорский набор украшений: полые шумящие подвески-уточки, цепедержатели, треугольные шумящие подвески и др.

У *второго типа* игольников с арочным щитком последний заполнен десятью радиально расходящимися лучами, в центре — спиральные завитки. В Приладожье щиток украшался изящной филигранью, в центре располагалась тройная спираль (рис. 1, 13). Подражание таким игольникам из костромских курганов представляют собой грубые отливки с затеками металла вокруг лучей щитка и выступами вместо петель внизу (рис. 1, 14). Этот тип также датируется XII—XIII вв.

Третий тип арочных игольников представлен одним экземпляром (рис. 1, 10). На его щитке изображены кони по сторонам какой-то постройки²⁷. Сюжет изображения обычно связывается в литературе с религиозными представлениями славян (священные кони у языческого капища). Но культ коня существовал и у финно-угорских народов. Известно, что в Костромской области, прочно освоенной славянами в XII—XIII вв., финно-угорский элемент в погребальном обряде, украшениях, а следовательно, и в идеологии местного населения проявлялся достаточно ярко. Игольники в погребениях местного, уже смешанного населения, представляли элемент именно финно-угорской культуры. Металлические игольники у славян Владимирско-Суздальской, Смоленской или Киевской Руси не известны.

²⁷ *Анучин Д. И.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. — МАНГР, т. III. М., 1899, с. 250 рис. 16.

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

О МОГИЛЬНИКЕ «БАБИЙ БУГОР» В БОЛГАРАХ

Е. А. Халикова

Одним из интересных археологических объектов Болгарского городища в Куйбышевском районе ТАССР является древний могильник в урочище Бабий бугор, известный с 50-х годов прошлого столетия и неоднократно подвергавшийся раскопкам¹. Наиболее крупные исследования проводились дважды: в 1880 г. членами Общества естествоиспытателей при Казанском университете Н. Ф. Высоцким и Н. М. Малиевым и в 1947—1948 гг. экспедицией ИИМК АН СССР под руководством А. П. Смирнова². В 1880 г. было вскрыто около 200 погребений³. Положение скелетов в могилах, как отмечал Н. Ф. Высоцкий, было крайне разнообразно. Не раз рядом с мужскими костяками находились женские и детские. В этой связи исследователь полагал, что могилы были «неоднократно разрываемы» и «нередко в одну и ту же могилу клали по нескольку человек»⁴. В одиночных могилах погребенные лежали на левом боку, головой на запад, лицом к северу. Н. Ф. Высоцкий считал, что «кладбище на Бабьем бугре не могло принадлежать историческим болгарам-мусульманам»⁵, что в Болгарах жили пришельцы из разных стран, и могильник был оставлен одной из таких групп. Н. А. Малиев, исследовавший черепа с Бабьего бугра, отметил, что серия характеризуется ярко выраженной долихокранией и резко отличается от черепов народов Поволжья, приближаясь к черепам из славянских курганов X—XII вв.⁶

¹ Об этом см.: *Ефимова А. М.* Могильник на Бабьем бугре городища Болгары. — МИА, 1960, № 80, с. 169, 170; *Она же.* Кладбище на окраине посада города Болгара. —

В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 24.

² Исследованиями на могильнике руководила А. М. Ефимова.

³ *Высоцкий И. Ф.* Очерки антрополого-этнографических исследований, произведенных в течение лета 1880 г. Очерк 1-й. — Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанск.

ун-те (Казань), т. X, вып. 3, 1881.

⁴ Там же, с. 6, 7.

⁵ Там же, с. 11.

⁶ *Малиев Н. М.* О болгарских черепях. Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете, 1880/1881 г. Казань, 1881, засед. 141, с. 8, 9; *Он же.* Антропологические изыскания. — Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те, т. X, вып. 4, Казань, 1881, с. 10.

Раскопками 1947—1948 гг. уточнена стратиграфия напластований на площади некрополя, вскрыто еще 218 захоронений и подтверждена их датировка. Кладбище возникло во второй половине домонгольского периода, в XII в., после запустения находившегося здесь небольшого болгарского поселка X—XI вв., и продолжало существовать в XIII—XIV вв.⁷ А. М. Ефимова и А. П. Смирнов на основе вновь полученных материалов пришли к выводу, что могильник на Бабьем бугре в основе является мусульманским, сохранившим, однако, в обряде некоторые черты язычества⁸. Исследователи первоначально полагали, что он оставлен местными земледельческими племенами, «составлявшими значительную часть населения Булгарского царства»⁹. В одной из последних работ, говоря о большой роли пришельцев-болгар в этнической истории края, А. П. Смирнов отметил, что кладбище на Бабьем бугре дало смешанный болгаро-мордовский комплекс¹⁰. Близкой точки зрения придерживается и А. М. Ефимова, считающая это кладбище родовым могильником волжских болгар, включивших в свой состав «волжских угро-финнов и приазовских болгар»¹¹. Антропологи в настоящее время также называют могильник на Бабьем бугре рядовым кладбищем Волжской Болгарии, считая, что он оставлен коренным болгарским населением¹². Таким образом, мнения ученых в интерпретации памятника — его погребального обряда и этнической принадлежности — разошлись. Полученные в последние годы сравнительные материалы позволяют вновь вернуться к этому вопросу.

В последние два десятилетия на территории Волжской Болгарии изучена значительная серия языческих (VIII—X вв.) и мусульманских (X—XV вв.) могильников. Большое число исследованных погребений — около полутора тысяч языческих и примерно столько же мусульманских — дает достаточно четкое представление о погребальном обряде населения Волжской Болгарии раннеболгарского, домонгольского и золотоордынского периодов.

Для всех известных могильников, синхронных нижнему горизонту захоронений на Бабьем бугре, т. е. для могильников второй половины домонгольского времени (XII—начало XIII в.), как городских (I Биляр-

⁷ Акчуркина З. А., Ефимова А. М., Смирнов А. П., Хованская О. С. Исследования города Болгара. — КСИИМК, 1949, вып. XXVII, с. 149—152; *Они же*. Раскопки Великих Болгар. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIII, с. 78.

⁸ Смирнов А. П. Волжские болгары. — Труды ГИМ, 1951, вып. XIX, с. 183; Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре. . . , с. 190; *Она же*. Кладбище на окраине посада. . . , с. 28.

⁹ Акчуркина З. А., Ефимова А. М., Смирнов А. П., Хованская О. С. Исследования города Болгара, с. 151; Смирнов А. П. Волжские болгары, с. 183.

¹⁰ Смирнов А. П. Об этническом составе Волжской Болгарии. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 304.

¹¹ Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре. . . , с. 194; *Она же*. Кладбище на окраине посада. . . , с. 29.

¹² Трофимова Т. А. Антропологический состав населения г. Болгары в X—XV веках. Антропологический сборник, 1. — Труды ИЭ, нов. сер. (М.), 1956, т. XXXIII, с. 73—115; Постникова Н. М. К антропологии средневекового могильника «Четырехугольник». — МИА, 1970, № 164, с. 24, 25.

ский, часть погребений у Соборной мечети в Болгарах)¹³, так и сельских, расположенных в разных районах Волжской Болгарии (III Рождественский, Измерский, I Старо-Куйбышевский)¹⁴, характерен единообразный ритуал: отсутствие сохранившихся надгробных сооружений; неглубокие, с вертикальными стенками могильные ямы; деревянные гробы, для сколачивания которых в этот период начинают широко использоваться массивные железные гвозди; очень строгое (100% могил даже в сельских некрополях) соблюдение правила кыблы, предписанного мусульманскими канонами и предусматривающего обязательную ориентировку умершего лицом на Мекку с поворотом на правый бок¹⁵. Для территории Волжской Болгарии соблюдение этого требования означало ориентировку погребенных головой на запад с небольшим отклонением к северу, что и наблюдается в названных болгарских некрополях. Очень единообразно положение погребенных в могилах — с небольшим поворотом на правый бок, с правой рукой, вытянутой вдоль корпуса, и левой, слегка согнутой на таз. В среднем около 90% погребений дают это устойчивое сочетание признаков. Ни в одном из захоронений этого времени не встречены вещи, что также соответствует требованиям ислама.

Все эти особенности, судя по могильнику у Соборной мечети в Болгарах, сохраняются у основной части населения Волжской Болгарии и в раннезолотоордынское время¹⁶. В могильнике на Бабьем бугре отмечаются лишь отдельные из указанных признаков, к тому же очень широко распространенные — простая конструкция могил с вертикальными стенками, использование гробов, в которых, однако, ни разу не найдены гвозди, и ориентировка погребенных головой на запад. В остальном отличия очень существенны. Следует отметить расположение могил в 2—4 яруса друг над другом и при этом нарушения одних могил другими¹⁷. Из 55 могил, где удалось проследить положение лица погребенных, в 31 случае (около 56%) оно было обращено к северу, в 4 случаях вверх и лишь в 20 (около 37%) к югу¹⁸. Уже один этот факт не дает возможности отнести к числу мусульманских подавляющую массу захоронений Бабьего бугра, о чем в свое время писал Н. Ф. Высоцкий. Достаточно своеобразны и другие детали. В большинстве случаев руки погребенных — обе (36%) или одна (25%) — были сложены на груди или верхней части живота. Положение рук, свойственное болгарским мусульманским могильникам, —

¹³ Халикова Е. А. Билярские некрополи. — В кн.: Великий город. М., 1976; Воскресенский А. С., Смирнов А. П. Археологические исследования Соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах. — СА, 1966, № 1, с. 248, 249.

¹⁴ Халикова Е. А. Сельские некрополи Волжской Болгарии XII—начала XIII вв. — АЭТ (Казань), 1976, вып. 2.

¹⁵ Фан-ден Берг Л. В. С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. СПб., 1882, с. 33.

¹⁶ Воскресенский А. С., Смирнов А. П. Археологические исследования. . . , с. 249; Смирнов А. П. Об этническом составе Волжской Болгарии, с. 305.

¹⁷ Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре. . . , с. 172.

¹⁸ Подсчеты произведены по таблицам, приложенным к статье А. М. Ефимовой «Могильник на Бабьем бугре. . . » (с. 174—183). В тексте данной статьи приводятся несколько иные, еще более показательные цифры: лицом к северу — 34 могилы, лицом к югу — 18 могил (с. 189).

правая рука вытянута, левая согнута и положена на таз — отмечено лишь в одном случае. В 16 могилах обнаружены остатки одежды, обуви, единичные украшения и предметы инвентаря (пуговицы, бусины, обломки стеклянного браслета, серьги, зеркало, пряслице, бронзовая чашка и пр.). В 7 случаях внутри могил зафиксированы каменные конструкции: вдоль стен и на дне могил, иногда над костяками располагались большие и малые плиты из песчаника. В 10 случаях (около 5% могил), в том числе в могилах с каменными обкладками, обнаружены вводные разновременные захоронения в общую могильную яму, не считая могил, в которых, кроме основного погребения, находились еще отдельные черепа и кости. Таких могил значительно больше¹⁸. Эти особенности совершенно не свойственны мусульманским болгарским могильникам XII—XIII вв. Внутримогильные каменные конструкции не встречены ни в одном из известных раннеболгарских некрополей. Единичные повторные захоронения в одну яму есть в Больше-Тарханском могильнике, но в остальных некрополях их нет. Вряд ли поэтому такие детали могут считаться наследием раннеболгарского погребального обряда.

Еще более настораживает антропологический материал. Серия из раскопок 1947—1948 гг. на Бабьем бугре, по данным Т. А. Трофимовой, характеризуется преобладанием долихо-мезокранных европеоидных типов²⁰, что вполне согласуется с выводами Н. М. Малиева и Г. Ф. Дебеца, изучившего черепа, собранные на Бабьем бугре в 70-е годы прошлого века²¹. Все же известные в настоящее время серии из болгарских могильников, языческих и мусульманских²², представлены в основном различными вариантами брахикранных и мезо-брахикранных европеоидных типов, которые, таким образом, могут считаться основными у волжских болгар. Что касается резко отличной от них серии с Бабьего бугра, то Т. А. Трофимова отметила в свое время ее поразительное сходство с серией из Верхне-Салтовского катакомбного могильника, а также известную близость с черепами понтийского типа из черкесских курганов могильников Северного Кавказа²³. К близкому выводу пришла и Н. М. Постни-

¹⁹ *Ефимова А. М.* Могильник на Бабьем бугре . . . , с. 174—183, табл. 2—6.

²⁰ *Трофимова Т. А.* Антропологический состав. . . , с. 88, 114.

²¹ *Дебец Г. Ф.* Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии. — Антропологический журнал, 1932, № 1, с. 57—58.

²² *Герасимова М. М.* Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы. — Антропологический сборник, I. Труды ИЭ, нов. сер. (М.), 1956, т. XXXIII, с. 147; *Акимова М. С.* Материалы к антропологии ранних болгар. — В кн.: Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 177—180; *Она же.* Антропологические материалы из Танкеевского могильника. — Вопросы антропологии, 1973, вып. 45, с. 15—28; *Ефимова С. Г.* Краниологические материалы домонгольского времени из Биляра — города Волжской Булгарии. — Вопросы антропологии, 1974, вып. 48, с. 169—178; *Рудь Н. М. (Постникова).* Антропологические особенности сельского населения Волжской Булгарии (по материалам раскопок Измерского могильника). — Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание (тезисы). Казань, 1974, с. 43; *Она же.* К антропологии средневекового могильника «Четырехугольник», с. 27—38; *Она же.* К антропологии населения Волжской Булгарии. Антропологические материалы из могильника «Минарет» XIV—XV вв. — СА, 1973, № 3, с. 203—211.

²³ *Трофимова Т. А.* Антропологический состав. . . , с. 97, 98.

нова, проанализировавшая одонтологический материал. По ряду важных одонтологических признаков серия Бабьего бугра оказалась очень близкой к Дмитровскому могильнику в Подонье и современным осетинам. В то же время такие могильники, как Кайбельский, Болыпе-Тарханский, Танкеевский и некоторые другие, дали совсем иной комплекс признаков²⁴. Таким образом, вся совокупность материала — своеобразный погребальный ритуал и антропологические особенности — не позволяют относить могильник на Бабьем бугре к числу рядовых некрополей, оставленных основным населением Волжской Болгарии.

Вряд ли можно говорить и о принадлежности этого некрополя мордве на основе таких широко распространенных признаков, как неглубокие грунтовые ямы, наличие гробовищ и колод, положение погребенных на боку с подогнутыми ногами (один случай на Бабьем бугре), наличие остатков шелкового венчика на голове в одном из погребений²⁵. Что касается специфических элементов обряда — захоронений в могилах с каменными обкладками, повторных вводных погребений в одну могилу — то для синхронных (Ефаевский, Гагинский, Муранский, Аткарский, Барбашинский и др.) и более ранних (Крюковско-Кужновский, Томниковский, Перемерчалкинский, Лядинский и др.) могильников мордвы эти детали не характерны. Ни в одном из 218 погребений Бабьего бугра, вскрытых в 1947—1948 гг., не встречены такие типично мордовские украшения, как накосники, сьюлгамы. Последние, по данным А. Е. Алиховой, встречаются обычно в каждой мокшанской могиле на протяжении всего II тысячелетия н. э.²⁶

Наиболее выразительные вещи с Бабьего бугра, в частности серьги со вставками из сердолика, имеют аналогии на Северном Кавказе²⁷. Здесь же (Дергавс, Балта, Дзивгис, Лизгор и др.) можно указать многочисленные аналогии могилам с каменными конструкциями и вводным захоронением в семейные усыпальницы²⁸. Ряд признаков для погребений Бабьего бугра, прослеживается в могильниках с каменными гробницами и ящиками в Верхнем Прикубанье²⁹.

Грунтовые погребения с каменными обкладками известны также в низовьях Северского Донца и Дона (Рыгинский и Багаевский могильники)³⁰. Но особенно много параллелей погребениям Бабьего бугра обнаруживается в Беловежском могильнике конца X—начала XII в., оставленном смешанным населением, в состав которого входили в основном потомки местного саркельского болгаро-аланского населения и пришлые

²⁴ Постникова Н. М. Одонтологические особенности средневекового населения г. Саркела (X—XII вв.). Доклад, прочитанной на отчетной сессии АН СССР в отделе антропологии в апреле 1972 г.

²⁵ Ефимова А. М. Кладбище на окраине посада. . . , с. 28, 29.

²⁶ Алихова А. Е. Эрзянский могильник XIV века ус. Гагино. — В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, с. 170.

²⁷ Акчурина З. А., Ефимова А. М., Смирнов А. П., Хованская О. С. Раскопки Великих Болгар, с. 78; Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре. . . , с. 191.

²⁸ МАК, 1900, вып. VIII, с. 98, 105, 129, 172, 198—199 и др.

²⁹ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 59.

³⁰ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 95.

славяне, поселившиеся в городе ³¹. Здесь встречаются грунтовые могилы с вертикальными стенками, гробы из толстых плах, отдельные могилы с каменными обкладками и перекрытиями, которые исследователи рассматривают как пережиток обычая захоронений в каменных ящиках ³², вытянутые на спине труположения головой на запад. Под голову, по мнению О. А. Артамоновой, подкладывались валики или подушки, при сгибании которых череп обычно скатывался на левый или правый бок, лицом к северу или к югу. Разнообразно положение рук, довольно часто они сложены на животе — положение обычное при христианском обряде погребения ³³. Иногда в таком положении, находилась только одна рука, другая лежала вдоль тела. Встречены здесь и двукратные одновременные захоронения в одной могиле, часто в одном и том же гробу (6% общего числа захоронений), в чем О. А. Артамонова усматривала сохранение традиции семейных усыпальниц, свойственной катакомбным аланским могильникам, но при иных формах могил ³⁴. На Беловежском могильнике отмечены участки, очень густо заполненные могилами, где, как и на Бабьем бугре, они располагались в 2—3 яруса. При этом встречались нарушения могил позднейшими погребениями, а в отдельных случаях, как и на Бабьем бугре, все кости были перемешаны и лежали грудой ³⁵. Около трети погребений сопровождалась единичными вещами (серьгами, бусинами, пуговками, стеклянными или металлическими браслетами и проч.). Таким образом, в могильнике Саркела-Белой Вежи русского времени наблюдается почти весь комплекс деталей погребального обряда, свойственный могилам Бабьего бугра. Кроме преобладающего европеоидного брахикранного типа, в этом могильнике представлена значительная масса долихокранных черепов, имеющих ближайшие аналогии в материалах Верхне-Салтовского могильника, у алан Северного Кавказа и некоторых славянских племен ³⁶.

Мы не беремся окончательно решать вопрос об истоках и этнической принадлежности населения, оставившего могильник на Бабьем бугре. Не исключено, что это были аланы, выходцы из Подонья или с Северного Кавказа. Важно, что эта группа отличалась от основного населения Волжской Болгарии по антропологическому типу и погребальному обряду. Она долго сохраняла свои особенности и мало смешивалась с местным населением города, хотя этот процесс, видимо, все-таки наблюдался. В краниологической серии с Бабьего бугра отмечается небольшая примесь брахикранного урало-лапонидного типа, преимущественно среди женщин ³⁷. Возможно, что относительная замкнутость этой группы ³⁸ объяснялась

³¹ Артамонова О. А. Могильник Саркела-Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109, с. 27 и ел.

³² Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 125.

³³ Артамонова О. А. Могильник. . . , с. 42.

³⁴ Там же, с. 49.

³⁵ Там же, с. 34, 35.

³⁶ Гинзбург В. В. Антропологический состав населения Саркела-Белой Вежи и его происхождение. — МИА, 1963, № 109, с. 266, 267.

³⁷ Трофимова Т. А. Антропологический состав. . . , с. 83, 84, 88.

³⁸ Характерно, что в других могильниках Болгарского городища присутствие долихокранных индивидов не отмечено (Постникова Н. М. К антропологии средневекового могильника «Четырехугольник», с. 27).

иной религией, которую исповедывало это население. Вполне вероятно, что это было христианство. Характер захоронений в гробах, головой на запад, с руками, часто сложенными у груди и на животе, в одежде и обуви, обычно без сопровождающего инвентаря, не противоречит этому предположению. В этом отношении захоронения на Бабьем бугре очень близки синхронным христианским погребениям на Северном Кавказе, иногда совершавшимся в каменных ящиках³⁹. Крестики совсем не обязательный атрибут подобных могильников. Топография кладбища на Бабьем бугре, располагавшегося в домонгольское время далеко за чертой городских укреплений, а в XIV в. на окраине посада, также не противоречит нашей гипотезе.

³⁹ Минаева Т. М. К истории алан. . . , с .70, 71.

К ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 1970—1972 ГГ. В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА ВЕЛИКИЕ БОЛГАРЫ

Н. Д. Аксенова

Археологическое исследование юго-восточных районов Болгарского городища начато в 1957 г. Куйбышевской экспедицией под руководством А. П. Смирнова, а с 1967 г. систематически проводится Болгарским отрядом Поволжской экспедиции Института археологии АН СССР. Раскопки ведутся в районе Малого минарета и Ханской усыпальницы. С 1970 г. начато исследование участка в 300 м южнее Малого минарета, где до сих пор видны холмики над руинами каменных построек. Итоги работ 1970—1972 гг. на раскопах XXXVII и XL общей площадью 700 кв. м освещены ниже.

В раскопах четко прослежено деление культурных напластований на два слоя, различающихся по структуре, цвету, составу находок и характеру содержащихся в них объектов.

В нижнем слое в виде плотной коричневатой супеси содержались остатки жилищ и многочисленные хозяйственные ямы. Вскрыта полуземлянка (раскоп XXXVII, соор. 1), от которой сохранились прямоугольный котлован размером 4,4x4,15 м и глубиной 0,83 м, а также тлен от столбов, поддерживавших перекрытия. В засыпи котлована найдены фрагменты цилиндрических железных замков, гончарных светильников, бусы, обломки гончарной и лепной посуды, кости животных, череп собаки, служивший, по-видимому, оберегом (находки черепов собак в жилищах вообще нередки на городище). Вблизи полуземлянки исследовано 9 хозяйственных ям. В нижнем слое раскопа XL изучено пять хозяйственных ям и часть полуземлянки. Нижний слой обоих раскопов сопоставим по структуре, цвету и составу находок с раннезолотоордынским слоем

у Малого минарета и Ханской усыпальницы¹. Таким образом, остатки полуземлянки, ямы хозяйственного назначения, комплекс находок характеризуют рассматриваемый район в раннезолотоордынское время как жилой. Обитатели его, по-видимому, не были состоятельными людьми.

Слой, лежащий на раннезолотоордынском, состоит из сероватой рыхлой супеси. Его нижние горизонты также содержат остатки жилищ. Одно из них — землянка (раскоп XL, соор. 18). Она представляла собой округлый в плане котлован диаметром 5 и глубиной 1,7 м. В нем прослежены остатки досчатых стен, ограничивавших жилую камеру размером 3х3,2 м. Пространство между стенами камеры и краями котлована было засыпано грунтом. Стены камеры в углах были укреплены столбами диаметром 0,10—0,18 м. Столбы в центре землянки, по-видимому, служили опорой перекрытия. В землянку с северной стороны вел узкий коридорообразный вход со ступеньками. При расчистке пола прослежен тонкий слой мелких угольков, являвшийся, вероятно, следами сгоревшего деревянного настила. В западной половине землянки, на полу, прослежено пятно из угольков и золы, и прокал материкового песка под ним. По-видимому, здесь было место для жаровни. В северо-восточном углу жилища располагалась яма-хранилище глубиной 0,5 м и диаметром 1 м. В заполнении землянки найдены ножницы, наперсток, фрагменты гончарных светильников и железных цилиндрических замков, зеркала, обломки болгарской гончарной и лепной, а также среднеазиатской поливной и штампованной керамики. Дневной уровень землянки лежит в верхнем горизонте раннезолотоордынского слоя. На полу найдена золотоордынская серебряная монета 1280—1300 гг.² Жилище можно датировать рубежом XIII—XIV вв. — первыми десятилетиями XIV в.

Представляют интерес остатки трех жилищ, синхронных землянке, имевших систему подпольного отопления типа канов³. От этих построек сохранились хозяйственные ямы и остатки отопительных устройств, представленные фрагментами печей, обогревательных каналов, каналов-сифонов, рабочих мест истопника. Печь и каналы выкладывались из сырцового кирпича в вырытых для них котлованах. Одна из печей (раскоп XXXVII, соор. 7—8) сохранилась почти полностью. Это подпрямоугольное в плане сооружение размером 1,5х1,4 м, высотой чуть больше метра, с круглой в плане топочной камерой, имевшей сферическое перекрытие. Из верхней части топочной камеры выходит отопительный канал шириной в 0,2 м. Параллельно ему был проложен канал-сифон для усиления тяги. Перед печью располагалось рабочее место истопника — котлован подпрямоугольной формы размером 1,74х1,66 м, с отвесными стенками, сохранившимися на высоту 0,5 м. Котлован имел ровное дно с остатками дерева, по-видимому, от легкой крыши.

¹ Смирнов А. П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары. — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 8.

² Определение этой и всех упомянутых ниже монет сделано С. А. Яниной, которой автор приносит глубокую благодарность.

³ Аксенова Н. Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета. — СА, 1973, № 4.

От другой постройки сохранились фрагменты аналогичной системы отопления: печь и рабочее место истопника (раскоп XL, соор. 14). Нижняя часть печи прослежена на высоту 0,45 м. Она была круглой в плане со сферическим перекрытием. Топочное отверстие печи было смещено вправо, что, по-видимому, сделано для удобства работы истопника. Оно полукруглое, с плавно поднимающимся в топочную камеру дном. Устройство рабочего места истопника аналогично прослеженному в соор. 7—8 раскопа XXXVII.

От третьей постройки сохранились лишь фрагменты двух параллельно расположенных каналов.

С рассмотренными постройками связаны находки фрагментов болгарской гончарной керамики хорошего обжига, преимущественно красного цвета, различных замков, ножей, гвоздей, цепочек, а также украшений, среди которых бусы, серьги, вставки перстней, нити серебряного шитья. Заслуживают внимания импортные вещи — восточное стекло с росписью эмалью и золотом, оконное стекло, поливная и штампованная среднеазиатская керамика. Эти находки свидетельствуют об имущественном достатке владельцев домов. Здесь же были найдены золотоордынские монеты 1310—1337 гг., указывающие на дату построек.

По типу отопительной системы рассмотренные постройки сближаются с жилищами древнемонгольских городов и домами монгольского типа в Новом Сарая⁴.

В раскопе XL прослежены остатки еще одного жилого дома, перекрывавшие землянку и жилища с подпольным отоплением. В основании всего сооружения находился слой глины толщиной 0,10—0,15 м, лежащий непосредственно на уровне дневной поверхности постройки. Эта своеобразная глиняная подушка должна интерпретироваться как антисейсмический прием, широко распространенный в Средней Азии и проникший оттуда на Среднюю Волгу. Постройка в плане подпрямоугольная, размеры ее 19x11,5 м. С запада к ней примыкала небольшая пристройка размером 6x4 м. Внутри постройка, по-видимому, разделялась перегородками. В южной части ее располагалось помещение размером 3x2,4 м, ограниченное кирпичной кладкой, сохранившейся на высоту одного кирпича. В центре этого помещения прослежена кирпичная вымостка в форме неправильного овала размером 1,4x1,2 м. Под вымосткой находилась округлая камера высотой в 1 м и диаметром 0,8 м с плоским дном и стенками, сложенными из кирпича. Она могла служить хранилищем для продуктов в летнее время. В южной половине постройки прослежены пятна золы и фрагменты кирпичной кладки, возможно, — остатки подпольной системы отопления.

На площади постройки собрано около 17 000 фрагментов обожженного кирпича. Можно предполагать, что цокольная часть стен здания была возведена из кирпича. Фундамент у постройки отсутствует.

⁴ *Егоров В. Л.* Жилища Нового Сарая. — В кн.: Поволжье в Средние века. М., 1970, с. 172; *Киселев С. В.* Город на реке Хирхира. — В кн.: Древнемонгольские города. М., 1965, с. 23; *Кызласов Л. Р.* Городище Ден-Терек. — Там же, с. 59; *Смирнов А. П.* Новые данные. . . , с. 12.

В развалинах постройки, помимо болгарской гончарной керамики, найдены обломки поливной и серой штампованной среднеазиатской посуды, стеклянных и селадоновых ваз, различные изделия из железа и бронзы. Среди находок — золотоордынские монеты 1310—1352 гг., позволяющие вместе со стратиграфическими данными датировать это богатое жилище серединой XIV в.

На большой площади в юго-восточной и южной части городища находятся холмы над руинами каменных болгарских построек. В 1970—1971 гг. был вскрыт один из таких холмов. Под ним оказался довольно хорошо сохранившийся ленточный фундамент квадратной в плане постройки размером 7х7 м, ориентированной по странам света (рис. 1). Фундамент был сложен из известняка и туфа, на известковом растворе. С южной стороны прослежены фундаменты пилонов входа длиной 2,3 и шириной 0,7—0,9 м. Ширина входа составляла около 2 м. Среди развала камней постройки найдены фрагменты отесанных блоков, куски штукатурки, замковый камень от сферического перекрытия. Вблизи руин прослежены остатки деревянной изгороди. В северной половине постройки исследовано погребение в гробу, ориентированное головой на запад. Погребение было нарушено кладочной ямой. Вполне очевидно, что рассматриваемая постройка являлась мавзолеем. Он был сложен из отесанных блоков известняка и туфа, имел сферическое перекрытие, был оштукатурен внутри. Вход украшался легкой аркой. Сооружение находилось за деревянной изгородью. Время строительства мавзолея определяется только стратиграфически: котлован его фундамента перерезал средние и нижние горизонты позднезолотоордынских напластований. Это дает основание отнести постройку к концу XIV — началу XV в.

Таким образом, раскопки 1970—1972 гг. в юго-восточной части Болгарского городища позволяют сделать следующие выводы.

1. На рассматриваемой территории выявлены культурные напластования золотоордынского времени, распадающиеся на два горизонта: раннезолотоордынский и позднезолотоордынский.

2. В раннезолотоордынское время (середина XIII—рубеж XIII—XIV вв.), этот район был заселен небогатыми горожанами. Наиболее распространенным типом жилищ были, по-видимому, полуземлянки.

3. В позднезолотоордынское время, примерно до середины XIV в., рассматриваемый район заселяется знатью, для которой строились в основном наземные дома. По-видимому, значительная часть этого населения была выходцами из Центральной Азии, обосновавшимися здесь после завоеваний хана Бату⁵.

Прослеживаются некоторые закономерности в застройке нового района города: жилища обычно ориентированы по странам света, складывается устойчивая планировка улиц, новые жилища строятся на месте более ранних.

4. Есть основания предполагать, что с середины XIV в. этот район перестает быть жилым (находок монет с датой позднее 1352 г. на раскопах

⁵ Смирнов А. П. Новые данные. . . , с. 12.

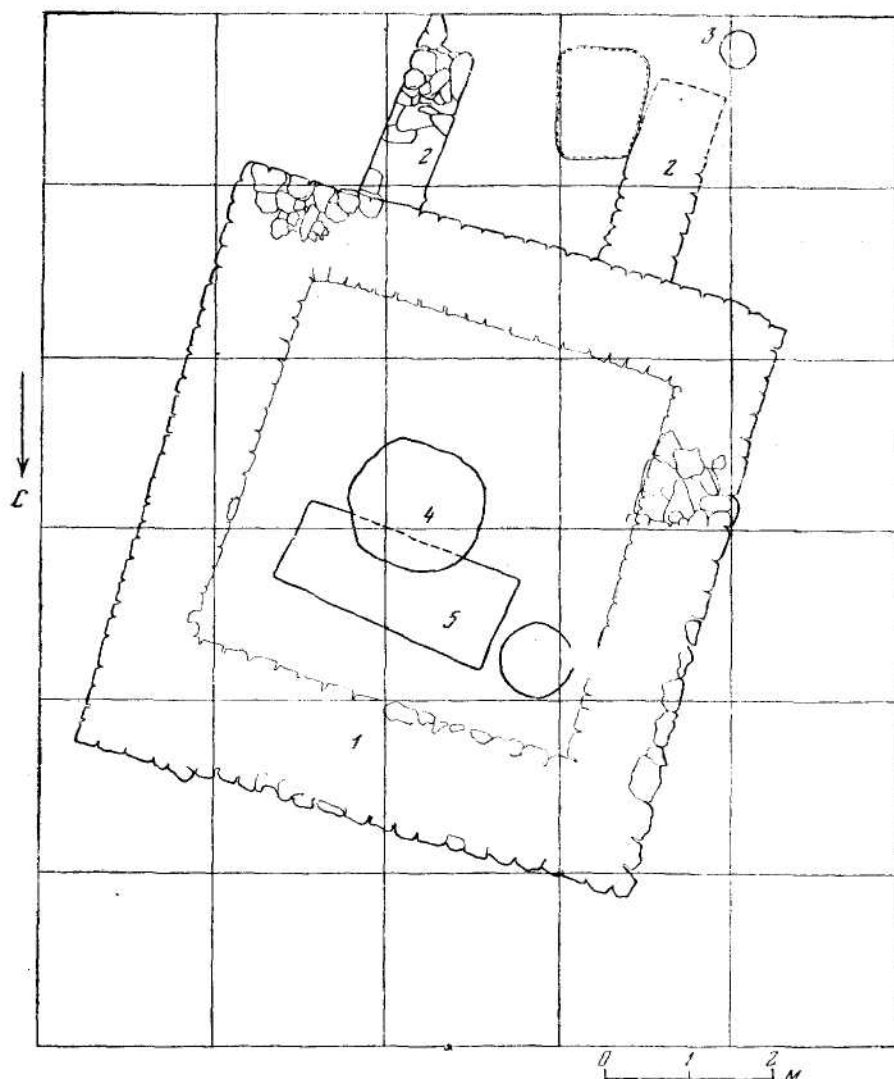

Рис. 1. План раскопа XXXVII на городище Великие Болгары
 1 — фундамент стен мавзолея; 2 — фундаменты пилонов мавзолея; 3 — столбовая яма ограды;
 4 — грабительские ямы; 5 — могильная яма

не было) и становится местом погребения знати в монументальных усыпальницах.

Результаты исследования юго-восточной части Болгарского городища дополняют имевшиеся ранее сведения об исторической и социальной топографии города Болгара, к которым не раз обращался А. П. Смирнов⁶.

⁶ Смирнов А. П. Основные этапы истории города Булгара и его историческая топография. — МИА, 1954, № 42; Он же. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары.

ЗЕРКАЛА С ДРАКОНАМИ ИЗ БОЛГАР

Г. Ф. Полякова

За годы исследования Болгарского городища была собрана обширная коллекция металлических зеркал, в которой имеется несколько сотен экземпляров. Этот богатейший материал все еще не введен в научный оборот. Целью настоящей статьи является уточнение датировки одного из типов болгарских зеркал, выделенных А. П. Смирновым*.

Общепринятым критерием при выделении типов зеркал считается орнамент, нанесенный на обратную (неполированную) сторону изделий. Для данного типа, представленного на Болгарском городище 11 экземплярами, характерна композиция из двух извивающихся драконов. Все зеркала сильно фрагментированы, но своеобразие орнаментации позволяет без труда отнести их к выделенному типу. Самый крупный и наиболее выразительный фрагмент зеркала был найден при раскопках городища в 1948 г. и опубликован А. П. Смирновым² (рис. 1). Это пока единственный экземпляр болгарских зеркал, обнаруженный при научных раскопках. Все остальные находки являются подъемным материалом³. Зеркала отливались в формах, полученных путем оттиска в глине готовых изделий. Характерным признаком этого технологического приема является некоторая сглаженность, нечеткость орнамента. Лицевая поверхность зеркал тщательно шлифовалась и полировалась. Обратная (орнаментированная) сторона изделий не подвергалась дополнительной обработке. Благодаря этому удалось выявить полное сходство орнамента у всех экземпляров. Отличие заключается лишь в большей или меньшей степени проработанности отдельных деталей орнамента, что также связано с процессом производства зеркал. Видимо, для оттиска в глине использовались вновь отлитые зеркала, и потому орнамент на каждой последующей отливке получался все более и более сглаженным.

Орнаментальная композиция состоит из двух симметрично расположенных драконов, обращенных головами к центру диска. Драконы изображены в виде больших змей со звериными лапами и раздвоенными хвостами. Тела драконов погружены в бушующие волны, переданные в виде мелких завитков, волнистых и зубчатых линий. Орнаментальное поле имеет форму восьмилепестковой розетки. По краю изделий — невысокий валик. Форма зеркал дает возможность выделить два варианта: круглые и фигурные (в виде восьмилепестковой розетки). Первый вариант представлен одним экземпляром. Ко второму варианту отнесено 10 экз. зеркал. Диаметры изделий обоих вариантов — 13—14 см.

¹ Смирнов А. П. Волжские болгары. — Труды ГИМ (М.), 1951, вып. XIX, с. 117.

² Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. — В кн.: По следам древних культур (от Волги до Тихого океана). М., 1954, цветная вклейка. Зеркало хранится в ГИМ, № 82528.

³ Зеркала рассмотренного типа хранятся в коллекциях ГИМ (инв. № 58456 — 1 экз., 28410 — 1 экз.) и в Гос. музее ТАССР в Казани (инв. № 5363 — 5 экз., 8832 — 1 экз., 7719 — 1 экз., 6434 — 1 экз.).

Рис. 1. Зеркало из раскопок 1948 г. в Болгарах

Аналогичные зеркала известны и за пределами Болгарского городища. Нам удалось выявить 10 целых и фрагментированных экземпляров⁴. Эти зеркала, как и болгарские, представлены двумя вариантами: круглые (4 экз.) и фигурные (6 экз.). Их орнамент имеет сходство с орнаментом болгарских зеркал вплоть до мельчайших деталей (рис. 2). Создается впечатление, что они созданы в одной мастерской. Если учесть, что более половины всех находок зеркал рассматриваемого типа (11 экз.) обнаружено на Болгарском городище, можно предположительно считать Болгары местом их изготовления.

⁴ Место находок 4 экз. не известно. Они хранятся в Саратовском областном музее краеведения — 2 экз. (№ СУАК — 1, 12), в Гос. музее ТАССР — (1 экз.; экспозиция) и в ГИМ — 1 экз. (№ 54746). Остальные зеркала были найдены в следующих пунктах: с. Данауровка быв. Казанской губернии Чистопольского уезда, случайная находка (ОАК за 1902 год. СПб., 1904, с. 140, рис. 254); г. Саратов (городище Увек), случайная находка (Гос. музей ТАССР, № 5365—7); с. Байки бывшей Саратовской губернии Сердобского уезда, случайная находка, обнаруженная при распашке степи (ГИМ, инв. № 36213); пос. Дубовка (Водянское городище), Волгоградской обл., раскопки Г. А. Федорова-Давыдова 1968 г.; г. Царев (городище Новый Сарай) Волгоградской обл. (Гос. эрмитаж, экспозиция); местность Бхчин-Будук Калмыцкой АССР, раскопки П. С. Рыкова, 1937 г., кург 7, погр. XIII—XIV вв. (Саратовская обл. краеведческий музей, № 1619).

Р и с. 2. Зеркало из с. Байки быв. Саратовской губ.

Из названных аналогий 4 зеркала датируются XIII—XIV вв. (1 экз. из погребения и 3 экз. с городищ золотоордынского времени — Увек, Новый Сарай и Водянское). Остальные зеркала представляют собой случайные находки вне комплексов и датированных памятников. Выявление четко датированных аналогий позволяет уточнить хронологию этого типа зеркал, предложенную А. П. Смирновым. В работе «Волжские болгары» он определил время бытования рассматриваемых изделий XII—XIV вв.⁵ Позднее, публикуя зеркало из раскопок 1948 г., А. П. Смирнов условно отнес находку к IX в.⁶ Хронологические рамки типа были, таким образом, значительно расширены.

Решить вопрос о времени его бытования можно, привлекая четко датированные аналогии. Как отмечалось выше, аналогичные зеркала, известные за пределами Болгар, имеют сравнительно небольшой период бытова-

⁵ Смирнов А. Л. Волжские болгары, с. 117.

⁶ Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого. . . цветная вклейка.

ния — с XIII по XIV в.⁷ Установив методом сравнительного анализа детальное сходство орнамента болгарских зеркал с имеющимися аналогиями за пределами Болгарского городища, что позволило даже высказать предложение о едином центре производства этих изделий, можно с полным основанием датировать и болгарские зеркала XIII—XIV вв.

⁷ Г. А. Федоров-Давыдов определяет хронологию подобных зеркал, известных у кочевников, еще более узкими рамками — вторая половина XIII—XIV вв.; см.: *Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. М., 1966, с. 116.

РУЧНЫЕ ПОЧВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ОРУДИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

С. М. Йовков

Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии дредставлены мотыжками нескольких типов и оковками для лопат. Классификация мотыжек в свое время была проведена Т. А. Хлебниковой¹. Она легла в основу предлагаемой классификации, в которой учтен новый материал, полученный за последнее десятилетие.

Мотыжки с территории Волжской Болгарии, можно разделить на два разряда: втульчатые и проушные. Разряд втульчатых включает один тип мотыжек: они изготовлялись из железной пластины, у которой края верхней половины загнуты в одну сторону и образуют незамкнутую втулку, а рабочая часть книзу слегка расширяется и заканчивается прямым рабочим краем. Размеры мотыжек невелики: длина 11,5—12,5 см, ширины рабочего края 7—8 см (рис. 1, 1). Деревянная рукоять имела, очевидно, Г-образную форму, как это отчетливо прослежено у одного из орудия этого типа из Дмитровского могильника².

На территории Волжской Болгарии мотыжки рассматриваемого типа известны с Янтиковского³, Хулашского⁴, Билярского⁵ (5 экз.) городищ, а также в материалах селищ⁶, где они могут датироваться X—XIII вв. Аналогичные мотыжки в большом количестве известны на донских памятниках салтово-маяцкой культуры и в русском слое Саркела, где они бы-

¹ *Хлебникова Т. А. Основные производства волжских болгар X—начала XIII вв.* Рукопись канд. дис., 1963. — Архив ИА АН СССР, Р—2, № 1918.

² *Плетнева С. А. От кочевий к городам*. М., 1967, рис. 8, 7.

³ ГМТР, инв. № 11177; АА 229, 1, 201.

⁴ ЧМК, Хул. 1962, № 1162.

⁵ ГМТР, № 5427-54; Национальный музей Финляндии, CZ 5558, CZ 5560, CZ 5561.

⁶ *Старостин П. Н.* Отчет о работах на Куйбышевском водохранилище в пределах ТАССР. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4566, с. 97. рис. 28

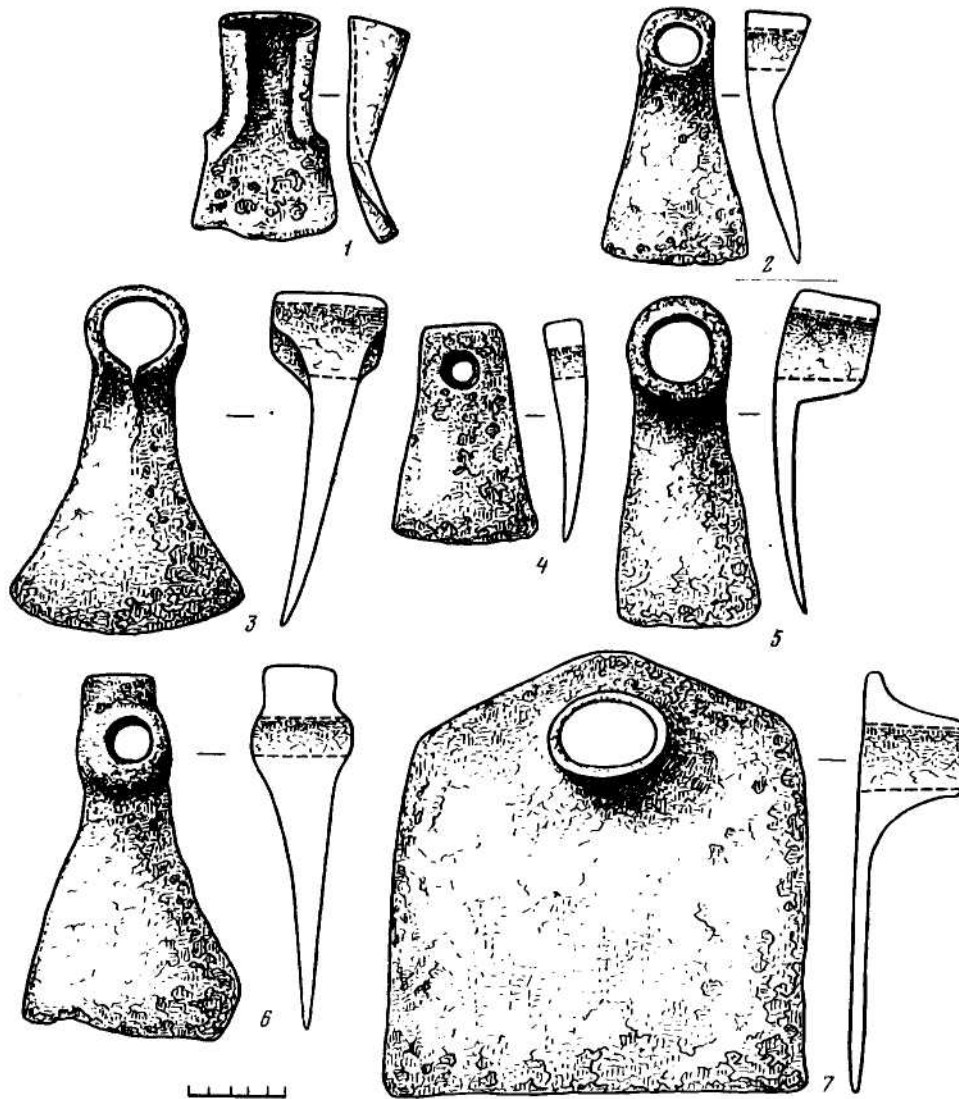

Рис. 1. Наконечники мотыг на Волжской Болгарии

1 — Янтиковское городище; 2 — Сувар; 3 — Маклашеевское городище; 4 — Муромское городище;
5 — Биляр; 6 — Атабаево; 7 — Волжская Болгария, местонахождение неизвестно

туют с VIII по XII в.⁷ Ареал втульчатых мотыжек близкого типа охватывает также Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь, где они встречаются, в частности, у кочевников⁸, имея универсальное назначение: для вскапывания земли⁹, обработки дерева¹⁰, добывания и обтесывания мягкого камня¹¹.

На Средней Волге, в Прикамье и Волго-Окском междуречье аналогичные мотыжки появляются по крайней мере с VI в.^{1a}

Проушные мотыжки по форме обуха разделяются на три типа.

Тип 1 характеризуется округлым обухом, проухом правильной округлой формы, постепенно расширяющимся книзу лезвием с почти прямым рабочим краем. Такие мотыжки известны из городища Сувар¹⁸ (рис. 1, 2), и Маклашеевского городища¹⁴ (рис. 1, 3). К тому же типу следует отнести мотыжки из Билярского городища¹⁵ (рис. 1, 5) и городища Хулаш^{1b}. Они характеризуются специально оттянутой глубокой втулкой, что позволяет выделить их в особый вариант типа 1. По форме втулки они напоминают среднеазиатские кетмени. Проушные мотыжки, близкие к типу 1, широко распространены. Кроме Средней Волги, они найдены в Прибалтике¹⁷ и других районах Восточной Европы¹⁸, где, в частности, применялись при подсечном земледелии, а также в Киргизии¹⁹ и т. п.

Мотыжки типа 1 ни разу не были встречены на памятниках салтовомаяцкой культуры. К болгарам на Средней Волге они могли попасть от их северных или восточных соседей.

Проушные мотыжки типа 2 характеризуются молоточкообразным обухом и слегка расширяющимся книзу прямым лезвием. Среди них могут быть выделены три варианта. У мотыжек *варианта 1* молоточкообразный обух едва заметен, диаметр проуха небольшой (около 2 см). Такая мотыжка длиной 11 см известна в материалах Муромского городища²⁰ (рис. 1, 4). На Средней Волге и в Прикамье подобные орудия употребляются с V в.²¹

⁷ Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 146, рис. 5; с. 158, рис. 12.

⁸ Вернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940, с. 28; Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы. — Вестник МГУ, 1964, № 4, табл. 1, П.

⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 46.

¹⁰ Вернштам А. Н. Кенкольский могильник, с. 14.

¹¹ Плетнева С. А. Отчет о работе Севере-Донского отряда Таманской экспедиции за 1939 г. — Архив ИА АН СССР, Р-Г № 1025, с. 8.

¹² Жиганов М. Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теши. — В кн.: Из древней и средневековой истории Мордовского народа. Саранск, 1969, с. 69, табл. 27; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 99, с. 105, рис. 46, 8; Старостин П. Н. Памятники именковской культуры. — САИ, 1967, Д1—32, табл. 13, 14.

¹³ Куйбышевский музей краеведения, колл. № 91.

¹⁴ ЦМТР, инв. № 5577—1857.

¹⁵ ЦМТР, инв. № 3427—131.

¹⁶ ЦМТР, инв. № АКУ 2—200.

¹⁷ Моора Х. А. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. — КСИИМК, 1954, вып. 53, с. 16, рис. 13, 3.

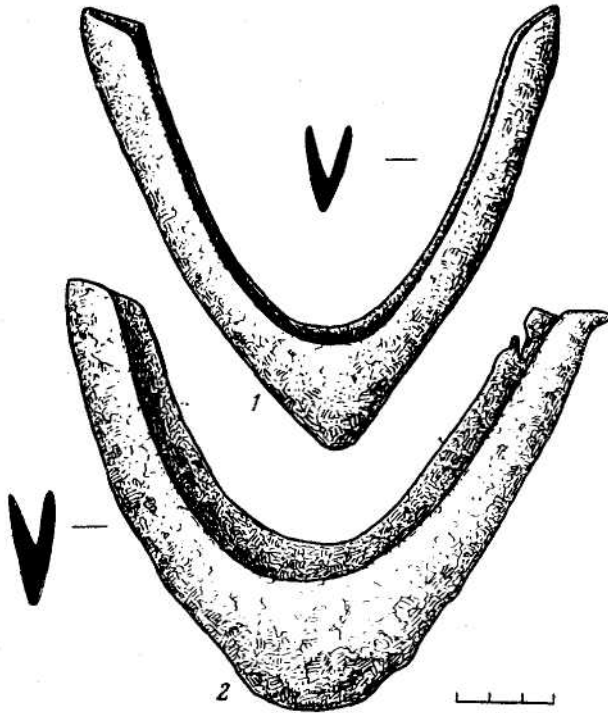
¹⁸ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 268.

¹⁹ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бепшм в 1953—1954 гг. — Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции (М.), 1959, т. 2, рис. 48, 23.

²⁰ Куйбышевский музей краеведения, колл. 8, раскопки 1929 г.

²¹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР (СПб.), 1901, 25, табл. 2, 21, 32.

Рис. 2. Оковки лопат иг
окрестностей Менаелинска

Мотыжки *варианта 2* отличаются хорошо выраженным обухом, круглыми щековицами, сравнительно большим проухом (около 3,5 см) и более крупными размерами (длина 15,6—16,5 см). На территории Волжской Болгарии известны 3 таких мотыжки (рис. 1, б)²². Близкие мотыжки встречены на памятниках салтово-маяцкой культуры, где датируются первой половиной X в.²³, в славянском слое Саркела в памятниках Древней Руси. Оба рассмотренных варианта мотыжек типа 2 в определенный период сосуществуют, но первый представляется более ранним. На Средней Волге мотыжки второго варианта появляются, по-видимому, с приходом болгарских племен, которые, вероятно, были знакомы с ними еще до переселения сюда.

К *варианту 3* типа 2 проушных мотыг относится массивное орудие размером 21x17,5 см с широким прямым лезвием (рис. 1, 7)²⁴. Близкая по форме мотыга найдена на Правобережном Цимлянском городище²⁵.

²² 2-е Семеновское сел. (ИЯЛИ, Казань, шифр II Сем.—21—9); Атабаево, случайная находка (*Штукенберг, А. А.* Земледельческие орудия древних болгар.— Уч. гаи. Казанск. ун-та (Казань), 1896, кн. VI—VII, табл. I, 18); случайная находка, местонахождение не известно (ЦМГР, № 5348, р. 46—3).

²³ *Михеев В. К.* Клад железных изделий с селища салтовской культуры. — СА, 1968, № 2, с. 298, рис. 1.

²⁴ ЦМГР, экспозиция.

²⁵ *Ляпцкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. — МИА, 1952, 22, с. 117, рис. 10.

На Руси такие мотыги не известны. Все типы проушных мотыг имеют небольшой изгиб внутрь рабочей части и так же, как и втульчатые, прикреплены к рукоятке под небольшим острым углом.

Волжские болгары широко использовали и лопаты, которые, как и в Древней Руси, были деревянными с железной оковкой по рабочему краю. Три экземпляра таких оковок найдены в окрестностях г. Мензелинска Татарской АССР²⁶. Они изготовлены из одной согнутой вдвое и прокованной железной пластины, которой придана дугообразная форма. С внутренней стороны оставлен желобок, в который вкладывалась деревянная часть лопаты (рис. 2). Оковки для лопат, найденные на древнерусских памятниках, обычно изготавливались из двух железных пластин, для более прочного скрепления с деревянной частью лопаты у них имелись заклепки²⁷. По этим признакам мензелинские оковки отличаются от древнерусских. Наиболее ранние древнерусские оковки датируются XI в. Такая датировка нам представляется вполне вероятной и для болгарских находок. Возможно, в Волжской Болгарии деревянные лопаты с железной оковкой появились благодаря контактам с населением Древней Руси.

Ручные почвообрабатывающие орудия в Волжской Болгарии применялись, вероятно, для различных работ. Но в основном они использовались для обработки огородов. О наличии огородов в Волжской Болгарии могут свидетельствовать найденные при раскопках Билярского городища в 1971—1974 гг. семена огурцов и капусты.

²⁶ ЦМТР, № 5803—1Н, 7652 АЛ—251, 17565.

²⁷ Колчин В. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. — МИА, 1956, № 32.

О ТРЕТЬЕМ СЛОЕ И ПОЗДНЕЙ КЕРАМИКЕ ГОРОДИЩА ВЕЛИКИЕ БОЛГАРЫ

Т. А. Хлебникова

Работами последних лет в центральной части городища Великие Болгары¹ на раскопках XVI (1967 г.), XXX (1969 г.), XLVII (1974 г.), в траншее I 1974 г., а также на северо-восточном мысу городища, так называемом «Коптеловом бугре» (раскоп XLII, 1972 г.), были вскрыты культурные напластования эпохи Казанского ханства со значительным количеством керамики. Это — III слой стратиграфической шкалы городища. Он залегает под слоем русской деревни XVII—XIX столетий (II слой) и выше напластований позднезолотоордынского времени второй

¹ Начиная с 1938 г. и вплоть до своей кончины раскопками Болгарского городища руководил А. П. Смирнов.

половины XIV — начала XV в. (IV поздний слой), который завершается слоем пожарища, характеризующего разгром города Болгара в 1431 г.

III слой был выделен стратиграфически еще в первое десятилетие стационарных исследований Болгарского городища и датировался первоначально только на этом основании. Специфический для него материал тогда еще не был обнаружен в достаточном количестве. Поэтому он рассматривался как слой погребенного чернозема². Последующими работами на верхнем плато городища (западнее его центра и на склоне высокой террасы к р. Меленке) III слой местами прослеживался неоднократно³. Отсутствие каких-либо находок заставило определить его как слой запустения. На этом основании была высказана мысль, что жизнь города после 1431 г. прекратилась⁴. Впрочем, исследователи полностью не отрицали наличия здесь в последующее время какого-то населения, что подтвердилось раскопками в центральной и северо-восточной части городища в 60—70-х годах.

В раскопках у Успенской церкви и в траншее, идущей от нее на восток, слой эпохи Казанского ханства был выявлен лишь в виде отдельных западин над заплывшими рвами раннего города. Здесь он представлял собой довольно однородную супесь серого цвета с углистыми прослойками и имел мощность до 0,2 м. Иногда этот слой было трудно отграничить от вышележащего II слоя (раскоп XVI 1967 г. к северо-востоку от апсиды церкви)⁵, иногда такое отграничение удавалось (траншея I 1974 г.). В раскопе XXX (1969 г.), заложенном к востоку от раскопа XVI, была изучена часть подполья со спущенным в него срубом, дневной уровень которого находился несколько выше слоя пожарища 1431 г., что дало основание отнести это сооружение ко второй половине XV—XVI вв.⁶ Восточнее Успенской церкви III слой прослежен местами в траншее I 1974 г. и в раскопе XLVII, к которому траншея примыкала западным концом. Мощность слоя эпохи Казанского ханства составляла здесь 0,22—0,24 м. На Коптеловом бугре слой этого времени был отмечен на отдельных участках еще в первые годы раскопок на городище⁷. В раскопе XLII (1972 г.) III слой был четко зафиксирован на площади в 40 кв. м, причем он выходил за пределы раскопа. Мощность его колебалась от 0,12 до 0,30 м⁸.

Вещевой материал слоя эпохи Казанского ханства сравнительно немногочислен и представлен практически только керамикой и костями животных. Вероятно, как это и считал А. П. Смирнов, территория Болгарского городища в рассматриваемый период была заселена очень слабо.

³ Смирнов А. П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография. — МИА, 1958, № 41, с. 309—311.

³ Там же, с. 309.

⁴ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 178, 196.

⁵ Краснов Ю. А., Смирнов А. П., Хлебникова Т. А. Новые данные по истории города Болгара. — СА, 1969, № 1, с. 211.

⁶ Хлебникова Т. А. Исследование центра города Болгара в 1964—1970 гг. — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 23.

⁷ Смирнов А. П. Основные этапы истории города Болгара, с. 309.

⁸ Аксенова И. А., Хлебникова Т. А. Исследование города Болгара. — АО 1972 г. М., 1973, с. 152.

Керамический материал Болгарского городища эпохи Казанского ханства представляет определенный интерес. Подавляющее большинство найденной керамики (рис. 1—2) — гончарные сосуды различных форм. Встречаются обломки лепных горшковидных сосудов, имеющих снаружи следы подправки ножом. Большинство фрагментов гончарной посуды характеризуется плотным, хорошо отмученным тестом. Имеются фрагменты с примесью шамота, поверхность которых бугристая, шероховатая. Цвет сосудов красный и желто-красный, желтый, бурый, серый и черный.

Формы сосудов разнообразны: это кувшины и кумганы (рис. 2, 1—4), корчаги и корчажки (рис. 1), блюда и миски (рис. 2, 14), горшки, крышки (рис. 2, 5—8). Лощение практически не наблюдается. Для орнамента характерны многорядные тонкие резные линии, горизонтальные, волнообразные, арочные, а также в виде фестонов. На кувшинах и корчагах такие линии часто сочетаются с гребенчатым и мелкозубчатым штампом. На горшках и мисках встречен орнамент из неглубоких округлых ямочных вдавлений. Орнамент обычно наносился по плечикам сосудов. Лишь на кувшинах изредка наблюдалась орнаментация по тулову в виде рифленого узора, а на горле — в виде вертикальных широких каннелированных углублений.

Рассмотренная керамика типологически близка болгарской посуде золотоордынской эпохи, но имеет и определенные черты различия. Характер теста практически одинаков. Однако обжиг поздней посуды обычно более сильный, поэтому черепки более плотные, а из-за недостаточной хорошей промешанности теста — нередко расслаиваются. Значительно больше, чем в слоях золотоордынского времени, встречается коричневой керамики. Много бурой керамики, характеризующейся неровным и некачественным обжигом. Имеется серая керамика, отличная от близкой по тону болгарской посуды буроватым оттенком. Значительный процент составляет желтая и красновато-желтая посуда, отличающаяся от болгарской более светлым и «мягким» тоном. Только в слое III встречена черная «задымленная» посуда, не известная в напластованиях более раннего времени.

Определенное своеобразие прослеживается в форме и орнаментации посуды из III слоя. Так, корчаги при общем сходстве с болгарскими отличаются некоторыми деталями оформления профиля и пропорциями. Имеются корчаги с низкой горловиной и утолщенным венчиком, напоминающие болгарские домонгольского времени. Некоторые кувшины и кумганы имеют сильно утоньшенное гордо, а на месте прикрепления верхней части ручки — небольшое «вздутие». Горловины некоторых кувшинов рифленые, что не характерно для поздней болгарской посуды, но часто встречается на посуде домонгольского времени. В слое эпохи Казанского ханства имеются крышки с петлеобразной ручкой, которые в более ранних слоях не были найдены. Орнаментация керамики слоя III характеризуется более тонкими резными линиями, что отличает ее от керамики золотоордынской эпохи, но сближает опять-таки с керамикой домонгольского времени.

Другую часть керамики слоя II составляют кухонные горшки из грубого теста с примесями шамота и песка. Поверхность их бугристая и

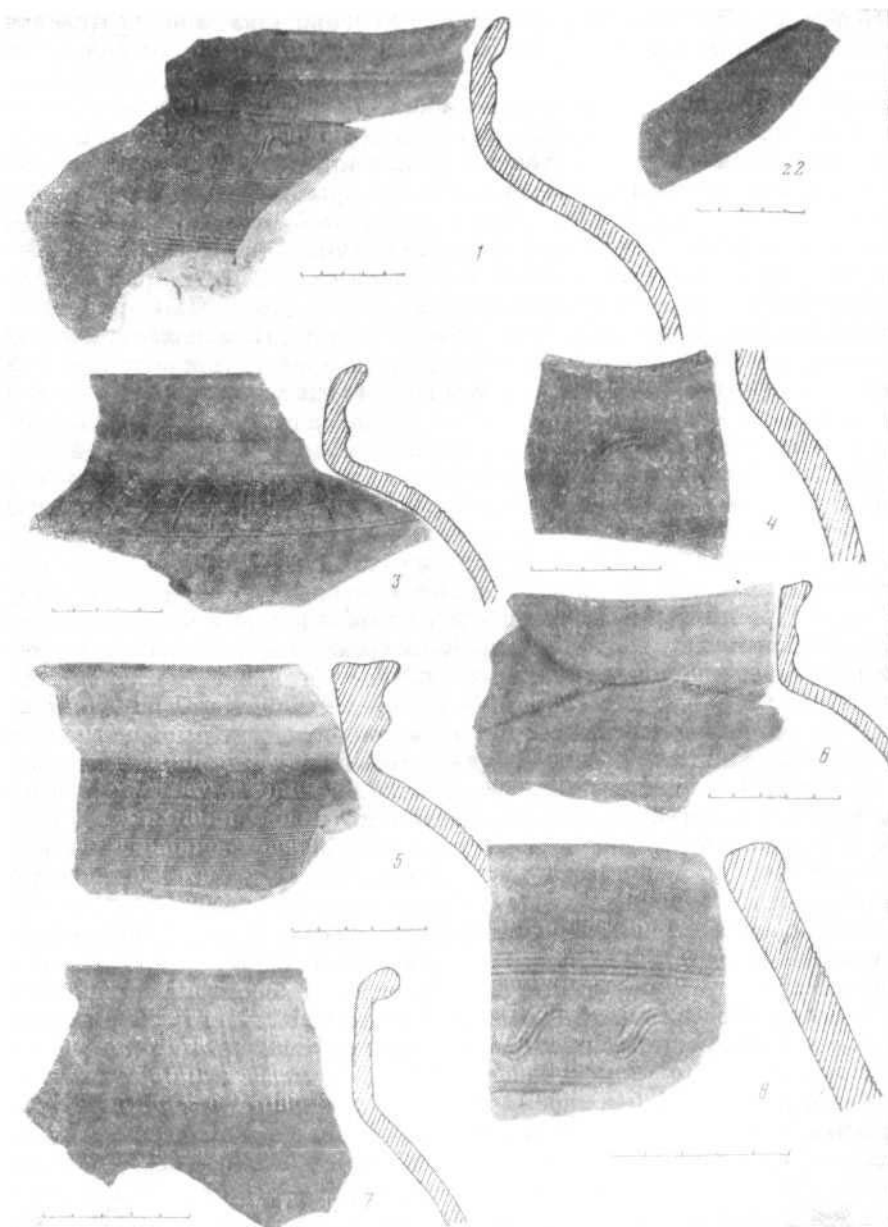

Рис. 1. Обломки корчаг из III слоя городища Великие Болгары

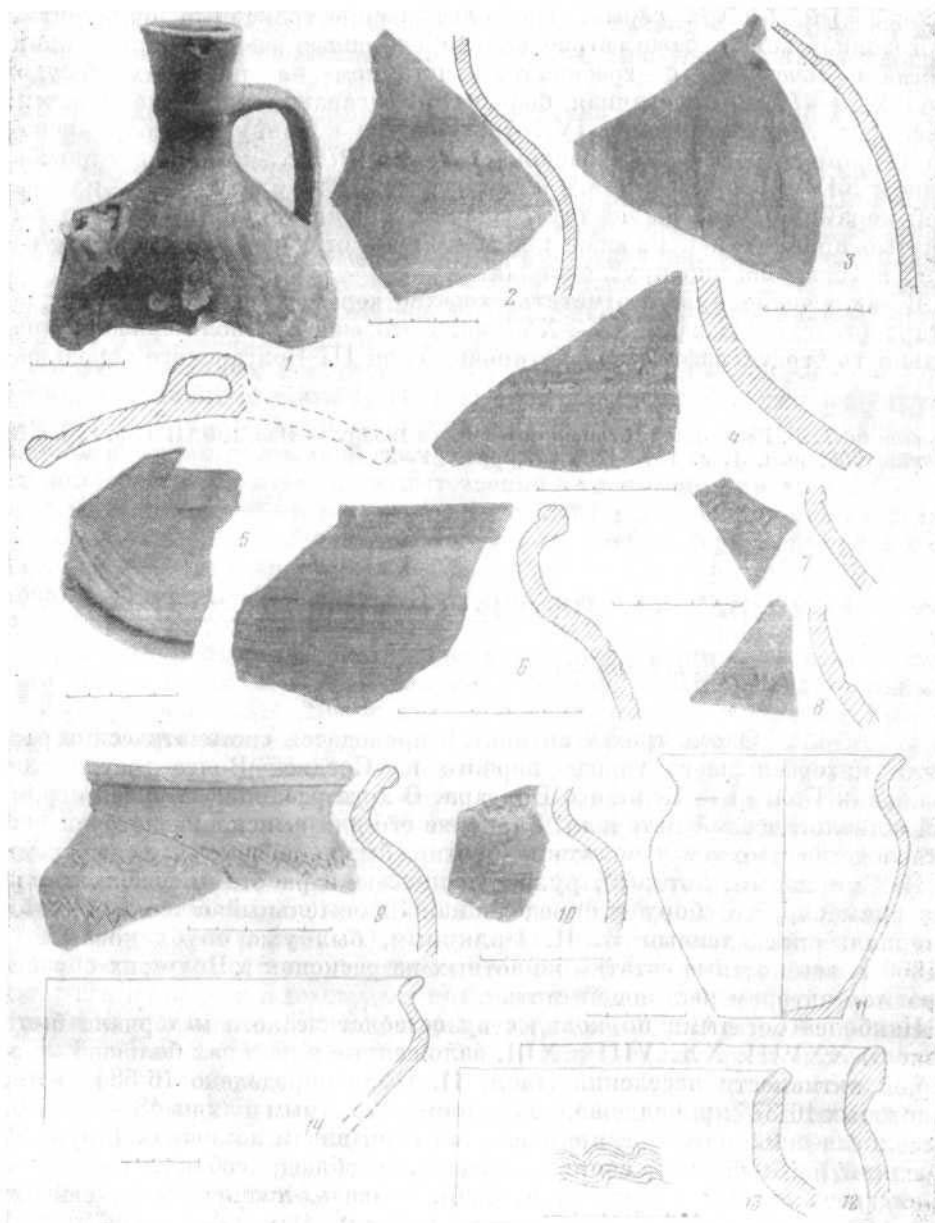

Рис. 2. Керамика III слоя городища Великие Болгары

шероховатая, лощения никогда не бывает. Цвет сосудов желтый, красновато-желтый, бурый, серый. Наиболее распространенный орнамент — многозонная волна, реже встречаются многозонные резные тонкие линии, иногда в сочетании с гребенчатым штампом на плечиках сосудов (рис. 2, 9—13). Аналогичная посуда в Болгарах редка. Она отмечена в верхних горизонтах слоя IV, относящегося к концу золотоордынской эпохи (например, в соор. 1 раскопа XXXVI 1970 г., которое датировано концом XIV—началом XV в.). Типологически она близка к так называемой керамике «типа джукетау». Однако горшки из слоя III имеют вытянутые пропорции и плоское дно в отличие от керамики «типа джукетау», которая обычно круглодонная.

В заключение нужно отметить сходство керамики слоя III с посудой татарского слоя Казани XV—XVI вв.⁹, что еще раз подтверждает правильность стратиграфической датировки слоя III Болгарского городища.

⁸ *Калинин Н. Ф.* Раскопка в Казанском Кремле в 1953 г. — Изв. КФАН, Сер. гуманитар., 1955, вып. 1, с. 131—135, 147, рис. 21—23.

ФАУНА ДРЕВНЕГО ГОРОДА БОЛГАРА

А. Г. Петренко

Около трех десятилетий проводятся систематические раскопки интереснейшего города первого на Средней Волге государства Волжских Болгар — Великого Болгара. В ходе раскопок получен огромный остеологический материал. Значение его для выяснения истории животноводства и охоты у волжских болгар было оценено в свое время А. П. Смирновым, который, руководя полевыми работами, уделял большое внимание его сбору и определению. Значительный остеологический материал, определенный В. И. Цалкиным, был уже опубликован¹. С 1966 г. все костные остатки животных из раскопок в Болгарах обрабатываются автором настоящей статьи.

Наиболее богатыми по количеству остеологического материала были раскопы XXVIII, XXXVIII и XLI, заложенные в районах большой жизненной активности населения (табл. 1). Было определено 16 584 кости, из которых 16 375 принадлежали домашним животным и лишь 43 — диким. Остеологический материал принадлежал семи видам домашних (крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь, верблюд, собака, кошка) и 11 видам диких животных (заяц, бобр, медведь, лисица, волк, сайган, кабан, лось, северный олень, кулан, косуля). Основная масса костей

¹ *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. — Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. II. — МИА, 1958, № 61.

является «кухонными остатками», вещественными свидетельствами животноводства и охоты волжских болгар. Исключение составляют случайно попавшие в культурный слой кости мелких грызунов, а также кошек и собак.

Как по количеству определенных костей, так и особой крупный рогатый скот занимает второе место в остеологическом материале, уступая по численности лишь мелкому рогатому скоту. В целом за шесть полевых сезонов было определено 3753 кости этого вида, принадлежащих 282 особям. Сохранность остатков плохая. Наиболее часто встречаются кости нижнего отдела конечностей и обломки нижних челюстей. Анализ состояния зубной системы указывает, что основная масса животных (75%) забивалась на мясо в возрасте старше 3,5 лет. Единичные — трубчатые кости, имевшие удовлетворительную сохранность (большие берцовые, пястные, плюсневые), а также некоторые кости нижнего отдела конечностей (пяточная, таранная, фаланги I, II, III) позволяют считать, что рост крупного рогатого скота в холке составлял 107,0—120,0 см. Изменчивость наибольшей длины таранной кости, пяточной и больших фаланг сравнительно велика и колеблется соответственно в следующих пределах: 54,0—68,0 мм, 111,0—150,0 мм и 53,0—72,0 мм. Этот факт говорит о значительной неоднородности крупного рогатого скота. Хотя материал по краниологии более чем скромный, мы все же располагаем некоторыми данными измерений мозговой части черепа, стержней рогов, которые подтверждают мысль о разнообразии вида.

Отдельные большие фаланги даже визуально значительно выделяются среди основной массы костей как по величине, так и по значительным костным разрастаниям. Возможно, одной из причин появления такого дефекта у животных было использование их при тяжелых работах, особенно на жестких каменистых дорогах.

На первом месте по числу костей особой стоят остатки мелкого рогатого скота (11 195 костей от 970 особей). Среди них преобладают кости овец. Если остатки крупного рогатого скота не превышают 23,8% от общего числа остатков сельскохозяйственных животных (по особям), то остатков мелкого рогатого скота намного больше — от 50,7 до 81,0% на разных раскопах (табл. 2). Некоторое снижение числа особей этого вида и увеличение остатков крупного рогатого скота наблюдается на раскопах, где наряду с золотоордынским слоем имеются более ранние слои, которые, как правило, сильно нарушены (раскоп 42). Аналогичное явление было отмечено В. И. Цалкиным на материалах из раскопок 40-х—50-х годов.

Говоря о значительном преобладании особой мелкого рогатого скота в кухонных остатках, следует помнить о существенных различиях в весе коров и быков, с одной стороны, овец и коз — с другой. При учете этого станет ясно, что говядина и конина были основным продуктом питания болгар.

Сохранность костей овец чрезвычайно плохая. Чаще всего встречаются обломки черепа и нижних челюстей, составляющих $\frac{1}{4}$ часть всех остатков этого вида, а также лопатки и разбитые тазовые кости. $\frac{2}{3}$ диагностированных костей принадлежит молодилі особям и не пригодна

Таблица 1. Количество костей и особей различных видов животных из археологических раскопок города Болгара

Вид животных		Год							№ рас
		1966			1967			19	
		13	14	15	16	17	23	24	
Домашние	Крупный рогатый скот	16/2*	165/6	83/5	191/10	77/4	61/5	50/2	22/2
	Мелкий рогатый скот	195/13	548/51	414/25	481/33	408/26	426/30	400/24	115/10
	Свинья	—	—	5/1	15/3	—	1/1	3/2	—
	Лошадь	8/1	76/4	56/3	68/4	62/3	12/2	18/1	36/2
	Верблюд	—	1/1	—	1/1	—	—	—	—
	Осел	—	—	—	—	—	—	—	—
	Собака	—	2/1	1/1	—	4/1	5/2	2/2	—
Кошка	—	2/1	2/1	—	—	1/1	—	—	
Дикие	Крыса	—	—	—	—	—	—	—	—
	Суслик	—	—	—	—	—	—	—	—
	Заяц	—	5/4	1/1	—	—	—	—	—
	Бобр	—	1/1	—	—	—	—	—	—
	Хорек	—	—	—	—	—	—	—	—
	Медведь	—	—	—	—	—	—	—	—
	Лиса	—	3/2	3/2	—	—	—	—	—
	Волк	—	—	1/1	—	—	—	—	—
	Кабан	—	—	—	—	—	—	—	—
	Сайга	1/1	—	—	—	—	—	—	—
	Косуля	—	—	—	—	—	2/1	—	—
	Лось	—	1/1	—	—	—	1/1	—	—
	Северный олень	—	—	—	—	—	—	—	—
	Кулан	—	1/1	—	—	—	—	—	—
	Птицы	2 **	35	20	—	3	7	27	—
Рыбы	2	—	8	—	10	14	16	—	
Всего		224/17	840/73	593/38	756/51	564/34	527/41	519/33	173/14

* В числителе — количество костей, в знаменателе — число особей. ** Число костей. *** Определе

для подробных морфологических исследований. Довольно интересны хорошо сохранившиеся кости нижнего отдела конечностей, измерения длины которых (в мм) мы приводим ниже (табл. 3). Значительная изменчивость размеров костей позволяет предполагать существование в Болгарах овец, различающихся породными особенностями.

Остатки лошадей встречены в материалах всех раскопок городища, а число зафиксированных костей (1286) и особей (159) подтверждает немаловажное значение лошадей в питании населения города. Среди имеющихся остатков нет ни одного целого черепа. Находки нижних челюстей

раскопок									
68						50-е годы ***			
1969						1971			
1972						слои			
копов						слои			
28	29	30	38	41	42	X— XI вв.	XII— XIII вв.	XIII— XIV вв.	XVIII— XIX вв.
489/21	10/3	240/10	1181/45	1051/41	162/16	71/5	436/18	701/36	882/51
1580/120	24/17	1280/46	2473/132	2366/180	485/35	42/9	665/46	622/48	1391/125
—	—	—	4/1	3/3	5/4	12/4	—	17/8	94/27
292/18	13/2	108/6	318/18	148/15	71/11	35/3	199/15	323/24	453/27
—	—	—	—	—	1/1	—	3/1	1/1	—
—	—	—	—	—	—	—	3/1	2/1	3/1
63/3	—	3/1	4/2	3/3	1/1	—	65/12	61/15	74/20
—	—	—	—	—	—	—	3/1	—	8/4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	14/3
8/1	—	2/1	1/1	—	—	—	—	4/2	2/1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/1
3/1	—	—	1/1	—	—	—	—	3/1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	3/1	—
—	—	—	—	—	1/1	—	—	1/1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	2/1	—	—	4/2	—	1/1	4/2	2/1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/1
—	—	—	—	—	—	—	—	1/1	—
52	—	28	17	52	—	—	—	—	—
—	—	29	51	62	2	—	—	—	—
2487/104	47/22	1692/65	4050/200	3649/242	733/72	160/21	1375/95	1743/141	2929/264

ния В. И. Цалкина.

и остальных костей конечностей единичны. Судя по размерам метаподий, лошадей древнего Болгара следует отнести к категории малорослых, высота которых в холке не превышала 132,0—134,0 см. В работе В. И. Цалкина¹ даны интересные краниологические показатели, свидетельствующие о принадлежности большинства лошадей к широколобому, среднелобому и узколобому типам, что также указывает на исключительную изменчивость их.

² Цалкин В. И. Фауна из раскопок. . .

Т а б л и ц а 2. Соотношение между видами домашних животных по числу особей (в %)

Виды животных	№ рас							
	14	13	15	16	17	23	24	27
Крупный рогатый скот	9,4	12,5	14,0	19,6	11,6	12,2	6,5	14,3
Мелкий рогатый скот	79,7	81,2	69,0	64,8	76,5	73,1	77,3	71,4
Свинья	—	—	2,9	5,9	—	2,4	6,5	—
Лошадь	6,3	6,3	8,3	7,8	8,9	4,9	3,2	14,3
Верблюд	1,5	—	—	1,9	—	—	—	—
Осел	—	—	—	—	—	—	—	—
Собака	1,5	—	2,9	—	2,9	4,9	6,5	—
Кошка	1,5	—	2,9	—	—	2,4	—	—

* Определения В. И. Цалкина.

Костные остатки свиней численно незначительны и зафиксированы далеко не на всех раскопах. Это, очевидно, объясняется тем, что основное население города исповедывало ислам, запрещающий употребление свиной в пищу. Однако здесь жили и христиане³.

На трех раскопах (XIV, XVI, XLII) были зафиксированы кости верблюда. Сохранность их также плохая, а характер раздробленности костей не вызывает сомнения, что мясо их было использовано в пищу. Однако этот факт еще не дает права говорить, что верблюдов разводили и содержали в болгарских хозяйствах. Указанное обстоятельство может являться лишь свидетельством широких торговых связей волжских болгар с южными районами Евразии, откуда в город приходили торговые караваны с верблюдами, часть из которых по той или иной причине оставалась на Средней Волге.

Существующие сведения древних авторов⁴ о наличии у волжских болгар большого числа шкурок куниц, соболей, бобров и белок, представлявших основной предмет экспорта, не находят подтверждения в остеологическом материале. Костные остатки диких охотничье-промысловых видов по всем раскопам либо единичны, либо отсутствуют полностью. В связи с этим есть основания полагать, что в жизни самих болгар охота не занимала большого места, а ценные шкурки пушных зверей попадали к ним либо в результате обмена от северных соседей — финно-угров, охота в жизни которых играла немаловажную роль⁵, либо в виде дани. В то же время присутствие в могильниках ранних болгар челюстей этих животных позволяет предполагать существование специальной потушковой обработки добытых пушных зверьков на месте охоты, так как мясо их не употреблялось в пищу.

³ Хлебникова Г. Л. Древнерусское поселение в болгарях. — КСИИМК, 1956, вып. 62.

⁴ Ковалевский А. Л. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и примеч. под ред. академика И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939.

⁵ Андреева Е. Г. Домашняя и дикая фауна городища Аюшкар. — Учен. зап. ПГУ (Пермь), 1960, вып. 1.

ЯМЫ						Слой *			
28	29	30	38	41	42	X—XI вв.	XII—XIII вв.	XIII—XIV вв.	XVIII—XIX вв.
12,9	13,6	15,8	22,7	16,9	23,2	23,8	19,1	27,0	22,0
74,1	77,3	73,0	66,6	74,3	50,7	42,9	48,9	36,0	49,0
—	—	—	0,5	1,3	5,7	19,0	—	6,0	10,6
11,1	9,1	9,5	9,0	6,2	15,9	14,3	16,0	18,0	10,6
—	—	—	—	—	1,4	—	1,1	0,9	—
—	—	—	—	—	—	—	1,1	0,9	0,4
1,9	—	1,6	1,01	1,3	2,9	—	12,7	11,2	7,8
—	—	—	—	—	—	—	1,1	—	1,6

Буквально единичные находки остатков таких животных, как лось и косуля, мясо которых на протяжении многих тысяч лет служило людям одним из основных продуктов питания, наводят на мысль об их культурном значении, о возможном существовании запрета охоты на них.

Более многочисленны остатки птиц и рыб. Кости рыб в основном представлены маргинальными лучами осетровых.

Кости птиц были определены Н. И. Бурчак-Абрамовичем. Среди диагностированных остатков их, представляющих кухонные остатки, преобладают кости домашней курицы двух пород (очень мелких и средних размеров), гусей крупных пород. Кроме того, встречены кости диких видов: утки-кряквы, серого журавля, тетерева, мелкой чайки, мелкого куличка.

Сравнивая результаты видового анализа за многие годы работ, следует отметить постоянство процентных соотношений между домашними сельскохозяйственными видами. По числу особей на первом месте стоит мелкий рогатый скот, несколько меньше остатков крупного рогатого скота, а также лошадей, костные остатки свиней и верблюда численно незначительны. Эти устойчивые данные о характере стада в различные периоды существования Болгара объясняются, на наш взгляд, стойкостью хозяйственных традиций.

Заслуживает внимания сопоставление результатов видового анализа костных остатков из Великого Болгара, Сарай-Берке⁶ и Кара-Корума⁷, показывающее значительную близость состава стада домашних животных у населения этих городов (табл. 4).

Не менее интересное сходство обнаруживается и при сравнении данных об остеологических особенностях овец, кости которых обнаружены при раскопках тех же памятников (табл. 5).

⁶ Цалкин В. И. Домашние животные Золотой Орды. — Бюлл. МОИП, отделение биологических наук, 1967, т. I XVII(1).

⁷ Цалкин В. И. Фауна из раскопок Кара-Коруми. - КСИА, 1968. Вып. 114.

Т а б л и ц а 3. Результаты измерений некоторых костей овец из раскопок в Болгарах

Наименование кости	n	lim
Пяточная	71	58,0—76,0
Таранная	126	27,0—37,0
Пясть	42	124,0—160,0
Плюсна	44	131,0—166,0
Фаланга 1	70	37,5—48,0

Таблица 4. Процентное соотношение важнейших видов домашних животных из раскопок некоторых средневековых памятников

Археологический памятник	Количество особей, %			
	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	лошадь	верблюд
Болгар — слой XIV в.	11,7	80,2	7,2	0,9
Сарай-Берке — XIV в.	22,6	64,4	11,5	1,5
Кара-Корум — XIV в.	6,0	89,0	4,7	0,3

Таблица 5. Результаты измерений костей овец из раскопок некоторых средневековых памятников

Овца	Длина пясти овец			Высота в холке, см
	n	lim	M	
Волжско-болгарская	118	118,0—161,0	140,40	68,5
Золотоордынская	45	119,0—164,0	133,7	65,5
Каракорумская	30	125,0—158,0	140,0	68,5

При работе с остеологическим материалом из домонгольского Биляра мы наблюдали определенное сходство его с золотоордынским и каракорумским, которое проявилось в отсутствии костей свиньи, значительном количестве остатков мелкого рогатого скота, наличии остатков верблюда, большом проценте быков, превышающем необходимый для обеспечения воспроизведения стада, а также в бытовании крупной породы овец с высотой в холке до 78,0 см. Эти характерные для Биляра черты животноводства сближают его не с древнерусскими памятниками, а с золотоордынскими и каракорумскими, более поздними и далекими в природном отношении. Остеологический материал города Болгара еще более сходен с костными остатками из раскопок Сарая-Берке и Кара-Корума.

Такие аналогии определяются, видимо, общностью религиозных традиций и этнической близостью населения этих удаленных друг от друга средневековых городов.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В. Ф. Каховский

Крупный советский ученый А. П. Смирнов в своих работах много внимания уделил исследованию проблем древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Большой научный вклад он внес в разработку проблемы происхождения и формирования чувашской народности, привлекая археологические материалы, полученные им в результате многолетних исследований на территории современной Чувашии. В монографических трудах А. П. Смирнова «Волжские булгары», «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья», «Железный век Чувашского Поволжья» и в ряде статей показана роль болгарского населения в культуре чувашского народа. На основе археологических данных А. П. Смирнов пришел к заключению, что «не только ближайшие к Волге районы и юго-восточная часть Чувашии входили в состав Булгарского государства, но . . . и более западные районы были заняты болгарскими племенами»¹. Он отмечал, что в процессе ассимиляции местных финно-угорских племен болгарскими тюркский язык стал здесь господствующим². А. П. Смирнов предсказывал, что будущие исследования новых памятников прояснят картину расселения волжских болгар в западных районах Чувашии.

Однако в литературе высказываются и иные точки зрения. Так, например, Р. Г. Фахрутдинов считает, что «территория Чувашии ни в домонгольское, ни в золотоордынское время не была занята болгарским населением, кроме ее юго-восточной части»³. Роль болгар в истории чувашского народа сводится им лишь к культурному влиянию.

Археологическими экспедициями Научно-Исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР в центральных и северных районах республики за последние годы открыт целый ряд болгарских памятников⁴. В устье р. Матыпу, притока р. Большой Цивиль, близ с. Убеево, обнаружено значительное по площади селище, на котором собран богатый подъемный материал, состоящий преимущественно из черепков болгарской круговой посуды желтого, красного, бурого и коричневого цветов с лощением и специфическим волнистым и линейным орнаментом. Болгарская керамика с песком, шамотом и дресвой в тесте

¹ Смирнов А. П. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа. — В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, с. 25; *Он же*. Железный век Чувашского Поволжья. — МИА, 1961, № 95, с. 140.

² Смирнов А. П. Археологические памятники Чувашии. . . , с. 25.

³ Фахрутдинов Р. Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 201.

⁴ Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья. — В кн.: Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972, с. 115, 116.

обнаружена на селищах близ сел Именево и Н. Кумаши в Цивильском районе.

В бассейне рек Большой и Малый Цивиль расположена целая группа болгарских поселений, возникших, по нашему представлению, в домонгольское время: Янмурзино, Челкасы, Синьялы, Ердово и др. Сюда же примыкают селища у сел Большое Янгильдино на р. Рыкше, притоке Цивилия, Икково, Самуково, местонахождения болгарских предметов у сел Шигали, Шихазаны и в других местах.

В 1974 г. нами в бассейне р. Суры обследовано еще несколько болгарских памятников: селища Стемасы I, восточнее с. Стемасы Алатырского района, Стемасы II — севернее одноименного селения, два поселения в низовьях р. Утюш, притока Свияги, большое селище близ с. Порецкое и др.⁵ В ходе разведочных работ на этих поселениях обнаружены обломки болгарской круговой посуды, шиферные пряслица, металлические предметы, кости животных и т. д.

На селище Стемасы I, расположенном на надлуговой террасе левобережья р. Свияги, был заложен раскоп размером в 400 кв. м, в котором прослежены разновременные культурные напластования: нижний слой относился к неолитической эпохе (керамика балахнинского типа, кремневые и кварцитовые орудия и др.), верхний слой содержал комплекс вещей болгарской культуры. Среди остатков двух наземных жилищ и в культурном слое, и вокруг них, а также в заполнениях подпольных ям найдены многочисленные обломки круговой посуды (кувшинообразных сосудов, корчаг, чашек) желтого, коричневого и красного цветов, покрытых вертикальным лощением и болгарскими орнаментальными узорами (волнистые и параллельные линии, гребенчатый штамп). Отдельные фрагменты были покрыты снаружи ангобом палевого цвета. Среди металлических предметов встречены железные ножи, рыболовный крючок, железная стрела, цилиндрические замки типов В и В₁ по новгородской типологии⁶ и другие предметы.

Гончарная керамика селища по составу теста подразделяется на три группы. К первой относятся сосуды, изготовленные из хорошо промешанной глины с примесью мелкозернистого песка, ко второй — из грубого теста с примесью мелкого шамота. В тесте сосудов третьей группы отмечается примесь дресвы. Венчики круговой посуды делятся на пять типов: 1) в сечении прямоугольные с ровной поверхностью, 2) заостренные с внутренним утолщением, 3) закругленные с внутренним утолщением, 4) закругленные с наружным утолщением и 5) закругленные, сильно оттянутые наружу. Горло и плечики сосудов орнаментированы традиционными болгарскими узорами из волнистых и параллельных линий, гребенчатого штампа и ямочных вдавлений.

Таким образом, стемасская керамика по формам, орнаментации и составу теста мало чем отличается от круговой посуды домонгольских

⁵ Каховский Б. В., Каховский В. Ф. Чувашская экспедиция. — АО 1974 г. М. 1975, с. 158, 159.

⁶ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, рис. 10.

поселений центральных районов Волжской Болгарии ⁷. На Стемасском поселении не найдено ни одного фрагмента поливной посуды золотоордынского периода или времени Казанского ханства. Не встречены также изделия из чугуна.

По керамике возникновение Стемасского селища может быть датировано X—XII вв. На эту дату указывает также находка шиферного пряслица. Поселение, судя по находкам цилиндрических замков, продолжало функционировать в XIII—XIV вв.

Следует отметить, что некоторые исследователи высказывают сомнения относительно датировки домонгольским временем ряда памятников, расположенных в центральных и северных районах Чувашии. По мнению Ю. А. Краснова, начало проникновения болгарского населения в финно-угорскую среду основных районов Чувашии уверенно можно относить только ко времени около XIII в. ⁸ На позднюю дату указывают, по Ю. А. Краснову, находки цилиндрических замков типов В и Г по новгородской типологии, широких ножей, бедность орнамента сосудов, встреченные на Таутовском селище обломки чугунного котла и т. д. ⁹ Эти материалы действительно указывают на существование рассматриваемых булгарских поселений в XIII—XIV вв., но не могут служить основанием для определения их нижней даты, поскольку имеются не менее убедительные данные в пользу ранней датировки их возникновения. На этих поселениях были открыты остатки глинобитных жилищ, хозяйственные ямы, сырдутные горны ямного типа ¹⁰. Находки шиферных пряслиц, керамика с лощением и покрытая ангобом, наконечники стрел, подвески в виде знака вопроса и другие материалы позволяют с уверенностью относить возникновение болгарских поселений в Чувашском Поволжье к домонгольскому времени.

Возможно, что к тому же периоду относится появление болгарского города в устье р. Чебоксарки, правого притока Волги. Раскопками 1969—1970 гг. в Чебоксарах получены материалы, наиболее ранние из которых относятся к рубежу XIII—XIV вв. В 1971 г. в раскопе II, заложенном у стен бывшего Троицкого монастыря, в древней части города Чебоксары, в нижних слоях на глубине 5—6 м обнаружены культурные остатки, которые, по нашему мнению, могут датироваться XII—XIII вв. Керамика из этих слоев состоит в основном из обломков посуды преимущественно желтого, коричневого и серого цветов с примесью дресвы, шамота и песка, иногда с пролощенной поверхностью. В значительном количестве встречены обломки красной посуды. Преобладающими формами являются кувшины с одной и двумя ручками, горшковидные сосуды больших размеров, чашевидные сосуды тех же типов, которые составляют массовый

⁷ Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X—начала XIII в. — МИА, 1962, № 111.

⁸ Краснов Ю. А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных. — СА, 1974, № 3, с. 120.

⁹ Краснов Ю. А. Проблема происхождения. . .

¹⁰ Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья, с. 115, 110.

материал из раскопок домонгольских болгарских поселений как в левобережной, так и в правобережной Волжской Булгарии ¹¹.

Типы венчиков ранней чебоксарской посуды следующие: 1) прямые или слабо отогнутые наружу с незначительным утолщением верхнего края, с наружной стороны под обрезом венчика имеется небольшой валик, 2) прямые или слегка отогнутые наружу, с внутренней стороны под обрезом венчика имеется налеп-утолщение, 3) прямые или слегка отогнутые наружу или внутрь, обрез закругленный или утолщенный, образующий овальный выступ, 4) короткие прямые с утолщенным верхним краем, завернутым наружу и 5) прямые или слегка отогнутые наружу с округлым обрезом. Венчики этих типов находят аналогии в болгарской керамике домонгольского времени и были широко распространены на обследованных болгарских памятниках Чувашии ¹².

Основная масса керамики в Чебоксарах украшена традиционным болгарским орнаментом из глубоких прочерченных линий, однорядных волн между параллельными линиями, многорядной волны, встречаются арочные узоры, отпечатки гребенчатого штампа и небольшие округлые ямки между волнами и т. д. Пролощенный орнамент отличается некоторым разнообразием: наряду с вертикальными полосами в сочетании с поясами линейного врезного орнамента встречаются перекрещивающиеся линии, образующие сетку, наклонные линии и пр.

Найденные в нижних слоях Чебоксарского раскопа В-образные кресала, мозаичная бусина, подвеска в виде знака вопроса, железные наконечники стрел достаточно четко указывают на домонгольское время возникновения болгарского поселения городского типа на территории современных Чебоксар.

Таким образом, вывод А. П. Смирнова о том, что болгарские племена обитали в X в. «на всей территории Правобережного Поволжья», включая его лесную полосу, получает убедительное подтверждение в материалах новых археологических открытий. Пришлые тюркоязычные болгары смешались с аборигенным населением. В результате ассимиляционных этнических процессов шло формирование этнографической группы верховых чувашей (вирьял).

По мнению Ю. А. Краснова, численность тюркского компонента в процессе формирования Чувашского этноса не была велика ¹³. Численное соотношение местного и пришлого населения в настоящее время точно установить весьма затруднительно. Тем не менее археологические данные позволяют выявить роль того или иного этнического компонента в этногенезе чувашей. Сопоставление численности памятников городищской культуры и болгарских поселений и определение районов их распространения на территории Чувашии со всей убедительностью свидетельствуют о большом удельном весе болгаро-сувазского компонента в формировании чувашской народности.

¹¹ *Хлебникова Т. А.* Гончарное производство волжских болгар; *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья; *Каховский В. Ф., Смирнов А. Л.* Памятники средневековья Чувашского Поволжья.

¹² *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Памятники средневековья Чувашского Поволжья.
¹³ *Краснов Ю. А.* Проблемы происхождения чувашского народа, с. 123.

По данным А. П. Смирнова и Н. В. Трубниковой, на территории Чувашии, в основном в ее северной части, где живут чуваша-вирьялы, до сих пор выявлено немногим более 20 городецких памятников¹⁴. Количество же болгарских поселений и местонахождений в Чувашии ныне превышает 60. В северных районах, где ранее располагались городские памятники, обнаружено более 20 болгарских поселений: Таутовское, Янмурзинское, Керагаськое, Челкасинское, Убеевское, Именевское, Икковское, Большепянгильдинское, Синялское, Клычевское, Ердовское, Яндашевское, Самуковское, Нимичкасинское, Шихазанское, Шигалинское, Чебоксарское, Каршлых на р. Сундырь, Криушинское, Дятлинское, могильник «Палаху» близ дер. Керагаси и др.¹⁵ Таким образом, в Северной Чувашии соотношение городецких и болгарских памятников в настоящее время почти равное.

В центральной и южной части Чувашии, где обитают низовые чуваша-анатри, число болгарских памятников достигает сорока, а поселения Городецкого времени обнаружены здесь в единичных случаях. Среди болгарских памятников в этих районах значительными являются городища Тигашевское, Ново-Байбатыревское, Ново-Ахпердинское, Альменевское, Б. Тоябинское. Селища и местонахождения обнаружены близ ряда современных деревень: Тигашево, Б. Яльчики, Байбатырево, Арабузи, Новое Ахпердино. Ст. Тойси, Русские Норваши, Яншихово, Новочурино, Яльчики, Сюрбеево, Яблоновка, Ст. Янаши, Байдеряково, Туруново, Пикшики,¹⁶ Степные Шихазаны, Индырчи, Стемасы, Порецкое, Тихомирово и др.

Таким образом, судя по археологическим данным, болгарские и сувазские племена довольно компактной массой заселяли бассейны рек Цивиль, Кубня, Була, а также Присурье, где они, по-видимому, продолжали жить в тяжелые времена татаро-монгольских завоеваний. Следовательно, тезис Н. И. Воробьева о том, что формирование чувашской народности происходило в основном в северной, приволжской части Чувашии¹⁷, противоречит историческим данным. Процесс этногенеза чувашей протекал на всей территории современной Чувашии. В ее северо-западной части в ходе укрепления хозяйственных и культурных связей между болгарами и черемисами и их этнического смешения формировалась, как указано выше, этнографическая группа верховых чувашей (вирьял). Болгаро-сувазский компонент лег в основу второй большой этнографической группы — низовых чувашей (анатри), у которых явно преобладают тюркские черты быта и культуры¹⁸.

¹⁴ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. — САИ, 1965, Д, 1—14, с. 31, 32.

¹⁵ Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья. Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья, с. 137—140; Каховский В. Ф., Смирнов А. Д. Памятники средневековья Чувашского Поволжья, с. 158.

¹⁷ Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р. Чуваша. Чебоксары, 1956, с. 34—36; Краснов Ю. А. Проблемы. ..., с. 118.

¹⁸ Воробьев Н. И. и др. Чуваша; Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960; Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965; Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969.

Несколько слов относительно этнонима «чуваши» (чаваш). Его происхождение многие историки и языковеды связывают с народом суваз (сувар)¹⁹. Однако относительно корреляции этих двух этнонимов Ю. А. Краснов высказывает весьма скептическое мнение: «К попытке привлечь для истории чувашей данные Ибн-Фадлана о племени или народе «сувар» ("сван", «сувар» и др.) следует отнестись с крайней осторожностью (подчеркнуто нами. — В. К.), — заявляет он. — Связь этого названия в любой из известных форм с этнонимом «чуваши» («чаваш») лингвистически недоказана и является лишь предположением, а наши сведения о суварах несколько лаконичны, что не позволяет судить об их этнической принадлежности и отношении к позднейшим чувашам»²⁰. В данном случае Ю. А. Краснов в известной мере присоединяется к мнению Р. Г. Фахрутдинова, который утверждает, что «. . . нет ни одного источника, ни археологического, ни письменного, позволяющего отождествлять чуваш с суварями. Племя «суваз» — явная выдумка, рожденная потребностью найти предков чуваш»²¹.

Этот вопрос мною подробно освещен в статье «Сувары и чувашы»²². В рамках настоящей статьи не представляется возможным проанализировать все материалы в пользу мнения, что сувазы — это предки чувашей. Сувазы (сувары) — по происхождению и языку родственны болгарам. Махмуд Кашгарий (XI в.) указывает сувар в числе тюркских племен²³. Примечателен также тот факт, что марийцы в прошлом своих южных соседей называли «суас»²⁴, а башкиры именуют чувашей не иначе, как «сыуаш». Этноним «Суваши» приводится в словаре В. В. Радлова²⁵. Археологические исследования городища Сувар показывают, что культура сувазского народа была общей с болгарской²⁶.

В X—XII вв. сувазы жили в бассейне р. Большой Черемшан — левого притока Волги. На юг их земли тянулись до р. Кундурча, где по соседству с ними обитали кочевые угро-мадьярские племена. В результате длительного этнических контактов древние мадьяры испытывали сильное культурное влияние со стороны болгар и сувазов и частично смешались с ними. Болгаро-сувазский компонент вошел также в состав башкирской народности. Именно этим обстоятельством можно объяснить распространение среди чувашей, башкир и мадьяр этнонимов «юрматы», «еней», «тархан», «кесе» и др.²⁷ Указанные этнонимы встречаются не только среди ни-

¹⁸ Ковалевский А. П. Чувашы и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. — УЗ Чув. НИИ, IX. Чебоксары, 1954; Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. 1. Чебоксары, 1954, с. 20; Федотов М. Р. О марийском этнониме суvas-суас. — Советское финно-угроведение (Таллин), 1974, № 2, с. 79—82.

²⁰ Краснов Ю. А. Проблемы происхождения чувашского народа, с. 113.

²¹ Фахрутдинов Р. Г. О степени заселенности булгарами. . . , с. 198.

²² Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья, с. 200—217.

²³ Кашгарский Махмуд. Диван лугат-а-ттурк. Ташкент, 1960, с. 66.

²⁴ Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы. (К вопросу о волжских болгарях и их отношении к нынешним чувашам). Казань, 1902, с. 45, 46.

²⁵ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, II. СПб., 1893, стб. 1354.

²⁸ Смирнов А. П. Сувар. — Труды ГИМ (М.), 1941, вып. XVI.

²⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 418, 419; Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905, с. 38, 39, 52, 86.

зовых чувашей, но и верховых. Так, в приговоре 1802 г. по Шуматовской волости (ныне в Ядринском районе) среди ясачных крещеных чувашей упоминается Василий Урмекей²⁸, а в дер. Третьей Тинсариной быв. Туруновской волости (ныне в Чебоксарском районе) зафиксирована фамилия Торган Булгаров²⁹.

Этноним суваз-сувар был широко распространен в антропонимии языческих чувашей в различных вариантах: Савас, Саваш, Саварка, Савир, Сувар, Субастей, Чуваши и т. д.³⁰

Свидетельства об исторических и генетических связях чувашей с болгарскими мы находим также в других источниках. Так, в шаджаре болгарского рода бардж из Биляра рассказывается о том, как после разгрома этого города его население переселялось на горную сторону и осело на р. Кубне — западном притоке р. Свяги³¹. Среди потомков первого переселенца Инсана (ср. чув. Инзей, Инзянай и др.) упоминаются имена, аналогичные с чувашскими языческими антропонимами: Кадра — чув. Кадра, Кадряк, Кутуш-Кугуш, Иганай-Иганай, Тавакааль — чув. Тавика, Теветккилда и др., Ульмас-Ульмеси, Ульмекей и др.³² С ладжара о потомках Инсана перекликается сказание о Тамти-Хатае из города Болгара, тоже переселившегося на правобережье Волги³³. Выходец из Болгара некий Ишмухаммед основал на Горной стороне аул Шырдан³⁴.

Новая волна переселений болгарского и суварского населения на Горную сторону была вызвана трагическими событиями 1391 г., когда войска Тимура начали разорять селения и города Волжской Болгарии. Миграция новой массы населения из левобережья на Горную Сторону еще более усилила тюркский компонент в составе чувашского народа.

Таким образом, новые археологические данные в сочетании с этнографическими и письменными источниками не оставляют сомнения в том, что тюркоязычный болгаро-сувазский компонент играл в сложении чувашского этноса отнюдь не второстепенную роль.

С вхождением в состав Русского государства сложились благоприятные условия для этнической консолидации чувашской народности и ее дальнейшего социально-экономического и культурного развития.

²⁴ Магницкий В. К. Чувашские языческие имена, с. 22.

²⁹ Там же, с. 34.

³⁰ Там же, с. 71—79.

³¹ Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, с. 174—175.

³² Магницкий В. К. Чувашские языческие имена, с. 45, 49, 53, 88 и др.

³³ Усманов М. А. Татарские исторические источники, с. 180.

³⁴ Там же, с. 181.

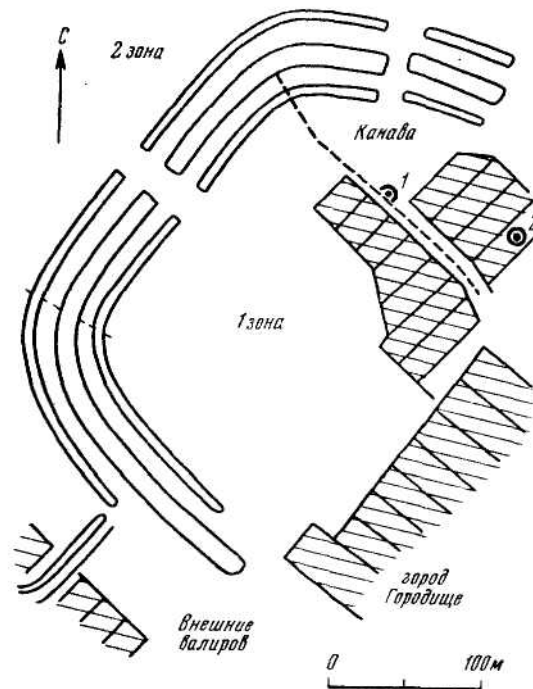
НАХОДКИ НА ЮЛОВСКОМ ГОРОДИЩЕ XI—XIII ВВ. ^

М. Р. Полесских

Юловское городище, описанное еще Палласом¹ занимает широкий мыс коренного левого берега речки Юлов, правого притока р. Суры. Большая часть памятника занята кварталами г. Городище Пензенской области, свободная от застройки площадь распахивается, культурный слой здесь разрушен.

Основной оборонительный пояс городища представляет полукружие из трех хорошо сохранившихся валов и трех рвов, соединяющих края оврагов, ограничивающих мыс. Главный вал достигает высоты 4 м при ши-

Р и с. 1. Схематический план Юловского городища
1 — место гончарной печи; 2 — место клада

¹ Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи, ч. 1, СПб., 1809, с. 124, 125.

рине основания в 20 м. Это — насыпь из глины, песка и щебенки, облицованная слоем камня толщиной на гребне до 0,70 м. За основным укреплением простирается вторая зона городища, отделенная от поля невысоким валом и рвом, ныне почти исчезнувшим (рис. 1). Аналогичное устройство характерно и для других средневековых городищ края².

Культурный слой залегает на глубинах 0,15—0,40 м и представляет собой гумусированную супесь с многочисленными культурными остатками.

Среди подъемного материала преобладает коричневая и красная круговая керамика. Найдены также железные изделия, в том числе серпы и замки, обломки медных изделий, бусы, бляха с восточным орнаментом, железные шлаки и др.

Керамика за немногим исключением изготовлялась на ручном гончарном круге, характеризуется хорошо промешанным тестом, с небольшими

Рис. 2. Керамика Юловского городища

1 — крышка сосуда; 2—4 — венчики сосудов; 5—9 — ручки сосудов; 10, 11 — пряслица; 12 — лошало; 13 — светильник; 14 — фрагмент сосуда с ножками; 15 — сосуд из гончарной печи; 16 — кувшин (реконструкция)

² Полесских М. Р. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв. — Труды Саратовского областного музея краеведения, 1959, вып. 2, с. 95—113.

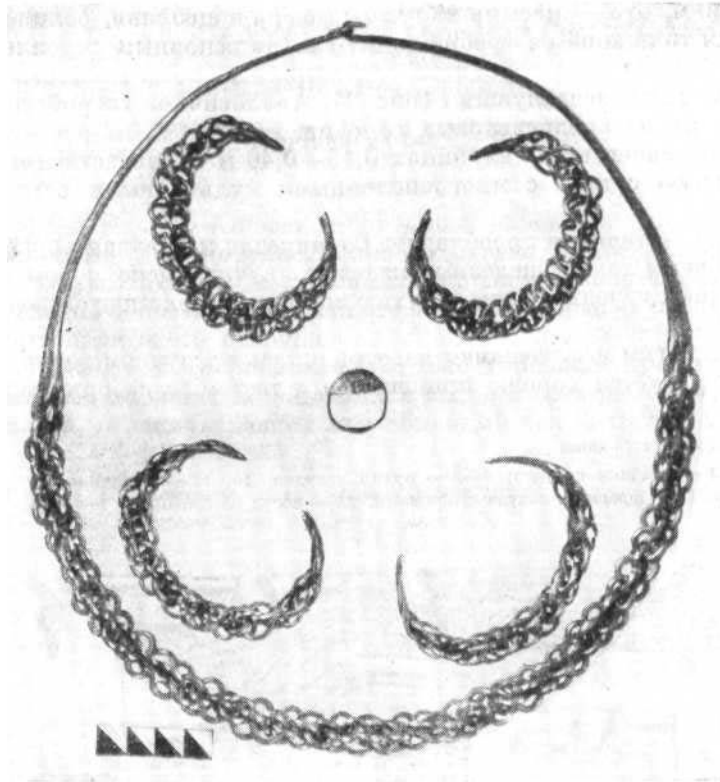
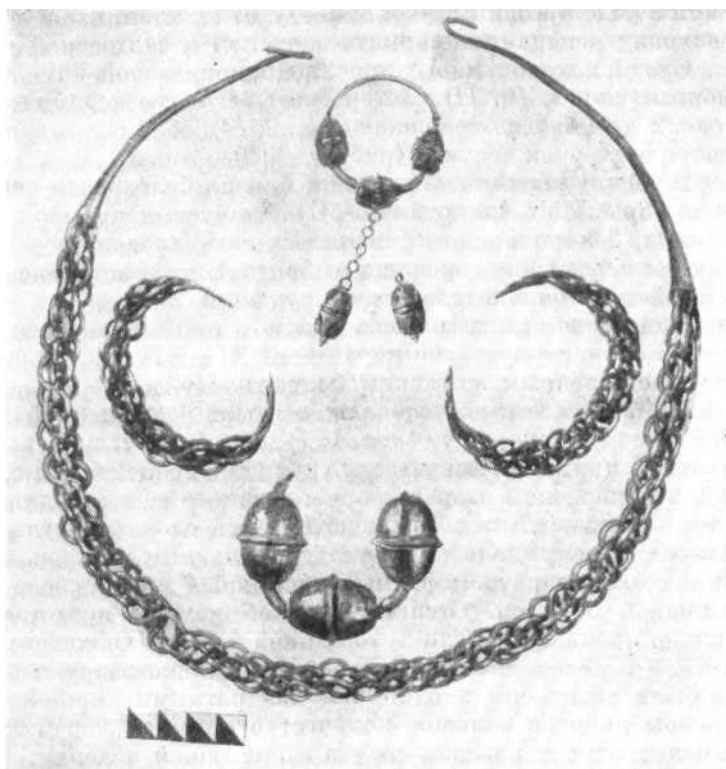

Рис. 3. Вещи из клада на Юловском городище

примесями тонкого песка, равномерным и крепким обжигом, совершенством формовки и разнообразием форм. Встречаются горшки, кувшины и кувшинообразные сосуды, корчаги, миски большого и малого размеров и др. (рис. 2, 14—16). Венчики в разрезе шляпкообразные или валикообразные. У крупных сосудов край обычно резко профилирован (рис. 2, 2—4). На большей части фрагментов керамики наблюдается лощение внешней, а иногда и внутренней поверхности в виде вертикальных, горизонтальных, изредка перекрещивающихся полосок. Для лощения использовались керамические лощила (рис. 2, 12). Цвет сосудов коричневый, разных оттенков, реже — красный, очень редко — бурый, орнаментация в виде резных волнистых, арочных, прямых линий по горлу, чаще на плечиках, иногда в сочетании с несложным штампованным узором (рис. 2, 1—4). Нередко поверхность сосудов покрывалась ангобом коричнево-красного цвета.

Еще А. П. Смирновым было отмечено, что характер керамического комплекса дает прочное основание для датировки городищ средневековья³.

³ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. — МИА, 1961, № 95, с. 150.

По его мнению, преобладание коричневой керамики, разнообразие и богатство орнамента свойственны керамике Волжской Болгарии домонгольского периода. В золотоордынскую эпоху преобладает красная керамика, орнаменту присуща стандартизация⁴. Это полностью подтверждается материалами пензенских городищ типа Юловского и Золотаревского⁵. На Юловском городище встречена и лепная керамика (около 5—7%), частью повторяющая по формам гончарную. Она имеет шероховатую поверхность, серый или бурый, редко — красноватый цвет, содержит примесь дресвы.

Среди ручек от сосудов встречаются экземпляры с выступами или нале-

⁴ Акчурина З. А., Воскресенская Л. П., Смирнов А. П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. — В кн.: Поволжье в средние века. — МИА, 1970, № 164, с. 7; Федоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище. — МИА, 1962, № 111, с. 77.

⁵ Полесских М. Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 207—210.

нами в виде пуговицы (рис. 2, 5—7). Эти детали, как и лощение полосками, восходят к керамике сармато-аланской и салтовской культур⁶.

Среди находок много пряслиц биконической или округлой в раареао формы (рис. 2, 10, 11). Интересны фрагменты керамического светильника (рис. 2, 13), блюда на ножках (рис. 2, 14), обломки фигурной и украшенной рисунком ручек сосудов (рис. 2, 8, 9).

В целом керамика городища близка болгарской керамике домонгольской поры. Но есть и отличия. Отсутствует, например, желтая и серая керамика, более широко применялось ангобирование сосудов и т. д. Отличаются пензенские городища от болгарских и определенным своеобразием устройства оборонительных сооружений.

Нами уже высказывалась мысль о принадлежности пензенских городищ и селищ с круговой керамикой XI—XIV вв. тюркоязычным буртасам, родственным волжским болгарам⁷.

В 1974 г. были исследованы остатки разрушенной при строительных работах гончарной печи (рис. 1, 1). Она была углублена в материк и имела простую цилиндрическую конструкцию. Топочная камера была котловидной в поперечном разрезе формы, диаметр ее составлял 1,10—1,20 м, высота — 0,65—0,70 м. Дно подстилалось слоем округлых камней. Сверху камера перекрывалась сильно закопченным и прокаленным сводом из кирпичей квадратной формы толщиной 4 см. В своде имелись продухи размером 5x8 см. Стенки топочной камеры представляли собой слой сильно прокаленной глины толщиной 4—5 см. Обжигательная камера диаметром 1,30 м и высотой 0,50—0,60 м сильно разрушена. Боковые стенки ее были выложены в один ряд квадратными кирпичами. В заполнении камеры найдено большое количество обломков керамики. Особенно интересен фрагмент крышки сосуда с шишечкой наверху, с орнаментацией, типичной для болгаро-буртасской гончарной посуды (рис. 2, 7). Остатки гончарной печи такой же конструкции, но с применением квадратных и прямоугольных кирпичей более крупного размера, встречены на Садовском селище, исследованном нами в 1970 г. Судя по некоторым признакам, у топочных отверстий этих горнов не было вводных каналов, характерных для гончарных печей Волжской Болгарии⁸. Этим и, очевидно, оригинальным сводчатым перекрытием из кирпичей гончарная печь с Юловского городища отличается от своих ближайших болгарских аналогов.

В 1968 г. в северо-восточной части Юловского городища (рис. 1, 2) был найден клад серебряных украшений, поступивший в Пензенский музей. Клад залегал на глубине 0,30—0,35 м в нижнем горизонте переотложенного культурного слоя, для которого характерна круговая керамика описанного типа. В составе клада три шейные гривны, шесть браслетов, два фрагментированных височных кольца и перстень (рис. 3).

⁶ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 20, 135, табл. VI; Ефимова А. М. Городецкие селища и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР. — МИА, 1962, № 111, с. 42, 43; Хованская О. С. Гончарное дело города Болгара. — МИА, 1954, № 42, с. 345, 363.

⁷ Полесских М. Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища, с. 214—216.

⁸ Смирнов К. А. Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар. — МИА, 1962, № 111, с. 91.

Гривны и браслеты выполнены техникой плетения из шести проволок. У гривен концы скованы в круглую, равномерно сужающуюся проволоку с запорным крючком. Диаметр гривен 20 (2 экз.) и 23 см. Они аналогичны гривнам с территории Волжской Болгарии⁹. Браслеты — несомкнутые, концы проволок, из которых они сплетены, сплющены. Диаметр браслетов 7—7,5 см. Эти вещи тоже болгарские¹⁰.

Одно височное кольцо из клада состоит из трех полых желудевидных бусин, обвитых посередине перевитой серебряной проволокой в два ряда; такая же обвивка на кольце разделяет бусины. Второе кольцо — с тремя напущенными полыми зернеными бусинками и подвесками из трех таких же бусин на цепочках. Диаметр кольца 4 см. В литературе описано несколько разновидностей болгарских височных колец с подвесками, различающихся богатством орнаментации зернью. К одной из таких разновидностей и относится рассматриваемое височное кольцо¹¹.

Перстень пластинчатый, из белого сплава, с овальным щитком, украшенным ложной зернью. Аналогии ему имеются уже не в болгарских, а в русских древностях¹². Это лишний раз подтверждает мысль А. П. Смирнова, что ювелирная техника и формы украшений были заимствованы булгарами от русских, хотя и претерпели значительные изменения¹³.

Ювелирные изделия Юловского клада следует рассматривать как импорт из ремесленных центров Волжской Болгарии. Это уже вторая находка подобных украшений в здешних местах¹⁴.

⁹ Фахрутдинов Р. Г. Новые памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии. — СА, 1969, № 1, с. 6.

¹⁰ Смирнов А. П. Волжские булгары, табл. V и рис. 74.

¹¹ Там же, табл. IV и рис. 69.

¹² Например, перстень из кургана 3 у с. Иславского Московской области. Экспозиция ГИМ.

¹³ Смирнов А. П. Волжские булгары, с. 157.

¹⁴ Полесских М. Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища, с. 212.

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ С ПЕРСИДСКОЙ НАДПИСЬЮ

В. А. Мальм

В составе симферопольского клада¹, находящегося в ГИМ, имеется несколько золотых браслетов, среди которых особого внимания заслуживает двусторчатый браслет, к сожалению, разломанный и сохранившийся не полностью. Вес всех сохранившихся его частей составляет 54,8 г, проба 750.

Браслет (рис. 1) состоит из четырех продолговатых звеньев (размер звена 3,3x1,8 см), из которых одно не сохранилось. Каждое звено двумя

¹ ГИМ, инв. № 99264.

Р и с . 1. Золотом двустворчатый браслет из симферопольского клада

тонкими горизонтальными ленточками, припаянными на ребро, разделен как бы на три части. Средняя часть заполнена надписью, а две боковые сделаны в виде гладких колонок, заканчивающихся по краям стилизованными звериными мордами. На каждом звене имеется по восемь маленьких отверстий. Все они расположены симметрично по два отверстия под каждой звериной мордой. По-видимому, эти отверстия могли использоваться для небольших жемчужин или вставок из камней. ¹

К звеньям примыкают две продолговатые прямоугольные пластины размером 1,8x0,8 см. В центре каждой из них расположен рельефный ромб, орнаментированный пальметками; остальное пространство пластины за пределами ромба заполнено растительным узором на черневом фоне. Чернь сохранилась плохо. Кроме того, имеются еще две пластины почти квадратной формы (2x1,8 см). Значительную часть этих пластин занимает круглый рельефный медальон с изображением четырехлепестковой розетки, украшенной пальметками, остальная часть медальона покрыта растительным орнаментом. Одна из таких пластин имеет выдвижную иглу для запора. В нижней части пластины припаяно ушко, в которое продето колечко, вероятно, служившее для подвешивания какого-либо украшения. Сверху пластины, где виден крючок, должно быть такое же колечко, потянув за которое можно было открыть затвор. Пластины с медальонами должны быть расположены одна против другой.

Персидская надпись на браслете сохранилась не полностью. Однако ввиду распространенности подобных надписей, она прочитана целиком. Перевод ее гласит: «Да будет творец мира покровителем Владельца сего (предмета), где бы он ни находился». Такая надпись часто встречается на памятниках прикладного искусства Ирана с конца XII до конца XIV в. ²

Близкой аналогией браслету являются аналогичные парные браслеты, которые имелись в кладах, найденном на болгарском городище Джукетау в 1924 г. ³ Клад находился в Казани, в Центральном музее ТАССР, но

² Перевод надписи и указание, где и когда использовалась подобная надпись, определены А. А. Ивановым, за что приношу ему глубокую благодарность.

³ Смолин В. Ф. Клад восточных золотых предметов из болгарского городища Джукетау. — Вестник научного общества татароведения (Казань), 1925, № 3, с. 24.

в настоящее время его там нет. Возможно, что один из браслетов этого клада, а именно целый браслет (второй сохранился частично) находится теперь в Гос. Эрмитаже⁴. Согласно имеющейся записи, он поступил в Эрмитаж из Центрального музея ТАССР в 1935 г., но, к сожалению, без указания места находки. Во всяком случае, браслеты из клада Джукетау и браслет из Эрмитажа совершенно тождественны. Они также состоят из звеньев с точно такой же персидской надписью, имеют две продолговатые и две квадратные пластины, из них одна — с выдвигной иглой. Различие браслетов заключается в несколько иной и более сложной орнаментации круглых медальонов с филигранными розетками и ромбов на пластинах, а также орнаментации колонок звеньев. Если на симферопольском браслете средняя часть колонок гладкая, то на браслетах из клада Джукетау плетенка исполнена техникой гравировки на верхней колонке, растительный узор на нижней колонке, да и сами звериные морды на колонках отличаются более тонкой проработкой отдельных деталей. Однако перечисленные различия являются несущественными, и обе находки сближает общий стиль, одинаковая техника и близкая дата. Монеты индийских султанов в составе клада с обозначением места и года чеканки позволяют датировать его концом XIV—началом XV в. К этому же времени относится, видимо, и клад из Джукетау, украшения которого по стилю и технике близки к некоторым вещам из симферопольского клада. В Джукетауском кладе находились также две золотые монеты индийского султана Мухаммеда ибн-Тоглука, чеканенные в 741 г. х. (1340/1341 г.) от имени египетского халифа ал-Мустакфи II.

Вероятно, указанные браслеты как в Крыму, так и в Волжской Болгарии являлись предметом импорта. Центр их производства следует искать в Иране или Средней Азии.

⁴ Гос. Эрмитаж, ВБ₃—307.

ДВЕ ЗАМЕТКИ ПО ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ НУМИЗМАТИКЕ

Г. А. Федоров-Давыдов

Клад монет из Царевского городища

В 1972 г. на Царевском городище в Ленинском районе Волгоградской обл. (развалины Нового Сарая — Сарая Берке) был найден клад серебряных монет XVI в. Монеты были зарыты в красноглиняном кувшине типичной для золотоордынского времени формы. Клад (видимо, полностью) был доставлен в Волгоградский краеведческий музей, где и хранится в настоящее время. Клад содержал следующие монеты.

Узбек:

Сарай ал-Махруса (Богоспасаемый): 722 г. х. (1322 г.) — 1 экз.

Сарай: 727 г. х. (1326—1327 гг.) — 1 экз., 731 г. х. (1330—1331 гг.)—

1 экз., 737 г. х. (1336—1337 гг.) — 1 экз.
Хорезм: 717 г. х. (1317—1318 гг.) — 1 экз.
Город и год не обозначены — 1 экз.

Джанибек:

Сарай ал-Джедид (Новый): 742 г. х. (1341—1342 гг.) — 1 экз., 743 г. х. (1342-1343 гг.) - 4 экз., 747 г. х. (1346-1347 гг.) - 3 экз., 748 г. х. (1347—1348 гг.) — 2 экз., 753 г. х. (1352—1353 гг.) — 1 экз., год? — 4 экз.
Хорезм: 744 г. х. (1343—1344 гг.) — 1 экз.

Кульна:

Сарай ал-Джедид: 760 г. х. (1358—1359 гг.) — 1 экз.

Хызр:

Сарай ал-Джедид: 761 г. х. (1359—1360 гг.) — 1 экз.
Гюлистан: 762 г. х. (1360—1361 гг.) — 1 экз.

Мюрд:

Гюлистан: 764 г. х. (1362—1363 гг.) — 1 экз.

Джанибек II:

Без обозначения города и года — 1 экз.

Абдуллах:

Сарай: 763 г. х. (1361 — 1362 гг.) — 1 экз., 768 г. х. (1366—1367 гг.) — 2 экз.
Орда: 770 г. х. (1368—1369 гг.) — 5 экз.

Мухаммед (Булак):

Орда: 771 г. х. (1369—1370 гг.) — 3 экз., 772 г. х. (1370—1371 гг.) — 3 экз., 773 г. х. (1371—1372 гг.) — 9 экз., 775 г. х. (1373—1374 гг.) — 1 экз., 777 г. х. (1375—1376 гг.) — 5 экз., год? — 10 экз.

(Мухаммед) Булак:

Город не обозначен, год? — 2 экз.

Токтамыш:

Белед (город) Сарай: 782 г. х. (1380-1381 гг.) - 40 экз., 784 г. х. (1382—1383 гг.) - 4 экз., 787 г. х. (1385-1386 гг.) - 1 экз., 789 г. х. (1387 г.) — 5 экз., 791 г. х. (1388—1389 гг.) — И экз., год? — 19 экз., ас-Сарай: год? — 1 экз.
Сарай ал-Махруса: 783 г. х. (1381-1382 гг.) - 1 экз., 786 г. х. (1384—1385 гг.) — 1 экз.
Сарай ал-Джедид: 781 г. х. (1379—1380 гг.) — 1 экз., 782 г. х. (1380—1381 гг.) — 80 экз., 783 г. х. (1381-1382 гг.) - 3 экз., 784 г. х. (1382-1383 гг.) — 3 экз., 785 г. х. (1383-1384 гг.) - 1 экз., 786 г. х. (1384—1385) гг. — 17 экз., 787 г. х. (1385—1386 гг.) — 4 экз., 788 г. х.

(1386 г.) - 15 экз., 792 г. х. (1389-1390 гг.) - 3 экз., 793 г. х. (1390—1391 гг.) — 7 экз., 797 г. х. (1393—1394 гг.) — 5 экз., 792 или 796 г. х. 1 экз., год? — 74 экз.

Орда: 788 г. х. (1386 г.) — 2 экз., 789 г. х. (1387 г.) — 9 экз., 791 г. х. (1388—1389 гг.) — 4 экз., год? — 24 экз.

Орда ал-Муаззам (Высочайшая): 789 г. х. (1387 г.) — 19 экз., 791 г. х. (1388—1389 гг.) — 26 экз., год? — 36 экз.

Орда ал-Махруса: год? — 2 экз.

Орда ал-Джедид, 785 г. х. (1383—1384 гг.) — 26 экз., год? — 5 экз.

Крым: 781 г. х. (1379—1380 гг.) — 1 экз., 782 г. х. (1380—1381 гг.) — 2 экз., 783 г. х. (1381-1382 гг.) — 1 экз., 785 или 786 г. х. (1383-1385 гг.) — 2 экз., год? — 5 экз.

Хаджи-Тархан: 786 г. х. (1384—1385 гг.) — 1 экз., год? — 1 экз.

Азак: 782 г. х. (1380—1381 гг.) — 35 экз., 782 или 786 г. х. — 4 экз., 786 г. х. (1385—1386 гг.) — 12 экз., год? — 38 экз.

Азак ал-Махруса: 783 г. х. (1381-1382 гг.) - 2 экз., 786 г. х. (1384—1385 гг.) — 1 экз., год? — 3 экз.

Азак ал-Джедид: год? — 1 экз.

Сарайчик: 787 г. х. (1385—1386 гг.) — 1 экз.

Хорезм: 784 г. х. (1382—1383 гг.) — 3 экз., 785 г. х. (1383—1384 гг.) — 2 экз., 786 г. х. (1384-1385 гг.) - 7 экз., 787 г. х. (1385-1386 гг.) - 7 экз., 788 г. х. (1386 г.) — 10 экз., 789 г. х. (1387 г.) — 3 экз., год? — 9 экз.

Без обозначения города: год? — 10 экз.

Город? год? — 8 экз.

Хан?

Сарай ал-Джедид: год? — 1 экз.

Сарай ({}): год? — 2 экз.

Гюлистан ал-Джедид: год? — 1 экз.

Город?, год? — 4 экз.

Подражания:

6 экз.

Надчеканки:

Слово «Справедливый»: на монете Узбека, Сарай, год? — 1 экз., на монете Джанибека, Сарай ал-Джедид, 745 г. х. (1344—1345 гг.) — 1 экз., на монете Джанибека, Сарай ал-Джедид, 747 г. х. (1346—1347 гг.) — 1 экз., на монете Джанибека, Сарай-ал-Джедид 750 г. х. (1349—1350 гг.) — 1 экз.

В виде русской буквы «Д»: на монете Мухаммеда (Булака), Орда год? — 1 экз., на неопределимой монете — 1 экз.

Рязанского типа надчеканка на неопределимой монете — 1 экз.

Тимур и Джагатаид Суюргатмыш:

Без обозначения города, 785 г. х. (1383—1384 гг.) — 4 экз.,

Джалаирид Хусейн:

Город? год? — 5 экз.

Всего в кладе 717 серебряных монет. Они распределяются по ханам следующим образом:

Узбек — 6 экз.
Джанибек — 16 экз.
Кульна — 1 экз.
Хызр — 2 экз.
Мюрид — 1 экз.
Джанибек II — 1 экз.
Абдуллах — 8 экз.
Мухаммед Булак — 33 экз.
Токтамыш — 619 экз.
хан? — 8 экз.
Подражания — 6 экз.
Надчеканки — 7 экз.
Тимур и Суюргамыш — 4 экз.
Хусейн — 5 экз.

По месту чеканки (и надчеканки) монеты клада распределяются следующим образом:

Сарай ал-Махруса — 3 экз.
Сарай — 89 экз.

И т о г о Сарая — 92 экз.

Сарай ал-Джедид — 232 экз.
Гюлистан — 2 экз.
Гюлистан ал-Джедид — 1 экз.

И т о г о Гюлистана — 3 экз.

Орда — 75 экз.
Орда ал-Муаззам — 81 экз.
Орда ал-Махруса — 2 экз.
Орда ал-Джедид — 31 экз.

И т о г о Орды — 199 экз.

Крым — 11 экз.
Хаджи-Тархан — 2 экз.
Азак — 89 экз.
Азак ал-Махруса — 6 экз.
Азак ал-Джедид — 1 экз.
И т о г о Азака — 96 экз.

Сарайчик — 1 экз.
Хорезм — 43 экз.
Средняя Азия — 4 экз.
Иран — 5 экз.
Рязанская надчеканка — 3 экз.

Неопределенные по месту чеканки — 36 экз.

На Царевском городище в предшествующие годы было найдено 9 кладов серебряных монет:

- 1 — в 1845 г. 539 монет в сосуде. Монеты не определены.
- 2 — в 1845 г. 1128 монет в сосуде. Последняя монета хана Узбека (1313—1339 гг.)
- 3 — в 1846 гг. 155 монет в сосуде. Монеты не определены.

- 4 — в 1847 г. Монеты не определены.
 5 — в 1849 г. 182 монеты в сосуде. Последняя монета хана Хызра (1359-1361 гг.).
 6 — в 1850 г. 111 монет в сосуде. Последняя монета хана Азиза (1364—1367 гг.).
 7 — в 1851 г. 110 монет. Монеты не определены.
 8 — 1958 г. Из клада определено только часть в 53 монеты. Последняя монета 747 г. х. (1346—1347 гг.).
 9 — в 1963 г. 34 монеты. Последняя монета 767 г. х. (1365—1366 гг.).¹

Только 5 из этих кладов несут информацию о денежном обращении Нового Сарая и лишь два, причем малочисленные, полностью определены (клады 1958 и 1963 гг.). Понятно, какое большое значение имеет находка нового (десятого по счету), большого и доступного для определения клада монет с этого городища для характеристики денежного обращения золотоордынской столицы.

Клад 1972 г. дает характеристику денежного обращения 1390-х годов. Мы видим полное господство в нем серебряной монеты чеканки Токтамышша 1380—1390-х годов. Это объясняется тем, что в 1380 г. только что пришедший к власти хан Токтамышш провел денежную реформу, снизив вес серебряной монеты, запретив употребление старой монеты и предложив в обязательном порядке населению обменять их, вероятно, по выгодному для казны курсу на новые. Естественно, что эта реформа наиболее последовательно была проведена в столичных районах. В кладе из Царевского городища 1972 г. 90% всех определимых по времени монет относится к чекану после 1380 г. Реформа Токтамышша была унификационной. Она объединила единой весовой нормой чеканку ряда провинциальных центров. После нее в денежное обращение Нового Сарая влилась масса провинциальных монет. На примере клада 1972 г. видно, что монеты Азака и Орды среди определимых по месту чеканки составляют почти 30%. Небольшая примесь монет иранской династии Джалаиридов и Тимура, как монеты с надчеканками, в частности рязанскими буквенными пунсонами и с «куньей мордкой», составляет характерную черту кладов эпохи Токтамышша.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что последняя по дате чеканки монета клада относится к 796 г. х. (1393—1394 гг.). Очевидно, клад был зарыт в 1395 г. в минуту опасности, когда город был осажден войсками Тимура, прорвавшимися в Поволжье после битвы на Тереке и победы над войсками Токтамышша. Археологические раскопки показывают картину гибели города — беспорядочно лежащие скелеты погибших горожан под развалинами домов, разрубленные части человеческих скелетов, скопления черепов и т. п. Клад 1972 г. — еще один свидетель этого трагического для города года. После 1395 г. Новый Сарай больше не возрождался.

¹ Сведения об этих кладах см.: Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. — НЭ, т. I, М., 1960, с. 135, № 26, 27, 27а, с. 181, № 264-266; *Он же*. Находки Джучидских монет. — НЭ, т. IV, М., 1963, с. 214 № 26а, с. 218 № 266а; *Он же*. Находки кладов золотоордынских монет. — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974 с. 178, № 27в).

Золотые индийские динары ив Селитренного городища

Известно, что в денежном обращении Золотой Орды в XIV в. ходили наряду с серебряной монетой крупные золотые индийские монеты Патанских султанов Дели. Р. Р. Фасмер и А. А. Быков дали сводку этих находок². Однако в их сводках не представлены находки таких монет на Селитренном городище (Харабалинский р-н Астраханской обл.), являвшемся развалинами первой столицы Золотой Орды — города Сарай Бату.

В 1963 г. здесь случайно была найдена золотая монета весом 12,77 г., чеканенная от имени Мухаммеда ибн Таглака в Дели в 726 г. х. (1325—1326 гг.)³. Монета передана в Волгоградский музей.

В 1971 г. также случайно была найдена золотая монета весом 12,76 г., чеканенная Мухаммедом ибн Таглаком в Диогире (Даулетабад в Декане) в 727 г. х. (1326—1327 гг.)⁴. Монета передана в Астраханский музей. Эти находки увеличивают общее число патонских динаров, найденных в Нижнем Поволжье, с трех до пяти.

Находки динаров султанов Индии на Селитренном городище наряду с другими, ранее известными находками этих монет, показывают наличие торговых связей Золотой Орды с Индией, зафиксированные и письменными источниками (Ибн-Батута)⁵. Привоз золотых индийских монет на территорию улуса Джучи, вероятно, стимулировался большей, чем в Индии, ценой золота по отношению к серебру. На золото можно было обменять серебра на рынках Поволжья больше, чем в Индии⁶.

² Фасмер Р. Р. О двух редких золотых монетах делийских султанов. — ИОАИЭ, 1927, т. XXXIII, вып. 4; Быков А. А. Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе. — ЭВ (Л.), 1969, XIX.

³ Монета этого типа опубликована: Lane-Pool St. Catalog of the Indian Coins in the British Museum. The Sultans of Delhi. London, 1884, p. 55.

⁴ Монета этого типа опубликована: Wight W. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta, vol. II. Oxford, 1907, p. 51, N 307.

⁵ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды т. I, СПб., 1884, с. 286.

⁶ Федоров-Давидов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. — НЭ, 1965, V, с. 209.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
 АЭТ — Археология и этнография Татарии
 АЭСЧИНИИЯЛ — Археолого-этнографический сборник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
 ВАУ — Вопросы археологии Урала
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВФУ — Вопросы финноугроведения
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ГЭКЗ — Государственный Эрмитаж, кавказские залы
 ДП — Древности Приднепровья
 ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ИГАИМК — Невестин Государственной академии истории материальной культуры
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
 ИНИИК — Ингушский научно-исследовательский институт краеведения
 ИОАИЭ — Известия общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 КАМ — Культура античного мира
 КБН — Корпус боспорских надписей
 КОКМ — Костромской областной краеведческий музей
 КОРГО — Кавказское отделение Русского географического общества
 КНМ — Кисловодский народный музей
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
 МАД — Материалы по археологии Дагестана
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МАЭ -- Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
 МарАЭ — Марийская археологическая экспедиция
 МИА — Материалы по археологии СССР
 Морд. НИИ — Мордовский научно-исследовательский институт

- МЭ — Материалы по этнографии
 НКМ — Нальчикский краеведческий музей
 НоКМ — Новосибирский краеведческий музей
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
 ОГУ — Одесский государственный университет
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПКМ — Пятигорский краеведческий музей
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 РИМ — Российский исторический музей
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников СССР
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СМЕЛА — А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки бл. местечка Смелы, т. I—III.
 ТИЭ — Труды Института этнографии Академии Наук СССР
- Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея
 Труды КФАН — Труды Казанского филиала Академии наук СССР
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 Учен. Зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
 ЦМТР — Центральный музей Татарской республики
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 ЭО — Этнографическое обозрение
 AJA — American Journal of Archaeology
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
 JGS — Journal of Glass Studies
 IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
 MAI — Mitteilungen des Archäologischen Instituts
 RK — Katalog der Ausstellung zum X Archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga, 1896

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Блаватский В. Д.</i> Черты военной демократии в дорийском обществе.....	5
<i>Онайко Н. А.</i> Золотая бляшка с изображением орлиноголовых грифонов из кургана «Орел».....	8
<i>Цветашева Г. А.</i> Обломок лепного сосуда с греческим граффити из Горгииппии.....	12
<i>Фролова Н. А.</i> О взаимоотношениях Рима, Боспора и Херсонеса в начале II в. н. э.....	14
<i>Сорокина Н. П.</i> Стекланный бокал с именем Ифигении из Пантикапея.....	17
<i>Гущина И. И.</i> Изображение женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма.....	25
<i>Кобылина М. М.</i> Разрушения гуннов в Фанагории.....	30
СКИФЫ, САРМАТЫ И ИХ СОСЕДИ	
<i>Мелюкова А. И.</i> Скифское каменное изваяние из с. Буторы.....	36
<i>Петренко В. Г.</i> Курган у местечка Круполь.....	42
<i>Пузикова А. И.</i> Городище у дер. Нартово под Курском.....	49
<i>Смирнов К. СД.</i> Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб.....	56
<i>Абрамова М. П.</i> К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья.....	64
<i>Мошкова М. Г.</i> Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону.....	71
<i>Скрипкин А. С.</i> Позднесарматский комплекс из Нижнего Поволжья.....	77
<i>Шелов Д. Б.</i> Волго-Донские степи в гуннское время.....	81
ЮГО-ЗАПАД ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ	
<i>Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф.</i> Памятники первых веков н. э. у с. Неполоковцы.....	89
<i>Сымонович Э. А.</i> Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре.....	94
<i>Седов В. В.</i> Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде Черняховской культуры.....	99
АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	
<i>Багаев М. Х., Козенкова В. И.</i> Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника (Чечено-Ингушетия).....	108
<i>Ковалевская В. Б.</i> Изображения коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа.....	111
<i>Марковин В. И.</i> О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе.....	120
	257

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>Бадер О. Н., Черников В. Ф.</i> Новые находки сейменского типа у с. Решное на Оке	130
<i>Членова Н. Л.</i> «Киммерийский» котел из Башкирии.....	133
<i>Смирнов К. А.</i> Находки с Корчевского городища из раскопок Ю. Г. Гендуне	136
<i>Краснов Ю. А., Краснов Н. А.</i> Погребальное сооружение на городище «дьякова типа».....	140
<i>Векслер А. Г.</i> Позднеландяковские находки на Жуковском селище под Москвой	153
<i>Розенфельдт И. Г.</i> Об одном типе позднеландяковских племенных украшений . . .	158
<i>Трубникова Н. В.</i> Височные кольца со щитком из Кошибеевского могильника и вопрос о взаимосвязях древних племен	165
<i>Старостин П. Н., Кузьминых С. В.</i> Погребение литейщицы из Пятого Рождественского могильника.....	168
<i>Архипов Г. А.</i> Захоронения с конем I тысячелетия н. э. в Марийском Поволжье	172
<i>Розенфельдт Р. Л.</i> Муромский могильник в с. Молотицы	180
<i>Фехнер М. В., Янина С. А.</i> Весы с арабской надписью из Тимерева.....	184
<i>Тухтина Н. В.</i> К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье.....	192
<i>Голубева Л. А.</i> Игольники восточноевропейского Севера X—XIV вв	199

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

<i>Халикова Е. А.</i> О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах	205
<i>Аксенова Н. Д.</i> К итогам археологических работ 1970—1972 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары	211
<i>Полякова Г. Ф.</i> Зеркала с драконами из Болгар.....	216
<i>Ловкое С. М.</i> Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии	219
<i>Хлебникова Т. А.</i> О третьем слое и поздней керамике городища Великие Болгары	223
<i>Петренко А. Г.</i> Фауна древнего города Болгара	228
<i>Каховский В. Ф.</i> Новые памятники болгарской культуры Чувашского Поволжья	235
<i>Полесских М. Р.</i> Находки на Юловском городище XI—XIII вв	242
<i>Мальм В. А.</i> Золотой браслет с персидской надписью	247
<i>Федоров-Давыдов Г. А.</i> Две заметки по золотоордынской нумизматике	249
Список сокращений	255

**ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства
Г. Н. Улунян
Художник
Л. С. Кассис
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
Л. В. Каскова
Корректор
Ю. А. Косорыгина

ИБ № 5273

Сдано в набор 07.09.78. Подписано
к печати 22.11.78. Т-18358.
Формат 70×90^{1/16}. Бумага № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 19,01. Уч.-изд. л. 22,9
Тираж 1950 экз. Тип. зак. 748.
Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12